

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Лев Гудков,
Борис Дубин

ЛИТЕРАТУРА

КАК

СОЦИАЛЬНЫЙ

ИНСТИТУТ

СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЕВ ГУДКОВ, БОРИС ДУБИН

**ЛИТЕРАТУРА
КАК
СОЦИАЛЬНЫЙ
ИНСТИТУТ**

Статьи по социологии литературы

Новое Литературное Обозрение

Москва 1994

Л.Д.Гудков, Б.В.Дубин

ЛИТЕРАТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Статьи по социологии литературы

В сборник вошли не публиковавшиеся прежде работы, представляющие проект социологии литературы как самостоятельной дисциплины. В книге изложены основы социологического понимания литературы и ее места в обществе, функции устного и письменного в трансляции культуры, значения литературных канонов и традиций для существования литературы как социального института, основные роли в системе бытования литературных текстов (писатель, критик, литературовед, издатель, книготорговец, читатель и их специфические трактовки литературы).

Особое внимание уделено таким формам социальных коммуникаций, как журнал, научная и беллетристическая книга. Описаны функциональные типы построения и восприятия литературных текстов массовой популярности (мелодрама, детектив, фантастика, роман-эпопея и др.).

ISSN 0869 - 6365

Компьютерная верстка Полетаев Ю.А.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Учет. - изд. л. 22. Заказ №7082

Типография №6 Военного издательства МО РФ

© Л.Д.Гудков, Б.В.Дубин , 1994

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	5
ЛИТЕРАТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ	12
СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЦЫ <i>(о возможности социологической интерпретации литературы и массового чтения)</i>	99
ПИСЬМЕННОЕ И АУДИОВИЗУАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРЕ	152
МИРЫ ЛИТЕРАТУРЫ <i>(о возможности эмпирического изучения)</i>	167
ТИПОЛОГИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА	186
ОБРАЗ КНИГИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ АДРЕСАЦИЯ <i>(опыт социологического описания)</i>	195
ПАРАЛИЧ ГОСУДАРСТВЕННОГО КНИГОИЗДАНИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА	259
ЖУРНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	288

ОТ АВТОРОВ

Статьи, собранные в этой книге, представляют собой части общего проекта социологии литературы как самостоятельной научной дисциплины, который авторы вместе с несколькими коллегами (Н.А.Зоркой, А.И.Рейтблатом и - ныне покойным - С.С.Шведовым) намечали в конце 70-х - первой половине 80-х годов. Ни один из этих текстов опубликован не был (единственное исключение - статья "Литературные образцы и социальные процессы", вышедшая в 1990 г. в сборнике "Массовый успех" тиражом 100 экземпляров); для нынешнего издания тексты не редактировались, сохранив стилистику тех лет.

Надо признать, что в социальных науках на Западе социология литературы не относится к тем областям исследований, которые отмечены оригинальными теоретическими идеями, крупными и авторитетными концептуальными разработками. При всем профессионализме, средний уровень которого остается для наших ученых трудно достижимым, это, скорее, сравнительно узкая по тематике периферия научной работы, переживавшая известное оживление лишь дважды - в переходных (в том числе - для самой социологии) ситуациях 30-х и 60-х гг. При развитой, дифференцированной системе организации научных исследований значительную часть литературных разработок принимали на себя те области знания, которые методически отличались от рутинного литературоведения той или иной особенностью, своей точкой зрения на материал. Это и позволяло отдельным исследователям ограничиваться чисто предметными проблемами, не слишком озадачивая себя соображениями теоретического и тем более - парадигмального плана.

Сложившийся спектр дисциплинарных направлений - истории культуры (причем разнообразных методологических школ - от феноменологии или структурализма до социальной либо экономической истории, психоистории, истории публики или рецепции), антропологии, символического интеракционизма, семиотики и др., - легко позволял тому или иному ученому идентифицироваться в рамках предметного знания. В этом научном ансамбле для социолога имелась своя доля, на которой он мог, используя опыт и результаты других "наук о духе", прояснять особенности ролевой структуры литературной профессии, социального функционирования и бытования литературы или ее воздействия на общество (акцент делался в первую очередь на экспрессивно-символических потенциях и социализационных аспектах литературы как системы). Особой нужды для продумывания общедисциплинарных проблем социологии литературы не было.

Вопросы общетеоретического характера, проблемы социологии как науки решались на другом предметном материале - вокруг вопросов господства, социальной морфологии, стратификации, институциональной организации общества, трансформации социальных структур и проч. В самом широком смысле речь шла о крупномасштабном процессе перехода традиционных общественных систем к современному гражданскому обществу. Здесь и конкурировали различные концептуальные подходы, боролись и сменялись главные школы, отрабатывались ключевые идеи основоположников дисциплины, кристаллизовались ее традиции, образовывалась собственная история. Идеи и достижения социологии литературы в нее, в общем, не входили.

Кроме того, для более тонкой аналитической работы, связанной с изучением социально-культурных процессов, специфики и динамики значений самих символических систем и семантических образований, то есть для социологии культуры в строгом смысле слова, вплоть до 70-х гг. не было необходимого инструментария концептуального или теоретического толка (отдельные идеи социологии знания, социологии идеологии, феноменологической школы до этого времени подхвачены и развиты не были). Но еще и сейчас разработки в этом направлении - дело, скорее, завтрашнего дня, когда будет можно сказать, что тектонические изменения социальных структур в странах Запада, придавшие столь драматический характер истории XIX-XX вв., закончились или замедлились и социологу (если, конечно, у общества еще останется порох для собственно социологических занятий и штудий) пора за-

ниматься "повседневностью" и ее структурами, а стало быть - и культурой как таковой. Соответственно, это потребует иных аналитических средств - разработки нового набора представлений о типах сложного социального действия (закрытого, смыслопорождающего, игрового и т.п.), которые существуют пока лишь в виде некоторых концептуальных идей и наметок, а не предметных описаний.

В нашей же стране само слово "социология литературы" имеет крайне дурную репутацию, причем социология как таковая не может нести за это какую бы то ни было ответственность. Подобный казус не просто явное недоразумение, характерное для литературоведов, никогда не отрывающихся от своей тематической, точнее, персонажной грядки, - оно задано общим идеологическим контекстом первой трети столетия. Имя социологов в начале века, а потом в 30-х годах присвоили себя отчужденные марксисты - представители распространенного вульгарного экономического детерминизма, использовавшие его в ходе чисто идеологических разборок. "Классовый подход в литературе" стал средством выбивания из критики и преподавания представителей старого литературоведческого эклектизма, то есть основанием для кадровых чисток в академических структурах, редакциях журналов и др. К собственно науке, то есть технике сбора и интерпретации материала, это имело самое отдаленное отношение, тем более, что и тогдашнее, и нынешнее литературоведение, как профессионально-академическое, так и расхоже-газетное, базируется на неявных, но столь же грубых и нерелексивных представлениях о человеческой природе, что и экономический детерминизм, и по-прежнему, то полубессознательно, а то лукавая или кокетничая, защищает невинность этой аксиоматики.

Поэтому сама задача создания или восстановления социологии литературы в наших условиях может на первый взгляд показаться странной. Подобный проект, родившийся в здешних социальных и культурных координатах, в специфической атмосфере безвременья конца 70-х (кроме всего прочего, дававшей, при некотором желании, известные возможности для самостоятельной работы, знакомства с иностранной литературой), соединял в себе несколько вещей, притягивавших внимание авторов.

Первый и самый общий интерес - характер социального изменения, его человеческие или культурные потенции, особенности социальной динамики в нашей стране. В концептуальном плане исследования такого рода могли бы укладываться в рамки теории модернизации, или - по соображениям чисто

прагматическим (слово "модернизация" было табуированным) - теории урбанизации, а конкретно - быть приложением к теоретическим разработкам Ю.А.Левады и его соавторов, недавно переизданным*. И по стечению обстоятельств, и по соображениям повышенной идеологической значимости литературы в России материалом для нашей работы послужили данные исследований чтения. Характер массового читательского спроса, при всех его тогдашних бюрократических деформациях, в соответствующих рамках рассмотрения давал определенные возможности судить о социально-культурных процессах в стране, динамике ценностей и интересов разных групп. Это был косвенный, но немаловажный источник, поскольку соответствующие социологические, статистические, социально-психологические исследования, надо сказать, практически отсутствовали или были "закрыты".

Реализация этой задачи потребовала понимания литературных фактов как фактов культуры, опосредующих взаимодействие между различными по статусу и роли социальными агентами. А это заставило отказаться от чисто литературоведческого (оценочного, "эстетического") подхода к литературным явлениям - выйти за пределы "высокой" литературы в область неконвенционального - популярного, тривиального, рыночного, формульного, китчевого и т.п. словесного искусства, с одной стороны, и осознать сложность семантического состава культурного, т.е. образно-символического материала, с другой. Помочь в работе с символическими структурами позволили подходы таких дисциплин, как герменевтика, рецептивная эстетика, культурология, культурантропология, экономика символического обмена, семиотика, социальная история, "история повседневности" и др. Наиболее трудную часть работы составляла переинтерпретация опыта этих дисциплин в языке собственно социологического описания и анализа, то есть интеграция их результатов в социологию.

Однако, чисто "переводческой" деятельностью при этом ограничиться было нельзя, поскольку одновременно возникали проблемы теоретического порядка, уже в рамках собственно социологии - каково внутреннее устройство литературы как института, каков состав и набор основных ролей, групп, каким образом происходит их упорядочение и взаимосвязь и т.п. Релятивизация идеологических воззрений на литературу, парализовавшая сегодняшнее полуживое литературоведение, потребовала обращения к опыту социальной истории, во-первых, самих представлений о литературе и ее канонах, стандар-

* Левада Ю.А. Статьи по социологии. М., 1993

тах интерпретации и интеграции (авторитеты, клише, догмы, например, классики или писательской роли гения и др.), а во-вторых, к истории формирования современных литературных образований (подписка, гонорар, салон, журнал и его рецензионно-критическая деятельность, библиотека, литературная социализация - типы школы, учебники по литературе, языку, истории), равно как и к истории самих идей литературы и письменной словесности. В свою очередь, углубление в эту проблематику заставило резко расширить диапазон представлений об устройстве литературной системы и определяющих ее процессах, о движении литературных форм и многое другое.

Первым итогом этой работы стало появление своего рода эскиза или проблемной карты дисциплины, представленной в виде аннотированного библиографического указателя*. Так как в то время нельзя было и думать об издании систематического курса по социологии литературы (хотя уже очень хотелось), то нам пришлось каждую теоретическую или тематическую проблему представить в виде совокупности как бы уже существующих работ, проведенных исследователями самого разного плана, не обязательно социологами (позже пришлось оформлять это в виде рефератов зарубежных книг и статей). Так или иначе проблемное поле дисциплины было в этом указателе представлено с максимально возможной для нас на тот момент (конец 1980 г.) полнотой. Не зависящие от авторов обстоятельства вынудили пожертвовать ради проходимости всего целого примерно третью собранного материала, а также обзорным очерком, игравшим роль введения (этим очерком 1981 г. теперь открывается сборник).

В дальнейшем нам приходилось все в большей степени сосредотачиваться на выработке концептуальной системы социологии литературы, оставляя собственно содержательные анализы чтения на втором плане (работая в секторе книги и чтения ГБЛ, тогдашнем центре библиотковедческих исследований массового чтения, а позднее - в Институте книги при Всесоюзной книжной палате, мы могли судить об устойчивости и организованности социальной системы литературы, поскольку стандарты массового вкуса, вопреки тому, что утверждалось интеллигентской литературной критикой и бюрокра-

* Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Рейтблат А.И. Книга, чтение, библиотека: Зарубежные исследования по социологии литературы: Аннотированный библиографический указатель за 1940-1980 гг. М., 1982; работа продолжена А.И.Рейтблатом, см.: Книга, чтение, библиотека: Советские исследования по социологии чтения, литературы и библиотечного дела, 1965-1985. М., 1987 (в соавторстве с Т.М.Фроловой).

тией от культуры, единых в своем намерении "руководить чтением народа", не были случайными или "неразвитыми", а представляли собой функциональный ответ на различного рода напряжения или потребности модернизирующегося общества). Отсылаем заинтересованных читателей к работам, написанными нами или нашими коллегами, вместе с которыми мы пытались закрыть "белые пятна" на размеченной карте социологии литературы*.

Как правило, все идеи или соображения и написанные, но не публиковавшиеся статьи докладывались и обсуждались в кругу коллег и друзей - на семинаре Ю.А.Левады и на внутреннем семинаре в секторе социологии чтения ГБЛ (СКИЧ). Нашими постоянными партнерами и оппонентами, которым мы искренне рады и неизменно признательны, были А.Г.Левинсон и М. О.Чудакова. Важнейшая возможность вынести на обсуждение некоторые идеи и даже опубликовать ряд разработок открылась в рамках организованных М.О. Чудаковой в 1982 г. Тыняновских чтений и сборников на их основе. В ходе этих встреч, обдумывании их опыта и итогов возникла тема истории и функций литературно-образованного слоя (интеллектуалов, а точнее - "интеллигенции") в российском обществе, в процессах его модернизации.

Вся работа над проектом вряд ли была бы возможна без поддержки руководившей сектором книги и чтения ГБЛ В.Д. Стельмах, ее административного "прикрытия" нашей группы в 1978-1984 гг. и помощи в издании уже упоминавшихся библиографии и реферативного сборника по социологии литературы.

Важной для нас была внутренне полемизирующая с проектом работа А.Г.Левинсона, посвященная макулатурной серии

* Б.В.Дубин, Н.А.Зоркая. Идеи классики и ее социальные функции. - В кн.: Проблемы социологии литературы за рубежом, М., 1983; Гудков Л.Д. Трансформация ценностных оснований исследования в процессе формирования научной дисциплины: пример социологии литературы. // Дисциплинарность и взаимодействие наук. - М., 1986; Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Библиотека как социальный институт. - В кн.: Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры. М., 1988; Гудков Л.Д., Дубин Б.В. К понятию литературной культуры. - В кн.: Литературная культура и литературный процесс. Таллинн, 1988; Дубин Б.В., Рейтблат А.И. О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820-1978 гг.). - В кн.: Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990; Дубин Б.В. Книга и дом (к социологии книгособирательства) - В кн.: Что мы читаем? Какие мы? СПб, 1993; Зоркая Н.А. В поисках теории. - Книга в социалистическом обществе. Вып. 2. Таллин, 1985; Дубин Б.В., Шведов С.С. Пути книги и заботы собирателей // В мире книг. - 1986, №5; Шведов С.С. Книжки, которые мы выбирали. - В кн.: Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991; Он же. Уроки букваря. / Знание-сила, 1991, №11.

книг*. Богатейший, дающий опору для социологического воображения эмпирический материал собран в работах А.И. Рейтблата по историческому бытованию массовой литературы и профессионализации литературного труда**. Отдельным направлением, также, кстати сказать, не подхваченным позднее литературной наукой, была попытка внести дух и опыт констанцской школы рецептивной эстетики, проанализированные Н. А.Зоркой в ходе ее работы над диссертацией***.

Изменение общественной ситуации с 1987 г. заставило нас вместе с коллегами переключиться на иные проблемы, исследуемые уже в иной технике и другими средствами. Такие тематические области, как анализ ценностей через массовые литературные предпочтения, динамика читательского контингента журналов и газет, распределение символических капиталов в обществе, роль интеллигенции и т. п. с 1988 года стало можно изучать напрямую, в том числе и посредством массовых опросов, проводимых Всесоюзным (теперь - Всероссийским) центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

В ее подготовке принимал участие Ю.А.Полетаев, которому мы искренне признательны.

9 февраля 1994 г.

* Левинсон А.Г. Макулатура и книги. - В кн.: Чтение: Проблемы и разработки. М., 1985.

** Рейтлат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.

*** Зоркая Н.А. Предполагаемый читатель, структуры текста и восприятия. - В кн.: Чтение: Проблемы и разработки; Она же. Рецептивная эстетика в ФРГ. - В кн.: История эстетической мысли. Т.5., М., 1992.

ЛИТЕРАТУРА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ проблемы социологии литературы

Задачи настоящей работы - дать общее и систематическое представление о литературе как социокультурной системе, условиях ее возникновения, ее структуре, элементах и особенностях функционирования. Необходимость подобного построения вызвана потребностями в разработке концептуального аппарата, позволяющего, во-первых, вести теоретико-методологический и социологический анализ проблематики многообразных и часто альтернативных дисциплинарных парадигм современной социологии литературы, а во-вторых, предназначенного - при дальнейшей предполагаемой спецификации - для исследования социальных и культурных процессов, обуславливающих особенности развития литературы в России (прежде всего - модернизации). Решение первой из этих задач предопределяет пропедевтический характер данного очерка и объясняет своеобразие материала, используемого для изложения, - он представляет собой аналитическую экстракцию работ современных зарубежных социологов литературы.* Моделирование проблемной области ведется на западно-европейской литературе, что создает возможности для применения излагаемой модели в качестве теоретического фона или основания сопоставлений в будущих социологических исследованиях русской литературы. (Подобный методический ход оправдан разворачиванием модернизационных процессов в России).

Литература определяется в данном случае как социальный институт, основное функциональное значение которого полагается нами в поддержании культурной идентичности общества (соответственно, в фиксации функционально специализированных форм и механизмов личностной, а тем самым и социальной идентичности). Однако такое понимание значимо лишь в рамках общесфункциональных представлений об обще-

* Построение подобной модели было реализовано в рубрикаторе и аннотациях указателя "Книга, чтение, библиотека: Зарубежные исследования по социологии литературы. 1940-1980". - М., 1982. - 402с.

стве, характерных для построения парадигматической рамки исследований. В ходе же конкретных эмпирических разработок социологу приходится связывать функциональные значения литературы (совокупность литературных образцов) с социокультурными особенностями различных групп, для которых значима литература, их символическими определениями реальности, обуславливающими тематизируемые в литературе значения, способы и технику их тематизации и т.п. Иными словами, социолог квалифицирует различные типы "литературы" через отнесение их к структуре ценностно-нормативной системы социальных групп, действующих в определенных ситуациях. Тем самым открывается возможность разворачивания проблематики социологии литературы в аналитических перспективах соответствующих структурных образований социальной системы литературы (писатель, критик, литературовед, публика, школа, библиотека и др.). Систематическая работа во всех этих направлениях образовала бы историческую социологию литературы. В данном же случае, по вполне понятным причинам, намечаются лишь некоторые подходы.

Выдвигаемая здесь концепция предполагает понимание исторического характера института литературы, поскольку подобные функции и соответственная их интерпретация значимы лишь в определенных временных рамках и связаны со специфическими характеристиками социальной и культурной дифференциации общества, обуславливающей как необходимость и эффективность подобного социального образования, так и релевантность принятого нами социологического объяснения.

Формирование письменной культуры означает фиксацию и кодификацию прежде всего центральных (или "ядерных") культурных значений и в этом смысле индексирует для исследователя образование функциональных, символических "центров" социокультурной системы.* В дальнейшем это "частич-

* Долгий В.М., Левада Ю.А., Левинсон А.Г. К проблеме изменения социального пространства - времени. - В кн.: Урбанизация и развитие новых районов. М., 1976, с. 28-34. См. также: Shils E. Center and periphery. - In: Shils E. Selected papers. V. 2. Chicago; London. 1971, p. 3-16; Eisenstadt S.N. Symbolic structures and societal analysis. - Ethnos, 1975, vol. 40, №1 /4, p. 428-446.

В социологии литературы это образует комплекс задач, связанных с изучением пространственных и временных разметок социокультурной системы литературы в ее динамике (поколенческие наборы агентов литературной системы, символические значения "столицы" и "окраины" в самоопределении литературных групп и процессах их циркуляции, конкуренция литературных центров, динамика передвижения и смены литературных образцов, стандартов вкуса и т.п.).

ное образование", исторически значимое лишь наряду с другими типами культурной записи, принимает на себя функции репрезентации наиболее важных, фундаментальных, а в потенции и "всех" представлений об обществе, мире и человеке, выступая субститутом культуры в целом. Литература же, как об этом свидетельствует и сама семантика понятия (акцентирующая алфавитно-письменную закреплённость текста), в условиях интенсивного социального изменения, дифференциации статусно-ролевой структуры общества и определяющих ее символических конфигураций выделяется как едва ли не единственное средство тематизации и трансляции неспециализированных ("общечеловеческих") значений и образцов действия, чувствования, отношения к различным символическим объектам. Более того, претензии литературы в секуляризирующемся обществе становятся все более универсальными по мере того, как она кладется в основу воспитания, вводится в качестве основного предмета в систему "классического" образования, а позднее - в общеобразовательную школу, т.е. в значительной степени предстает синонимом "культуры" как таковой.

Поэтому главной целью настоящей работы является фиксация общей рамки сравнительно-исторического изучения социологии литературы как части социологии культуры. Это значит, что пределом социологической работы будет выявление, описание и объяснение различных систем культурных значений, форм их записи (смысловых взаимосвязей, их аналитических конструкций) и трансформации тех или иных культурных регулятивных механизмов, т.е. ценностно-нормативных образований и конфигураций.

Принятие подобной посылки делает оправданным в теоретическом плане совмещение или сопоставление исследователем социальных, культурных, когнитивных и литературных значений (равно как и их изменений).

Если ограничиваться только уровнем текста (поскольку именно его культурная ценность оказывается конститутивной для всей социокультурной системы литературы, хотя можно было бы взять и любые другие ее уровни), то подобное единство обнаруживается исследователем в экспликации пространственно-временной системы координат повествования, конструкциях причинности, типах мотивации героев, критериях фактичности описания, стандартах его достоверности как общекультурных принципов организации смыслового материала, представленного в различных формах социального взаимодействия. В этом аспекте общность литературы и различ-

ных сфер культуры, науки и др. может быть прослежена либо при сближении самих ценностных образцов, проблематизированных в литературе, философии, социальных науках, теологии и т.п.⁹, либо в сопоставлении способов их репрезентации и упорядочения.¹⁰

Причем отдельные парадигмы современной общей социологии и социологии знания (символический интеракционизм, феноменологическая социология, этнометодология и др.) становятся особенно чутки к обнаружению такого рода "литературных", риторических конструкций в процессах конституирования и упорядочения реальности наукой, в обыденном поведении, равно как и в любых ситуациях установления порядка и согласования определений действительности. Таким образом, если исследователь, ориентированный прежде всего на анализ тематизируемых литературой и другими культурными сферами значений, интерпретировал литературу как "социологию", то социологи, сосредоточенные преимущественно на самих процессах порождения и поддержания согласованных культурных значений, интерпретируют теперь уже социологию (и науку в целом) как "литературу"¹¹. Подобные исследования, ведущиеся наряду с различными школами понимающей социологии культурологами, герменевтиками, выявляют изъятые из иных контекстов общекультурные или специализированные компоненты в образно-символических средствах литературы. Тем самым, обнажается общность культурных форм - норм языка и мышления, воспроизводимых в риторике и тропях литературной техники, в обыденном сознании, в методическом аппарате и "объективных" построе-

⁹ Это, собственно, и предполагается, когда сопоставляют (скажем, в контент-аналитических исследованиях ценностей, тематизируемых журнальной беллетристикой, бестселлерами, литературой какой-либо группы или направления) констелляции значений, выносимых на обсуждение литературой, с аналогичной проблематикой, трактуемой прессой, социологией, политологией или другими областями знания. Та же общность литературного значения с внелитературными контекстами культуры демонстрируется и при рассмотрении социальной проблематики "в зеркале" литературы и при других трактовках беллетристики в качестве "материала" или "иллюстрации" (скажем, в учебных курсах по истории или социологии).

¹⁰ В этом случае в компонентах символических определений литературной ситуации, в способах организации внутритекстовой реальности исследователем усматривается их обусловленность внелитературными доминантными системами культурных значений. Ср. зафиксированное влияние естественных и социальных наук на поэтику реализма или натурализма, формы романа и т.п.: Berger M. *Real and imagined worlds: The novel and social sciences.* - Cambridge (Mass.), 1977. - VIII, 303 p.

¹¹ Nisbet R. *Sociology as an art form.* - L., 1976. - 145 p.

ниях науки: метафора, ирония, абсурд, повтор, клише и т.п.* Это позволяет сопоставлять те или иные литературные конструкции с аналогичными методиками установления или фиксации структуры взаимодействия, например, в социальных науках (различные типы наблюдения, документирование, психо- и социодрама и т.д.).**

Сформулированный подход дает принципиальную возможность социологической интерпретации акта чтения (т.е. воспроизведения смысловой структуры текста) как специфической формы социального взаимодействия. Концептуальная схематизация последнего должна включать определение ситуации взаимодействия, конституирующих ее элементов, характера и структуры этих компонентов, а также условий их генезиса. Предложенный подход - рассмотрение социологии литературы как части социологии культуры - должен реализоваться не только в демонстрации исторического характера социальной системы литературы, но и историчности литературной культуры и ее компонентов. Это относится к ключевым понятиям, описывающим функционирование данного социокультурного института, и прежде всего - к самому понятию "литература".

К истории понятия "литература"

Наследуемая, переосмысляемая и развиваемая европейской традицией Нового времени семантика латинского (калькирующего греческое) понятия включала такие значения, как "письменность" (Цицерон), "грамматика, филология" (Квинтилиан), "алфавит" (Тацит), "образованность, эрудиция, наука" (Тертуллиан).*** Иными словами, на ранних стадиях, вплоть до XVIII в., понятие "литературы" не содержало явного признака "эстетического", "художественного" или "ис-

* Brown R. H. A poetic for sociology: Toward a logic of discovery for the human sciences. - L., 1977. - X., 302 p.

** Borenstein A. Redeeming the sin: Social science and literature. - N. Y., 1978. - XXV, 269 p.

*** Escarpit R. La définition du terme "littérature". - In: Le littéraire et le social, P., 1970, p. 259-272. Эволюцию семантики понятия в русской культуре, где оно появляется в письменном языке с 20-х гг. XVIII в., см. в кн.: Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, с. 161-162. Начиная с этого времени фиксируются и другие ключевые понятия литературной культуры: роман (в форме "романц" - 1720), поэзия (1724), критика (1726), проза (1727), классический (1737), драма (1738) и др. (цит., соч., по указателю).

кусственного". Доминирующими в представлениях о литературе были коммуникативные, а не содержательные элементы, т.е. то общее, что было у литературы (беллетристики) с другими типами письменной культуры - риторикой, философией, историей, дидактическими рассуждениями, эссенстикой, "наукой" и т.п. (Оттенки этого значения еще сохраняются в сравнительно позднем словосочетании - "литература и искусство"). Определение через функцию - характер коммуникации - означало, что единство содержательных моментов само собой подразумевается, что оно так или иначе "известно". Другими словами, недифференцированный еще состав "литературы" содержал, в общем, объем того, что охватывалось "культурой", а коммуникативным адресатом, соответственно, оказывалась группа носителей "культуры". Даже выделившись из всего массива литературной культуры, "художественная литература" по-прежнему сохраняет эти свои значения репрезентанта "всей" и "целой" "культуры" с ее мировоззренческим и жизнеустроительским смыслом, пока не начинает утрачивать его, обнаруживая это как пустую претензию, в авангардистской и элитарной литературе.

Для всего периода идеологической значимости "культуры" можно показать устойчивую связь литераторов и центров культуры (и, соответственно, взаимодействие литературных и различных других типов элит и их традиций).^{*} С другой стороны, нетрудно на историческом материале проследить взаимопроникновение идей "литературы" и "образования" (и связь формирующейся литературной системы с университетами). Так, например, в Германии в оппозиции к университетам старого типа в Виттенберге, Лейпциге и др., сохранявшим консервативные ориентации на схоластические образцы интеллектуальной и преподавательской деятельности, на рубеже XVII - XVIII вв. возникли университеты в Галле и Геттингене, строившиеся на идеях "новогуманистического" образования и "практического благочестия". Это предполагало введение в систему обучения совокупности классических текстов в качестве материалов для эстетического и исторического образования. Античное наследие понималось как форма, по которой отлаживалась национальная культура (принципы "соревнования" с древними у Лессинга и Гердера против винкельмановской идеи "подражания"). Причем, в качестве эта-

^{*} Shils E. Metropolis and province in the intellectual community. - In: Shils E. Selected papers. V. 1. Chicago; London, 1974, p. 355-371; Clark P. Literary culture in France and the United States. - Amer. J. of sociology, Chicago, 1979, vol. 84, N 5, p. 1057-1077.

лона мыслились греческие образцы культурного единства пол-исов, а не римская и возрожденческая государственность с их политической и военной мощью (как во Франции, с характерной в этом смысле близостью централизованной власти и классической словесности). Идеальный мир философии и литературы, науки и искусства мог возникнуть для слабой в политическом отношении Германии не в результате цивилизаторской деятельности светской власти (как во Франции, где император и его двор выступали покровителями просвещения и изящных искусств), а через *индивидуальное* образование и воспитание, практическое осуществление и воплощение которых приняли на себя университеты нового типа. Девизом этих новых педагогических идей стало унаследованное от Гете и Шиллера и воспринятое В. фон Гумбольдтом в его реформе берлинского университета "образуй себя по-гречески". Принципы "калокагатии", провозглашенные литературой и университетами как идеал человеческого воспитания и образования, основывались не на старой элоквенции, а на индивидуальном, свободном, природном (естественном в этом смысле) выражении человеческой души и тем самым - национального духа. Этот переход обусловил и введение в программу обучения - в развитие гердеровских идей - родного языка, с одной стороны, а с другой - противопоставление подражательности французского классицизма национальной литературе как предмету заботы, внимания и занятий образованного человека.

Более трудной, но зато и более плодотворной задачей было бы показать взаимосвязь кажущихся техническими и второстепенными моментами характеристик коммуникативного посредника (универсализм письма, печати и чтения) с определениями реальности и их смысловыми детерминациями, обусловленными идеологией "культуры", и, далее, со всей совокупностью конвенциональных средств эстетической экспрессии (организацией времени, передачей пространственных форм, причинности, историчности, объективизма и т.п., определяющих в конечном счете жанровые и стилистические особенности поэтики текста и характер его субъективного смыслового воспроизведения в акте *чтения*, а не слушания или зрения).

Существенную семантическую дифференциацию и специализацию значений понятие "литература" претерпевает в XVIII в., получая у Вольтера смысл 1) сообщества "истинных" писателей, мир образованных и "достойных" и 2) письменной культуры, определяющей членство и поведение в этой "закры-

той" группе избранных. "Литературе" в этих значениях противопоставлялась "публика". Тем самым очерчивались границы сообщества, причем понятие "литературы" выступало символом коллективной идентичности группы, указывающей в семантике понятия на основание собственной авторитетности.

До оформления развитой структуры науки и ее специализированной интеллектуальной традиции "литература" приравнивается к "искусству интеллектуального выражения", технике интеллектуального производства, что делает "литературу", "искусство" и "науку" синонимами. Однако эти возможности нейтрализации компонентов групповой оценки в структуре значений "литературы" блокируются в ходе указанного процесса и его дальнейшего разворачивания. Содержательные значения понятия универсализируются, но повышенная значимость "литературы" сохраняется и переносится с группы высокостатусных носителей литературного авторитета на совокупность производимых (или оцениваемых) ими же текстов. Тем самым генерализация по-прежнему не выводит семантику понятия за пределы группы легитимных репрезентантов литературной культуры, но наделяет "литературу" теперь уже автономно-эстетическими ценностными значениями 1) искусства (правил) создания произведений "на века" и 2) самого корпуса подобных текстов.

Таким образом, в содержание понятия включены теперь два значения - эмпирическая совокупность произведений и универсализация их значимости (оценка), предполагающая сохранение действия ценности за пределами собственно настоящего момента. Это расщепление семантики можно интерпретировать как переход от социального, нормативного определения литературы к культурному, высвобождающий литературу теперь уже в качестве ценности (характерен и критерий оценки с точки зрения "будущего"). Выработанное двойное определение "литературы" (дуализм содержательных и формальных характеристик) сохраняется и впоследствии. Это позволяет удерживать в семантике понятия, в традициях его интерпретации и употребления и в самой его метафорической конструкции "аристократические", "высокие", ограничительные коннотаты. Последнее можно наблюдать даже в периоды сравнительной нейтрализации ценностных компонентов понятия, используемого в значении совокупности любых неспециализированных письменных текстов. В таких случаях аффективно-символические коннотаты принимает на себя "поэзия", "лирика", утрачивающая определенность литературного "рода" и обращающаяся в качестве предиката "вымышленного", "условного", "художественного".

Процесс сравнительной релятивизации нормативных значений "литературы" позднее стимулируется просвещенческим и романтическим универсализмом (с их идеями "общей", "мировой", "всемирной литературы"), укреплением позиций исторической школы в гуманитарных дисциплинах, а позднее - позитивизмом с его "отказом" от априорных оценочных квалификаций. Как момент синтеза этих разнообразных культурных интенций и возникают с середины XIX в., как правило, описательные труды по "народной", "тривиальной" и т.п. литературе (с характерной двузначностью подобных квалификаций). В дальнейшем аскриптивные компоненты конституирования литературного материала систематически эрозируются в теории и практике литературного авангарда и "порожденной" им "массовой культуры", создавая перманентные ситуации "кризиса литературы" (либо таких ее полярных по отношению друг к другу эквивалентов, как "роман" и "поэзия").

С приобретением литературой статуса культурной ценности у понятия, помимо основной и нормативно закрепленной семантики, возникает ореол переносных значений. Здесь стоит указать на употребление "литературы" в качестве метонимического обозначения совокупности (или области) "вторичного" знания о литературе (заглавия учебников, словарей, библиографий, названия школьных и академических курсов и т.п.). Наряду с подобной инструментализацией семантики наблюдаются и противоположные процессы наделения термина подчеркнуто аффективными значениями, фиксирующими отношение к литературе или ее субститутам как, например, к символам отрицательной ценности (ср. верленовское "все прочее - литература" в противоположность поэзии или, напротив, разговорное "ну, это лирика").

Для дальнейшей разработки данного круга проблем небезынтересно отметить некоторые исторические конstellации, характеризующие этапы семантических трансформаций "литературы". Так, можно поставить в связь процессы приобретения литературой и утраты наукой неспециализированных значений "культурного" как "искусного", "интеллектуального" (ср. фактическую синонимичность "литературы", "искусства" и "науки" по крайней мере до XVII века, а в отдельных культурных регионах и позднее). Кроме того, есть основания усмотреть соответствие между процессом становления в рамках автономизирующейся литературной системы представлений о литературе как выражении "реальности" в т.ч. социаль-

ной* и, соответственно, выработкой "реалистических" конвенций репрезентации, с одной стороны, и выдвиганием литературы в качестве объекта специализированного (в том числе - социологического) знания, с другой.

Таким образом, начало существования литературы в ее "современных" развитых формах относится к XVIII в. Эрозия и последующий распад сословного общества, усиление (первоначально экономическое, а к концу века и политическое) городского сословия сопровождается разрушением жесткого традиционализма механизмов социальной регуляции, дифференциацией и интенсивным формированием социальных и культурных институтов, принимающих на себя функцию восполнения или замены утративших, или утрачивающих, свою силу регулятивных систем. Другими словами, на смену традиционализму с его неизменными типами закрепленных жизненных укладов приходят нормативные и ценностные системы поведенческой (в самом широком смысле) регуляции. Идеальный состав этих новых систем значений охватывается и определяется специфическим понятием "культуры". В отличие от иерархического семантического космоса средневековья, в идею "культуры" как идеала и задачи вошло представление о практическом и теоретическом формировании жизни, подчинении действительности "культурной личностью". Овладение и господство, управление как внешними, так и внутренними природными силами человека, установление разумной власти над стихией естественности (все равно, какого рода) тесно связаны с интенсивными процессами секуляризации, утратой единых критериев и оснований ориентации личности в мире, потерей религиозных санкций Разума, а, соответственно, в системах рационалистических метафизик Просвещения - с утратой монизма, нормативной гомогенности мира, определявшегося авторитетом Высшего существа.

Парадоксальная ситуация, отмечающая констелляцию возникновения культуры, заключается в том, что продукты человеческой деятельности стали собственной критической инстанцией, т.е. единственной легитимной основой оценки.

* Ключевой для современной литературной культуры термин "реализм", анализ семантических трансформаций которого приходится оставить за рамками данной работы, первоначально зафиксирован во Франции в 1835 г. и характеризовал живопись Рембрандта как "реализм в изображении человека" против "поэтической идеализации".

Без сомнения, это явилось следствием того, что значения традиционного микропорядка, определявшего всю систему поведенческих регуляций, подверглись резкой и интенсивной универсализации. Другими словами, прежние предписания определенного типа социального поведения и, соответственно, чувствования, мышления, желания и т.п. (аристократического, благородного, надлежащего) после существенной трансформации и интерпретации мыслителями городского сословия (новой и неродовой аристократии и др.) стали "высокими" образцами "человеческой природы", "естественными", "всеобщими" нормами Разума и нравственности. Утрачивая свой социальный аскриптивный характер, они превращались в совокупность идеальных требований и проекций, представлений о "культивировании" человеческого рода, воспитании и образовании в соответствии с нормами и принципами душевного и духовного благородства и разумности.

Изменение типа регуляции выразилось в замене аскриптивного предписания (содержания традиции) либо обобщенным нормативным, либо ценностным образцом действия, не связанным, по крайней мере, формально, с определенным типом его социального носителя. Предпосылкой этого (или, точнее, формой экспликация данного поведенческого механизма системы культурной регуляции) стал "высокий" ценностный ранг подобного культурного образца. Содержательно универсализация образца сопровождалась низкой оценкой социальной реальности настоящего, не соответствующего идеальным требованиям и предписаниям. В условиях общества, только что выходящего из мира традиции, с его репродуктивной в отношении прошлого "культурой", пиететом и благоговением в отношении авторитета стародавнего, издавна сущего, "культурные" значения приписывались прежде всего персонажам, героям и событиям высокого предания, "исторического" прошлого.

"Культурой" (в идеальном смысле) становилось содержание "исторического" фонда традиций, утративших свою силу непосредственного упорядочения социального бытия, ставших "историей", "естественной историей". Структуры прежнего социального взаимодействия превращаются в смысловые и символические структуры культурных значений, в общие, обобщенные образцы действия - представления, идеи, ценности и т.п., - получающие с функциональной точки зрения значительный регулятивный (по отношению непосредственно к поведению или к необходимости согласования и гармонизации других систем значений) потенциал. При этом культура

и связанная с ней идея образования (формирования по образцу, по подобию), а позже и воспитания, т.е. культивирования человеческой породы или природы, "облагораживания" и рафинирования (у просветителей, в особенности) человеческих способностей и сил, основывались на уже длительное время существовавших механизмах письменности, "письменной культуры".* Последняя содержала в себе многие из сложившихся форм и значений как социального, так и специфического семантического и экспрессивно-технического, т.е. образно-символического рода, на которых несколько позже будет основываться функционирование литературы. Если средством облагораживания и утончения Разума стало (конец XVIII в.) образование посредством передачи и усвоения всего систематизированного и упорядоченного корпуса знаний - наука (точное значение немецкого термина *Wissenschaft*), то культивирование "души", чувств и нравственных способностей было отведено литературе и изящным искусствам.

Формирование "культуры" как своеобразной секулярной идеологии, базирующейся на представлениях о естественных врожденных способностях, идеях и правах человека и, стало быть, общих всему человечеству Разуме, нравственности, инстинктах и проч., предполагает уже полное развитие и экспансию письменности во все сферы общества, в которых разрушились (т.е. были осознаны в своей ограниченности) и выражены в соответствующей форме системы регуляции посредством традиции или обычая.

Усложнившийся характер многократно дифференцирующейся системы социального взаимодействия потребовал формального, фиксированного, внеличного посредника. Место обычая или нерушимого, неспециализированного канона заняли обобщенные - надличные и ситуативно незакрепленные - правила и руководства, рекомендации, оставляющие значительную свободу выбора или интерпретации действия. Расширение сферы функционирования письменности, письменной культуры** трансформировало старые механизмы репродукции общественной системы, особенно тех наиболее важ-

* Это понятие охватывает не столько технические характеристики коммуникативного посредника, сколько связанные с ним фундаментальные для того или иного общества содержательные представления, символы и значения, фиксирующиеся благодаря ему.

** Уже в специальном теоретическом смысле - как совокупности значений, отчужденных от непосредственного "живого" их носителя, переданных анонимному и универсальному посреднику, а стало быть, при определенных условиях равно доступных и значит - релевантных любому индивиду вне времени и пространства, т.е. универсализированных образцов значений.

ных и сложных подсистем ее, в которых фиксированы фундаментальные представления о мире и его смысле.* Элементы этих структур со временем приобрели, по крайней мере, в отношении инструментальных аспектов, рациональный, а стало быть - свободный и качественный характер, допускающий оценку по различным критериям и основаниям пригодности тех или иных содержаний традиции. (Это затронуло, естественно, и старые формы образной символики и повествования, а также "сценические" формы. Их функциональная роль и статус изменились, поскольку наряду с ними - уже существующими, традиционно-символическими структурами, в которых сохранялись остающиеся высокоавторитетными канонами представления религиозного или архаизированного светского содержания - создавалась новая сфера форм и значений. Будучи генетически связаны с образцами прежних повествований, литературные конструкции, однако, абсорбировали и адаптировали на свой лад достижения и других доминантных прежде сфер "эстетического", образно-символического выражения. Среди последних можно указать на живопись, повлиявшую на описания "неподвижных" картин или событий, что способствовало рационализации техники выражения и расщеплению тематики и средства изображения; музыке с ее высоким статусом субъективного выражения сверхличных представлений и идей; театру, заложивший организованные формы композиционного построения и "драматической" репрезентации реальности). Наряду с претензиями на преимущественное представительство "культуры" в ее неспециализированных формах, литература нередко выступала конкурентом или субститутотом и специализированного гуманитарного знания - философии, истории, этики и т.п.

Освобожденная от обязанностей передачи определенной семантики, литература, как и все эстетические формы в целом, несет компоненты исторических содержаний - традиции - в двойном отношении: она является исторической и репре-

* Так, в Германии население стало практически грамотным уже в середине XVII в. Индивидуалистический характер аскетического протестантизма, потребовавший от индивида самостоятельного, без авторитетных в религиозном отношении посредников, обращения к Богу, а соответственно и к Писанию, предопределил массовое бюргерское образование и чтение. Оппозиция аристократического возрожденческого гуманизма и массового бюргерского образования оказала весьма существенное воздействие на характер интеллектуальных процессов в Германии, на формирование, доступность и фонды библиотек, на развитие всей литературной культуры (в различных ее образованиях: от литературной техники до авторства и особенностей публики). См.: Engelking P. Der Bürger als Leser. Lesegechichte im Deutschland, 1500-1800. - Stuttgart, 1974. - 375 S.

зентативной как по тематике, так и по смысловым структурам экспрессивных форм,* особенно заимствованных или находящихся под специфическим воздействием других эстетических сфер.

Именно "в преемственности" с этими "историческими" содержательными моментами синтезируется, в их перспективе конституируется и осмысливается неопределенное, проблематическое и в силу этого малоценное "настоящее" - прежде всего факты наличного социального бытия, тематизируемые литературой. Определяемое, нормативно-конструируемое из содержательных блоков, помеченных как "стародавнее", "всегда бывшее" (и в этом смысле - "изначальное", "основное"), это прошлое сохраняет оттенок значимости, близкий или подобный "моральному". Подобный квази-моральный характер культурных универсалий, придающий специфическую модальность указанному выше синтезу, демонстрируется либо как "образцовость" примера (действия, героя, чувствования и т.п. элементов литературы), либо как принудительность признания каких-либо содержаний литературного произведения, следующая из иных, также претендующих на общезначимость правил и норм. Иначе говоря, изображаемая в литературном произведении "действительность" благодаря этим историческим компонентам приобретает высокое значение всеобщего образца. Последний наделяется характеристиками, исторически универсальными не только в силу специфической - письменной,** т.е. культурной, выделенности самим фактом изображения, признанного тем самым в качестве подлежащего сохранению и удержанию от бессмысленности забвения, но и благодаря повествовательным формам, имплицитно сохраняющим форму осмысленности исторического процесса, "приходящего", что всегда внутренне роднит литературу и историю. Только потеряв непосредственную силу и релевантность, социальное явление (обратимое, повторяющееся социальное взаимодействие) становится "темой" в культуре. Другими словами, тематизируемое социальное явление актом придания ему ценности (т.е. воспринимаемая от этой приданной ценности

* Это нетрудно продемонстрировать на примерах исследований в рамках герменевтики или культурологии, рассматривающих трансформации риторических и поэтических структур. См., например: Frye N. Anatomy of criticism. - Princeton, 1957. - X. 383; Gadamer H. - G. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. - Tübingen, 1960. - XII, 486 S.; Jauss H.-R. Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. Bd. 1. Versuche im Feld der ästhetischen Erfahrung. - München, 1977, - 382 S.

** Факт закрепленности на письме в собственной форме генерализует и лишь дублирует ту же культурную ценность.

логические и модальные предикаты всеобщности и обязательности), генерализуется, причем этот процесс протекает как "отрыв" от некоей изначальной "увиденной", "реальной" и т.п. непосредственной ситуации, генерирующей это взаимодействие.* Литературное изображение конвенционально определяется как происходящее где-то и с кем-то, а значит и с каждым.

Квази-моральное оценивание и включение в состав письменной культуры (и так уже нагруженной сверхавторитетом) объясняет конвенциональный характер культурных норм, не лишенных, однако, в силу важности достижения согласованного порядка взаимодействия (т.е. социального консенсуса), и некоторых моментов принудительности, неформальных, неспециализированных санкций. Их воздействие ощущается, например, в принудительности норм "вкуса" (при всей эластичности диапазона их воздействия). "Вкус" или "такт", определяемый как индивидуальная способность различать эстетически "правильные" и неправильные вещи и оценки, является манифестацией стандартов групповой символики, группового стиля, а значит, и выражением механизмов внутригрупповой солидарности, к нормам которой принуждаются (обязуются быть лояльными) члены данного сообщества. Иными словами, конвенциональность "эстетического" в определенной мере есть система форм групповой идентификации с высокозначимыми и упорядочивающими символами прошлого, т.е. элементами самоопределения группы, задающими осмысленность и непрерывность происходящего, его порядок. Поэтому-то всякие признаки историчности в содержании литературных текстов, любая символика изменения оказывается столь значимой и теоретически интересной для исследователей, получающих в этом случае материал для анализа соци-

* Такого рода "морализирование" и "эстетизация", выступающие как форма и продукт универсализации прежних партикуляристских образцов, могут быть, в свою очередь, рассмотрены как типовые механизмы адаптации в процессах социокультурного изменения, т.е. как групповые определения реальности. Процедуры рефлексивного надления традиционного материала значениями античного и /или эстетического образца характерны для ситуаций идеологического конструирования традиций в развивающейся культуре, культурного взаимодействия (освоения "чужого" наследия) и модернизации. В качестве примеров здесь можно указать на трансформации гомеровских повествований неоплатониками, соответствующие аспекты интерпретации античности в культурах христианизировавшегося мира, в спорах "древних" и "новых" во Франции, а позднее в России, синтез "национального" и "западного" в русских почвеннических идеологиях (от славянофильства до символизма) и т.д. Содержательная оценка этих образцов может быть и резко отрицательной, оставаясь тем не менее в пределах "благого" и "прекрасного".

альных трансформаций: модернизации, урбанизации, индустриализации и т.п. (старое - новое, деревня - город).

Литература (и искусство) явилась преимущественной формой выражения и, в то же время - нормативной стабилизации субъективности (принципа, формирующегося вместе с идеей культуры), т.е. личностного основания манифестации и гармонизирования гетерогенных ценностных значений по нормам "благого и красивого". Содержание этих интегрирующих значений связано с составом "исторического", в том числе - "исторических" образно-символических форм (конвенций, канонов, символов, метафоры, семантики и т.п.).

Образцами, совершенными во всех отношениях примерами, становятся определенные области античного наследия, издавна и традиционно представляющие предмет изучения в "классах". Собственно, в значении "школьного" (относящегося к школе) прилагательное "классический" и употреблялось в средневековой Европе, сохранив его вплоть до новейшего времени (классические авторы для Дидро в "Энциклопедия" - это "авторы, которых изъясняют в школах"). Ренессансные гуманисты универсализировали значения "классического" у Авла Геллия, Цицерона и др. (как относящегося к высшим рангам - цензовым классам - социальной структуры римского общества*), привнеся в него семантику образцовости. Позднее французские классицисты добавляют к ней новые значения: "классическое" интерпретируется ими как характерное для греческой, но прежде всего для римской древности. В манифестациях этой группы понятию задается двойное определение, совмещающее в себе формальные критерии (абстрактное совершенство) и содержательные характеристики (пантеон авторов и корпус их текстов).

Сама идея нормативного ядра античной культурной традиции в его письменно зафиксированном виде восходит к Афинам IV в. до н.э., когда были воздвигнуты памятники "последним великим трагическим поэтам" Софоклу и Еврипиду и подготовлен государственный "обязательный" экземпляр их сочинений. Тем самым начат последовательный ряд предприятий по фиксации, упорядочению и кодификации культурного наследия, крупнейшим из которых стала работа филологов Александрийской библиотеки ("канон" Аристофана Византийского).

К XVIII в. в деятельности групп, занятых идеологическим конструированием национальной традиции в ее преемствен-

* Ср. русский эквивалент XVIII в. этому понятию, еще сохраняющий социоморфную референцию, - "степенные писатели".

ности по отношению к "древности", становится возможным универсализирующий синтез выработанных ранее значений "классического". Ими вводится представление о "совершенных" произведениях нового времени, созданных по античным, реконструированным правилам и образцам. В ходе этих трансформаций, сопровождавшихся возникновением и конфликтом оппозиционных по отношению к "античной" традиции литературных группировок (баталии "старых" и "новых" авторов во Франции, "старых" и "новых" книг в Англии и т.п.), предикат "классического" как "совершенного" (утратив непрменный компонент "древности") был перенесен на авторов нового и новейшего времени ("наши классические писатели" у Вольтера, 1761 г.). У писателей, сознательно ориентирующихся на античные формы и темы и стремящихся - в рамках процессов формирования национальных государств и выработки символов культурной идентичности нации (литература, язык и др.) - синтезировать традиционализирующие ориентации с современным интеллектуальным движением, возникает понятие "национальных классиков" ("О литературном санкюлотстве" Гете, 1795 г.). В дальнейшем семантика "классического" (точнее - классицистического) определяется в оппозиции к "романтическому" ("подражательного" - к "оригинальному", "старых форм" - к "новым формам"), причем романтизм связывает с "образцовостью" любую древность, наделяя тем самым значениями "классического" как "природного" - "национальное", "местное", "народное" и т.п. и соответствующим же образом интерпретируя греко-римскую (но теперь прежде всего греческую) античность как локальный, исторический феномен культуры.* В постромантическом авангарде дихотомия приобретает вид противопоставления "классического" или "академического" - как общего, правильного и безличного, относящегося к любому историческому прошлому, т.е. собственно традиции - "современному" (moderne, как метафоре авторской субъективности).

Прослеженную здесь в общих чертах эволюцию семантики "классического" можно интерпретировать как последовательное конструирование "универсальной" культурной традиции агентами литературной культуры (в манифестациях писателей, в литературной критике, а позднее - в рамках литературоведения), осуществляемую в процессах выработки и поддержания собственной культурной идентичности. Семантическая референция к "древности", рассматриваемая в общем

* Tatkiewicz W. Les quatre significations du mot "classique". - Rev. intern. de philisophie, Bruxelles, 1958, N 43, fasc. 1, p. 5-22.

функциональном плане организации культуры, является фиксацией пространственно-временных границ истории, культуры и собственно литературы, упорядочиваемых тем самым в своем поступательном и преемственном "развитии".* "Прошлое" в модусе "высокого" становится средством нормативного определения и установления гетерогенных компонентов, различных культурных значений дифференцирующегося социокультурного космоса. Классическая словесность выступает ценностным образцом, основой ориентации для возникающей литературы, мерилom ее собственной продукции, источником тем, правил, норм переживания и интерпретации. Тем самым формирование идеи "классики" служит одним из первых имманентных интегративных механизмов внутри автономизирующейся литературной культуры, а стало быть и автономной социальной системы литературы, поскольку с возникновением систем собственно литературных авторитетов (а значит, и критериев оценки новых произведений) возникает базирующаяся на них система ценностных ориентаций, регулирующих процессы взаимодействия по поводу литературы. Эффективность подобного традиционализирующего механизма конституирования и интеграции литературной культуры как "культуры в целом" (через поддержание содержательного образца) сохраняется лишь в пределах нормативной литературной культуры (и в соответствующих институтах и группах). Долее всего нормативная авторитетность классики удерживается в системах литературной социализации со свойственным для них дистанцированным пиететом перед "примером" и "образцом", но даже и здесь, и именно в силу отмеченной дистанции, классика лишается характера живой традиции, подвергаясь разрушению в инструментальных процедурах сопоставления текстов, генерализации текстовых значений, абстрагирования критериев анализа от анализируемой семантики и т.п.

В ходе подобной эрозии значимость сохраняют собственно лишь обобщенные и формальные (тематически пустые) характеристики "классичности", совокупность которых образует относительно универсалистскую "культурную форму", эффективно реализуемую в процессах литературной коммуникации теми или иными группами ее участников для различных целей (эти функциональные значения "классики" выступают для исследователя индикаторами, фиксирующими наличие конфликтных групп с их конкурирующими определениями реальности). Так, оценочные формы "классичности",

* Ср. категории "русская классика", "советская классика".

будучи приложенными к различным содержательным значениям, используются группами, устанавливающими и поддерживающими нормативный состав и порядок литературной культуры, в качестве средства фиксации области признанных достижений (и в этом смысле - области непроблематичного) в литературе - совокупности образцов, аккумулируемых в фонде литературного наследия, и прежде всего - "уходящего". Вместе с тем через референцию к классике как символической сфере предельной упорядоченности культурных значений (и их полной осмысленности в рамках этого интегрального целого) литературная критика и функционально близкие к ней идеологические группировки осуществляют структуризацию актуальной литературной культуры, проводя разметку и оценку литературного потока.* Наряду с этим, в деятельности специфических инновационных групп исследователь может фиксировать апелляцию к ценностным конфигурациям "классического" даже для парадоксальной легитимации литературных изменений и программирования литературного развития. Из мифологема ушедшего "золотого века" классика превращается здесь - при характерной смене модуса на "долженствующий быть" - в утопическую, более того - принципиально не реализуемую проекцию "нового мира" в будущее (ср. настоячивые ожидания и требования "нового классика" в переходных ситуациях). Во всех этих случаях обращение к классике сохраняет для социолога свой функциональный смысл основы группового контроля над разнообразными в содержательном плане процессами изменения и дифференциации социальной системы литературы.

Апелляция к классике или аналогичным интегративным субститутам в литературе (каноническим категориям "жанра" или "стиля") может отмечать для исследователя и формирование специфических маргинальных групп, стремящихся таким образом легитимировать свои притязания на ведущие позиции в литературной системе. Последнее обычно для процессов ускоренного развития культурной периферии (ср. соображения Т.С.Элиота об ориентации на античную классику как идеологию самоопределяющейся культурной элиты бывших варварских провинций римской империи**).

Обобщая сказанное, мы полагаем, что социолог вправе сопоставить функциональное значение таких образований

* Rosengren K. E. Sociological aspects of the literary system. - Stockholm, 1968. - 216 p.

** Eliot T.S. What is a classic. - In: Eliot T. S. On poetry and poets. - L., 1971, p. 53-71.

различных уровней, как письменная традиция в рамках культуры в целом, литературный язык (т.е. язык "классических" авторов) в отношении всего речевого фонда общества, "классика" ("высокая" литература или образцы "высокого" стиля) в пределах всей словесности, архаизмы ("высокие" речения, экзотизмы и др.) в границах текста и т.п. Эти региональные аксиоматики литературной культуры (или их дисциплинарные аналоги в специализированных областях - критике, литературоведении) представлены фундаментальными метафорами литературной "реальности". По отношению к подобным символическим образованиям носители всей полноты значений того или иного уровня производят определенными, в большинстве случаев - рутинными для себя техническими средствами традиционализирующую интерпретацию смысловых компонентов в рамках, соответственно, литературной культуры, дисциплины, текста или совокупности текстов. Эти синтетические "целостности" социолог литературы в свою очередь аналитически расщепляет, усматривая в образуемых конфигурациях - соответственно общей логике предлагаемого здесь подхода - различные в модальном отношении типы поведенческой регуляции (нормативной или ценностной).

В трактовах и использовании подобных "классике" образований специализированными агентами литературной культуры (критиками, литературоведами) как "методических" средств генерализации и типологизации литературных значений социолог обнаруживает символические компоненты группового самоопределения. Манипулирование этими конструкциями дает авторитетным инстанциям литературной системы и ориентированным на них слоям публики возможность согласованным образом выстраивать и поддерживать в процессах коммуникации, социализации и т.п. частичные "миры" литературы (конечные области значений "реальности") в качестве тотальностей, консистентных в заданном отношении и гомогенизированных наличными культурными средствами, т.е. в конечном счете - устанавливать и сохранять нормативную структуру и протекание социального взаимодействия. В этом смысле описываемые образования могут быть в функциональном плане сближены исследователем с аналогичными метафорами нормативного порядка (преемственности и изменения) в культуре или ее специализированных сферах, например, науке. Так, правомерно сопоставление функций "классики" в литературной культуре с ролью представлений о "наследственности" в естественных и социальных науках, в обществен-

ном мнении и художественных текстах новейшего времени (потенции изменения закрепляются при этом за "средой").*

В указанном аспекте - как средство обоснования собственного видения реальности определенными культурными группами - классика может быть сопоставлена в новейшее время с идеей "модерности", что, впрочем, демонстрируется в неоклассических течениях авангардной литературы. Групповые ориентации на значения классичности и модерности обнаруживают для социолога в своей референции к субститутам трансцендентного в секулярной культуре (фактически, тематически пустой области вневременного) сходную по интенциональной структуре конструкцию, нормативно фиксирующую определения ситуации. Тем самым оценочно конституируются содержательные значения актуального или прошедшего, причем последнее квалифицируется как более "низкое" (ср. тавтологическую конструкцию такого сочетания как "классическая древность" или определение Ш. Бодлером современного искусства как "представления настоящего" - *représentation du présent* - или даже "воспоминания о настоящем"). Отсылка к временным размерностям в данных случаях не означает рефлексии над протеканием времени или актуализацией фиксированной длительности прошлого. Она используется как средство символической синхронизации гетерогенных культурных значений проблематического настоящего, позволяя через референцию к этим условным и вневременным координатам отсчета устанавливать связанность смысловых компонентов в виде их квази-исторической последовательности, т.е. специфическим, универсалистским образом разворачивать нормативную структуру или иерархию групповых ценностей на единой оси линейного "бескачественного" времени. И "классика", и "модерн" для носителей описываемого типа поведенческой регуляции в этом смысле как бы противопоставлены истории, культуре и любой другой предметности в качестве "метаисторического" и "надкультурного", что предопределяет симптоматическую для исследователя установку таким образом ориентированных групп по отношению к языку как универсальному медиуму традиции. И ценностная предпосылка надвременной незыблемости языковых значений и правил, и претензия на их тотальное элиминирование в акте сиюминутного, точечного, "непосредственного" представления и повествования приходят в конфликт с неотъемлемой историчностью языковых форм и семантики.

* Kermode F. *The classic: Literary images of permanence and change*. N. Y., 1975, p. 90-114.

Характерно поэтому, что герменевтический и культурологический анализ вскрывает в описываемых конструкциях "классического" и "модерного" их историчность и культурность.*

Утрата аскриптивного характера форм и тем письменной культуры была восполнена в классицизме установлением нормативного характера литературы и литературного языка. Представление о норме литературного образца, ориентированного на исторические формы, и прежде всего - на темы, задало динамическую границу жанров и тем, т.е. подчеркнуло нормативно-иерархический характер тематики и стилевых средств выражения - структуры ценностей, лежащих в основе жанровой классификации. Этим же была задана и нормативная дихотомия "высокого искусства" и "неискусства", "нелитературы", или "литературы для народа", "тривиальной", "развлекательной" и т.п. Основание же структуры литературных авторитетов, заново проблематизированное романтиками, вынужденными в полемике помимо воли утверждать и упрочивать статус и необходимость критериев и эталонов (точнее, их формальное и функциональное значение), составило ядро собственно литературной "традиции" - образования, определившего устойчивость литературной системы, более того, фиксировавшего механизмы циркуляции литературных образцов между дифференцированными нормативными слоями (использование тем, техники, цитация и т.п.). Тем самым была задана "верхняя" и "нижняя" граница релевантности литературного образца и созданы возможности адаптации высокозначимых компонентов элитарной литературы представителями ее массового производства, что подготовило условия для массового функционирования литературы и превращения определенной ее части в некоторое подобие средств массовой коммуникации.

Отчленение области массовой словесности выступило при этом специфическим моментом (а для исследователя - индикатором) прогрессирующей структурной и функциональной дифференциации социокультурной системы литературы. Общей культурной предпосылкой этой дифференциации стало разрушение нормативности единого и единственного в своей универсальности и надвременности классицистического канона и содержательных определений литературы в идеологии

* Jauss H. - R. *Literarische Tradition und gegenwärtige Bewusstsein der Modernität.* - In *Aspekte der Modernität.* Göttingen, 1965, S. 150-197; *Die Klassik* - *Legende.* - Frankfurt a. M., 1971. - 236 S.; Man P. de. *Literary history and literary modernity.* - In: *In search of literary theory.* Ithaca; London, 1972, p. 237-267; Marino A. *Modernisme et modernité: Quelques précisions sémantiques.* - *Neohelicon,* Budapest, 1974, №3-4, p. 307-318.

романтизма, т.е. - в социальном плане - возникновение концентрирующихся за авторитет элит. Агентом данного процесса явилась практически первая социально автономизированная, собственно литературная авангардная группировка. Именно для романтиков с их проблематичным, не предписанным статусом в обществе и культуре и преимущественной ориентацией на новацию, т.е. на поиск новых и уже чисто культурных источников авторитетности, инстанций поддержки, способов литературной коммуникации и т.д., "контр-литература" (народная, низовая и т.п. дискриминированная словесность) становится проблемой *литературной* культуры, а инкорпорирование ее в литературную культуру - собственной проблемой. (В этом романтики могли опираться на отдельные моменты литературной идеологии, оформляющейся на исходе Просвещения или в его маргинальных сферах - манифесты Гете, Гердера, Жан-Поля и др.). Заложив основы этоса литературного авангарда новейшего времени, с настойчивостью противопоставляемого критиками и педагогами массовой литературе, романтики вместе с этим ввели феномены массовой (народной, низовой) словесности в литературную культуру, т.е. отделив ее от *элитарной* литературы как *массовую*, конституировали ее как *литературу*. Само по себе наличие явлений такого рода - популярного богословия, массовых словесных практик - характерно, видимо, для всех письменных культур и этапов существования письменной традиции и отнюдь не составляет специфики новейшего времени, вопреки идеологиям носителей нормативной литературной культуры в постромантическую эпоху. Однако для кружкового этоса, скажем, ренессанса, придворного классицизма или Просвещения эти феномены попросту не относятся к поэзии, истории или культуре - они вне сферы внимания и обсуждения. Представление же (с точки зрения агентов нормативной литературной культуры) о "начале" подобной эрозии литературы как раз имеет своей предпосылкой проведенное романтиками включение массовой словесности в литературу на правах одного из ее уровней или типов. Иными словами, необходимо было лишить авторскую субъективность каких бы то ни было содержательных определений, чтобы носитель подобной субъективности смог усмотреть в любых словесных построениях (хотя бы потенциальную) "литературу" и всего лишь "литературу", т.е. в конце концов - продукты или символы некоей творческой энергии, "духа" народа ли, собственно ли автора, принципиально лишённые всяких иных характеристик и атрибутов кроме собственно символичности, конвенциональности. Трубач

дуры или классицисты (равно как, с другой стороны, клирики или скальды) квалифицировали свою деятельность по-разному, однако ни для кого из них она не могла бы маркироваться (тематически пустым теперь) определением "литература".

Романтиками в данном случае была осуществлена двойная операция - дифференциация социокультурной системы литературы (через выделение в ней статусно и функционально различных групп, уровней, типов и т.д.) и ее интеграции (через экспансию литературы во вне- или долитературные сферы). Сложившаяся в результате ситуация позволяла задавать имманентную, т.е. собственно литературную динамику и вместе с тем поддерживать символическую интеграцию социокультурной системы литературы, систематически втягивая в определения ситуации и творческую практику новых авангардных групп неканонические значения (литературизируя экзотику, архаику, документ, устную словесность и т.п.) и столь же систематически выводя маркированные как уже неproblemатичные образцы из авангардной и "высокой" литературы в "массовую". Этот и подобные ему механизмы оказываются чрезвычайно эффективными средствами поддержания целостности и статуса высокой литературы. Носители ее, используя различные в содержательном плане классификации образцов (см. об этом ниже, с. 70-76), выделяют своеобразные "резервуары" неproblemатичного в культуре. Типологически это составляет, наряду с "массовой" литературой, такие образования, как "детская литература", "литература в школе" и т.п. Набор конкретных произведений в этих сферах может частично перекрываться, в ряде случаев подобная диффузия производится путем "адаптации" или нормативной, дидактической переинтерпретации образцов. Характерно в этом смысле, что конститутивные для высокой литературы принципы "оригинальности" и т.п. в данных формах недействительны: образец может адаптироваться или пересказываться (а иногда даже и переводиться) под именем другого автора, что свидетельствует о незначимости авторского права и тех универсалистских ориентаций, которые стоят за ним. (Ср., например, русскоязычные варианты "Трех поросят", "Буратино", романов об Урфине Джюсе и т.п.). Не разбирая специально эту проблематику, укажем только, что корпус "классической" детской литературы в основном образуют - в данном отношении - такие компоненты, как фольклорная и литературная сказка и их переработки (братья Гримм, Ш.Перро, Г.Х.Андерсен), рационалистически-просветительский, дидактический роман (Дж.Свифт, Д.Дефо) или адаптации в соответствующем духе

(Ф.Рабле, М.Сервантес), авантюрно-приключенческая литература на историческом и/или экзотическом - "первобытном", восточном и т.п. материале (Ж.Рони, А.Дюма, Ф.Купер, В.Скотт, Пушкин, например, "Дубровский"). Все эти произведения, точнее говоря, типы их, отнюдь не предназначались для детского чтения или, по крайней мере, предназначались не только детям (М.Твен, Р.Стивенсон, Ж.Верн). Принципы подобного отбора и адаптация и реализация их в различных системах социализации составляют специальный предмет социологической работы. Приведем лишь один факт: протестантский дух "Робинзона Крузо", едва ли ощутимый в литературной культуре как секулярной сфере, оказался препятствием для распространения этого романа в католической Испании среди детей и взрослых вплоть до середины нынешнего века.

Собственно, романтики же и реализовали эти выработанные ими механизмы: в их принципиально гетерогенных в содержательном и формальном аспекте литературных текстах нашли себе место на правах пародии или стилизации компоненты низовых словесных практик, элементы до- и внелитературных построений и др. С другой стороны, тематизированные ими ценностные значения и конфигурации, равно как и способы и техники их повествовательного упорядочения оказались авторитетными для последующей массовой литературы. Здесь стоит отметить, что сознательная и, более того, демонстративная адаптация компонентов массовой словесности *литературой* определенных направлений позднейшего авангарда ведется вполне последовательно, причем она эксплицируется и в их творческих манифестах. Сопротивление же процессам массовизации "высокой" литературы осуществляется как раз носителями нормативной литературной культуры в ее наиболее консервативных инстанциях и сферах - в институтах социализации, в близких к ним или ориентированных на них группах литературной критики, литературоведения и т.д.

Группами рутинизаторов романтической идеологии литературы, характерным образом переосмысливших конвенциональные ценности романтического этоса в качестве вполне содержательных норм собственной работы, и были продуцированы первоначальные образцы уже собственно массовой в современном смысле слова литературы (роман-фельетон). Таким образом, установление "массового" уровня литературы (и ее аудитории) было осуществлено и осуществляется, исходя из ценностей элитарной литературной культуры, соответственно

функциональным потребностям литературной элиты и средствами "высокой" литературы. Авторитетно удостоверенные (и потому нормативные для авторов и реципиентов массовых текстов) значения предъявлялись далее уже как "сама действительность" без указания на определяющие ее инстанции и критерии. Тем самым представители "высокой традиции" не только маркировали область "массовой" литературы, но и структурировали ее, через "снижение" и трансформацию своих образцов задавая гомогенной совокупности внелитературных нормативных значений литературные (и шире - культурные) формы.

Авторитетность "высокой" литературы для групп рутинизаторов, тиражирующих ее ценностные значения и придающих им при этом нормативный модус, предопределила сосредоточенность массовой словесности на стабилизирующих эрозию нормативной "действительности", интегративных смысловых образованиях не только в содержательном плане репрезентируемых конфликтов, но и в самом конституировании повествовательной "реальности". "Высокая" литература, можно сказать, явилась в этом смысле такой же "историей" для массовой, как компоненты традиционной культуры - для нее самой с той, однако, оговоркой, что "высокая" литература в процессах самоопределения универсализировала радикалы долитературной традиции, тогда как "массовая" словесность, напротив, традиционализировала адаптируемые ею литературные значения и конструкции. Последнее социолог фиксирует, например, в нормативном редуцировании массовой литературой многообразной системы фикциональных, субъективно-организованных временных перспектив повествования, характерной для авангардной словесности, и, соответственно, в сокращении периода циркуляции "массовых" литературных образцов (а это, в свою очередь, обычно исключает повторное обращение к ним, конститутивное для литературной системы и демонстрирующее ценностный потенциал "классических" текстов). Нормативность значений и способов их тематизации в "массовых" текстах выявляется и в процессах их рецепции. Среди аудитории популярного романа, мелодрамы и т.п. с их поэтикой как бы "самой" (поскольку гораздо более узнаваемой и "подлинной") жизни в ее предварительно структурированных и оцененных литературой формах и сложились характерные для массовых читателей (а ранее - прежде всего читателейниц) феномены обыденного и вполне "серьезного" поведения, стилизованного под литературные и

других массовых искусств образцы, что, в свою очередь, систематически проблематизируется "высокой" литературой.⁹

Этот процесс культурной дифференциации был обусловлен формированием во второй половине XVIII в. социальных предпосылок, делающих возможным само существование литературной системы. К наиболее важным из них относится образование социальных структур, гарантирующих писателю, в романтической фразеологии - "гению", ведущему независимый и свободный образ жизни "на границе" повседневного и трансцендентного, культурную (эстетическую) и социальную автономию, т.е. собственно автономию его социальной роли.¹⁰ К этому времени складывается развитый книжный рынок, что обеспечивает автору материальную свободу от мецената. Место партикулярной зависимости поэта и писателя от личности обладателя или распределителя власти как генерализованного символического посредника заступают обобщенные отношения, регулируемые другим генерализованным посредником - деньгами. Это универсальное символическое средство в форме гонорара является генерализацией аффективного признания литературной продукции публикой (а также ее представителями или заместителями). Собственно, иной становится и фигура книготорговца, аккумулирующего теперь ожидания "публики", опять-таки складывающейся только с появлением рынка. Двойственность фигуры книготорговца и издателя, сохраняющего в своей деятельности как императивы культуртрегерской и миссионерской задачи (партикулярную зависимость от массового читателя), так и универсальную, аффективно-нейтральную и анонимную связь с товарным рынком, позволяет ввести в функционирование литературной системы своеобразный момент дальнейшей дифференциации.

Как и возникающая подписка - первоначальная форма коллективного меценатства и коллективного предприятия, книгоиздательская деятельность делает литературу независимой во времени и пространстве и от автора, т.е. позволяет тиражировать те или иные литературные образцы, а затем

⁹ Это семантическое "оживление" и функциональное переосмысление радикалов долитературной традиции в жестко оцененных, подчеркнуто содержательных и структурных компонентах поэтики массовых повествований (или "поэтики поведения") маркируется их современными интерпретаторами как мифологичность (примечательно, что большинство из них ориентируется на идеи и принципы работы структурной этнологии).

¹⁰ Schulte-Sasse J. Autonomie als Wert: Zur historischen und rezeptionsästhetischen Kritik eines ideologisierten Begriffes. - In: Literatur und Leser. Stuttgart, 1975, S. 101-118.

задает и иные инстанции литературных авторитетов, выводя литературу из прежнего аскриптивного существования в "салоне" или кружке ценителей и дилетантов, в рамках той или иной национальной общности и т.п. и допуская известное многообразие литературных форм и направлений, даже литературную "войну".

Усиливающийся плюрализм литературных критериев (и, соответственно, умножение литературных канонов) функционально обусловило и появление фигуры эксперта и посредника (критика), с одной стороны, и его академического эквивалента - комментатора, преподавателя и хранителя традиций, держателя высоких образцов (ученого, университетского профессора), с другой. И критик, и академический литературовед маркируют литературную продукцию, но исходя из разных целей, поскольку репрезентируют собой ценности различных социальных систем, что, соответственно, выражается во временных и пространственных параметрах их аудитории и релевантного для них корпуса текстов ("объеме" традиции). Критик представляет публичность, общественность и "общество" в целом, а точнее - ту или иную авторитетную социальную группу или даже специализированный институт (например, исполнительные органы государственного или духовного управления - политическую или религиозную цензуру*), литературовед же манифестирует ценности собственно культуры и ее специфического сектора - литературной культуры и задает принципы отбора и характер преподавания и изучения литературы. Кроме того, книжный рынок - в своей теоретической форме представляющий символическую формулу конкурирующих ценностей различных социальных групп (также продукт социальной дифференциации) - позволяет освободить такой тип литературного посредника как библиотека от ее аскриптивной связи с социальным "телом" - группой, культурный, относительно автономный теперь уже фонд которой она

* Содержательные ограничения, налагаемые на интерпретации ценностных значений автономной субъективности, могут выступать основанием для применения элитной группой, теряющей возможности эффективного воздействия в условиях резкой конкуренции других элит, определенных защитных средств стабилизации своего легитимного и монопольного положения. Подобный контроль осуществляется прежде всего как редукция соответствующих блоков мотивационной структуры. Основателями идеи В. Парето в этой области были развиты рядом современных исследователей. См.: Paréto V. *Oeuvres complètes*. V. 15. *Le mythe vertueuse et la littérature immorale*. Genève, 1971. - 163 p; Otto K. *Die literarische Zensur als Problem der Soziologie der Politik*. - Stuttgart, 1968. - 146 S.

аккумулирует. Возникновение "книжных кабинетов", "платных абонементов" - явление, стоящее в том же ряду, что и авторское право, и профессионализация писательского труда, и формирование литературной критики и проч. Более того, репрезентированные в библиотечных фондах ценности и нормы определенной социальной группы, занимающей доминантное положение в общественной структуре, могут быть использованы как идеологическое оружие, средство аккумуляции или обеспечения поддержки в проблематичных зонах социального влияния и господства.

Процесс дифференциации центральных значений культуры, и прежде всего - письменной культуры, обусловленный автономизацией различных социальных подсистем общества и соответствующих ценностно-нормативных образований (что предполагает наличие и институционализацию универсалистских коммуникативных средств), можно проследить на примере становления в Европе библиотек различных функциональных типов с характерным для них принципом публичности. Само существование различных типов библиотек (массовой, университетской, национальной и др.) при сохранении идеи их "публичности" репрезентирует для исследователя (как и для представителя иной социальной и культурной общности, для которого оно, впрочем, не содержит идеологических претензий) "объективный" характер подобных образований, бытие которых "действительно" вне связи с персональным составом включенных в него индивидов. Идея "публичности" стоит в ряду таких объективаций, как ценность автономной субъективности, секулярная культура, гражданское общество, автономная литература и т.д. В их социально-исторической констелляции и складываются те типы и значения библиотеки, которые существуют в Европе Нового и новейшего времени. В этом смысле, даже изобретение печатного станка не является необходимым условием для существования библиотек. Так, например, в Китае магический характер письменной традиции, определивший статус гуманитарно образованного патримониального чиновничества, при наличии печатных устройств не привел к появлению библиотек, в то время как греки и без Гутенберга имели свои частные и государственные библиотеки.*

Утрата целостного идеального характера культуры в Новое время, выражающаяся в многообразных формах процесса

* Karstedt P. Studien zur Soziologie der Bibliothek. - Wiesbaden, 1954. - III, 97 S.; Weber M. Der Literatenstand. - In: Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen, 1972, Bd. 1, S. 373-395.

рационализации и секуляризации, сопровождалась постепенным переносом проблематики жизнеустройства с объективного мира на индивида, чье субъективное начало с течением времени становится единственной точкой отсчета и центром упорядочения реальности. Столетием до этого интеллектуальные эксперименты с онтологическими основаниями познания в сферах специализированного исследования (не касаясь мистических традиций) установили принципы новой философии. В литературе экспозиция метафизического плана на уровень человеческого бытия совершалась в принятии художником и, прежде всего, писателем прерогатив творца, создателя - единственного правомочного распорядителя содержания собственного вымысла, судеб своих персонажей. Именно литература в этот период претендовала на статус культуры в целом, т.к. в сфере неспециализированного знания она - в отличие от изобразительных искусств - имитировала подобие жизненного целого, создавая (в виде произведения, конституированного замыслом и исполнением) воображаемые миры, наделенные характеристиками временной, но замкнутой смыслом длительности. Подобными же формами организации времени обладала лишь музыка, однако ее рафинированная, абстрактная чувственность препятствовала выражению непосредственно многообразия социальных значений, что неизбежно ограничивало - в силу сложности процесса научения абстрактному языку - сферу ее понимания и рецепции, как, впрочем, и ее тематизирующие потенции.

Литература началась с уподобления истории, вырабатывая квази-исторические формы, позволяющие воспроизводить определенные целостности и системы человеческих действий с возможностью контроля их последствий, т.е. некоторые замкнутые смысловые целостности. В этом своем качестве она стала конвенциональным эквивалентом назидательной словесности житий, хроник, зеркал и т.п., т.е. средством выработки самоответственного и рационального отношения к человеческому поведению, к потенциалу ценностных значений культуры. Поскольку другие общезначимые инстанции и неспециализированные формы критической оценки продуктов человеческого производства постепенно все больше и больше теряют свою значимость, силу и авторитет, то искусство и, прежде всего, - литература как наиболее универсальный тип репрезентации символических значений - становится адекватной имманентной формой рефлексии и идентификации в культуре. В этом смысле представляются симптоматичными как факт возникновения и укрепления популярности романа

именно в этот период, так и выработанные в процессе становления автономной литературной системы и ролевого самоопределения ее агентов - писателей "нового" типа - конститутивные черты романной поэтики, представляющей собой биографическое и морально оцененное воссоздание целостности индивидуальной жизни частного лица. Значимость романа для современной литературной культуры делает необходимым, как и в случае "литературы", исторический анализ этого понятия.

К истории понятия "роман"

Получающее совокупность своих "современных" значений сравнительно поздно (и параллельно с "литературой"), понятие "роман" имеет длительную "предысторию".⁶ Первоначально (к VIII в.) оно выступает как прилагательное *romanus*, характеризующее устный "народный" язык в противоположность письменной латыни. С XII в., в период сосуществования устной повествовательной поэзии на народных языках и корпуса письменных латиноязычных текстов, представляющих "литературу" (в ее эстетически-неспециализированных значениях), оно относится к текстам, письменно фиксирующим устную повествовательную словесность, и языку, на котором они фиксируются, т.е. указывает (как и обозначение "литература") лишь на языковой и письменный характер коммуникации. Позднейшее (субstantивированное, как и "роман") французское *romanier* ("романист") бытовало в эту эпоху в глагольной форме и означало "переводить с латыни на французский", а с XV в. - "повествовать по-французски". "Роман" становится эквивалентом 1) повествовательной словесности на народных языках или переведенной на них, 2) письменного против устного.

Основными группами, сопротивляющимися на начальном этапе становлению романа как автономного и признанного литературного жанра, выступали определенные круги духовенства (явсенисты, иезуиты, кальвинисты) и классически (а позднее - просветительски) ориентированные литературные авторитеты (Буало, Вольтер, Дидро). При этом роман дисквалифицируется в основном по двум критериям.

⁶ Эта же лексическая основа дала такие связанные с историей романного жанра производные, как "романтизм" и ныне устаревшее "романтический"; очерки их исторической семантики в культурах Европы см. в кн.: *Romantic and its cognates: The European history of a word.* - Manchester, 1972. - 536 p. (в т.ч. в России - p. 418-474).

Роману XVII столетия, т.е. двум его господствующим разновидностям - перерабатывающему куртуазные традиции прециозному (героическому, любовно-пасторальному), и мещанскому (комически-бытовому) - предъявляются обвинения в "порче нравов" (театризация "низких" по классицистическим канонам или табуируемых в "обществе" областей значений - эрос, преступность, деньги) и "порче вкуса" - экстраординарности вымышленных или гротескности "подлых" ситуаций, грубости или, напротив, вычурности (но и в том, и в другом случае - жаргонности) языка. Критика претензий романистов на место в "литературе" затрагивает, таким образом, все (аналитически разводимые исследователем) аспекты поэтики: воспроизводимые в романе напряжения и конфликты (ценности достижения, любовь, anomia), способ их представления (неправдоподобие, т.е. отклонение от нормы "естественного" для классицизма и раннего просвещения) и экспрессивную технику ("сюж"). Примечательна зафиксированная даже гораздо позднее (1826 г.) социальная норма немецких "порядочных семейств" "не говорить о романах при слухах и детях".⁹

Кульминацией этой борьбы культурных группировок с применением социальных санкций является во Франции декрет 1737 г., запрещающий кроме считанных исключений публиковать отечественные романы как "чтение, развращающее общественную мораль".¹⁰ Средством разрешения конфликта стала публикация английских романов С.Ричардсона, Г.Филдинга и др., задавших французской словесности существовавшей инвой, "чужой" и авторитетный в этом качестве для кругов маргиналов образец поэтики. Отличия, в частности, касались объема романа и степени конденсированности действия, развивавшегося хронологически и биографически (в противоположность неограниченному нанизыванию эпизодов - эквивалентов куртуазных "авантюр" - в многотомных прециозных повествованиях об условно-стилизированных античных героях). Это обстоятельство активизировало во Франции жанр микроромана (*nouvelle*), переосмысляемого под влиянием английского *novel* - биографического повествования о буднях "бесфамильного" частного лица в современную эпоху. Послед-

⁹ Ward A. Book production, fiction and the German reading public, 1740-1800. Oxford, 1974, p. 9.

¹⁰ May G. Le dilemme du roman au XVIII-e siècle: Etude sur les rapports du roman et de la critique, 1715-1761. - New Haven; Paris, 1963. - 294 p.; Разумовская М.В. Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. - Л., 1981. - 140 с.

ний противопоставлялся вымышленному и условно-обстановочному гошансе, квалифицируемому в Англии конца века уже как устаревший, стандартизированный - например, экзотический, разбойный, пиратский и т.п.* - и "низовой" жанр для "прислуги" (см. программное эссе К.Рив "Старинный гошансе и современный novel", 1785 г.**). Кроме того, под влиянием более ранних и по-иному протекающих процессов интенсивного социального и культурного изменения, в английском романе со значительным опережением были выработаны значимые для определенных кругов французского общества (мелкой, чиновной, "новой" и т.п. аристократии) повествовательные образцы. В них тематизировались социальные проблемы, выдвигался тип героя - социального "медиатора", сниженного до "обычного человека", были найдены такие модусы литературности как "психологичность", "чувствительность", "трогательность", универсализирующие социально-аскриптивные характеристики до "моральных, душевных качеств" (в чем сказалось воздействие идей англиканства, адаптированного английским романом в ходе секуляризации).

Последующая легитимизация романного жанра идет, естественно, по линии поиска исторических предшественников в восточной сказке, античной эпике, средневековом гошансе и т.п. Но прежде всего она осуществляется как выработка собственных эстетических конвенций, обоснование реалистической фикциональности и изобретение техники иллюзорного правдоподобия, подчеркивание нравственной полезности романов и их чтения. Необходимо учитывать, что эти процессы в литературной культуре развивались в контексте интенсивных социальных и культурных изменений. Укажем, например, на повышение уровня грамотности, приобретающей значения средства социальной мобильности. В немалой степени это касалось женщин, что особенно важно для романа, бывшего в ходе различных движений за эмансипацию предпочтительным жанром читательниц и писательниц, более того - для многих образованных современниц "равенство полов" входило в широкий контекст эгалитарных требований, в т.ч. и "равенства жанров". Кроме того, для этого периода характерны интенсивное становление системы "массовой" журнальной и газетной печати, активизация производства дешевых, "рыноч-

* Richetti J.J. Popular fiction before Richardson: Narrative patterns, 1700-1739. - L., 1969. - 274 p.

** Этот и аналогичные ему манифесты собраны и прокомментированы в кн.: Novel and romance, 1700-1800: A documentary record. - N.Y., 1970. - XI, 484 p.; Showalter E. The evolution of the French novel, 1641-1782. - Princeton, 1972. - VI, 372 p.

ных" (в т.ч. "пиратских") изданий, массовая мода на чтение "профанной" беллетристики, повлиявшая, в свою очередь, на расширение круга деятельности библиотечных абонементов и т.д., что ознаменовалось позднее (в I половине XIX в.) образованием относительно развитых и автономных национальных литературных систем и приобретением литературой и романом статуса универсальной культурной ценности.*

Так, существенное влияние на начинающуюся автономизацию культурного статуса литературы (в ее современном значении) оказали процессы становления национальной культуры и национального языка в Германии, имевшие ощутимый антиаристократический или, по крайней мере, антипридворный оттенок.** Одни из первых реформаторов немецкого языка были вместе с тем и первыми теоретиками словесности и литературы, издателями, авторами од, трагедий, поэм и т.п. (от М.Опица до И.Х.Готшета). Их появление еще в первой половине XVII в. сопровождалось деятельностью различных "обществ немецкого языка", из которых ведущая роль принадлежит "Плодоносному обществу". Благодаря этому уже в XVIII в. было в значительной степени преодолено или как минимум подорвано господство шпетизма и светских интернациональных и рационалистически классицистских вкусов и принципов образования и воспитания, характерных прежде всего для придворных и аристократических кругов. О массовом чтении - прежде всего общеобразовательном, "культурвирующем" - можно говорить уже начиная со второй половины XVIII в., поскольку именно в это время отмечается резкий рост городских читателей. Выходят различные журналы, начало которым положено "Немецким еженедельником" Хр.Томазиуса "для образованных лиц из всех сословий, включая женщин". И.Х.Готшед издает "Моральные еженедельники", "Разумные прорицательницы", печатавшие прозу и поэзию. Позднее появляются "литературные газеты", в которых сотрудничают и публикуются А. фон Галлер, Х.Ф.Геллерт, Ф.Г.Клопшток и др. Вместе с ними впервые возникает и литература для детского чтения (типа сборника назидательных историй), и, наконец, первый журнал для детей "Друг детей" Хр.Ф.Вейсе (1775 г.) и последовавшие за ним многообразные "детские еженедельники".

* Данные по Германии свидетельствуют о росте числа ежегодно публикуемых романов с 10-ти в 1740 г. до 300-330 к началу 1800-х гг. Примерно тот же порядковый размах и для статистики II половины XVIII в. по другим европейским странам. - Ward A. Op. cit., p. 167.

** Vogt E. Die gegenhöfische Strömung der deutschen Barokliteratur. - Gießen, 1932. - 232 S.

Как сами романисты, так и кодификаторы их творческой практики были вынуждены учитывать данные процессы, что заставляет их обращаться в поисках норм самоопределения к авторитетным достижениям естественных наук, философии, истории, теологии (таков, например, генезис понятий и принципов "реализма", "конвенция", "фикции" и т.п.). Ограничимся здесь лишь общими указаниями на некоторые феномены подобной адаптации. Роман, заступающий для секуляризирующихся групп место религиозного обоснования смысла деятельности в мире как "светское писание", постепенно и через многие опосредующие моменты усваивает - в различных, разумеется, национально-культурных формах - переосмысленные (в особенности - протестантизмом) христианские идеи личности как самоответственной инстанции и ее нравственного становления в рамках жизненного цикла, осмысленного и оцененного из "конечной" перспективы.* Во Франции аналогом этих процессов выступает влияние концепций и проповеднической деятельности янсенизма, адаптированное моралистическими жанрами и оказавшее через них воздействие на романистику А.Ф.Прево и др. (здесь, как и всегда, ситуация проповеди и обучения обострила моменты прагматической, коммуникативной структуры текста).

Тем самым был дан толчок субъективации определенных действительности в романном повествовании, значения в пределах которого упорядочиваются через отнесение представляемого к ценностной инстанции личности и, соответственно, - к проблематизации точки зрения, фигуры повествователя, нередко рассказывающего о себе в прошлом из значительной временной перспективы, что задает рефлексивную, в т.ч. читательскую дистанцию (т.н. "двойной регистр"). Другим моментом, стимулирующим проблематику самотематизации и влияющим на типы повествования от первого лица, является выработка техник условного правдоподобия, иллюзорного присутствия при происходящем, принимавшая формы фикциональной симультанности чтения и описания** (письмо, различные ситуации "подсматривания", фиктивный издатель

* Beaujean M. Der Trivialroman in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. - Bonn, 1969. - 224 S.; Beaujean M. Das Lesepublikum der Goethezeit. - In: Der Leser als Teil des literarischen Lebens. Bonn, 1971, S. 5-32.

** В период 1735-1739 гг. романы от первого лица составляют 42% романной продукции во Франции (в предыдущее пятилетие их вдвое меньше), а с 1740-1755 гг. мемуары, исповедь, письма становятся "канонической формой художественной прозы". - Demortis R. Le roman a la première personne du classicisme au Lumières. P., 1975, p. 448; Mylne V. The eighteenth century French novel: Techniques of Illusion. - Manchester, 1965. - VIII, 280 p.

найденных "подлинных" и частично остающихся зашифрованными документами и др. типы идентификации и дистанцирования читателя). Здесь сказывается влияние как "духовной автобиографии" (исповеди, отчета о духовном "хозяйстве" различных ересей и сект, например, методизма), так и "модных" исторических мемуаров и дневников, проследить которое в деталях необходимо уже на конкретном историческом материале. Способом нормативной стабилизации этих разрушающих текстовую "реальность" моментов выступают сохраняемые - и прежде всего, но отнюдь не только, "популярным" романом - религиозные по своему генезису и универсализированные до "моральных" рамки координат оценки описываемого (например, жесткая дихотомизация героев в романах, испытывающих влияние сценической мелодрамы и т.п.).*

С другой стороны, в романе дифференцируются и разводятся значения "истории", бывшей еще для романистов XVII в. синонимом давних и "высоких дел". "История" (часто вводимая уже в заглавия произведений с характерными предикатами "истинная", "правдивая") тем самым теряет престиж нормативной и самодостаточной реальности равного себе "представленного" или, напротив, однозначно интерпретируемого "эмблематического" прошлого. Через референцию к будущему как регулятивной инстанции она превращается для романистов и их публики к концу XVIII в. в область потенциально любых содержательных определений современного, частного и повседневного.

Под воздействием естественных наук, просветительского рационализма и укрепляющейся историзации социальных дисциплин проходит и сравнительная релятивизация категории "нравственного" до значений "представляющего обычай, нравы". Рационализируется (хронологизируется) пространственно-временная артикуляция романного действия, открывая возможности для совмещения и взаимодействия различных ценностных перспектив рассказывания на фоне универсальных мер. Все это ведет к определению романа (novel, roman) уже не через область закрепленных за ним тематизируемых значений социальной действительности (к ним, кстати, относится и "любовь": ср. еще и современную семантику "романа"), а исключительно через фикционализм норм и техник их текстового развертывания при нерелевантности каких бы то ни было априорных ограничений на предметные сферы тематизируемого.

* Flessau K. Der moralische Roman: Studien zur gesellschaftskritischen Trivialliteratur der Goethezeit. - Köln; Gras, 1968. - 185 S.; Greiner M. Die Einstellung der modernen Unterhaltungsliteratur. - Hamburg, 1964. - 153 S.

К первым десятилетиям XIX в. роман осознается уже как наиболее адекватная литературная форма тематизации процессов социального и культурного изменения, что делает его принципиально "открытым", вбирающим разнородный тематический материал и различные литературные традиции, перманентно разворачивающимся, бесконечно дробимым на виды, подвиды и разрушающим любые содержательные ограничения жанром. В рамках его вырабатываются теперь уже "имманентные" функциональные эквиваленты заимствуемых прежде авторитетных литературных, художественных и общекультурных конструкций (драмы, лирики, живописи, музыки и т.п.). Более того, и само появление "романа" связывается теперь с эпохой радикальной дестабилизации социального порядка ("счастлива нация, не имеющая романов" - А.Шпехт, 1834 г.; "революции, эти повивальные бабки романов" - Ф.Шаль, 1839).^{*} "Родословная" жанра ведется от произведений С.Ричардсона и А.Ф.Прево (предыдущее расценивается так или иначе как "предыстория"), а роман становится синонимом "современности". Примерно к этому же периоду в ходе дифференциации социокультурной системы литературы роман, а точнее - некоторые типы его построения, вновь маркируются как "массовое" чтение: в 1830-х гг. во Франции возникает и стремительно приобретает популярность и противников роман-фельетон ("промышленная литература", по выражению Ш. О.Сент-Бева). Данная универсализация жанра (в социальном и культурном аспектах) открывает возможность в дальнейшем - исторически, участникам процесса или их исследователю - фиксировать "на фоне" романа едва ли не всю совокупность особенно интенсивно с этого времени дифференцирующихся, борющихся и уходящих социальных групп и культурных традиций, делая его для новейшего времени синонимом литературы в целом.

Сложившаяся в ходе описанных процессов генетическая и функциональная связь идеи творца и независимости художников обеспечили писателю трансцендентальный статус в культуре, точнее, трансцендентальность его "субъективности". Иногда последний передавался "личности" повествователя, становящейся уже моментом конституции литературного текста. Смысловые, ценностные, культурные импликации литературного повествования могут, будучи развернутыми, объяснить функциональные ожидания и проекции, связанные с

^{*} Ickayan M. The idea of the novel in France: The critical reaction, 1815-1848. - Genève; Paris, 1961. - 199 p.

высоким статусом литературы как хранительницы культуры в ее значениях добра, мудрости, гуманности, осмысленности бытия и проч. Особенно это действительно для обществ, где только литература и выступает сферой, в которой легитимно может существовать эмансипированная от той или иной социальной тотальности культурная общность, т.е. где литература становится не только общей, но и единственной областью тематизации неспециализированных ценностных значений, синонимом политико-идеологического, философского и даже религиозного знания (как, например, в России XIX в.).

При этом по широте тематизируемой в литературе социальной проблематики можно судить о характере существующих социальных напряжений. Там, где литература не имеет характера репрезентации культуры в целом (а это связано с высоко дифференцированной социокультурной структурой общества), там она обычно "литературна", т.е. рефлексивна по отношению к себе самой, если так можно выразиться, "александрична", питается в значительной степени "вторичным" или собственно культурным, "мифологичным" материалом. В других же ситуациях литература тематизирует проблематизированные социальные значения или культурные образцы социального, а подчеркнуто "литературная" словесность расценивается крайне отрицательно и характерным образом квалифицируется (а порою и осознается самими ее авторами) как "чужая", инокультурная (ср. блокировку идей и образцов "чистого искусства" в России второй половины XIX века, резкие отзывы А.Блока о манифестах и практике акмеизма как "нерусском" явлении" и т.п.).

Претензии литературы как субститута культуры на то, чтобы выступать потенцией любых ценностных определений, т.е. на обладание способностями к изображению любых аспектов человеческого в целом, универсальны. Однако, как свидетельствуют исследования ценностного содержания художественных произведений, литература ограничивается исключительно сферой общекультурных, неспециализированных значений, ценностей, идей, норм, представлений и т.п. Крайне редко (как правило, в экспериментальной или высокоэлитарной литературе) предмет ее внимания становится какая-то специальная сфера жизнедеятельности (например, ценности рационального познания, религиозные переживания, прямая политическая агитация). Это еще раз, вопреки ее собственным претензиям, свидетельствует о прежде всего идентифицирующем значении литературы, ее в основном интегративной функции в качестве средства тематизации и поддержа-

* Блок А.А. Собр. соч. Т. 6. М.-Л., 1962, с. 174-184.

ния смысловых значений, интегрирующих формы редукции социальных или культурных напряжений, в том числе и в немалой степени - напряжений субъективного самоопределения.

Репрезентативный по отношению к культуре характер искусства и литературы сказывается также и в том, что единство их текстов (допуская условное семиотическое приравнение всякой знаковосимволической системы выражения к литературной, письменной записи, что, кстати, отражает функционально центральное положение письменной культуры), как и любых форм культурных текстов, установлено на известном конфликте, ценностной коллизии, альтернативе, т.е. имманентно проблематизировано. Это относится к ритуалу, обычаю, художественному полотну, поэтическому произведению, религиозному трактату, философскому или научному исследованию. Специфика эстетических текстов состоит в конвенционализированной экспликация ценностного конфликта в драматической форме, в "изображении" и "представлении" системы культурных значений через нарушение социальной или культурной нормы. Однако, в отличие от других повествовательных долитературных форм - эпоса, хроники, житий и т.п., также содержащих весь корпус значений отклоняющегося поведения, характерных для того или иного общества, литературное произведение как эстетический феномен предполагает определенный модус репрезентации - эстетическую условность предъявляемой реальности. Репрезентируемая аномичная ситуация (или последовательность ситуаций), представляющая собой нарушение согласованного социального и культурного порядка взаимодействия в ходе или результате выбора какой-то одной из конфликтующих или альтернативных ценностей, не абсолютна. Она внутренне структурирована таким образом, что в саму ситуацию включены элементы ее контроля, упорядочения дезорганизации. Этой гарантией от дезорганизации является, во-первых, придание изображаемому модуса вымышленного, мнимого, фиктивного (что в ряде европейских языков прямо закреплено за всей литературой, например, английское *fiction* - вымысел, выдумка, фикция; беллетристика, художественная литература, *works of fiction* - романы, повести; ср. с *jur. fiction* - фикция, *legal fiction* - юридическая фикция), а во-вторых, авторская оценка нарушения.

Содержание эстетической конвенции (условности, мнимости, фиктивности) оказывается столь важным в организации поэтического вымысла, что от него зависят все прочие момен-

ты конституирования литературного произведения или даже канон подобной организации (литературная традиция, направление, жанр). С "нормой реальности" (формой и способом репрезентации всех других конституэнт произведения, а стало быть, с характером содержательной интерпретации общекультурной системы организации значений - действия в самом широком смысле), т.е. с внутритекстовой организацией пространства и, главным образом, времени, а значит и с характером причинности, определяющим структуру мотивации эстетических фикций, переменных проблематизируемого ценностного значения (детерминизм, случай, судьба и проч.), - связаны литературные направления и течения - например, "натурализм", "реализм", "сюрреализм", "экспрессионизм", "романтизм", "классицизм" и т. п. Связь жанра, а стало быть тематики, сюжетной организации (ценностной медиации нормативного конфликта) и определенного, в значительном большинстве случаев - стереотипного набора экспрессивно-технических средств и т.п. с нормой реальности (способом репрезентации ценностей) можно легко показать на примерах "экзотического" или "исторического" романов, а также научной фантастики. Действие (конституированная ценностями современной культуры коллизия) переносится при этом в ирреальный план. Последнее позволяет эксплицировать напряжения, существующие, но блокируемые в культуре, поскольку жесткая норма запрещает их реализацию в актуальном социальном действии и даже на обсуждение возможности их осуществления в "настоящем" накладываются кардинальные ограничения. Понятно, что в "историческом романе" (берем лишь типичные, массовые случаи) будет исключена субъективная форма повествования (от первого лица), а стало быть впрямую не указаны инстанции авторской оценки происходящего. Изображение событий приобретает тем самым "безличный", "объективный" характер с однолинейным течением времени и т.п., а оценка ситуаций и героев непосредственно синтезируется с их качествами, предикатами их конституирования (стилизованный язык персонажей, отсутствие дистанции между прямой и косвенной речью, фиксированной ретроспекции и т.п.).

Именно указанная системность организации литературного произведения позволяет изучать его научными средствами. Как бы ни было многообразно богатство воображения того или иного писателя, действительность его вымысла в той или иной, но всегда значительной мере представляет субъективную перекombинацию или организацию априорных, преданных

ему (и в этом своем качестве доступных пониманию и анализу) общекультурных констант - размерностей и значений времени, правил мышления и выражения, стандартов этического и эстетического и т.п., - не затрагиваемых и не могущих быть затронутыми рефлексией автора. Этот факт является наиболее общим доводом в пользу возможности аналитического совмещения при изучении литературы когнитивных, экспрессивных и социальных планов текстовых значений, а, следовательно, и плодотворности сравнительно-типологического анализа процессов их изменения.

Данная общая посылка открывает дорогу и корректному, т.е. методически эксплицированному изучению литературы. Так, в частности, можно продемонстрировать основную функцию литературы - посредством тематизации ценностных альтернатив социокультурной системы представлять возможности их осмысления (а значит - контроля) и, таким образом, интегрировать членов той или иной социальной общности - на материале лишь временных размерностей. Претензии литературы, а которых говорилось выше, неизбежно связаны с характером конституирования соответствующих ценностных значений. Время изображения как диапазон значений простирается при этом от "бесконечно исчезающего" настоящего (максимальной проблематизации ценностей, их полной содержательной неопределенности) до предельных "исторических" точек, т.е. культурно-символических объективаций "исторического". Но "абсолютного" предела, значений вечности и связанных с ней трансцендентных (космологических, этических, религиозных) идей литература, как и искусство в целом, достичь не в состоянии. Модальный статус эстетического обнаруживает здесь свое фикциональное (ограничивающее) значение, и в этом, в частности, раскрывается генетическая структура литературы как института, рожденного в определенной социокультурной констелляции. Художник в иных случаях может наделяться функциями (или претендовать на роль) пророка, мессии, морального судьи или социального реформатора, но исполнить эту миссию без угрозы разрушения искусства и литературы ему не удастся. Полноты действительности эстетическая мнимость приобрести не может, и в этом заключаются возможности как саморазрушения литературы (в авангарде, дидактике и т.п.), так и ее культурной адаптации к постоянному социальному изменению.

Кризис в литературе той же природы, что и в науке. В процессе "расколдовывания мира" определенные системы "материальной" рациональности все более интенсивно трансфор-

мируются в формальную рациональность. Так, в науке "истина" становится не содержательной догмой, а регулятивной идеей, методологическим принципом, что в целом приводит к невозможности обоснования инструментальным знанием фундаментальных жизненных ценностей. Другими словами, ни одна сфера конвенционального знания и выражения не может быть фундаментом мировоззрения и, соответственно, фундировать проблемы смысла жизни, поскольку оперирует историческими, содержательными значениями истины и красоты, релятивизирующимися в ходе последующей рефлексии. Устойчивыми при этом оказываются лишь их логические (культурные) формы - регулятивные идеи, "пустые понятия без предмета созерцания".

История осмысления литературы начинается с первых стадий дифференциации литературной системы - формирования специализированной критики. На первых порах газетная и журнальная критика неотделимы от последующего систематического изучения литературы, ставшего позднее предметом преподавания в учебных заведениях и получившего академический характер в форме *литературоведения*. Длительное время это истолкование осуществлялось в ходе наблюдений и спекуляций над "сущностью" литературы, ее предназначением и необходимым кругом тем, сюжетов и т.п., что еще крайне близко к литературному манифесту. Неспециализированное сведение норм в замкнутую систему принципов, нормативных основоположений и правил того, что в совокупности составляет ту или иную "поэтику", "стилистику", короче, "канон" литературы ("подлинную литературу"), не имеет иных идеологических форм легитимации нормы, кроме социокультурного механизма обычая или традиции, т.е. апелляции к "всегда бывшему" или - уже в эрозированной форме - к прошлому, к "истории". Подобная "история", разумеется, подвергнутая методологической рефлексии, представляет собой не что иное, как проекцию определенной "нормы" или нормативного канона на историю, т.е. специфический подбор примеров, правил и т.п., подтверждающих значимую норму литературы определенного типа. Суггестивность этих концепций чрезвычайно велика, поскольку других средств методологической и аналитической рефлексии для современников не существует.

По своему логическому смыслу литературоведение представляет собой последовательную рационализацию ценностей, определяющих продуцирование (и, соответственно, оценку) литературных текстов, осуществляемую в процессе истолкования произведения. В соответствии с избранным под-

ходом это открывает перед социологом возможность анализа литературного процесса через призму соответствующих структурных образований литературной социальной системы: институтов литературоведения (если таковые имеются) - исследовательских учреждений, специализированных журналов, академий с соответствующими изданиями и т.п., т.е. всего многообразия институционализированных форм производства, хранения и передачи систематически рационализируемого знания о литературе, в котором осаждаются и кристаллизуются исторически наличные системы знания и идеологий литературы. Понятно, что за каждой из систем стоит определенная социальная группа, претендующая на монополию авторитета, т.е. на специфически определенную, "сущностную" интерпретацию литературы.

Исторические границы подобного процесса рационализации литературы можно определить, фиксируя трансформацию самого характера рационализации - от содержательной к формальной, т.е. от упорядочения и анализа самих репрезентируемых в литературе ценностей к изучению форм их репрезентации, "литературности" как конститутивной характеристике культуры. Это значит, что последним символическим элементом современного литературоведения, удерживающим еще групповую солидарность литературоведов, является методическое единство анализа литературности, раскрываемое как конвенциональность правил легитимного для литературоведа построения ("репрезентации") литературного текста - произведения. Или другими словами, специфический предмет современного литературоведения - экспрессивная техника эстетического конституирования текста. Если материальная рационализация произведения - оценка - вначале была преимущественной задачей философии литературы (поскольку поддерживалась претензиями литературы на выражении "сути" мира, "духа" времени, т.е. на статус "культуры" по преимуществу, о чем уже говорилось), то, постепенно - параллельно с эрозией метафизических оснований самой философии и отказом ее от спекулятивности собственных суждений, претензий на выражение "подлинных" оснований реальности (см., например, процессы формирования и трансформации философских "наук о духе", критику их Г.Риккертом, его концепцию "наук о культуре") - подобная практика все больше становится уделом текущей критики или даже публицистики, что является симптомом дальнейшей дифференциации литературной системы. При этом основания, критерии оценки текущего литературного потока, которыми оперирует актуальная критика, могут быть разделены на два типа: 1) предоставляемые

критике литературоведением, соответственно, принципы первичной селекции литературных образцов, сопоставляемых с образцами литературных авторитетов ("классики") - собственно литературная маркировка, и 2) лежащие вне сферы собственно литературы и имеющие многообразный культурный характер, репрезентируя в суждениях по поводу литературы и, соответственно, на литературном материале те или иные подсистемы культуры или социальной системы. В этом случае оценка может носить дидактический, моральный, религиозный, социально-политический и т.п. характер, т.е. отмечать или постулировать непосредственно социализирующий характер литературных образцов и идеологические стремления контролировать его, тесно смыкаясь с системой социального контроля (или даже переходя в нее при известных условиях).

Но вернемся к литературоведению, точнее, к границе, после которой аксиоматические основания практики литературоведения все более теряют силу. Если в период предформирования литературы (в том смысле, в каком мы терминологически задаем ее здесь), в классицистских обоснованиях поэзии эстетическая сфера толковалась предельно высоко^{*}, поэт объективистски уравнивался с сакральным авторитетом или священнослужителем, то современное литературоведение - будь то в форме семиотики, структурализма, герменевтики, мифокритики в духе Н.Фрая или "новой критики", - сосредоточено на проблемах правил, структуры построения текста. Характерная ценностная посылка интерпретации: объективирующий взгляд на произведение как на ценностно равномерно наполненный объем, без выделения специфически отмеченных ценностных структурных узлов - героев, ситуаций и т.п. (текст, а не герой, не ситуация является объектом внимания). Тем самым центральными проблемами становятся проблемы анализа легитимной конвенциональности сочленения различных культурных значений в литературной структуре текста, обнаружение системы различным образом определенных норм действительности, фикциональности построения произведения, за которыми стоит демонстрация самоценности авторской субъективности, автономности писателя, с одной сто-

* Ср. (1624 г.): "Поэзия вначале представляла собой не что иное, как скрытую теологию и наставление в божественном" - Опиц М. Книга о немецкой поэзии. - В кн.: Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980, с. 445. Характерно, что это именно поэзия, т.е. "высокая" литература или даже "литература как таковая". Проза несколько позже самообосновывалась по-иному: А.Фюретьер уподобляет свой "Мещанский роман" (1666 г.) "лекарю, прочищающему желудок при помощи легких, приятных слабительных". - Фюретьер А. Мещанский роман. М., 1962, с. 23.

роны, а с другой - выявление культурной обусловленности конвенциональных механизмов репрезентации значений и ее норм, герменевтической историчности семантики конструкций, метафорики. Раскрытие цитатности текста, собирание различных семантических контекстов значений, представленных автором в произведении*, воспроизводит и акцентирует ценность автономной субъективности, представленной как позицией писателя в культуре, так и самого литературоведа. Указание и демонстрация культурности (т.е. соединенности, "сделанности") форм репрезентации действительности обусловлено уже не содержательно, а процедурно - функциональным значением трансцендентального характера существования культуры: модусом ее существования является бытие автономной личности, удерживающей в акте сознания и творчества историческую память общества. Как писал Макс Вебер, "трансцендентальной предпосылкой всякой науки о культуре является не то, что мы определенную или вообще какую-нибудь "культуру" находим ценной, а то, что мы, культурные люди, одарены способностью и волей сознательно занимать определенную позицию по отношению к миру и наделять его смыслом".** Другими словами, в исследовательской проблематике, т.е. подходе к объясняемому материалу, соответственно, ограничении и отборе данных, а также и в средствах объяснения социолог может видеть теоретико-методологическую проекцию ценностей исследовательской группы литературоведов, определения культурной ситуации ее членами. Специальный анализ методами социологии знания показал бы конкретную обусловленность социокультурных позиций и определений, релевантных в той или иной группе или литературоведческой парадигме и определяющих специфику используемого концептуального аппарата. Однако существенно, что эта культурная ценность субъективности придает эстетически релевантный характер любому, в т.ч. и дисквалифицированному в иных ситуациях или в другом отношении объекту, вводимому в структуру художественного описания писателем или в структуру ее объяснения - литературоведом. (Последнее характерно и для иных сфер культуры; ср. втягивание дизайнера, в том числе - промышленного, в сферу эстетики: оценивание индустриальных объектов викторианской эпохи - цехов, машин, мельниц, шлюзов или детской игрушки, плаката, лубка,

* См., например, работы такого плана у М.О.Чудаковой, Г.А.Левинтона, Р.Д.Тименчика, Ю.Н.Левина или, напр.: Schaper E. Zwischen den Welten: Bemerkungen zu Thomas Manns Ironie. - In: Literatur und Gesellschaft vom neunzehnten ins zwanzigste Jahrhundert, Bonn, 1963, S. 330-364.

** Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1968, S. 180.

низовой литературы, комиксов и т.п. - как эстетических феноменов).

Аксиоматика литературоведения ограничивается кругом тем и положений, характеризующих функционирование "высокой", "элитарной" литературы (в смысле "лучшей", избранной, отбираемой). Ясно, что в самой характеристике высокой или элитарной какого-либо качества литературности еще не содержится: оно "привносится" идеологическим суждением той или иной литературоведческой концепции. Единственным операциональным признаком литературы такого класса, принимаемой во внимание литературоведом, становится "оригинальность" выразительности литературного произведения, т.е. "новизна" - тематическая, но, главным образом, - техническая, хотя разделить то и другое можно весьма условно.

Характер литературной инновации может быть фиксирован только лишь в сопоставлении с внутрилитературными интегративными стандартами - "классикой", состав которой содержательно постоянно меняется, сохраняя лишь несколько имен - символов, уже не столько литературной, сколько национальной и "мировой" культуры (например, Пушкин, Шекспир, Данте, Гете и т.п.). Достигнутый консенсус в отношении конкретного набора "бессмертных" полагает подвижную границу между зоной собственно литературоведческой работы и сферой актуальной литературной критики (хотя, разумеется, среди писателей-современников производится селекция, отбор кандидатов, сопоставимых - сопоставляемых - с "классиками"). Точнее, синтезированные критерии разбора и оценки литературного произведения, выработанные на материале канонизированной литературы, переносятся на произведения современных авторов. Соответственно, интегрирующими систему литературной культуры, а значит и структуры ориентации в процессах литературного взаимодействия, являются категориальные структуры определения и интерпретации литературных явлений - категории жанра, стиля, поэтики и т.п.

Ориентация на высокие образцы в анализе, интерпретации и включении в состав литературы влечет за собой ряд следствий, касающихся не только содержания самих образцов, но и характера оценки и техники интерпретации. Прежде всего, в состав высокой литературы попадают образцы определенного тематического содержания, т.е. целые пласты литературы отсекаются как "непроблематичные", как "нелитературные". Во-вторых, высокая "эстетическая ценность" литературного образца, идеологически отмеченного литературоведом, предполагает определенную технику его интерпретации и

оценки, базирующуюся на постулате "идеального", "адекватного" или "своего" читателя, от имени которого выступает литературовед.* Выдвигая нормативную концепцию истолкования (характерна здесь принципиальная невыявленность собственной ценностной позиции), литературовед исходит из необходимости прояснения "генезиса" создания произведения, его структуры и особенностей для "лучшего его понимания", т.е. предполагает "единственный" вариант понимания, как бы замещая самого автора. Принцип "адекватного" (или даже "превосходящего" его по полноте) истолкования произведения ("адекватного" автору, точку зрения которого апроприрует литературовед) имитирует тем или иным образом "историю" возникновения и создания произведения. При этом указывается либо на характер "влияний" и "заимствований" выделенных мотивов, тем, стилевых особенностей, либо - в более рефлексивной форме - на сферы и специфику культурных значений, идентифицируемых с тем или иным пластом семантики произведения и могущих гипотетически служить в качестве образцов для автора (причем и эти сферы значений маркируются как "авторские", отмеченные литературными авторитетами). Но так или иначе, матрицей объяснения и истолкования остается "творчество" автора в качестве онтологической предпосылки, имплицитующей исторический процесс создания произведения и, соответственно, исторического развития литературы. Разумеется, это не означает, что в каждом случае любой литературовед старательно описывает или детально реконструирует процесс написания текста, последовательно истолковывая из каждой фазы его создания эстетические особенности и художественное своеобразие всего целого. Принципиально важно, что сами структуры объяснения основываются на герменевтических канонах и категориях, которые все без исключения конституированы регулятивами адекватного прочтения, понимания, переживания и восприятия эстетического качества текста.

Постулируя вневременность "настоящей" классической литературы, релевантность ее для любых эпох или ситуаций, идеология нормативной литературной культуры с необходимостью выдвигает задачу канонической интерпретации и последовательно выявляет проблематичность ее решения. Параллельно с перманентной перестройкой корпуса классиче-

* Grimminger R. Das intellektuelle Subjekt der Literaturwissenschaft: Entwurf einer dialektischen Hermeneutik. - Neue Ansichten einer künftigen Germanistik. München, 1973, S. 15-47; Coste D. Three concepts of the reader and their contribution to a theory of the literary text. - *Orbis litterarum.*, Copenhagen, 1979, vol. 34, №4, p. 271-286.

ских авторов и текстов, правильность и авторитетность каждой новой интерпретации (а смена их обязательна как демонстрация "актуальности" классики), появление которой отмечает для исследователя формирование новой группы или позиции в культуре, может быть обеспечено в таком случае лишь за счет упразднения предшествующих истолкований. Деятельность подобного истолкователя, прокламирующего свою ориентированность на традицию и свою обусловленность современной, "исторической" ситуацией, демонстрирует для исследователя-социолога и "структурную амнезию"* традиции (содержательного единства литературы и ее истолкования) и - в претензиях на "единственность", неоспоримость и "верность автору" - отрицание своей историчности, т.е., короче говоря, обнаруживает свой характер и функцию групповой идеологии. Понятно, что проблематика исследования рецепции (и ее истории) будет при этом последовательно блокироваться, как и возможности собственно исторической и эмпирической работы исследователя литературы, что обуславливает позднее появление проблематики публики и восприятия в литературоведении и эксплицитное самосознание "рецептивной эстетики" идеолого-критического значения и потенциала своей деятельности.

Однако, рассматривая логическое своеобразие герменевтических средств и принципов интерпретации, можно с полной определенностью утверждать, что элементы канона являются методическими формулами интерпретации и оценки (т.е. рецептурными предписаниями "правильного" построения текста, а соответственно, его оценки) и не содержат констативных признаков или характеристик эмпирического описания текста или его теоретического анализа, т.е. исключают тем самым возможности его эмпирического изучения. Основанием подобной работы могло бы служить либо выстраивание системы генерализованных законов, являющихся предпосылкой причинного объяснения, т.е. образующих различные причинные ряды (что в истории крайне трудное предприятие, поскольку требование генерализации означает значительное разрушение ценности индивидуального характера исторического события), либо философская концептуализация и систематизация общезначимых ценностей культуры, которые в той или иной экстрактивной форме могли бы служить эксплицированной предпосылкой индивидуализирующего описания исторических феноменов литературы и сравнительно-типологического конструирования. И тот, и другой способ эмпириче-

* В том смысле, в каком это понятие используют культур-антропологи при исследованиях "мифологических родословных".

ского исследования литературы предполагал и фактически начал бы выход за рамки литературоведения, поскольку необходимым являлись бы в этом случае не только методические и теоретические средства, самим литературоведением не разрабатываемые, но и аксиоматические основания, рационализированные иными культурными сферами и в иных формах.

Таким образом, категориальный аппарат литературоведения является системой герменевтических канонов, правил, формул, фиксированных понятий "жанра", "стиля", "романа", "оды", "целостности" произведения и проч. Последние, в свою очередь, представляют собой не дедуктивные формулы или логические правила, типологические образования, позволяющие так или иначе верифицировать или фальсифицировать выдвигаемые гипотезы в отношении содержания или строения текста, а своего рода топику, топические точки зрения, служащие средством достижения определенного согласия в отношении текста, средством ведения интерпретации и дискуссии. Литературоведческая "истина" не тождественна "научной", а, соответственно, отличается от фактографической констатации эмпирического исследователя.* Однако, ориентируясь на идеал позитивной науки, особенно значимой для современного литературоведения, филология декларирует готовность подчиниться требованиям объективности, т.е. воспроизводства тех же результатов при интересубъективной проверке. Напряжения, открывающиеся в антиномических интерпретациях, свидетельствуют об идеологическом характере подобных форм аналитической работы. Каноны филологического труда являются лишь методическими формулами интерпретации и задают правила истолкования, постулируя необходимость определения "целого" и "частей", последовательности и связи различных переходов и т.п., но не содержат никаких элемен-

* Это можно показать, в частности, на рутинном использовании литературоведением критериев оценки и интерпретации одного и того же образца, в логическом смысле исключаящих друг друга (ср. "оригинальность", "органичность" и "литературность", "естественность" и "выразительность", "традиционность" и "актуальность" и т.п.). Самим эти критерии, наиболее полно представленные романтиками и условно синтезированные ими через отношение любых эмпирических литературных значений к абсолюту художественной субъективности, впоследствии дифференцируются таким образом, что каждый из них может выступать модусом литературности как групповой нормой ("девизом") того или иного направления или школы в литературоведении и критике (для них, естественно, непроблематичной), либо же включаться в открытый, постоянно и бесконтрольно переинтерпретируемый и никогда однозначно не определяемый набор подобных норм. Об интерпретационном "каноне" романтизма, процессах его складывания и рутинизации см.: Abrams M.H. *The mirror and the lamp: Romantic theory and the critical tradition.* - L., 1960. - XI, 406 p.

тов теории, т.е. содержательных, конститутивных признаков дескрипции или структуры объяснения, исходящих из определенным образом проведенного трансцендентального описания реальности. Функциональным восполнением, содержательным аналогом отсутствующей теории в процессах герменевтического истолкования являются постулаты соответствующих идеологических учений (что сравнительно редко) или ценностных представлений, групповых норм литературности, скрыто обуславливающих отбор элементов задаваемых "целостностей" канона и направленность объяснения литературных явлений (нормативный предел, к которому редуцируется проблематический феномен). Как и всякое идеологическое образование, представление о литературном качестве (о том, что такое тот или иной факт) обладает всеми признаками естественности, универсальности, "природности" и "самоочевидности"*.

Таким образом, задаваемая культурная ценность эстетического, приписываемая или "обнаруживаемая" в художественных текстах, может воспроизводиться и в трансцендентальной структуре авторской субъективности (ценность "эстетической автономии"), и в структуре объяснения и истолкования (герменевтические каноны и нормы филологии), и в самом "материале" литературоведения - конструкции и содержании всеобщей (универсальной, мировой и т.п.) истории литературы. Принципиальные (ценностные) особенности деятельности литературоведа остаются теми же, какой бы уровень литературы не затрагивала его работа: постулаты "адекватного" прочтения, "высокой" ценности образца, объяснение "из самого произведения", требование указать "генезис" и др. сохраняются. Иными словами, они не обладают никаким содержательным, предметным качеством, а являются методологическими, регулятивными (и в этом, социологическом, смысле - ценностными) максимумами.

Блокировка развития теории, вызываемая подобными аксиоматическими постулатами, конкретное содержательное наполнение которых зависит от действующих идеологий литературы, т.е. от соответствующих авторитетных групп в литературоведении, постоянно находит выход в обращении литературоведа к исторической работе. С логической стороны, в этом реализуется давление структуры "генетического" объяснения, т.е. функциональная необходимость причинного объяснения, вплоть до выстраивания династической цепи преем-

* Ср.: "Тогда как твердое определение литературы делается все труднее, любой современник укажет вам пальцем, что такое литературный факт". - Тынянов Ю.Н. Литературный факт. - В кн.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 257.

ников, являющихся одновременно предками (своего рода "этиологический миф" литературоведения, генеалогическое древо литературных генералов), а с предметной - задается идеологическая легитимация собственной авторитетности в культуре и литературе, производящая посредством бесконечного регресса отождествление собственных ценностных оснований и самоопределений с отдельными историческими (предварительно выделенными и оцененными) формами бытия различных образно-символических рядов, в их разнообразных манифестациях и декларациях, - т.е. опять-таки в "самом материале". Именно в этом и заключается смысл деклараций о "вечных" ценностях литературы, об "эстетических" способностях древних (хотя самому слову "эстетика" лет примерно столько же, сколько и "литературе" в нынешнем ее понимании), а также тех стремлений находить литературу (или такие ее подвиды, как "массовая" или "детская" литература) везде, где только можно. Ею становится и Ветхий завет, и сакральные гимны или поучения (например, Ригведа или Дхаммапада), и прославление харизмы вождя, как в саге или былине, и космологические или другие мифы, софистические диалоги, мистерии, тексты заклятий, магических формул и т.п. и т.д., т.е. практически всё, на что падает эстетизирующий взгляд литературоведа.* Существенно в подобном отношении к материалу - стирание культурного своеобразия соответствующих смысловых структур и определение их как подобных нашим собственным системам значений, что позволяет методологу характеризовать такую ситуацию как не столько "исследование" литературы (и культуры), сколько ее "изобретение", обнаружение или экспансию (проблематика, очевидная, скажем, для культурантропологии, где она систематически осознается и эксплицитно фиксируется**).

Возникающие вместе с идеей мировой истории литературы парадоксы историзма (идея "универсального объективирования" прошлого) образуют точную аналогию к парадоксам "множества всех множеств", не содержащего самого себя. Это схоже и с конструкцией рабочих процедур литературоведа, отмеченных характерным ролевым конфликтом - "теоретика" и "историка" литературы. Логические парадоксы такого рода

* См. разбор Г. Зиммелем эстетической установки, ее ценностного и семантического характера на примере функционального значения "рамки картины" и "портрета", вводящей в экспрессивное ценностное, "оценивающее" поле любой предмет, взятый в рамку. См.: Simmel G. Der Bildrahmen. - In: Simmel G. Zur Philosophie der Kunst. Potsdam, 1922, S. 46-54.

** Wagner R. The invention of culture. - Englewood Cliffs, 1975. - VIII, 168 p.; Zingerle A. Kontextverfremdung als methodisches Verfahren. - Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 1979, Jg. 31, H. 3, S. 587-610.

оборачиваются семантическими парадоксами и им отводится соответствующая роль: чтобы быть универсально-историческим, необходимо излагать повествование одновременно с самими описываемыми событиями. Другими словами, решение этих парадоксов требует догматического, аксиоматического, спекулятивного и т.п. постулирования, т.е. введения в структуру объяснения априорных компонентов. Обычно это предполагает телеологическое или какое-то иное смысловое истолкование развития литературы (например, "эволюцию"). Но поскольку выстроенная история отлична от "возможной универсальной объективации структуры объективирующего воспроизводства прошлого", то неизбежны "характерные трансцендентальные мнимости", эпистемологически осознаваемые как разнообразные антиномии.* Самим литературоведением обнаружение подобных противоречий и опыты их снятия не производятся. Специфический способ трактовки возникающих расхождений или разногласий - упразднение предшествующей "истории" литературы и (как это и должно быть в соответствии с характером идеологических построений) целостное замещение новой конструкцией, представляющей собой очередную содержательную проекцию ценностей группы на интуитивно представляемый, в этом смысле аморфный и неопределенный, ряд социально-исторических изменений и трансформаций (таким же образом осуществляется и построение "истории теорий" литературы). Поэтому не случайно, что в литературоведении любой опыт теоретизации принимает форму "систематической" истории литературы, равно как и построение историй литературы не мыслится без предиката "теории". Выход из этого "круга" (опять-таки, герменевтического, однако большего объема) для социологии может быть указан в анализе идеологий литературы, точнее, тех групп (смысловой структуры социального действия), которыми устанавливается связность литературных процессов и явлений.

Остановимся только на одном специальном обстоятельстве: символическом значении "теории" (категориального аппарата, герменевтических канонов и их составляющих) для поддержания групповой сплоченности, т.е. поддержания стандартов "группового действия" (и прежде всего - процедур объяснения и интерпретации). Покажем это на двух примерах - категориях жанра и массовой литературы.

* Seebohm Th. Zur Kritik der hermeneutischen Vernunft. Bonn, 1972, S. 85. Экспликацию содержательных оснований временной модели, лежащей в основе подобных представлений, Т.Зеебом осуществляет с помощью гуссерлевской техники анализа сознания времени. Г.Риккерт провел ее с помощью теоретико-познавательных средств конструкции "истории".

После "литературы" наиболее общей категорией не только литературоведения, но и искусствознания является категория "жанр". Именно через нее осуществляется первичная процедурная маркировка и тематического, и экспрессивно-технического своеобразия произведения литературоведом, поскольку тем самым задается известное соответствие тематизируемых ценностей, определений реальности и т.п. Вместе с тем, обычными давно уже стали пени на то, что дать однозначной дефиниции жанру не представляется возможным, так как в практике обязательно найдется ряд значимых примеров, разрушающих границы определяемого. Соответственно, исторической социологией подобный тип проблем (идеологических определений и средств определения ситуации) может быть решен только при трактовке таких значений в качестве элемента группового действия, т.е. устройства, конституирующего смысловую структуру действия.

Проблема жанра в литературе и искусстве, необходимость классификации эстетических феноменов (на что указывает уже сама семантика понятия, отсылающая к содержательной стороне какого-то определенного силлогизма, строящегося по формуле: общий род и видовые отличия) или - в позднейшем варианте - приравниваемых к ним образно-символических форм выражения (ритуал, эмблематика и др.), либо даже "практических" средств повседневного взаимодействия ("речевые жанры" у М.Бахтина или Ц.Тодорова), - возникает в совершенно определенных ситуациях. И именно анализ этих ситуаций дает возможность преодолеть как крайности релятивизации любой вновь возникающей эстетической группы, выступающей с манифестациями в оппозиции к канонам предшествующего этапа, так и догматической системы различных учений, включая и концепции учебников. Общим признаком подобных ситуаций является то или иное сознание "кризиса", эрозии традиционной практики образно-символического выражения, вызывающей усилия определенной группы, сознающей эту эрозию, по поддержанию (как правило, выдвигаемые в форме "восстановления", "сохранения") определенной ее нормы. Интерес в сохранении значимости подобной нормы является стимулом к рационализации, кодификации аморфной, обыденной, рутинной традиции выражения. На этот момент заинтересованности в поддержании или, точнее, установлении нормы указывает прямая оценка форм действующей практики. И в этом смысле положение несколько не изменилось со времен Аристотеля или Буало.

Нормативная оценка, предполагающая известную иерархию ценностей, шкалу экспрессивно-символических форм,

базируется на их замкнутой систематике, а соответственно, конкретная оценка единичного артефакта отсылает к наличной тотальности, целостности априорных канонов, причем каноничность интерпретации осознается при рутинной работе как каноничность "самого" кодифицируемого материала. Другими словами, эмпирический анализ эстетических проявлений, начинающийся с историзации нормативных систематик и кодификаций, должен дать ответы на вопросы, кому и в каких условиях бывают необходимы законченные, замкнутые классификации эстетических форм, кто вводит, при каких и на каких условиях принимаются согласованные определения эстетической практики, т.е. как складывается консенсус в отношении социальной и культурной реальности и т.д. Соответственно, понимание усилий и действий по поддержанию и заданию нормативного состава культуры (кодификации, систематизации и упорядочению действующих и значимых образно-символических форм, маркировке феноменов и т. п.) может реализоваться только в перспективе конкретного анализа определенных интересов группы - агента и носителя процесса рационализации. При этом осью организации символического состава культуры, как уже говорилось, остаются прежде всего временные механизмы ("традиция"): ценностные ориентации на значимые образцы "прошлого". Понятно, что категория традиции вводится в данном случае рефлексивно, а дихотомизация "прошлое" - "настоящее" является эффективной формой определения актуальной для кодификаторов реальности, т.е. выступает как проекция ценностных представлений группы, фиксирующей в образцах "прошлого" значения "самодостаточных" авторитетов, или, иначе, очерчивающей границы допустимой гетерогенизации культуры. Собственно эстетическую специфику образуют такие символические конструкции, в которых функции самодостаточности придаются персонажам, "незаконно", иллегитимно присваивающим себе право на самоопределение, на свободу и автономность поведения, на индивидуально-субъективный произвол действия (например, Эдип, Медея, Макбет), приличествующее лишь богам, царям и року. Символически это выражается как предельно высокий социальный и/или культурный ранг трагических героев.

Устойчивые схемы организации тематизируемых конфликтов и ложатся в основу формулы интерпретации, образующей целостность жанрового "рода", т.е. в учение о трех стилях, разработанных еще в античности. Основу их соответственно составляет иерархия внелитературных значений (назы-

ваемая в средневековых трактатах "колесом Вергилия"). Таким образом, начавшийся в подобной форме процесс рационализации, т.е. построения кодификационных и классификационных систематик образно-символических форм, включая и литературные, имеет своим пределом всеобщую культурную легитимацию субъективного самоопределения и субъективного определения действительности, иначе говоря снятие социальной маркировки (указаний на социальный или сословный ранг персонажа) со значений проблематики личностной идентичности. В таком случае, группы кодификаторов (и, соответственно, их высокий статус и авторитетность в культуре) утрачивают свою нормативную силу единственных законодателей в этой сфере, поскольку именно подобный статус и коррелирует с высоким социальным рангом лиц, героев, персонажей, репрезентирующих собой проблематику легитимной субъективности в указанной культурной сфере. Дифференциация социокультурной системы, предполагающая ту или иную степень относительной автономизации литературы, а соответственно, культурный плюрализм современного общества, дифференцированность типов действия и интересов групп творцов и интерпретаторов делает невозможным (прежде всего - для исследователя) представление какой-либо эстетической классификации или системы как единственно авторитетной.*

Если в условиях нормативной литературной культуры за создателем символических образцов социального действия (в самом широком смысле) - поэтом или писателем - культурно закреплены функции фиксации (в принятой здесь логике рассмотрения) границ ценностно-нормативной эрозии, аномичности, а значит, и интеграции - через указание ограничений - применительно к культуре в целом, то группа кодификаторов образно-символических структур осуществляет через процедуры систематизации, упорядочения и т.д. интеграцию *литературной* культуры, точнее - ее нормативного ядра (или же, в отдельных ситуациях, литературной культуры как нормативного ядра культуры в целом), чем и определен, а значит и ограничен, в том числе и во времени, ее культурный авторитет. Изменение содержания *ценности* литературы в культуре влечет и изменение статуса ее интерпретаторов.

Фундаментальный характер изменений социокультурной системы Нового времени (конец XVIII - начало XIX вв.), от-

* Разумеется, это не касается личных вкусов или пристрастий исследователя, заставляющих идентифицировать себя с каким-то типом художественной культуры. Речь идет о методологической и ролевой невозможности.

мечаемый как интенсификация процессов дифференциации, исследователь литературы может фиксировать и на собственном материале. Это время перехода от исчерпывающих классификаций экспрессивного и тематического состава "литературы и искусства", от нормативного предписания к аналитической реконструкции норм производства самих "литературных" форм, инновационных элементов, а соответственно, и описания значений, тематизируемых в литературе данных типов. Другими словами, наряду с прежде единственно полномочным кодификатором образно-символических форм, предписывающим ту или иную рецептурную практику, возникают столь же авторитетные и становящиеся все более многочисленными фигуры интерпретаторов (критиков, философов, литературоведов, фольклористов и т.п.), задающих принципиально иное - проблематическое - упорядочение, частичность которого определена их теоретическими, или, шире, аксиоматическими, культурными интересами. А это уже значит, что в методологическом плане проблематика "жанра" приобретает постепенно совершенно иной порядок развертывания и функциональный смысл. Для исследователя-эмпирика представляется уже предпочтительным говорить не о "классификации", а о типологии, идеально-типических конструкциях тех или иных выдвигаемых, исторически конкретных систематик, имеющих принципиально открытый характер, поскольку основой их так или иначе становятся смысловые структуры исторических форм литературного поведения (прежде всего - авторского, но не только его). Исследователь при гипотетической реконструкции или анализе типологических структур текста и совокупности текстов вправе предлагать (и говорить о них) лишь известные наборы знамиевых средств и методические правила их сочленения, организации, которые он отбирает в зависимости от собственной задачи, т.е. в зависимости от характера конструируемого типа литературного действия (как правило, конституируемого через тип условного читателя, модального читателя). Наряду с этим, сама структура "теоретических построений" в современном литературоведении делается предметом изучения либо методолога (в аспекте корректности и непротиворечивости построений), либо социолога знания, рассматривающего их не только исходя из задач понимания проблематики исторически конкретных мыслителей и систематиков, но и принципов отбора концептуальных элементов, их социокультурной и социально-ситуативной обусловленности и т.п.

Однако нормативные жанровые компоненты литературной культуры не исчезают, а составляют один из пластов мно-

гоуровневой организации литературы. Эти элементы в самом материале литературного произведения (метафорике, композиционных особенностях, соответственно, в языке героев и типовых структурах их мотивации и т.п.) или в качестве предмета исследования в литературоведении образуют наиболее консервативную часть культурных значений, обеспечивающих воспроизводство и сохранение стандартов литературной культуры, чаще - особенно во втором случае, в литературоведении - даже в качестве механизмов поддержания организации литературной культуры. Так, если проблематика жанра постепенно вымывается из обихода критики, то она остается в качестве формообразующего принципа или содержательного субстрата определений реальности в самой литературе, в произведении (это особенно значимо для массовой, тривиальной литературы, которая пользуется, как правило, рутинными, "стертыми" нормами реальности, содержащими компоненты актуальной проблематики элитарной литературы на предыдущем этапе ее развития). Можно это детально проиллюстрировать на примерах обращения с экспрессивно-символическими формами античного "литературного" или "эстетического" наследия. Приданный античности статус изначальной эпохи, прекрасной поры детства человечества (общее место в классицистских и романтических риторических обращениях к античности) превратил ее в "заповедную" сферу методологизации, т.е. она стала экраном, символическим пространством "беспрепятственной" (поскольку - вполне фиктивной) реализации и проекций культурных интенций авторитетных групп интерпретаторов. Функциональное значение таких референций к подобной "фиктивной античности" в самоопределениях эстетической практики европейского классицизма, Нового и новейшего времени состояло в маркировании воображаемых пределов литературной культуры (посредством ввода мифологемы "первого" и "последнего" поэта) и интеграции значений, очерченных этими фиктивными границами. Содержание традиции ("античное наследие"), будучи трансформировано в призмах различных культурных систем, универсализировалось и последовательно превращалось в образцы, правила, примеры, аллегории и т.п., утратив с течением времени сколько-нибудь содержательную определенность. Тематические образования античной культуры, став до неузнаваемости стертыми формами "высокого" или "красивого", тематически пустыми, превратились в динамические механизмы организации культурного пространства, вроде феноменологических "интенциональных горизонтов", в значимые формы культур-

ной идентификации. Аналогом этого в современности можно считать и такое функциональное образование как "литературная классика".

Разрушение жесткой иерархии оценок, фиксированной жанровыми канонами и определениями, наиболее последовательно и основательно производилось романтизмом. Романтики, выдвинув в качестве единственной инстанции культурного авторитета метафору авторской субъективности - тематически пустую фигуру "гения", выбили основание у претензий на универсальную значимость образцов классицизированной античности. Вневременности (вечности, бессмертности, совершенству) канона классицистов они противопоставили конструкцию современности, субъективной значимости "настоящего", "мгновенного" (и - в этом смысле - "небывалого" и "неповторимого", т.е. собственно "оригинального"), а общезначимости античности представили альтернативную ценность локального своеобразия любой "древности" (т.е. "почвы" - германской, шотландской, славянской, экзотического Востока и т.п.).

После этого перелома задача интерпретатора все более стала осознаваться как описание и объяснение (в отличие от предписаний кодификатора) распавшегося и тематически и риторически умножающегося универсума значений культурной традиции. Единство описываемого материала после этого задается лишь познавательным интересом интерпретатора и совокупностью методических процедур, эксплицитно применяемых им.

Обнаруживающаяся проблематичность новых эстетических практик (романа и т.д.), каждый раз осознаваемая как "кризис" культуры, единство которой определяется значимостью традиции, обуславливает кодификацию нетрадиционной практики в категориях авторитетных образно-символических сфер (сменяя друг друга - ритуал, эмблематика, музыка, живопись, театр и т.п. для литературы), более того, выступает в качестве опознаваемого признака, на который ориентируются в попытках тем не менее строить содержательную жанровую определенность.

Применительно к проблематике "массовой литературы" внимание социолога прежде всего задерживается на том факте, что в поле внимания литературоведения и даже актуальной критики попадает сравнительно ничтожная часть всего массива вновь поступающей литературной продукции. Выводы социологических наблюдений над тем, что большие организации работают на самих себя, уделяя большую часть средств и уси-

лий на самовоспроизведение, в известном смысле могут быть отнесены и к "высокой" литературе и ее институтам, фиксирующим наиболее существенные механизмы и темы культуры. И это кажется тем более странным, что в реальном чтении, т.е. в общем объеме прочитанного широкой аудиторией за определенную единицу времени, высокая, традиционная и авангардная, элитарная литература составляет несравнимо малую часть.

Обычные оценки, практикуемые в нормальном литературоведении, определяют массовую (она же - низовая, тривиальная, банальная, макулатурная, развлекательная, популярная, китчевая и т.д.) литературу как стандартизированную, формульную, клишированную, подчеркивая тем самым примитивность ее конструктивных принципов и экспрессивной техники. Однако внимательный анализ обнаруживает чисто идеологический характер подобных групповых оценок.* Для нас социологически релевантным всегда остается вопрос, кто определяет "избитость", "шаблонность" построения неканонических произведений. Сопоставительный анализ средств "массовой" экспрессивной техники и правил организации реальности, действия и т.п. обнаруживает те же самые принципы, что в высокой и даже в авангардной литературе (более того, те же принципиально конвенции фикционального построения экспрессивно-символического ряда релевантны и для еще более "популярных" и "примитивных" форм - комиксов**): сложную систему рамок реальности, поток сознания, формы конституирования "я" или реальности, предметности, исходя из различных точек зрения и проч. Очевидно, что имеет место чисто оценочный и идеологический перенос содержательного, тематического момента на систему конструктивных принципов. Низовой массовой литературе отказывается в легитимном праве на проблематизацию определенных содержательных ценностно-нормативных значений, а именно тех, что

* См., например, работы: Schulte-Sasse J. Literarische Wertung. - Stuttgart, 1976. - IX, 219 S.; Schulte-Sasse J. Die Kritik an der Trivialliteratur seit der Aufklärung. - München, 1971. - 162 S.; Kreuzer H. Trivialliteratur als Forschungsproblem. - Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, Stuttgart, 1967, Jg. 41, H. 2, S. 173-191; Klein A., Hecker H. Trivialliteratur. - Opladen, 1977. - 182 S.

** Kraft U. Comics lesen: Untersuchungen zur Textualität von Comics. - Stuttgart, 1978. - 205 S.; Harvey R.C. The aesthetics of the comic strip. - J. of popular culture, Bowling Green, 1979, vol. 12, №4, p. 640-652.

Характерно, что в одном из последних трудов, посвященных проблематике "текста в тексте", примеры используются исключительно из определенного типа элитарного и высокого искусства. - См.: Текст в тексте. - Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981.

считаются значимыми для функционально дифференцированных и специализированных групп символических "носителей" культуры (в том числе и литературоведов). Однако, в силу характерной переориентации современного литературоведения и части критики с содержательных компонентов текста на способы их организации в произведении (о чем см. ниже, с.96-97) дисквалификация массовой литературы проводится по критериям оригинальности экспрессивной техники, релевантным, собственно, лишь для групп, поддерживающих авторитетность высокой литературы и элитарных стандартов ее интерпретации (использование в данном случае именно этих критериев оценки как раз и служит для исследователя-социолога указанием на соответствующие инстанции маркирования).

Прокламируемая непроблематичность массовой литературы - это непроблематичность в отношении определенных ценностей и норм, т.е. чисто групповая и в этом смысле идеологическая оценка. Детальный разбор и демонстрация этого тезиса, по вполне понятным соображениям "жанра" и объема не могут быть здесь приведены; можно указать лишь на функциональное различие значений, тематизируемых "высокой" (элитарной, классической) и массовой литературой. Если в первой основную проблему занимают механизмы и формы репрезентации и консистентности личностной идентичности, включая ее культурные компоненты и референциальные символы, характеризующиеся предельным культурным универсализмом,* то в массовой литературе тематизируются прежде

* Универсализм культурных значений - обращение к неограниченному исторически и регионально многообразию форм человеческого выражения, мысли, символов, идей и верований - означает нерезультативность какой-то нормативной системы культуры, изменение характера семантической регуляции: семантика значения в этих случаях не предполагает фиксации какого-то одного смысла, а имеет в виду лишь общий принцип организации смысловой взаимосвязи, смысловых целостностей. Это значит, что осмысленность всего целого, контекста, системы построений устанавливается не однозначно (т.е. не носит характера группового определения), а производится индивидуально и обладает исключительно личностным своеобразием и значением. Действие индивида в этом случае имеет вполне автономный или, как сказал бы социолог, ценностный регулятивный характер. Именно этот момент и позволяет соединять различные культурные значения идей и символов, изъятых из нормативно фиксированных контекстов, и образовывать "свои" семантические миры, как, например, это предполагается М.Булгаковым в "Мастере и Маргарите" или Т.Манном в "Докторе Фаустусе". Сама возможность, идея личностного самоопределения предполагает, более того - требует от индивида значительных усилий по синтезу противоречивых и гетерогенных ценностных значений, обращения к разнородным сферам и нахождения самых общих принципов их согласования. Из сказанного ранее понятно, что подобное семантический материал предоставляет в первую очередь (хотя и совсем не обязательно только она) литература, причем тематически специфическая литература.

всего формы редукции неопределенных значений индивидуальности, персональности, к символам над-индивидуальных общностей - символам социальных коллективов, национальной, профессиональной, социальной, политической, религиозной и проч. идентичности. В этом смысле в элитарной литературе (шире - культуре) имеет место процесс деструкции и структурной рутинизации конвенциональных значений и ценностей автономной субъективности - формирование специфических типов социокультурной регуляции, интернализация универсалистских образцов и личностная автономия как форма их репрезентации, т. е. институционализация социокультурной системы (в специфически социологическом значении этого понятия), важнейшим, а в ряде социокультурных систем, например, модернизирующихся культурах - просто единственным механизмом которого является литература. Именно поэтому литература в качестве коммуникативного и предиктного символа потенциала ценностных значений представляет собой предпосылку существования центральных символических значений культуры, ее ядерных семантических структур, и именно поэтому она сама означается как "вся культура" в обычном оценочном или бытовом смысле (или "главнейшая ее часть").

Массовая же литература - в тематизируемых ею формах - редуцирует потенциальные аномические последствия индивидуального произвола, т. е. автономной субъективности, указывая ее пределы и легитимные основания, лежащие в символических объективациях различных социальных общностей. Другими словами, функционально и типологически массовая литература производит то же действие, что и до-литературные (до-романные) образно-символические экспрессивные формы (классицистские и проч.). Отсюда же частое заимствование некоторых конструктивных или семантических особенностей, на сходство с которыми обычно указывают исследователи: подобие мелодрамы высокой трагедии, сохранение оды или сатиры в качестве газетного жанра, театральность ("пространственная" представленность героев, описательность картин) массовой литературы, точнее некоторых ее форм, "ложная" эпичность, архаизирующая метафорика, мифологические герои-братья и другие формы традиционализации. Однако дело не в самих этих формах и принципах - в элитарной литературе они применяются столь же часто; дело в их функциональном различии.

Литературность, цитатность массовой литературы не меньшая, чем у высокой, но роль ее иная: "литературностью" (любого рода - языка, стилистики, героев, композиции и т. п.)

в этом случае удостоверяется онтологичность изображения реальности. Явные литературные присадки играют роль метафизических, онтологических предикатов определений действительности, они - знаки самой "жизни" в ее оформленности и (хотя бы потенциальной) осмысленности (судьба, провидение), указания на подлинность или документальность репрезентации изображения и тематизации значений в тексте.* Посылка подлинности изображения является условием значимости репрезентации нормативных регулятивных структур, тематизируемых в том или ином аспекте. Без этой посылки невозможно было бы социализирующее воздействие литературы, поскольку обнаружение фикционалистского плана репрезентации социальных норм, их символического модуса лишает их нормативного характера, конституирующего принудительный или обязательный способ социального взаимодействия, т.е. литература перестает поддерживать в дифференцирующемся (в ситуациях социального изменения) обществе образцы нормативного действия.

Таким образом, массовая литература "дотягивает" посредством чисто литературных элементов изображения актуальной, современной и в этом смысле проблематичной** для той или иной социальной группы реальности до ее нормативных определений, до "долженствующего быть" и, соответственно, помечасмого чертами традиционной маркированности, значимости - праздничностью, экстаичностью, красотью, утопичностью (локализацией вне бытового, профанного пространства и времени) и т.п. В отличие от массовой "высокая" литература демонстрирует литературный характер произведения; в прямой форме обнаружения цитатности указывает на материал и источники своей "сделанности", т.е. воспроизводит знаковый характер своего построения. (Отсюда и интерес семиотиков к анализу этой знаковости). Демонстрация подобной литературности, т.е. очевидности литературного материала, вторичного использования семантических образцов для построения новых текстовых образований есть демонстрация культурного характера литературной деятельности, репре-

* Формы эти могут быть, разумеется, самыми разнообразными. Можно сказать, к примеру, что "жизнь" героя точно воспроизводила перипетии шолоховской "Судьбы человека", или, в качестве знака проникновения в глубины народной жизни, дать краткий пересказ гоголевской повести, например, "Страшной мести", играющей роль фольклорной реалии.

** Проблематичной, разумеется, в тематизируемых нормативных аспектах - сексуального и межпоколенческого взаимодействия, идеологической или национальной солидарности, инструментального целедостижения и проч.

зентация аналогичных принципов построения произведения, что и культуры в целом.*

Поэтому и становятся возможными тривиальные в литературоведении суждения о произведении как космосе, микрокосмосе культуры ("Евгений Онегин" - энциклопедия или зеркало русской жизни), подобии определенного жизненного фрагмента и т.д. В значительной степени это, разумеется, оправдано доминантной литературной формой - романом, жанром, воспроизводящим в своей интенциональной структуре отдельную биографию, "судьбу".** Раскрытие способа удержания и синтезирования различных значений - индивидуальное сознание, автономия, личностная воля, культурная память, самоопределение индивида в мире и т.п., т.е. все конститутивные признаки нововременного понятия культуры как идеала и практической задачи "культурного человека", самосовершенного, самопознающего сознания, не имеющего никаких опор вне себя, критически осмысляющего догматы окружающей интеллектуальной среды, короче, все эти признаки "культуры" как они были конституированы в немецкой традиции Просвещения в конце XVIII в. - узаконили и эстетическую автономию субъективности, лежащую в основе "высокой" литературы. Гомоморфность литературы этого типа и культуры (в ценностном, социологически не специализированном понимании) - условие разрушения рутинного консенсуса реальности и выработки средств нахождения новых символических образований, обуславливающих перманентный

* Поэтому в высокой и авангардной литературе (например, у Пушкина, Л. Толстого или Г. Флобера) может демонстрироваться литературность, цитатность, риторичность, т.е. культурность, самой изображаемой "действительности".

** Более того, здесь обнаруживается принципиальная общность элитарной литературы с иными предметными сферами - наукой, философией и т.п. Характер изменений в этих сферах совершенно аналогичен: для западной философии - перенос акцента на гносеологическую, теоретико-познавательную и методологическую проблематику, ставшую значимой в связи с критикой метафизических систем и утверждением исследователя как единственной правомочной инстанции определения реальности, т.е. легитимацией субъективного теоретического интереса как трансцендентального основания суждений о наличной предметной реальности и ее структурирования. Точно так же и в литературе этого типа единственным носителем реальности становится автономный поэт, писатель и его формы репрезентации: "фиктивное я", поток сознания, "первое лицо" как рамка повествования и т.п. Подобные конститутивные формы художественного текста в их отмеченности и воспринимаются литературоведом как признаки изолированной выразительности, составляющей индивидуальное достижение того или иного авторитетного писателя (например, в приемах остранения у Л.Н. Толстого и т.п.).

процесс установления личностной и культурной идентичности, т.е. культурной адаптации к постоянному и интенсивному социокультурному изменению.

Таким образом, проводимое литературоведением различие между высокой и низкой, массовой, популярной литературой, определяется не конструктивными принципами, а тематическими значениями, или - в строгом социологическом, терминологически закреплённом языке - семантикой типологически различных регулятивных образцов: ценностных (универсалистских) в высокой литературе, нормативных в массовой. Для каждого типа регулятивных механизмов специфичными оказываются и соответствующие литературные образцы, так что эффективность педагогического воздействия прямо коррелирует с характером значений, представленных в литературе: * согласно данным многочисленных исследований, проведенных в разное время в различных странах, удельный вес обращения к "хорошей" или "классической" литературе в общем объеме чтения крайне невелик.

Если ограничиваться только имманентной логикой развития изучения литературы - что в данном случае существенно для нашего изложения - и не принимать в расчет "внешних" культурных и социальных обстоятельств, играющих важнейшую, если не решающую в целом роль в постановке тех или иных проблем, то можно полагать, что внутренний процесс рационализации литературоведения (а он выражается в трех основных формах: рационализации суждений а) о предмете литературного изображения; б) о способе представления тематизируемых значений и в) об экспрессивных средствах репрезентации) рано или поздно ставит вопрос об эмпирическом изучении литературы. К этому приводит давление уже и "логических" моментов. Формальное рассмотрение истории инструментария при растущей тенденции к вытеснению содержательных телеологий по крайней мере из сфер специализированного знания обязывает исследователя для понимания смысловой обусловленности технических средств обращаться к анализу их общекультурного контекста, дабы обнаружить в нем детерминанты процессов развития собственно инструментальной техники. Это, в свою очередь, вызывает и существенные трансформации методической структуры исследования. Наряду с обычными приемами описательного, индивидуализирующего литературоведения, вводятся генерализирующие

* Dahrendorf M. *Literaturdidaktik im Umbruch*. - Düsseldorf, 1975. - 321 S.; Platte H. *Soziologie des Taschenbuches*. - In: Platte H. *Zur Soziologie der Massenkommunikationsmittel*. München, 1965, S. 97-146.

методы сравнительно-типологического объяснения, понимающие методы герменевтики, принципы структурализма, источниковедческие процедуры и т.п., с влиянием которых, кстати, и связываются перманентные ситуации "банкротства критики" в новейшее время.

Другими словами, историзирующая точка зрения, неизбежная при обращении к эмпирическому изучению литературы в различных культурных контекстах, релятивизирует действующую норму, канон литературы. Новая ценностная позиция, последовательно стимулирующая подобную релятивизацию (т.е. иной метод, если он доводится до известной стадии систематизации и кодификации), зачастую институционализируется в самостоятельное направление, или, как это часто формулируется, особую "предметную" сферу изучения.

Исторический подход, тем более, формирование историзирующей точки зрения, оказывается чрезвычайно мощным исследовательским приемом, интенсифицирующим дифференциацию сфер исследования в самых разных областях науки. При последовательном развертывании этого подхода (или методической позиции) возникает весь спектр методических, методологических и содержательных проблем эмпирического научного познания. Применительно к нашему материалу можно выделить три решающих комплекса вопросов, возникающих при развертывании этой позиции:

- конкретность и историчность при рассмотрении явлений литературы - анализ смысла литературного поведения с учетом всех индивидов и групп, каким-то образом связанных с функционированием литературы, с литературными феноменами. Это предполагает типологическое изучение как ценностей и норм данной социокультурной системы, так и семантической структуры ситуации, в рамках которой определяется характер конституирования и протекания соответствующего "социального литературного действия";

- функциональное значение различных обобщенных образцов литературного в определенной культуре и социальной системе;

- релятивизация собственных нормативных представлений исследователя, что возможно лишь как построение определенной методологии, отдельной от соответствующего концептуального описания предметной, содержательной реальности (теории). В свою очередь, методология предполагает и требует от исследователя теоретико-методологической саморефлексии, т.е. контролируемой экспликация собственных познавательных ценностей, от которых аподиктически зави-

сят и структура научного объяснения и отбор объясняемого материала.

Другими словами, при систематическом проведении историзирующей точки зрения складывается развитая парадигма научного исследования, содержащая не только концептуальные схемы анализа, но и рефлексивно включающая условия собственного образования и систематического развития. Достижение подобного статуса является гарантией от опредмечивания исследователем собственных - как логических, так и содержательных - представлений.

Историзирующий подход открывает в ходе своего применения новые содержательные области. Таковы, например, привлекающие общее внимание феномены не-канонической литературы, незаслуженно дискриминированной как "тривиальная", "банальная", "развлекательная" и т.п. С другой стороны, здесь можно указать на комплекс литературно-эстетических образцов и переживаний, не кодифицированных в рамках традиционных ("аристотелевских") эстетических категорий - "абсурдное", "ненавистное", "нелепое", "болезненное" и т.п.*

Историзирующая стадия в изучении литературных процессов и явлений содержательно ознаменовалась появлением проблематики "литература в восприятии читателя" в так называемых "исследованиях рецепции". Начав с описания отношений публики к тому или иному произведению, писателю или типу литературы, это направление постепенно включило в круг исследуемых вопросов "нормы вкуса" различных категорий читателей. Впоследствии оно было вынуждено каким-то образом дифференцировать читательскую публику, типологизируя аудиторию не только по обычным содержательным параметрам, вроде критериев "оценки" произведения. (Последние имплицитно еще сохраняли ценностную иерархию "высокой" литературы, а определяемая ими нормативная квалификация равнодушия массового читателя к мировым эстетическим шедеврам и рафинированнейшим образцам современной литературы как "дефектного" все разительнее демонстрировала свою эмпирическую нерезультативность на огромной массе культурно и социально "нелигитимных" явлений литературного производства и читательского поведения). Однако даже этот, в целом еще только начальный, этап эмпирического изучения литературной системы оказал чрезвычайно сильное влияние на академическое литературоведение. ог-

* См.: Die nicht mehr schöne Künste: Grenzphänomene des Ästhetischen. - München, 1968. - 735 S.

раничивавшееся прежде лишь сферой "литературного" и в огромном большинстве случаев - уже признанного в качестве "талантливое", "творческого" и т.п.

Новая проблематика, возникающая под этим влиянием, была связана с идеей чисто методического "перенесения" агентов (и основных структур взаимодействия) культурных и социальных систем в структуру литературного текста. Другими словами, теперь уже ставились задачи определить характер и границы понимания, рецепция, оценки и, соответственно, интерпретации литературного текста, исходя из "внутренних" систем экспектаций автора, его адресаций к некоему набору типов "внутреннего", "имманентного" или "имплицитного" кондиционального и модального читателя. Изохронная техника анализа и реконструкции, развитая в работах представителей рецептивной эстетики и близких им исследованиях способов репрезентации реальности - времени, пространства, структуры мотивации, характера каузального причисления, - опыт герменевтического прослеживания культурных, семантических архетипов и наслоений в компонентах и структурах экспрессивной техники, сюжете, функциональных переменных (героях), формульных схемах построения литературного произведения привели исследователей к необходимости учитывать возможности социологии знания, накопленные ею в изучении социальной обусловленности ментальных процессов и знаниевых форм.

Другим направлением стало изучение социальной системы литературы. Поставленные в связь с условиями их производства формы литературного выражения (несомые ими ценностные значения) были подвергнуты в рамках собственно социологии методически корректному и систематическому анализу. Он охватывал как социологическое описание профессиональной деятельности и статуса писателей (среда рекрутирования, формы и системы поддержки и экономической зависимости, профессиональные объединения, условия признания и др.), так и идеологические компоненты литературного творчества - связь и отношение к истеблишменту, производство смыслового консенсуса или, напротив, общественная критика, эвадизм и т.п. В этом же методолого-теоретическом плане развивались исследования систем литературной критики, социального контроля (цензура, издательские стратегии и

* Weirich H. *Tempus: Besprochene und erzählte Welt*. - Stuttgart, 1964. - 358 S.; Mendilow A. *Time and the novel*. - L., 1972. - VIII, 245 p.

** Hoffman G. *Raum, Situation, erzählte Wirklichkeit: Poetologische und historische Studien zum englischen und amerikanischen Roman*. - Stuttgart, 1978. - 867 S.

проч.). Литературный текст стал интерпретироваться как "социокультурное взаимодействие". Выявление ценностно-нормативных конфигураций, несомых и тиражируемых литературной продукцией, позволило оценить литературу как канал социализации, т.е. исследовать ту ее функцию, которой в значительной степени определяется ее место в социокультурной структуре общества.

При этом выявлению и анализу "содержания" литературного произведения посвящена едва ли не половина всех исследований. Это и понятно, поскольку именно с характером социализации через литературу связаны основные интересы социальных исследователей литературы. Попытки в этом направлении предпринимались и литературоведами, более того - постоянно реализуются в текущей литературной критике. Однако, из-за отсутствия контролируемой техники исследования и даже идеи сопоставимости результатов индивидуализирующего анализа, "объективность" получаемых результатов была делом исключительно индивидуального исследовательского такта. Это осложнялось позднейшими компонентами легитимации функциональной позиции критика.

В ситуациях ценностного и когнитивного дефицита, характерного для современных явлений культурной дифференциации, осложняющих - вплоть до полной утраты, культурной апатии и аномии - ориентирование индивида в мире, критик, поставленный перед необходимостью личного выбора и ценностного самоопределения, репрезентирует индивидуальную способность экспрессивного оценивания, причем, в весьма рационализированных формах. Он, так сказать, специализированный аппарат репрезентативного "чувствования" по отношению ко всей массе читателей. Разумеется, читателей "профанических", не обладающих ни квалификацией, ни компетенцией, ни техникой рационализации "чувствования". Заместителем их и становится критик, от их имени он выступает и апроприация их полномочий "дает" ему "право" на аподиктическое "мы" в значениях "общественность", "настоящая литература", "культура" или же "общество" (последнее чаще представлено в форме нормирующей инстанции, например, "общественная мораль"). И если поэт дает шифры репрезентации чувствования, аффективные образцы максимальной емкости, что предполагает выход за пределы рутинного, бытового или повседневного языка в особую (особой системой технических средств экспрессии - лексики, синтаксиса, ритмики, эвфонии и проч. - организованную) "поэтичес-

кую" речь, то критик в рассматриваемом здесь аспекте, т.е. отвлекаясь от его определений квалифицирующего эксперта и представителя систем социального контроля, выступает как "самостоятель", культурная ценность которого не меньшая, чем проводящего на экспрессию произведения (точнее, она вполне автономна).

Первый опыт сопоставимых объективаций содержания литературы был заимствован из смежной области социологии - социологии СМК, где сравнительно успешно применялись методика количественной обработки информации - техника "контент-анализа", построенная на корреляциях ценностной значимости семантической единицы и частоты ее появления в текстах. Однако опасность неэксплицированных оценок и неявных ценностных посылок, от которых зависит выделение формализуемых единиц сопоставления, ведет к тому, что результаты эмпирического подсчета могут содержать лишь количественное подтверждение бесконтрольных и тем самым гипостазируемых исследовательских проекций. Латентное и связанное с определенной социокультурной ситуацией представление приверженцев контент-анализа о единой и однослойной культуре, фактически элиминирующее за счет статистической техники необходимость в специализированных теоретических построениях и заменяющее их претензией "дать заговорить самому материалу" (апелляцией к норме действительности), налагает существенные ограничения на выводы данных исследований. Но в руках корректных специалистов, сочетающих технику формализации с разработанной теоретической концепцией, контент-анализ приносит важные результаты, вполне надежные в смысле возможностей их верификации, критической проверки, анализа и сопоставимости.

Значительное большинство исследований ограничивается, ввиду сложности и громоздкости статистического аппарата контент-анализа, сравнительно-типологическим анализом содержания. Так, в начале 20-х гг. Л. фон Визе с группой аспирантов пытался на основе своей теоретической социологии, строящейся на описании форм социальных взаимоотношений, дать социологическую интерпретацию некоторым структурам взаимодействия, составившим содержание литературного произведения,* но особого успеха этот опыт не имел, как не получили - может быть, пока - систематического развития в данном аспекте принципы феноменологии или эт-

* Wiese L. von. Das Verfahren bei beziehungsweise wissenschaftlicher Induktion und Analysen von Schriftwerken. - Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie, 1925, Jg. 5, H. 1, S. 84-90.

нометодологию.^{*} Тем не менее, даже этот разнородный и не систематически собранный материал позволяет говорить об устойчивых значениях, тематизируемых литературой как социальным институтом и являющихся предпосылкой ее социализирующего воздействия. Кроме того, постоянные усилия типологизировать эти значения дали в конечном счете определенный набор идеально-типических построений литературных форм - "формул" исследовательского анализа определенных текстов, во многих отношениях близких к традиционным литературоведческим категориям "жанра", но отличающихся от них своим функциональным значением.^{**} Подобные формулы образуются проекцией одних и тех же идеологически предопределенных познавательных интересов (т.е. прежде всего - аксиоматикой и ценностями литературоведения), что "проявляется" в материале стереотипным сочетанием репрезентируемых в нем ценностей, способа их репрезентации и рутинной техники художественной экспрессии. Такое предструктурирование объекта изучения и позволяет применять к его элементам исследовательскую аналогию редуцированного или генерализованного идентифицирования.

Имеющийся на сегодняшний день набор указанных формул подтверждает высказанное выше соображение о том, что из всего потенциального многообразия предметов возможной проблематизации литературой тематизируется сравнительно ограниченный и устойчивый круг вопросов. Набор этих тем связан главным образом с нестабильным характером социокультурных определений реальности, их трансформациями и неопределенностью, возникающей вследствие расширения репертуара значимых ценностных порядков, предоставляющих избыточное пространство выбора, несколько альтернатив действия. В этих условиях фиксация определенных стратегий действия с выраженным модальным отношением к нему (прямой практической оценкой) является эффективным средством символической стабилизации общекультурного консенсуса, согласования структуры взаимных стандартизированных экспектаций, конституирующих нормальное протекание социального взаимодействия. Поэтому круг тем, служащих основой "литературного" ("изображаемого в литературе") мира,

^{*} Jauss H.-R. *La douceur du foyer: The lyric of the year 1857 as a pattern for the communication of social norms.* - *Romanic rev.*, N.Y., 1974, vol. 65, N 3, p. 201-229; McHoul A. *Ethnomethodology and literature: Preliminaries to a sociology of reading.* - *Poetica*, Amsterdam, 1978, vol. 7, N 1, p. 113-120.

^{**} Cawelti J.G. *Adventure, mystery and the romance: Formula stories as art and popular culture.* - Chicago; London, 1976. - 336 p.

охватывает либо символические системы общественных структур, либо нормативные символы определенных авторитетных групп, культурных общностей, являющихся в функциональном плане основными интегративными механизмами. Ими будут прежде всего смысловые моменты уходящей традиции или традиционные значения (нормы традиционных сообществ), утратившие свою непосредственную нормативную силу и получившие предварительно оцененный, универсальный ценностный характер. Эти компоненты могут быть либо культурными нормами, либо выступать элементами структуры ценностной референции.

Наиболее общими и репрезентируемыми в любом литературном произведении являются представления о социальном порядке.* Они, как правило, есть не что иное, как фоновые значения развертывания "сюжетного действия" (т.е. стратегии максимально проблематизированных значений). Поэтому они воспринимаются почти бесконтрольно, как нечто само собой разумеющееся и, в этом смысле, максимально суггестивное, особенно если социальный порядок "маскирован" исторической, географической, этнографической (или социальной, для определенного читателя) экзотикой обстановки. Социологический смысл репрезентации социального порядка в литературе заключается в том, что он выступает: а) общей схемой представлений о социальной системе общества, однако изложенной таким образом, и оцененной или тематизированной так, что она есть б) иерархия (структура) ценностей культуры, нормативный аспект которой является в) общими правилами социальности, т.е. предполагает нормативный, предписанный и, в этом смысле, контролируемый порядок приобщения, достижения или реализации этих ценностей или благ, в которых они воплощены.

Поскольку представления о социальном порядке, как и другие фундаментальные интегративные символы, структурирующие общекультурный консенсус социального бытия и взаимодействия, в максимальной степени защищены от рационализации моральной оценкой, то сам он носит характер "естественности", стало быть, не предполагает или не допускает ни временных смещений, ни альтернативного строя наряду с собой. Он "вечен", так как "разумен" и "природен". Лишь в определенном типе литературы социально-критического плана, составляющем малую часть общего объема литературного

* Более подробные указания на работы по проблематике значений, тематизируемых литературой, содержатся в соответствующих рубриках библиографии "Книга, чтение, библиотека".

производства, смысловые культурные основания, легитимирующие этот строй жизни общества, ставятся под сомнение. Основанием подобной проблематизации может быть либо обнаруживаемый в процессах рационализации и не регулируемый имманентными средствами ценностный конфликт, либо внешняя ценностная позиция, связанная с "инокультурным" или "иносоциальным" явлением. В таких случаях сам социальный порядок репрезентируется в литературном произведении как "иррациональный", "бесчеловечный", "жестокий", "противоестественный" и проч., т.е. инстанцией моральной оценки становятся альтернативные репрезентируемой действительности внутритекстовые структуры или образования - "герой", "повествователь".

Исследователи, анализирующие идеологические или социологические импликация социально-критической литературы, связывают ее либо с резким социальным изменением, вызывающим индивидуальную, личностную аномию и необходимость для индивида самостоятельно, субъективно определять основания и критерии собственных ориентаций в мире и поведении, либо с социальной, групповой или классовой борьбой, ведущейся в данной сфере чисто идеологическими средствами, т.е. содержащей компоненты как дескредитации образа мира противника, так и утверждения, внесения собственных, "разумных" и "человеческих" образов мира. Разумеется, речь здесь идет не о прямой идеологической полемике (хотя и это имеет место в сравнительно редких случаях, например, у Т.Манна, вполне осознанно выстроившего определенную идеологию культуры в "Докторе Фаустусе"), а о тематизации значимых составляющих определенных образов мира, идеологически связанных с социальным бытием конкретных групп.

Понятно, что наибольшую значимость литература этого рода имеет для той социальной группы, чье структурное положение в социокультурной системе определяется функциональной ролью имманентного производства альтернативных ценностных образцов, контроля и адаптации социального изменения. Ею будет специфическая группа интеллектуалов, гуманитарно образованной части "среднего класса" и интеллигенции.

Небольшая часть литературной продукции тематизирует непосредственно инструментальные проблемы контроля над властью, способами ее достижения или какими-то частными аспектами нормативной реализации авторитета. Подобные

произведения охватываются формулой "политического романа" и нередко носят родственные детективу черты.

Основное внимание исследователей содержания проблематизируемых в литературе образцов уделяется все же определенным узлам социальной системы, социокультурным институтам - символам и компонентам первичных культурных общностей. Именно эти традиционные общности, ставшие в культуре основными механизмами интеграции, претерпевают наибольшие напряжения и сами формируются как средства снятия разломов традиционной системы воспроизводства общества. Сюда относятся, прежде всего, изображения семьи (как нормативной структуры предписанного сексуального и межпоколенческого взаимодействия) и символы первичных органических общностей и "естественной" идентичности - нации, деревни, почвы, детства и др.

Нормативное сексуальное поведение как предпосылка нормального воспроизводства социальной структуры является зоной максимального социального и культурного напряжения (а следовательно, и контроля) и выступает преимущественной темой искусства и литературы. Именно на этот аскриптивный порядок накладываются почти все иные анализируемые ценностные определения или проекции - собственно символы семьи (домашний очаг как сфера укрытости, нормальности, традиционности, интимности, устойчивости), отдельные составляющие семейной структуры (значения возрастных ролевых определений, их функциональные зависимости и содержательные наполнения в различных культурных и социальных контекстах). Выше уже говорилось о традиционных элементах социальной структуры, оторванных от своей укорененности в социальной системе, получивших самостоятельное существование в качестве ценностных радикалов и ставших доминантными культурными механизмами упорядочения социального изменения, культурного космоса (например, "молодежь" как агент и субкультура инновации и т.п.). Характерным в этих исследованиях является не только фиксация данных проблематизированных значений, но и анализ их устойчивых связей с определенными литературными формами.

Основные узлы социальной структуры - семья, символические общности, аскриптивность жизненного цикла и его составляющих - все это принудительные фоновые значения, образующие обычное течение жизни, нормальный уклад для проблематизации основных интегрирующих сил личности. В условиях культурного многообразия и многовариантности вы-

бора при отсутствии внешних легитимных инстанций и институтов, обеспечивающих устойчивость и стабильность этических, мировоззренческих и других принципов индивида, функции предоставления образцов пограничных или иных типов ситуаций, на которые могло бы реферироваться индивидуальное сознание в поисках самоопределения, сохраняет только искусство и главным образом - литература, претендуя на полномочия культуры в целом. Более того, для разработки таких вопросов литература имеет возможность опираться на содержательный состав специализированных традиций рефлексивного знания - философии, религиозной мысли, моральных спекуляций и т.п.

В провокации неразрешимого ценностного конфликта, для гармонизации или упорядоченного, культурного приемлемого редуцирования которого не находится никаких средств, литература отмечает границы личностной и культурной идентичности, условия семантической устойчивости культурного космоса и тем самым задает пределы осознания допустимой интеллектуальной и социальной аномичности для обыденного, неспециализированного сознания. Цена подобных экспериментов и статус такой литературы чрезвычайно высоки. В ее достижениях закладываются среди прочего и стержневые элементы организации самой литературной системы: на эти экзистенциальные образцы, выработанные носителями признанных достижений, ориентируются следующие поколения писателей и эпигоны, рутинизирующие их до клишированной топика "архетипических" структур.

С определениями границ социокультурной общности связан характерный тип литературного "героя", противоречивым образом объединяющего в своей эстетически-фикциональной структуре ценности различных социальных групп или культурных общностей. Это тип индивида, пограничного для определенных общностей. Соответственно, предельность, двойственность его природы носят значения, выводящие его из базовой группы, причем, они могут быть как позитивного, так и негативного плана.

Функциональные значения подобного образования проанализировал Г.Зиммель.* Будучи посредником между предельными для сообщества значениями и ценностно-нормативной структурой самой группы, этот герой (т.е. ценности этой утопической конструкции) реализует потенции и силы, нор-

* Simmel G. Exkurs über den Fremden. - In: Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. München; Leipzig, 1923, S. 509-512.

мативно контролируемые внутри общности, определяя, таким образом, зону сверхзначимого, экстраординарного, иногда - чудесного или спасительного, иногда - всеислия и "бесконтрольности" зла, его "бесстыдства". Но это в предельных случаях максимально допустимой маргинальности. Обычно же изображение "чужака" указывает частичные аспекты границ социокультурной общности, способствуя тем самым усилению моментов группового самоопределения и солидарности. Сюда относятся фигуры, функции которых - через воплощение стереотипов позитивного или негативного - фиксировать с явно ощутимыми эстетическими и моральными обертонами ценности национального - например, изображения инородцев в литературе. Через маргинала могут манифестироваться значения социально нормального (здесь определенность придается характером нормы ценности, предел которой указан персонажем, его социальными признаками). Для норм консолидации среднего класса это может быть "бедняк" или "больной", для достижительского пост-протестанского общества, в котором активизм характеризует только мужские роли, - нон-конформистская фигура женщины, а также всевозможные типы суперменов и проч.

В случае высокой проблематичности интегративных символов и механизмов в культуре и в обществе маргинал становится центральной конструкцией, образующей систему литературного произведения и даже специфику отдельных литературных форм. Здесь имеется в виду как сам жанр "плутовского" романа, так и выдвигание маргинала (с добавочным моментом эстетичности плута) на роль "повествователя", т.е. внутритекстовой структуры, ценностная двойственность которой является эффективным средством деструкции рутинных определений действительности и норм консенсуса, что придает гибкость и многоуровневость изображению и оценкам в произведении.

Распределение массива исследований содержания литературы в целом свидетельствует, что основное значение литература получает в качестве средства проявления смысловых структур таких ситуаций, в которых различным образом синтезируются интегративные значения, т.е. в которых литература выступает как культура по преимуществу. При этом тематизируются не только сами значения подобных интеграторов, но и средства тематизации такого рода - инструментальные аспекты проблематизации. В частности, прямое отношение к этому имеет анализ "предельных" ценностей и ситуаций, в которых они раскрываются. В массовой литературе, но и не

только в ней, такого рода ситуации помечаются либо как "состояние войны", либо как "насилие", реже - описания антиномий религиозного сознания. Специфический квази-исторический характер литературного построения, создающий иллюзию или фикцию временной направленности смысловой целостности, т.е. законченности индивидуального бытия, выдвигает на первый план неопределенность "предельной ценности". Ее телеологическая структура, бросая "обратный свет" на происходящее, позволяет подвергнуть ретроспективной переоценке какие-то из компонентов конструкции взаимосвязей процесса. Других подобных символических форм репрезентации конечности человеческого существования в культуре нет, кроме, разумеется, музыки, но ее предельно генерализованная символика чувственности не дает специфированного разложения семантики ценностей.

Характерна уже отмечавшаяся немногочисленность исследований, посвященных представлению в литературе специализированных социокультурных институтов (права, науки, образования) и, напротив, значительное число работ, связанных с выявлением и описанием самотематизацией эстетического ("образ художника"). Как правило, проблематика деятельности указанных институтов частично обсуждается в тех исследованиях, в которых речь идет о социальном изменении (индустриализации, модернизации) в более общем плане. Конститутивные ценности этих институтов (когнитивная рациональность науки, "естественность" права, содержание образцов, транслируемых в институтах формальной социализации и т.п.), видимо, не тематизируются литературой. Сами же немногочисленные исследования в противоречии со своим заявленным предметом анализируют не функциональные значения институтов и конфигурации институциональных норм (в т.ч. - институтов и норм литературной культуры), а их массовые проекции - символические образцы и значения в неспециализированной культуре, где "рассеянный профессор" является секулярным чудотворцем, магом и т.п., не "познающим", а "обеспечивающим" (т.е. где на первый план выступает не знание, а инстанции и организационные источники "веры" в него в секулярном обществе - органы прогресса, благополучия, здоровья и т.п.). То же и с другими институтами, например, с экономикой, подвергающейся рассмотрению на основе критериев содержательной рациональности (чаще, этического порядка) и т.п.

Подводя итог теоретическому анализу состояния дисциплины и ее проблемных сфер, целесообразно отметить хотя бы

основные точки исторического складывания социологии литературы.*

Начальным этапом становления социологического подхода к литературным явлениям принято считать работы Ж. де Сталь ("О литературе в связи с общественными установлениями", 1800; "О Германии", 1810) и Л. де Бональда ("О стиле и литературе", 1806). Ключевым в этом смысле признается высказывание последнего: "Литература - это выражение общества".

Легко видеть, что сама возможность соотнесения "литературы" и "общества" в качестве подобных "обобщенных переменных" (и, соответственно, суждений о социальных функциях и/или социальных обстоятельствах функционирования литературных феноменов) предполагает своим условием их относительную дифференциацию друг от друга и - в конечном счете, на позднейших этапах социологизирования - аналитическое их сочленение. Тем самым социокультурную ситуацию, в которой данное определение становится логически "действительным" и практически эффективным объяснительным средством, приходится в общем смысле характеризовать как расхождение "социального" и "естественного" порядков, дающее в качестве "побочного продукта" область идеальных значений - культуру, и, таким образом, позволяющее при последующей рефлексии фиксировать и систематически соотносить социальное и культурное. При совпадении указанных порядков в рамках целостного "мира", "реальности" и т.п. говорить об автономной литературе и самодостаточном обществе приходится лишь по аналогии с позднейшей развитой ситуацией, поскольку феномены, аналитически кодифицируемые как "литература", функционально не специализированы, включены в аскриптивные жизненные уклады строго определенных социальных групп и ограничены ими. Можно выразить это короче: суждения об абстрактных и автономных обществе и литературе (культуре) возможны лишь в определенном типе общества, а именно - "гражданском" обществе, этапами в рамках становления которого и выступает явление литературы (культуры), а позднее - социологии.

Характерно, что литература при этом интерпретируется то как ценность, нормой или нормой значения которой является общество (акцент на социальной обусловленности и/или функциональной прагматике литературных фактов), то как норма

* Leenhardt J. La sociologie de la littérature: Quelques étapes de son histoire. - Rev. intern. des sciences sociales, P., 1967, N 4, p. 555-572; Clark P.P. The sociology of literature: An historical introduction. - In: Research in sociology of knowledge, sciences and art. Vol. 1. Greenwich, 1978, p. 237-258.

ценности или значения социальных феноменов (акцент на репрезентативных возможностях художественных текстов). В последнем случае типы общественного устройства квалифицируют в соответствии с наличием в них литературы и с ее содержательными особенностями (ср. тривиальные в литературной культуре суждения типа: "Что это за народ, если у него нет литературы" или "Лишь на данном этапе общественного развития литература достигает своих истинных высот" и т.п.). Собственно, лишь в ходе процессов де-нормативизации определений литературного и социального и постепенного превращения "литературы" и "общества" в формальные компоненты генерализованных суждений и открывается возможность их последующего включения в структуру рефлексивного, теоретического знания (науки о литературе и социологической науки).

Редукция к социальному становится необходимым и достаточным объяснительным средством в той мере, в какой процессы интенсивного социального и культурного развития сопровождаются в новое и новейшее время проблематизацией индивидуального самоопределения и гетерогенизацией социокультурной "реальности", т.е. так или иначе релятивизацией общезначимых предписанных норм социального взаимодействия и эрозией авторитетности поддерживающих их инстанций. Показательно, что исследования общесоциологической традиции интерпретируют генезис узловых социологических концептов - "община", "авторитет", "статус", "священное", "отчуждение" - и проблематизацию аномии и конфликта (как конструктивных моментов социального порядка и предпосылок его развития) в качестве реакции на субъективную релятивизацию аскриптивных норм и образцов поведения, подчеркивая при этом "консервативный", стабилизирующий потенциальные дисфункциональные последствия, характер социологического определения и объяснения реальности.*

На начальных этапах этой переориентации философской и политической мысли с критики социальных институтов на условия и формы социального порядка, позднейшим моментом которой выступает и становление социологии, универсальной является сама методическая процедура реферирования объясняемых феноменов к социальному. Символами же последнего становятся в этом период рефлексивно конструируемые, "традиционализированные" культурные характери-

* Nisbet R. The sociological tradition. - N.Y., 1966. - XII, 349 p.; Eisenstadt S.N. La tradition sociologique. - Cah. intern. de sociologie, P., 1978, vol. 65, p. 237-265. Как было показано выше, таков же функциональный генезис и значение ключевых понятий литературоведения ("классика", "жанр" и т.п.).

стики гемайншафтного социального уклада - определения "местного" ("нравы эпохи"), "народного" и даже "природного" (климат, раса), в дальнейшем генерализуемые как "национальные" и "исторические". Подобная универсально-партикулярная (ценностно-нормативная, метафорическая) конструкция изучаемой "действительности" позволяет ухватывать и разводить в последней аналитически фиксируемые моменты пресмщенности и изменения. Это, в свою очередь, выдвигает проблему сопоставимости изучаемых феноменов, т.е. вводит в исследование общества и литературы фундаментальный методологический принцип сравнения и стимулирует выработку его универсалистских критериев.

Коррелятами этой переориентации на специфическое и уникальное выступают нашедшие свое выражение в культурном движении романтизма явления проблематизации национального самоопределения и предназначения в рамках формирования национальных государств во Франции и Германии и - стимулированное романтизмом же - "открытие средневековья", релятивизовавшее авторитет классицистической античности и "абсолютизм" нормативных критериев классической культуры и литературы. Рефлексия над особенностями средневекового общества и культуры дала начало "исторической школе" в социальных науках (Ф.К.Савинья, К.Г.Книс, В.Рошер и др.), стимулировала социологические концепции О.Конта, А. де Токвиля, П.-Ж. Лепле и др. Под этим воздействием сложилось противопоставление "общины" и "общества" у Ф.Тенниса, обобщенные характеристики которых в качестве базовых координат социального изменения оказались удержаны социологией вплоть до настоящего времени (ср. схему стандартных переменных у Т.Парсонса, явно или имплицитно используемую на правах парадигмы в большинстве современных исследований модернизации).

Моментами, ограничивающими область релевантности партикуляризирующих определений социального (переосмысленных радикалов романтической традиции), выступают генерализованные компоненты традиции просветительского рационализма и удерживаемые переосмысляемые в них классицистические нормы "реальности" - универсализм принципа референции к социальным факторам (т.е. собственно социологического метода - нормы значений) и единого, общезначимого языка описания (содержательных значений "действительности" в рамках теоретической схемы). Тем самым - и логически, и исторически - исследователи все более имеют дело с рефлексивными эквивалентами гомогенного "естественного" порядка в виде методологических постулатов специализиро-

ванной интеллектуальной деятельности - институционализированными универсальными нормами логической доказательности, теоретической упорядоченности, связности и т.п. Позднейшее осознание этих обстоятельств открывает возможность собственно социологической постановки проблем, в т.ч. в области социологии литературы, руководящейся в определении предмета, принципах метода, процедуре образования понятий и др. теперь уже не нормами литературоведения, а собственными институциональными критериями.

На эти общие, "логические" условия формирования социологического подхода к литературе накладываются, в особенности в начальный период, ограничения, связанные со спецификой национальной истории, культуры, интеллектуальной традиции. Так, в Англии, где проблематика социального бытования литературы и выражения в литературе социальных идей оказывается по ряду обстоятельств актуальной гораздо ранее, чем на континенте, социальные аспекты анализа литературы разрабатываются преимущественно в рамках т.н. "культурной критики". Для последней характерно противопоставление культуры обществу (цивилизации), подчеркивание значимости традиций и сверхполномочий интеллектуальной элиты, моральная критика социальных изменений и т.п. Авторитетность представителей этого идейного направления от М.Арнольда до Р.Хогарта и Р.Уильямса вынуждены учитывать и современные английские социологи, обращающиеся к исследованию литературы.

На европейском континенте основополагающим для развития социологизирующих представлений о литературе признается влияние идей Дж. Вико, адаптированных во Франции, Ж.Мишле, а в Германии - И.Г. Гердером. При этом во Франции, с ее устойчивыми традициями этатизма и социального определения национальной и личностной идентичности, социологизация подходов к исследованию литературы получила выражение в преимущественном интересе к механизмам влияния социальных институтов на литературную культуру, формам социальной организации литературной системы, социальной прагматике функционирования литературных текстов. Среди наиболее значительных фигур здесь можно отметить И.Тэна, "культурно-исторический метод" которого, наследующий "исторической школе" О.Тьерри и Ж.Мишле, получил развитие в трудах Г.Лансона и Г.Брандеса, а позднее отозвался в идеях таких представителей социологической эстетики, как Ж.-М. Гюйо и Ш.Лало. В целом для этого этапа характерен подход к литературе в традициях идущего от Ш.Монтескье критического анализа социальных институтов,

опора на "эмпирику", а позднее - на эксперимент, демонстративный утилитаризм редукции литературного к социальному. Функции общей теории выполняет при этом позитивистская философия, что сказывается на известной биологизации социального и натурализации исследуемых феноменов. Разработка методологических подходов, которые позволяли бы фиксировать рефлексивную (и институционально-специализированную) позицию исследователя, ощутимо блокируется в данной традиции жесткой закрепленностью методологических проблем познания за философской эпистемологией (фактор, кстати, определяющий и современную ситуацию во Франции; ср. название специального издания по социологии знания - "Социологическая эпистемология"). Дело будущего историка дисциплины - проследить, в какой мере и в каких формах оказались эти факторы определяющими для развития французской социологии литературы XX в.

В Германии стимулом выработки социологизирующих представлений о литературе явились труды И.Г.Гердера, оказавшие - через романтическую эстетику И.Г.Фихте, Ф. и А. Шлегелей - влияние на Ж. де Сталь и Л. де Бональда. Гердеровский сравнительно-исторический подход, последовательно релятивизирующий нормативные определения литературного (и культурного) материала, позволял ввести литературу в контекст культуры в целом, т.е. использовать методологический прием, богатейшие возможности которого реализуются впоследствии преимущественно герменевтикой, но, к сожалению, почти не оценены социологией литературы. Кроме того, внимание к национальной специфике, к "народной литературе" систематически тематизировало "чужой", инокультурный материал, что - в совокупности со сравнительными принципами исследования - с неизбежностью включало в определение литературы и круг внимания исследователей экстра-эстетические аспекты словесности. Это, в частности, касалось моментов функционального генезиса и обусловленности литературных форм как общественных феноменов, что противостояло как классицистической апелляции к самодостаточности канона, так и позднейшей романтической идее превосходства творческого акта над его продуктом. Характерно, что именно в этой традиции ранее всего возникает понимание культурной значимости феноменов массовой и тривиальной словесности. Здесь появляются и первые ее эмпирические исследования.* Гердеровские идеи получили развитие в условиях становле-

* Langenbacher W.R. Robert Prutz als Theoretiker und Historiker der Unterhaltungsliteratur. - In: Studien zur Trivialliteratur. Frankfurt a.M., 1968, S. 117-136.

ния немецкого национального государства, выработки принципов национальной политики, формирования национальной культуры, эмансипирующихся от наполеоновской империи и французской культуры, что переносило внимание социальных мыслителей на проблемы культурной идентичности нации и на область культуры в целом. Кроме того, здесь необходимо учитывать и влияние со стороны такой значимой интеллектуальной традиции, как философская эстетика И.Канта, Ф.В.Шеллинга, а в последствии - Г.Ф.Гегеля. Последнее обстоятельство способствовало значительной теоретизации проблематики исследования литературных феноменов при сохранении преобладающего интереса к философской ("духовной") значимости литературы и широких культурологических рамок соотнесения литературных фактов. В дальнейшем традиции философской спекуляции и социального критицизма дали различные, в разной мере авторитетные и порою любопытно взаимодействующие филиации в рамках социологического подхода к литературе в Германии. Устойчивая традиция преимущественного внимания к смысловым компонентам действия и последовательная методологизация исследовательских подходов позволила немецкой социологии литературы, усвоившей достижения социологии (и критики) идеологии, социологии знания и т.п., наметить в последнее время в работах отдельных представителей рецептивной эстетики перспективы сближения герменевтически-ориентированного литературоведения и феноменологической социологии знания в широком культурологическом контексте.

Существенным моментом, который необходимо учитывать при анализе исторических этапов развития социологии литературы, является соотнесенность дисциплины, как и социологии в целом, с другими интеллектуальными традициями. Сложность процессов институционализации социологии литературы, на которую здесь приходится лишь указать,^{*} объясняется необходимостью усвоения (переформулирования, истолкования, критики и т.д.) ею других, более авторитетных интеллектуальных традиций в процессе выработки норм инс-

* В целом можно констатировать, что систематическое развитие социологии литературы как дисциплины приходится лишь на последние 15-20 лет, когда предлагаются собственно теоретические разработки проблематики и появляются обзорные работы. Учебные курсы пока единичны, специализированных журналов практически нет. В последние годы социологическое изучение литературы заметно активизировалось в Италии, Испании, латиноамериканской Америке и др. регионах, вовлеченных в процессы модернизации. Взаимодействие в рамках дисциплины пока имеет вид редких семинаров и еще далеко от четких организационных форм, не сложились структуры такого взаимодействия в международном масштабе.

титуциональной идентичности. Дифференциация содержательных типов социологического анализа, конструирование собственной эксплицитной традиции, формирование референтных ориентаций и репертуара институциональных ролей в области социологии литературы проходит во взаимодействии с другими типами специализированных элит и разграничивающих и легитимирующих их полномочия традиций. В данном случае среди них стоит отметить прежде всего то влияние, которое оказывает на интеллектуальную специализацию и ролевую идентичность социолога литературы литературоведение - дисциплина, выступающая преимущественной и полномочной инстанцией кодификации представлений о литературе, поддержания стандартов литературности и рационализации суждений о литературных (эстетических) феноменах. Напряжение между этими дисциплинами - общей социологической предпосылкой образования которых является формирование развитой литературной системы и выработка в ней генерализованных посредников в качестве гарантов эстетической автономии литературной культуры - во многом и определяет формы и этапы развития социологического подхода к литературе.

При историческом рассмотрении обнаруживается, что идеями, содержащими возможность социологической постановки вопросов, оказались захваченными те области нормативного литературоведения, в рамках которых исследовалась проблематика отражения в литературе тех или иных аспектов действительности, в том числе и социальной. Среди них выделяются два типа работ: а) рассматривающие проблематику селективного представления в литературе определенных сторон действительности (содержательных конфликтов, тематизируемых литературой), и б) исследующие факторы, обуславливающие характер подобного отбора. Работы такого плана обычно входят в категорию, характеризующую как "социологический метод в литературоведении". В первом случае мы имеем дело с большим количеством публикаций, посвященных отображению той или иной темы в литературе того или иного жанра и периода (наряду с традиционно литературоведческими, имеются и работы социологов средств массовых коммуникаций, использующих формализованную технику контент-анализа и т.п.). Во втором случае интерес исследователей привлекают социально-классовые и идеологические характеристики, обуславливающие мировоззрение художника и его "творческий метод". Таковы прежде всего труды Г.Лукача по социологии романа, драмы и т.д., а также работы В.Беньямина и пред-

ставителей Франкфуртской школы, Л.Гольдмана и его последователей и др.

В наименьшей мере социологическому осмыслению оказалась доступна проблематика исследования экспрессивной техники, вплоть до настоящего времени являющаяся доменом почти исключительно литературоведов. Это может быть объяснено следующими обстоятельствами: а) в общей социологии (теории и методологии социологического познания, социологии культуры и т.д.) долгое время отсутствовал развитый и специализированный аппарат анализа ментальных и знаниевых структур в их социокультурной обусловленности. Подобные разработки характеризуют обычно поздние этапы развития любой дисциплины в ее эволюции от предметных интересов к эпистемологическим и методологическим вопросам. Наряду с этим, проблематика процессов рационализации в обществе и культуре, чрезвычайно значимая для немецкой социологии начала века, оказалась позднее в силу различных исторических обстоятельств и национальных традиций социологии гораздо менее релевантной в других странах. б) Помимо общих моментов развития научных дисциплин, нужно отметить еще и тот факт, что специфика литературного в новейшее время все в большей мере квалифицируется исходя из особенностей экспрессивной техники. С частичным вытеснением нормативных компонентов эстетической оценки "техническое" все в большей мере становится синонимом "собственно литературного", а владение техникой и навыками ее специализированного анализа становится конструктивной характеристикой статуса таких агентов литературной системы, как "литературный критик", "академический литературовед" и т.п. Выступая уже в качестве символа "литературного", совокупность экспрессивно-технических средств (и способов их анализа) становится основанием институциональной нормы и в этом качестве включается в процессы и механизмы воспроизводства институтов литературной системы, ответственных за квалификацию литературного потока, экспликацию и поддержание литературной традиции и т.п. При этом общекультурная "сверх-авторитетность" литературы в рамках литературной системы находит свое выражение в нагружении технических, "формальных" эстетических конвенций содержательным значением, превращающим их в групповую норму со всеми следующими отсюда ценностными, идеологическими, а стало быть, претендующими на универсальность моментами. Тем самым владение средствами анализа экспрессивной техники становится символом групповой солидарности, легитим-

ности определенных статусов в литературной системе и условием ее стабильности в процессах ее воспроизводства, т.е. моментом, ограничивающим возможности формальной рационализации в данной сфере. в) В ситуациях культурного напряжения между формальным и содержательным аспектами рационализации, в частности, литературоведческих представлений о "художественности" и т.п. категориях, релятивизация эстетической ("литературной") нормы проявляется прежде всего на "чужом", до- или инолитературном материале (таков, например, подход представителей исторической поэтики, литературоведческого структурализма, мифологической критики и др.). Нередко в этих случаях маргинальный материал "узаконивается" через нагружение его добавочными значениями "архаического", "изначального", "подлинного" и т.п.

Выявления собственно социологической проблематики можно было бы ожидать в исследованиях литературы, сосредоточенных на 1) положении писателя (соответственно, группах поддержки, салонах, меценатстве и т.п.) и 2) феноменах массового чтения и "широкого читателя". Однако реализация этих принципиальных возможностей сдерживалась двумя различными моментами (причем и в том, и в другом случае инстанциями блокировки выступало нормативное литературоведение): 1) исследователь-литературовед того периода, когда только и имеет смысл говорить о литературоведении как дисциплине, вынужден считаться с разительными фактами исторического изменения "литературы" - существованием различных направлений, групп, и, соответственно, конкурирующих норм литературной реальности, т. е. многообразием принципов нормативного определения текстов в качестве "литературы", что делает проблематичной саму возможность единой нормы литературности. В этих условиях нормальное литературоведение помещает литературу либо в контекст "истории идей", либо в рамки социальной истории - относительно более развитой к этому времени и авторитетной области знания. Все это дает практически необозримое количество литературоведческих, неспециализированных в социологическом отношении работ по социальному происхождению писателей и положению авторов в такую-то эпоху, явлениям аристократического и торгового патронажа, связям писателя и издателя и т.п.; 2) факты массового читательского интереса, чрезвычайно значимые для становления и кодификации наиболее популярных литературных жанров нового времени, в частности, - романа, входили в историю литературы лишь на правах

маргинального и экзотического материала. Их изучению и теоретическому осмыслению препятствовало, а в ряде случаев препятствует и до сих пор, негативное отношение к ним представителей нормативной литературной культуры, дисквалифицирующих их в качестве "низовой", "пара-", "тривиальной" и т.п. литературы и предоставляющих эту область в распоряжение текущей журнальной и газетной критики.

Впервые эта сфера стала предметом специализированного социологического исследования в работах, ориентированных на достижения в рамках изучения средств массовых коммуникаций и осмыслявшихся по аналогии с ними феноменов массовой культуры. Тем самым были созданы условия для анализа литературы как совокупности письменных текстов в целом, что прежде всего сосредоточило исследователей на коммуникативной структуре текстов. Подключение в этой предметной сфере методического аппарата социологии знания проблематизировало в дальнейшем такие комплексы вопросов как "коммуникативные намерения автора", "внутритекстовой читатель", "эффективность сообщения" и т.п.

Будущий историк социологии литературы, вероятно, отметит, что истоки исследования таких проблемных областей как социальная роль популярного автора и типы его публики, процессы функционирования наиболее распространенных жанров и стандартов вкуса и т.п. восходят к кругу вопросов, очерченных в наиболее развернутой форме программой Немецкого общества по социологии в лице его ведущих представителей - Г.Зиммеля, М.Вебера, Ф.Тенниса и др., чьи идеи впоследствии были в значительно упрощенном, инструментализированном виде усвоены американской социологией (группа основателей "Американского социологического журнала", а позже Р.Парк и его школа). Так, например, одни из первых работ в области эмпирической социологии литературы - труды Л.Шюкинга и Г.Шоффлера - находились под влиянием исследований протестантизма М.Вебером и Э.Трельчем, вызвавших значительный резонанс. Стоит указать, что практически до 40-х гг. общих теоретических идей и концепций в социологии литературы выдвинуто не было. В какой-то мере исключение составляют лишь упоминавшиеся работы Л. фон Визе и труды П.Сорокина, исследовавшего эволюцию форм искусства и литературы в их связи с социокультурной динамикой. В основном для этого периода характерно приложение некоторых идей общей социологии, а еще чаще - социальной философии к конкретному актуальному или историческому материалу. В США это находит выражение в серии работ, исследующих эффективность литературы как средства соци-

ального контроля или адекватность выражения в беллетристике ценностей того или иного периода или социальной группы (в большой мере эти исследования, стимулированные бихевиористскими идеями, носят технический характер, используя контент-анализ текстов). В Германии 20-30 гг. создаются образцовые по обстоятельности работы по социальной истории национальной литературы, однако развитие социологии в целом жестко блокируется механизмами социального контроля. Исследования такого типа характерны в этот период, впрочем, для всех европейских стран и США. Социологизирующее литературоведение и социальная философия литературы представлены мало специализированными в социологическом отношении трудами В.Беньямина и Г.Лукача, развитие идей которых Франкфуртской школой и генетическим структурализмом приходится уже на послевоенный период. К концу тридцатых годов в общей социологии выдвигается ряд новых теоретических концепций (Т.Парсонс, Дж. Мид и др.), однако, спецификация их, также как и идей К.Маннгейма и др. "классиков", в рамках социологии литературы осуществляется лишь позднее.*

Заключая анализ, еще раз подчеркнем его основной вывод и сквозной мотив предшествовавшего рассмотрения и предложенного подхода. Функции социального института литературы связаны именно с тематизацией различных ценностно-нормативных структур, служащих образцами, референция к которым является эффективным средством интеграции систем культурных значений и, следовательно, личностной и групповой идентичности, как бы эти значения ни различались содержательно. Их потенциальная релевантность и функциональная результативность в процессах социализации зависит от проблематической структуры групп, которыми признается адекватность соответствующих литературных образцов. С определением адекватности такого рода связан, в конечном счете, методически корректный переход в социологическом изучении литературных явлений от собственно литературных текстов к изучению всей сферы бытования литературы, включая и характер ее социализирующего воздействия - исследования читателя, его типов и т.п. Но в теоретическом смысле логический порядок проблемного развития дисциплины должен сохраняться прежним: социология литературы является теоретической предпосылкой социологического изучения читателя.

1981

* Материалы по социологии литературы послевоенного периода собраны и обобщены в указателе "Книга, чтение, библиотека".

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЦЫ

**(о возможности социологической интерпретации
литературы и массового чтения)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Социологические исследования чтения, опросы покупателей в книжных магазинах, проводимые книготорговыми организациями, изучение библиотечного спроса накопили за прошедшие 15-20 лет значительный объем эмпирической информации о читательских вкусах, каналах распространения литературы в обществе и т.п. Число подобных исследований, равно как и самих исследовательских групп или даже центров, осуществляющих разработки такого рода, постоянно растет. Если два десятка лет тому назад это были преимущественно дилетантские опросы читателей педагогами, библиотекарями, позднее превратившиеся в соответствующие библиотечковедческие подразделения Гос. библиотеки им. В.И.Ленина и республиканских библиотек, то теперь к ним присоединились и Институт книги при Всесоюзной книжной палате, и социологические отделы при книжных палатах в республиках, подразделения на кафедрах университетов, педвузов, библиотечных факультетов, исследователи ВКШ и многие другие. Масштабы ведущейся работы растут год от года, но понимание происходящих процессов в литературе, динамики читательских предпочтений, их закономерностей и т.п. продолжает оставаться столь же примитивным и убогим, что 20 лет назад.

Причиной такого положения вещей является, прежде всего, ведомственная организация прикладных гуманитарных наук. Цели, которые ставятся перед подобными подразделе-

ниями, носят чисто прагматический характер - дополнить имеющуюся государственную статистику - библиотечную, книгоиздательскую, книготорговую и т.п. - рядом показателей, способных повысить уровень управления и эффективность руководства учреждениями культуры. Вопросы теоретического плана, разработки связанных концепций читательского поведения, структуры литературной системы, динамики культурных образцов и проч. не просто отодвигались в сторону, но и всячески блокировались как не имеющие практической значимости, сомнительные в методологическом и т.п. отношениях. В результате, собственный концептуальный и методический язык этих довольно широко ведущихся разработок представляет собой мешанину из литературоведческих, психологических, педагогических и социологических понятий, операциональных терминов, вкусовых суждений и определений, рутинных оценок и административных установок.

На том же уровне остается и результативность самих исследований, если не считать результатом сырую и непродуманную информацию, сводящуюся к спискам читаемых авторов и нечитаемых книг, регулярно подаваемым в соответствующие инстанции, где эти данные благополучно ложатся под сукно. Без какой-то интерпретации эти сведения не дают возможности ни понять все целое, ни выработать необходимые политические решения в этих областях. О перспективности работы можно судить хотя бы по тому, что социологи проспали книжный бум 70-х годов, затем - журнальный взрыв 86-89 гг. Несмотря на всю научную канцелярию такого рода книжный дефицит вырос в несколько раз и достиг критической точки, а из библиотек только за 1988 г. ушло свыше 3 миллионов читателей.

Нельзя сказать, чтобы эти проблемы никем не сознавались. Необходимость принципиально новых разработок, прежде всего - парадигмального характера - была отчетливо выражена руководством сектора социологии книги и чтения ГБЛ. В то время (конец 70-х годов) этот коллектив являлся головной научной организацией в области социологии чтения и обладал колоссальным преимуществом перед всеми другими подразделениями - в его распоряжении была созданная тогда же всесоюзная сеть базовых библиотек (более 300), которая позволяла регулярно снимать надежную информацию о чтении в стране. Правда, то были данные о чтении "низов", т.е. самом широком и наименее квалифицированном читателе массовых библиотек. Посетители и абоненты библиотек этого

рода характеризуются минимальным диапазоном каналов получения литературы и, соответственно, выбором.

Острота исследовательских проблем была тем большей, что ряд масштабных работ, проведенных перед этим - "Книга и чтение в жизни небольших городов" (1968-1973 гг.), "Книга и чтение в жизни советского села" (1973-1975 гг.), "Динамика чтения и читательского спроса в массовых библиотеках страны" (1976-1983 гг.) и ряд других не привели к углублению имеющихся представлений о характере и процессах массового чтения, а лишь повторили уже полученные данные (особенно это заметно в отношении повторяющейся "Динамики чтения..."). Обрушившиеся на исследователей громадные массивы информации в известной степени привели к параличу собственно аналитической работы, лишили их способности как-то ориентироваться в ней. Налицо был явный методологический и теоретический кризис, связанный с отсутствием средств интерпретации и объяснения.

Попытки выйти из него, поиски других возможностей привели в 1978 г. в рамках сектора социологии к созданию отдельной исследовательской группы, занявшейся разработкой теоретико-методологических проблем социологии литературы и чтения. Ее исходной задачей стало рассмотреть процессы обращения литературы в обществе в качестве специфического социального института, обладающего своей собственной структурой и ресурсами - литературной культурой (канаонами, традициями, авторитетами, нормами создания и интерпретации литературных явлений и т.п.). Методологически работа строилась как синтез проблемных разработок, ведущихся в разных предметных регионах социологии - социологии знания и идеологии, культуры и модернизации, литературы и социального изменения, но основой и материалом стало все то, что уже было накоплено мировой наукой в области социологии литературы. Собственно, исходя из этих общих установок, была составлена, сконструирована проблемная карта дисциплины, опирающаяся на учет более чем 5 тысяч работ в этой и смежных областях*. Была начата также и собственно историческая работа, касающаяся динамической структуры литературной культуры, литературной социализации (анализ смены школьных программ по литературе за сто с лишним лет), включая работы зарубежных ученых (М.Дарендорф, А.Ма-

* Книга, чтение, библиотека: Зарубежные исследования по социологии литературы. Аннотированный библиографический указатель за 1940-1980 гг. (Сост. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Рейтблат А.И.) - М., 1982.

рея, Ф.Хёбеля, Ф.Дартона, Ф.О'Делл, Р.Штаха, А.Киприотакиса и др.). Анализировались и сами концептуальные подходы и их теоретическая эволюция.

Но первое, с чем пришлось разбираться в этой связи, - рутинная идеология литературы разных групп, анализ противопоставления "настоящей", "серьезной" литературы и "массовой", "низовой", "низкопробной" и проч. Обычные литературоведческие оценки и категории оказались неработающими применительно к анализу массового чтения, поскольку они лишь фиксировали социальную дистанцию между наиболее подготовленными читателями, специалистами-экспертами и широкой публикой. Равным образом, опыт зарубежных исследователей (культурологов, социологов, социальных историков литературы и т.д.) и отечественных ученых свидетельствовал, что не существует каких-либо конструктивных особенностей "массовой" или "элитарной" литературы, что дело заключается скорее в ценностно-тематических, фазовых моментах, в социальном восприятии и толковании текстов, нежели в каких-то качественных принципиальных элементах их организации*.

Такой вывод заставил пересмотреть и сам подход и аппарат социологических исследований чтения и литературы. Настоящая работа явилась первой попыткой включить литературу в общий социологический (структурно-функциональный по своим методологическим установкам) анализ механизмов социального воспроизводства. Она написана в 1980 г. и легла затем в основу ряда уже собственно эмпирических разработок и исследований по социологии литературы и чтения, каналов распространения литературных образцов и т.п.** Кое-что из деталей массового чтения 70-х годов, на которых строилась эта интерпретация, уже устарело, но основная идея возможности объяснения литературных явлений на базе собственно социологических концепций (модернизации, урбанизации, непрерывной социализации и т.п.) представляется работающей и способной к развитию и дополнению. Да и в общем плане успех последних телевизионных сериалов, вроде "Рабыни Изаура" и т.п. тривиальных образцов свидетельствует о том,

* См. работы Х.Баузингера, Х.Фольгина, Х.Кройцера и др. В нашей науке близкие выводы сделаны Ю.М.Лотманом - Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия "художественная литература". - В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. - Саранск, 1973, с.20-36.

** Большая часть работ этой группы осталась неопубликованной (хотя и готовилась к печати) в связи с тем, что в 1984-1985 гг. руководство ГЭЛ закрыло эти направления работы.

что здесь может быть многое использовано для изучения массовых эстетических феноменов. Статья публикуется с сокращениями.

ГОРОД, СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Практикуемые в настоящее время исследования чтения, как правило, ограничиваются лишь феноменологическим уровнем анализа: указанием количественных параметров чтения - распространенности, интенсивности, частоты контактов с источниками и т.п. Лишь в редких случаях исследователи ставят перед собой задачи морфологического анализа системы литературы: описания устойчивых структур социального взаимодействия по поводу литературных текстов и выявления ее элементов, ролей, групп, институтов и проч. Как правило, в поле внимания попадают отдельные элементы или аспекты этого взаимодействия: читатели определенного типа литературы, функции библиотеки, потребительский спрос на книги определенного рода и т.п. Такая ситуация объясняется прежде всего ведомственными задачами исследователей, не разделяющих четко аналитические и практические установки при изучении чтения в стране. Более того, собственно теоретические, познавательные цели всегда отступают перед "необходимостью повысить эффективность работы" того или иного учреждения культуры. Это понятно, поскольку тех, кто проводил такого рода исследования, в первую очередь озадачивало отсутствие необходимой информации о чтении. Соответственно, и вели их педагоги и библиотекари, связанные профессиональным долгом просветительской и воспитательной работы в массах, а следовательно, весьма оценочно относившиеся и к самим литературным образцам (что отразилось на разработке проблемных сфер и концептуального языка), и к восприятию их читателем. Поэтому ничего удивительного не было в том, что язык описания включал прямые оценки, т.е. был непосредственно связан с задачей развития читательских вкусов, пропаганды книги, а стало быть, анализом восприятия и, соответственно, типов его, начиная от "полного" и "правильного" до "неполного" или "дефектного".

Такая нерасчлененность позиций изучавших чтение специалистов делала невозможным понимание целостной системы функционирования литературы в обществе, поскольку квалифицировала массовое читательское или нечитательское поведение как "неразвитое" в сравнении с нормами поведения

группы, к которой принадлежали или с которой идентифицировали себя сами исследователи. Тем самым закрывались и возможные подступы к изучению этих явлений.

Напротив, уже морфологический анализ литературной системы предполагает как выявление роли чтения (литературы) в рамках всей социальной системы, так и исследование структуры самой литературной системы и ее канонов (литературной культуры). Практически до последнего времени не ставилась и задача анализа *функционального значения* литературы различного типа - изучение способов фиксации и трансляции культурного содержания, представленного в литературных конструкциях самого разного типа.

Цель подобного функционального анализа - установить не только взаимосвязь определенного культурного содержания (ценности, проблематизируемой в литературном образце) и самого способа записи (фиксации образца), но и возможные трансформации этой взаимосвязи или ее виды, а также влияние этих модификаций на организацию социокультурного пространства общества.

В отличие от ставших уже привычными в исследованиях культуры подходов, ставящих своей целью определение объема и структуры "культурных потребностей" населения, мы хотим предложить в некотором смысле альтернативную схему анализа. Исходным положением при этом является понимание литературы как продукта деятельности специализированной профессиональной группы - продуцирование, с одной стороны, и тиражирование, с другой, - ценностно-нормативных образцов, воплощающих в себе специфическое опосредование альтернативных культурных или социальных норм и ценностей. Последние признаются существенными в "реальном" бытии различных социальных групп и могут быть тематизированы в определенном материале - литературных формах. Мы исходим из того, что не наличие универсальных, "родовых", эстетических, познавательных, гедонистических, эвдистических и т.п. потребностей удовлетворяется соответствующей литературой и вызывает ее, а наоборот, литература как совокупность весьма специфических аксиоматических форм, определяющих порядок и условия культурного и социального взаимодействия различных групп, может оказаться адекватным средством упорядочения действительности. Признанная другими группами ее эффективность выражается как "потребность". Исследователю, таким образом, остается описать лишь содержательные структуры и механизмы ценностной редукции, стоящей за этими формами.

В качестве базового социального процесса, теоретическая модель которого в наших построениях будет играть роль объясняющего основания (ею будет удостоверяться "эмпиричность" и вероятность исчисляемых детерминаций изменений или предполагаемой стабильности социальных систем), нами принимаются явления урбанизации*, т.е. концентрации населения, интенсификации производства и потребления, услуг и развлечений, наслаждений и познавательной деятельности и т.п., вызывающие принципиальные изменения во всей социальной структуре общества.

Переход от деревенского к слободскому и затем к городскому образу жизни не обязательно связан с миграцией, если понимать под миграцией лишь территориально-пространственное перемещение. Более существенным является усвоение негородской средой иных культурных образцов, городской иерархии ценностей, норм дифференцированной социальной системы, что предполагает глубокие изменения структуры культуры и ее функциональной дифференциации**.

Методологически концепция урбанизации позволяет представить социокультурную структуру общества как синхронное существование и взаимодействие генетически разнородных пластов культуры. Указав на особенности функционального значения основных структурных элементов этих пластов, можно затем определить соответственно и значимость тех или иных культурных образцов для определенных групп или, иначе говоря, границы распространения данного культурного образца в системе различных культурных сред.

* Основные положения теоретической модели урбанизации изложены в трудах В.М. Долгого, Ю.А. Левады и А.Г. Левинсона. См.: Урбанизация как социокультурный процесс. - В кн.: Урбанизация мира. - М., 1974; К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации. - В кн.: Урбанизация и развитие новых районов. - М., 1976. Им мы и следуем в нашей работе.

** Поскольку современные формы урбанизации при соответствующем развитии транспортных и коммуникативных систем не связаны только с концентрацией огромных масс населения, производства, застройки и т.д., постольку получают развитие многообразные и всепроникающие "рассеянные" ее продукты (Урбанизация мира, с.27). "Наиболее общая культурная функция города - она же и наиболее фундаментальная - воспроизводство данного типа общественной структуры", хотя "способы осуществления этой функции различны в городах, принадлежащих разным историческим типам" (Там же, с.25). В определенном смысле можно сказать, что "совсем" эти группы регуляции поведения не исчезают, а образуют функциональное подобие историческим пластам культуры, так что "вертикальная" структура города может измеряться иерархией различных ценностных регуляций.

Существенной особенностью городского образа жизни ("городского" типа поведенческих регуляций), представляющего собой своеобразный продукт длительного процесса урбанизации, является принципиальное изменение механизмов социального поведения. Теоретически это изменение может быть описано как расщепление единого образца поведения на:

- *нормативные* функции регуляции (с соответствующей системой жестко фиксированных, предписанных ролей, позиций и вполне формальных социальных санкций за нарушение, т.е. формирование социального контроля) и

- открытую систему *ценностной* регуляции (ее можно назвать также культурной регуляцией - в общепринятом, оценочном смысле слова).

В традиционном обществе аморфный нерасчлененный образец поведения транслируется в процессе устной и межиндивидуальной, непосредственной передачи, т.е. через воспроизведение всего образца действия авторитетным носителем культуры - кем-то из "старших" членов сообществ. Содержательно эти образцы охватывают все аспекты жизнедеятельности локального и "линейного" воспроизводящегося сообщества (например, деревенского): от производственных навыков до кулинарных приемов и форм ухода за детьми. Но уже нормативный способ регуляции требует функционирования иных, дифференцированных формальных институтов и создает предпосылки для формирования ценностной системы регуляций. Именно на этом уровне формирования фиксированного содержания культуры становятся необходимыми специализированные институты социализации. Пласты нормативных компонентов во всей системе образуют свою параллель к одноплановому жесткому иерархическому строю организации и управления в социальной системе. Наличие же ценностных структур, вызывающих в свою очередь глубокую трансформацию нормативных уровней культуры, снимает неизбежную жесткость действия институтов социального контроля, поскольку поведение организуется уже через систему многообразных форм культурных вознаграждений, а это, разумеется, предполагает уже навыки рационализации собственных действий, элементы автономности и ответственности индивида.

Понятно, что эта схема регуляции имеет не генетический, а скорее логический и эвристический смысл: в действительности городской жизни встречаются все типы регуляции. Содержательно образец может сохранять все свои значения и смыс-

лы, тогда как его функциональное значение в системе регуляции и организации поведения меняется: норма в бытовой жизни может стать ценностью в рефлексии, в литературном материале и т.д. Развести их можно лишь аналитически, в процессе типологического анализа, реально же все три типа регуляции можно встретить в поведении даже одного человека.

Развитие ценностного типа регуляции соответствует формированию ряда ярко выраженных "культурных" установлений, принадлежащих почти исключительно письменной культуре. Последняя характеризуется универсальным типом воспроизводства, а следовательно, отделена от непосредственного носителя и не санкционирована каким-либо социальным институтом.

Процессу постоянной дифференциации как социальных установлений, так и культурных структур соответствует деятельность культурных агентов и институтов, опосредующих различные ценностные образцы и выстраивающих систему гармонизации конфликтующих значений. Эта медиация может осуществляться либо посредством фиксации какой-то определенной нормы культурного значения, либо интерпретацией его как принципиально "открытого", т.е. допускающего бесконечное многообразие истолкований. Последнее характерно для таких артефактов культуры, которые отмечены как "классические" - философские памятники, произведения искусства и литературы и т.п. Таким образом, компенсация усиления культурного многообразия (и тем самым достижение известного состояния связности, стабильности культурного космоса, а значит и согласованности, упорядоченности и устойчивости социальной системы взаимодействия) достигается в результате функционирования многочисленных социальных и культурных институтов, в том числе и литературы.

Следовательно, можно утверждать, что потребность в литературе (письменной культуре) наличествует только у тех социальных групп, которые либо а) переживают эрозию традиционных механизмов воспроизведения идентичности, либо б) уже характеризуются ценностно-нормативными регуляциями. Поэтому спрос на литературу может возникать (генетически рассматривая) у второго поколения мигрантов, поставленных перед необходимостью воспроизведения "нормального" образа жизни. У первого поколения мигрантов таких проблем, как можно полагать, нет, поскольку смысловые основания действительности непроблематичны: они несут их в себе в "свернутом", спорадическом состоянии и проблемой для

них является выработка адаптационных, а не символических механизмов*.

И только лишь сбой всей структуры адаптации (экономические или профессиональные проблемы), деформирующий рутинные механизмы трансляции культурных образцов и значений, выдвигает на первый план заботы о регенерации авторитетных *смысловых оснований*, т. е. по существу заставляет мигрантов впервые рационализировать и формировать обобщенные механизмы культурной репродукции. Такого рода вопросы встают при любой ресоциализации, но особое значение этот процесс приобретает в условиях массовой миграции, характерной для нынешнего этапа урбанизации.

В условиях городской анонимности, безличности, формальности и т.п.: разорванность традиционных механизмов организации социального консенсуса и семантической однородности компенсируется формированием представлений большей общности, чем традиционно локальные: формированием разнообразных символических единств и прежде всего - представлений о национальном и идеологическом единстве, с одной стороны, и трансформацией символических значений самой органической общности, с другой.

Однако аноимирующее воздействие города на системы традиционной культуры ограничено своеобразными стабили-

* Здесь следует сделать существенное дополнение: хотя непосредственное влияние города на сельскую среду довольно велико, оно в первой фазе своего воздействия не затрагивает фундаментальных структур деревенского уклада жизни. Изменение основных характеристик системы воспроизводства предполагает обращение к письменной, универсальной культуре. В этом смысле значимы данные о читательском поведении в сельской среде: только 23% жителей села посещают библиотеку. В основном, это группа, прошедшая или проходящая через институты формальной социализации - школу или специальные учебные заведения и, следовательно, приобретшая навыки оперирования с обобщенными образцами; сюда относятся прежде всего школьники и сельская интеллигенция, ориентированная на городскую культуру. Только 39% посетителей библиотек берет за год более 10 книг; 35% - до 5 книг. Отсюда можно сделать вывод, что значительная часть абонентов библиотеки обращается к фонду с одноразовым и специальным запросом. Домашние собрания незначительны и носят случайный характер. Они редко насчитывают более 50 книг (это прежде всего школьные учебники, а также разрозненные книги по самым различным областям - справочники, художественная, научно-популярная литература без всякой системы и последовательности). В городах же домашние библиотеки составляют в среднем 200 и более томов, будучи в значительной степени упорядоченными и систематичными: в них преобладают собрания сочинений и отдельные выпуски или серии художественной литературы. Домашние собрания в сельских семьях: до 30 книг - у 35%, и более 50 - у 21% семей всей выборки. (Книга и чтение в жизни советского села. - М., 1978, с. 158). Гораздо более существенна здесь роль такого специфического канала, как газеты и "тонкие" журналы - "Крокодиль", "Крестьянка" и др.

зирующими механизмами (к которым относятся, в частности, и некоторые литературные конструкции). В этой связи прежде всего следует отметить маркированный характер письменной культуры в традиционной или структурно с ней сходной среде массовой культуры: чтение сохраняет здесь некоторый оттенок занятий молодёжи, юношества или даже детей. Исследователи давно зафиксировали факт, что именно дети - проводники и лидеры книжной, литературной культуры в консервативной среде преимущественно устной традиции. В такого рода среде (и это документируется целым рядом исследований) после достижений статуса полноправного члена группы объем чтения и значимость литературы в системе ценностных ориентаций резко падает. Переход в статус полномочного носителя культуры (статус предписываемый, а не достигаемый, т.е. следовательно, защищенный от рационализации авторитетом культурной традиции) предполагает понятие ряда ролей исключительно взрослых: состояние в браке и воспитание детей, материальное обеспечение семьи (наиболее важной структурной единицы традиционного общества). Иными словами, предписанный и регулируемый доступ к высокозначимым и ценным благам (фундаментальным значениям традиционного сообщества) выражается как: а) нормативное сексуальное поведение, составляющее условие нормального воспроизводства социальной структуры данного сообщества*; б) трансляция культурных значений в строго определенной нормативной форме, т.е. воспроизводство культурной идентичности сообщества; в) материальное обеспечение группы (признание необходимой квалификации или наличие какой-то собственности и т.п.).

Оставляя за чтением смысловые моменты молодежного или даже детского (а следовательно, "несерьезного") структуры традиционных авторитетов блокируют, таким образом, аномию собственных значений, снимают угрозу постоянной их эрозии, рационализации, инструментализации. Новые

* Именно поэтому данная проблематика оказывается наиболее значимой для всей массовой культуры, включая и "эстетические" ее формы: темы нормативного сексуального поведения входят практически во все жанры популярного искусства и литературы - конфликт здесь снимается "свадьбой" (торжеством группы - носителя нормативной системы) или уничтожением героя. В высокой, элитарной литературе проблематизируется не социальное поведение, а культурная идентичность героя, т.е. коллидирующие ценности. Поэтому здесь не идет речь о "браке" как венце всех усилий, воплощении социального порядка, наоборот, именно с него часто и начинается драматическая медиация разорванных в культуре значений. Последнее и понятно, поскольку под вопрос ставится ценность, а не социальная норма. См. тему брака и брачной жизни у Л.Толстого, И.Бунина, А.Битова, Г.Белля и др.

значения записываются только за определенными фазами жизненного цикла. Иначе говоря, напряжение, возникающее в традиционных средах, главным образом, вокруг очагов изменения социальной культуры (ср. высказывания типа: "Молодежь совсем разболталась..."), отчасти снимается определенной (чаще негативной или снижающей) оценкой их как нехарактерного образа действия членов группы.

Таким образом, в процессе взаимодействия различных культурных пластов (т.е. социального взаимодействия, опосредованного рядом специальных институтов) имеет место конкуренция за значимость разных структур авторитетов. В результате ее определенная часть социальных групп частично вытесняется из сферы воздействия письменной культуры. Поэтому распространенные ожидания, что в будущем все категории населения будут читать больше книг и лучшего качества, вряд ли оправданы. Хотя общий объем чтения и возрастает, однако далеко не такими темпами, как хотелось бы носителям книжной культуры, связывающим со всеобщим признанием ее высокого авторитета легитимность своих позиций в социальной структуре (включая претензии на управление и руководство общественными делами). Едва ли обоснованны и те попытки прогностического определения перспектив чтения и потребления высокой культуры, которые основаны на экстраполяции характеристик читательского поведения учащейся молодежи.

ВРЕМЯ В КУЛЬТУРЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ СООТНЕСЕНИЯ

Литературная система может рассматриваться в качестве одного из компонентов или подсистем репродуктивной социокультурной системы, воспроизводя прежде всего устойчивые образцы временных характеристик или параметров социальной организованности. Под временем мы будем понимать определенные последовательности культурных значений, культурных пластов, т.е. те или иные ритмы социального поведения (например, порядок достижения различных благ). Временные характеристики или размерности представляют собой введение ситуативных регуляторов действия, определяющих соотношение между собой норм, ценностей и других образований.

Так, возраст человека представляет собой культурную шкалу принятия определенных социальных позиций, с которыми связаны те или иные блага и обязанности. Причем заня-

тие этих позиций возможно только строго определенным образом и с помощью ограниченного набора предписанных средств в заданной структуре, ритме, указывающем на условия или последовательность достижения известных благ, их реализацию и потребление. Конкретизируя эту категорию в отношении литературы, можно интерпретировать, например, тему "первой любви" как тематизацию "*предписанного порядка*" достижения особо ценных (и потому обставленных наибольшим числом табуирующих запрещений) благ - таких, как сексуальное наслаждение*, особая интимность и душевная близость, при которой только и возможна одобряемая реализация этой ценности - любви и др. Ограничение доступа к специальным формам поведения (эта жесткая предписанность, как правило, и становится социальной основой конфликта, изображаемого и выносимого на общий суд литератором) выражается в адресованных индивиду требованиях обеспеченности, независимости от родителей как первичных носителей авторитета, т.е. принятия на себя их определенных ролей и т.п. Возможность "любить" невзирая на общественное мнение, школу и т.п. вызывает всеобщее подозрение в свержении авторитетов и сопротивление со стороны сообщества.

Таким образом, определенные фазы (и, в свою очередь, типы) культурного времени представляют собой запись соответствующих позиций и ролей, т.е. фиксацию ценностных и

* Забегая вперед, отметим, что в элитарной культуре и искусстве - кинематографе, литературе, живописи и др. - сексуальные ценности и значения будут выступать не как самодостаточные (что имеет место в массовой культуре), или не только так. В значительной степени, и это существенный функциональный признак высоких уровней культуры, сексуальные значения и собственно поведение будут здесь характеризоваться в качестве средств реализации ценностей другого плана: состояний особой интимности, душевной близости, аутентичности, подлинности и др., ценных не менее, а подчас даже и более, чем "чисто" сексуальные радости. Названные выше состояния определяют специфическую фазу "снятия" социальных определений, правил и норм поведения, общепринятых конвенциональных ограничений: Условное состояние "чистой" (предельной в данной культуре) "безнормности", "естественности", открытости расценивается как высочайшая культурная ценность. Оно выступает поведенческим аналогом (а стало быть и функциональным эквивалентом) метафизическим основаниям культуры, поскольку допускает обращение на себя любых потенций культурно-нормативных определений. Следует указать на ряд подобных же функциональных "дистилляторов" содержательных значений в культуре (механизмов проблематизации культурной идентичности, что в свою очередь является предпосылкой идентичности социальной): любая фиксированная структура "пограничной ситуации" ("выбор", "вера", "смерть", "болезнь", "предательство", "жертва" и т.п. значения) может стать основанием тем и ценностных конструкций литературных произведений.

нормативных значений, идеальных представлений, идеологических проекций и клише, культурных архетипов, табу, интересов, как "духовных" так и "материальных", связанных с соответствующей защитой или, при известных обстоятельствах, с экспансией собственных границ группы, - короче, конфигурацию значений в определенной последовательности или структуре. Понятно, что развернуть весь текст подобной записи в его упорядоченности можно лишь (если вообще возможно) чисто аналитическими средствами. Это, однако, никоим образом не снижает релевантности отдельных ее радикалов.

В зависимости от содержательной структуры ритма можно говорить о различных пластах и типах культуры, поскольку характер ритма определяется функциональным значением культурных механизмов (ценностей, норм и их конфигураций), с которыми коррелируется бытие социальных групп. Следовательно, различные типы литературы предстают как различные компоненты временной организации общественных структур (посредством фиксированных ценностно-нормативных значений, конституирующих формы социального поведения и взаимодействия)*. В этой своей функции литература и искусство являются секулярными механизмами поддержания культурной идентичности общества. Дифференциации этих размерностей и направленности временных конституирующих форм соответствуют и различные способы актуализации данных значений: от архетипических образов и структур, принадлежащих фольклорному, мифологическому и т.п. архаическим пластам культуры (но всплывающим и разворачивающимся при определенных обстоятельствах в структуре и организации тематизируемых проблем и мотивов - т.е. в сюжете и в типах героев) до "исторических" описаний "ключевых" событий. Последние являются условием введения мощных интегрирующих символов или же рационально-целевых проекций, нагружаемых особыми значениями и потому приобретающих часто как бы самоценный характер.

Представленные в различных символах, образах, этических или ценностно-нагруженных основаниях суждений, эти метафоры пространственно-временной (а следовательно, и социальной) организации разворачиваются в литературных образцах как отсылки, персонажи, поучительные примеры прошлого. Они и создают препарированную сферу культурного

* О множественности временных шкал как условии существования репродуктивной системы см.: Левада Ю.А. О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата). - В кн.: Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1979. - М., 1980, с.187.

пространства, благодаря которой достигается значительная стабилизация и интегрированность общественных структур и отдельных поколений*.

Подавляющая часть всего литературного потока представляет собой канонизированные традицией вариации на определенные темы (число их сравнительно ограничено). Устойчивые зависимости между композициями этих вариаций и темами позволяет формализовать литературную продукцию с целью последующего целевого типологического анализа. Попытки такого рода неоднократно предпринимались как социологами литературы, так и литературоведами. Важно подчеркнуть, что типологический анализ, нацеленный в соответствии с индивидуальными задачами исследователя на генерализацию и выявление социальных или культурных особенностей текстов, представленных в них регулярных структур и образований, ничего общего не имеет с жанровыми классификациями литературоведения. Последние предназначены для селекции литературного потока и удержания нормативного, иерархического структурированного состава культуры. В логическом отношении типологический анализ (например, выделение "тематических структур" или "формул", или каких-то иных концептуализированных эмпирических обобщений) ни-

- * Принципиальная важность такого рода механизмов выражается в содержательной (тематической) структуре чтения. Репрезентируемые ценности (национальная судьба, идеологические принципы и т.п., демонстрируемые в синтезе с традиционными ценностными значениями семьи, любви, безопасности, неизменности и др., что составляет сюжетное ядро литературы о войне и исторических романах) объясняют чрезвычайно высокую их значимость и признание массовым читателем. Этому способствует предельная степень их проблематизации, ставящая носителей этих ценностей на грань уничтожения (ситуация войны). По материалам многих исследований, произведения о Великой Отечественной войне занимают в структуре массового чтения ведущее место. Так, например, в структуре чтения сельского населения они занимают 52%, исторические романы - 26%, о гражданской войне - 18% (Книга и чтение в жизни советского села, с.167). Следует подчеркнуть, что основную долю читаемых произведений составляют книги советских авторов - 80% (там же). Нет ровно никаких оснований считать, что в ближайшем будущем это положение как-то изменится. Напротив, опыт говорит, что эти ценности в условиях динамичных процессов урбанизации становятся важнейшими интегративными механизмами межпоколенческих связей, придающими устойчивость всей системе социального воспроизводства. В большой степени этими же основаниями обуславливается успех и военной мемуаристики, не идущей ни в какое сравнение с прочими типами литературных воспоминаний. Необходимо добавить, что содержательная структура чтения весьма схожа и в городе и в селе: у массового читателя она крайне стабильна, как стабильна и сама система ценностей. Изменение ее, и весьма значительное, наблюдается лишь у специализированных групп, носителей гуманитарной культуры.

когда не претендует на полноту классификационного ряда, равно как и на адекватность идеографического разбора или интерпретации отдельного произведения. Инструмент социолога - идеально-типологические конструкции, используемые для историко-культурной и сравнительной работы, а также для социально-факторного изучения эмпирического материала. Как правило, это специально отмечается исследователями.

Например, Дж.Кавелти рассматривает "литературные формулы" как "структуру повествовательных или драматических конвенций, используемых в очень большом числе произведений"⁶ (Подчеркнуто мной - Л.Г.). Сам длительный успех подобных формульных повествований свидетельствует, что фиксируемые таким образом в культуре ценностно-нормативные значения, образцы социокультурной упорядоченности являются адекватными потребностям тех или иных коллективов, т.е. поддерживаются ими в качестве некоторой нормы литературности. С аналитической точки зрения, образования такого рода функционируют в качестве эффективного компонента воспроизводства всей общественной системы. Рассматривая их на индивидуальном уровне (на уровне поведения) можно отметить, что переживание искусственного мира литературных формул представляет собой род "прививки", позволяющей приобрести социально и культурно необходимый опыт символического снятия и решения конфликтов. Причем этот опыт приобретает без угрозы реального ущерба, травмы или страдания. Образец литературной формулы фиксирует наиболее эффективные или по каким-то причинам наиболее приемлемые способы и стандарты снятия напряжений, отбираемые соответствующей группой. Сами эти способы с течением времени закрепляются и поддерживаются, становясь идеологическим или символическим "капиталом" группы. Таким образом, функциональное значение литературных формул заключается в выработке согласованных определений действительности, а значит - и в достижении социокультурной стабильности.

Формулы дают возможность аудитории обнаружить в контролируемых и безопасных границах искусственного пространства действия предел разрешенного, т.е. возможности и предвидимые последствия нарушения нормы. Это пространство - *Spielraum*, если вспомнить старый немецкий термин -

⁶ Cawelti J. Adventure, mystery, and romance. Formula stories as art and popular culture. - Chicago; London, 1976, p.5.

ограничено страхующей социальной дистанцией "эстетической" условности, в чем собственно и заключается конвенциональность эстетических функций. Развитие сюжетного действия движется от выражения альтернативных ценностей (например, социальных норм) до их согласования тем или иным образом (например, достижения санкционированной последовательности их реализации или их иерархии, или условий законной бесконфликтной реализации). Особое значение при этом приобретают "отрицательные персонажи". Их функция во внутрилитературной организации текста - нести значения, которые а) высоко ценятся, но при данных условиях запрещены (например, при высокой ценности той или иной цели предприняты незаконные, запрещенные средства достижения - грабеж, воровство, насилие, обман и т.п.); б) сами по себе отвергнуты группой как значения чужих (враждебность к символам группы, стремление уничтожить блага и жизненные источники группы, опасность конкуренции за ограниченные ценностные ресурсы и проч.).

В отличие от тривиальной или формульной литературы с четким распределением содержания по определенным формам, стереотипизированной техникой конструирования литературного произведения, незначительная часть литературного потока может характеризоваться как раз противоположными признаками. К ним относятся: отсутствие закрепленного за той или иной формой содержания и, следовательно, отсутствие стабильных инстанций авторитета (фиксированной структуры ценностей). Подобный нормативный "люфт" свидетельствует о специфической ("ритмической") проблематизации тех или иных ценностей, норм их сопряжения, что в свою очередь предполагает и требует их перманентной интерпретации и гармонизации. Без процессов выработки подобных интегративных механизмов динамическое и усложняющееся по своему составу общество просто развалилось бы. Литература этого второго типа тематизирует символические механизмы самого высокого уровня - ценностные значения, которые могли бы определить условия упорядоченности и соотношения альтернативных или конфликтующих друг с другом ценностей. Только в подобной литературной субкультуре имеет место постоянная выработка новых средств литературной техники, поскольку достижение "адекватного выражения" нового, постоянно нарушаемого консенсуса столь же настойчиво требует новых экспрессивных средств.

Следовательно, условием развития, динамики общества является постоянное поддержание частичной, искусственной

"аномии" существенных культурных оснований. Для усвоения инновации необходима почва ее рецепции, т.е. наличие социальной группы, практикующей частичную и контролируемую релятивизацию конвенциональных, а значит, групповых определений действительности, космоса культуры. Свобода этой деятельности расценивается как условие последующей адаптации социальной системы к постоянным изменениям (характерный модус существования модернизирующихся обществ, тем более, переживающих фазу интенсивной урбанизации). Понятно, что всем набором рефлексивных, когнитивных, методологических, поэтических и т.п. средств выявления и анализа дифференцированных форм культурного текста (пространственно-временной фиксации культуры и общества) может владеть только специализированная группа гуманитариев - философская и эстетическая элита.

Развитие литературной техники как совокупности производственных приемов аккумулируется группой писателей-лидеров. Большая часть их экспериментов с созданием новых экспрессивных средств, сопровождающихся выработкой новых смыслов (этических регулятивов, культурных императивов или напротив, релятивизирующих точек зрения), как правило, не подлежат исторической рецепции. Информация о них удерживается в культурном фонде замкнутых коллективов - эзотерических хранителей академической литературоведческой традиции. Объем читателей литературы этого типа весьма невелик, хотя положение ее в культуре центрально: оно определяется функциональным значением той роли, которую играет подобная литература в системе социокультурного воспроизводства.

Известная часть такого рода литературы (наименее оригинальная в техническом отношении, если ее сравнивать со всем фондом высокой словесности) адаптируется "вторым эшелон" рутинизаторов. Несомые ею ценностные образцы попадают в субкультуру последователей, имеющих в качестве референтной ту группу, которая проблематизировала эти значения на предыдущем этапе культурного развития. Собственно литературная динамика возникает из фиксируемого отставания рутинизаторов на один период. Однако упомянутые образцы фигурируют теперь уже не как проблематизированные ценности, а в качестве фиксированной нормы определенных социальных значений. Тем самым происходит известное отсечение некоторых секторов всего возможного или тематизируемого спектра значений, обсуждавшихся на предшествующем временном (т.е. культурном) этапе. В этом смысле рутинизи-

рованная в техническом отношении литературная продукция приближается к формульным повествованиям, образуя как бы промежуточные или смешанные формы, но с повышенным потенциалом идеологической актуальности*.

Характеристики читательского поведения наибольшей в количественном отношении группы будут характеристиками потребителей именно тривиальной или формульной литературы. Литературную критику читают менее 1% читателей - специализированные группы с высокими индексами образования и квалификации. Это - преимущественно гуманитарная интеллигенция, обращающаяся к малотиражной "высокой" и эзотерической литературе, созданной в предельно большом временном и пространственном диапазоне, включая как общемировую классику, так и новейшую литературу. Тираж книг, обращающихся в этой группе, составляет от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч экземпляров (в среднем 25-50 тыс.). Именно такими тиражами выходит литература молодых писателей, элитарная переводная литература, драматургия, поэзия и до недавнего времени книги из серии "Литературные памятники". (Теперь, когда книжный бум указал на то, что эти образцы начали заимствоваться другими, более широкими группами интеллигенции, тиражи книг такого рода нередко достигают 200 тыс. экземпляров).

Если судить по критериям, с которыми критика подходит к оценке литературного потока, то его можно разделить на две группы:

1) "кандидаты в классики", отбираемые на основе новаций в области литературной техники (признание этого обычно выражается как "поэтическое новаторство" писателя), но с гораздо более ослабленной привязкой достоинств к "требованиям дня" - как правило, обсуждаются проблемы, злободневность которых с точки зрения журнальной критики невелика, т.е. затрагиваются "вечные темы";

2) "современники", чьим пафосом деятельности становится особая актуальность обсуждаемых проблем, публицистич-

* Примером этому может служить предсказанное в конце 60-х гг. снижение деревенской тематики и переход ее к эпигонам - писателям массовой литературы. Так, высокие образцы "деревенской поэтики" (В.Белов, В.Астафьев, Ф.Абрамов и некоторые др.) с их сложнейшей проблематикой культурной идентичности, историчности и т.д. стали в 70-х гг. референтной группой для "почвенников". Хотя круг читателей при этом и расширился, однако характер прочтения в связи с изменением страт, в которых они функционируют теперь, и учетом культуры этих слоев, их набора проблем, принципиально изменился: он существенно "адаптирован". В среде массового чтения произведения этого типа обращаются как эквивалентные романам, например, А.Калинина, П.Проскурина, Г.Маркова, В.Пикуля и др.

ность и т.п. при незначимости для них проблем технической экспрессивности. Ценностное конструирование и организация литературного материала осуществляется здесь в рутинных формах литературного производства, как технически инвариантный перебор нормативных конфликтов.

Два эти типа критериев (разведение, в общем, чисто условное) могут служить и первыми, сравнительно приблизительными индикаторами успеха и длительности обращения книги в различных группах читателей. Произведения первого типа, как правило, тематизируют (на любом материале) проблематику, связанную с выработкой новых смысловых значений, символического и ценностно интегративного толка, тогда как второго - связанную непосредственно с формами нормативной фиксации значений, поддержания существующего нормативного образца. Соответственно, литературе первого рода обеспечен (при благоприятных обстоятельствах) небольшой, но устойчивый успех на протяжении довольно длительного периода; второй же - массовая читательская популярность с полным затуханием ее через 10-15 лет.

Подавляющая часть популярной литературы оказывается вне поля внимания критики. И это не случайно: критика как институт охватывает и контролирует лишь небольшую часть литературного потока. Ее функциональное назначение определяется двумя моментами:

- не собственно литературное значение: критика маркирует характер проблем, тематизируемых литературой в тех случаях, когда литература ("ненормальный" случай) выступает заместителем демократических, политических, идеологических и культурных институтов. Это возможно лишь в силу сравнительно слабой способности критики к рационализации. Ходовые оценки литературной продукции: "типично-нетипично", "жизненно - нежизненно", "соответствует времени (эпохе, истории, правдоподобию и проч.) - не соответствует...", "глубоко-поверхностно", "мелко", "сенсационно", "внешне" и т.п., - носят при этом "пустой", чисто регулятивный характер, позволяющий в принципе вместить почти любое содержание. Об этой же идеологичности норм-оценок свидетельствует и их вневременность, всеобщность, "естественность", не допускающая ни рефлексии, ни сомнения. Соответственно, только изучение ситуативного применения этих норм, определение конкретного адресата санкции позволяет говорить об интересах группы, осуществляющей отбор и оценку, селекцию литературного потока;

- собственно литературное значение: введение новой проблематики возможно лишь как открытие новой экспрессивной техники, новых, адекватных ей, средств выражения. Лишь эта вторая функциональная сторона деятельности критики отмечает зону "высокой" литературы, образцы "лучшей", "элитной" литературы. Только эта литература гасит векселя претензий на "мудрость", от лица которой узаконивается авторитет и словесности, и культуры в целом. Литература этого рода разрушает рутинную конвенциональность жизненного мира, обыденных определений действительности, деформирует общезначимые правила достижения взаимной согласованности действия*.

Еще более характерным это является для "классики". В эту группу произведений и, соответственно, авторов, попадают исключительно образцы высокой литературы. Сюда могут включаться и произведения, первоначально принадлежавшие к литературе с нормативной структурой конфликта, однако претерпевшие процесс "оценивания", трансформации нормативных коллизий в ценностные в результате значительной временной и пространственной (т.е. социокультурной) дистанции и "вымывания" конкретности исторических реалий, нормативных компонентов определенной эпохи. Появление пространств и все умножающихся комментариев, разъяснений, примечаний и т.п. свидетельствует о процессе "опустошения", универсализации с выявлением "вечных вопросов" и мотивов (пример - античная драма). В результате многочисленных интерпретаций произведение становится в конечном счете совершенно открытым для любых толкований и аналогий. Подобная "пустая" форма представляется весьма соблазнительной культурной структурой - устройством для идентификации субъективных ценностей и представлений аналитика, интерпретатора, способом самооценивания. Без такого рода конструкций культура не могла бы обрести своеобразной динамики и процессуальности.

Однако этой субъективной привлекательностью роль классики не исчерпывается. Особенность классических произведений - свобода от жестких фиксированных норм, универсализм ценностных регуляций. Она определяет:

- * Стоит вспомнить хотя бы технику феноменологической деструкции определений реальности и ее описания, постоянно используемую Л.Н.Толстым (например, в сцене посещения оперы Наташей Ростовою или интерпретациях исторического процесса, категорий власти и т.п.), что так близко к методам современных этнометодологов. Ср.: Berger P. The problem of multiple realities: Alfred Schütz and Robert Musil. - In: Phenomenology and sociology. - Harmondsworth, 1978, p.343-367.

1) Их центральное положение в литературном процессе, обусловленное способностью классики устанавливать связность и интегрированность литературного взаимодействия при постоянных исторических изменениях. Посредством общей структуры литературных авторитетов ("рамок соотношения") формируются межпоколенческие связи литераторов. Другими словами, складывается общая литературная культура*.

2) Содержательные эталоны литературного мастерства и аккумуляцию технических приемов и средств.

3) Универсализм социокультурных характеристик пространства и времени, которые обуславливают наиболее общие механизмы воспроизводства общества и культуры (структуру энергетического поля социально-родовой памяти, что особенно важно в социологическом отношении).

Релятивизация конкретно-исторического содержания классического образца выражается в растущем ценностном потенциале произведения, повышении его культурных акций, предполагает сознание множественности систем времени (а следовательно, и множественность "социальных пространств действия"). Релятивизация, следовательно, классицистских элементов структуры культуры позволяет такому устройству вместить практически безграничный объем информации. А именно эти системы культурной записи делают возможным для всей социальной структуры адаптацию к инновации как перманентному процессу изменений.

В массовой литературе типы предельных ситуаций, через введение в которые достигается гармонизация нагруженных на положительных героев антиномических значений, жестко определены и формализованы. Они и представляют собой конструктивные элементы "формулы": соблазнение, испытание верности, случайность или катастрофа, перетасовывающая персонажей или срывающая их с надлежащих им мест и т.п.** Впрочем, столь же стереотипен и сам набор традиционных средств определения ситуации и ее преодоления, что и позволяет преобразовывать основные коллизии этого рода в типовые переменные формульных повествований.

Напротив, "высокая литература" постоянно ищет новые методические (речевые, стилистические, когнитивные и т.п.)

* Подробнее см.: Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Идея "классики" и ее социальные функции. - В кн.: Проблемы социологии литературы за рубежом. - М., 1983.

** Сводку работ, в которых описываются и анализируются различные литературные формулы, см. в кн.: Книга, чтение, библиотека..., с.268-309, 345-362.

средства релятивизации общепринятых представлений. Для этого, например, вводится авторская ценностная дистанция - "я" автора, "я" повествователя, т.е. указываются конкретные основания для оценки. Непредсказуемость ситуаций "высокой" литературы достигается и введением "нелитературных обстоятельств", т.е. неконвенциональных значений литературных, поэтических, лирических и т.п. тем и ситуаций, за которыми обычно записаны значения высокого, низкого, трагического, драматического, прекрасного и иного. Разумеется, они столь же условны, что и жесты или позы, которые принимает актер на театральной сцене для выражения своих состояний. Но их условность имеет узкогрупповой характер, они еще не стали литературной нормой. В этом отличие "высокой" литературы от формульных повествований, где предсказуемость тем, поворотов сюжета и способов решения конфликта чрезвычайно высока. Оно связано с постоянным разрывом с литературной традицией, с нарушением согласованности достигнутых определений действительности, или, точнее, закреплённых отношений к "литературному" значению. Обособливается новация тем, что открывает новые отношения, темы, которые существуют "в самой жизни", не упорядоченной "литературной классификацией".

Таким образом, динамическое равновесие в системе базовых ценностей достигается через их условную деструкцию, их сопоставление в критических ситуациях или через выработку релятивизирующей позиции по отношению к сверхзначимым ценностным объектам. Каталог довольно обширен: здесь все приемы "отстранения", "отчуждения", "объективации". Те группы в обществе, авторитет которых связан с определением и разметкой перспектив действия, используют эти приемы либо для выработки идеальных систем, способных моделировать структуру реальных конфликтов и через это становящихся доступными для контроля, либо для определения нормативов и ресурсов действия и средств их мобилизации. Последние представляют собой этические регуляторы действия, ограничивающие технически возможный потенциал средств достижения целей и сам набор возможных целей, что, следовательно, предполагает их интеграцию с традиционными представлениями и системой идей. Такова с социологической точки зрения проблематика, например, "Преступления и наказания" Достоевского. Дело не только в возможности контроля, но и в том, что только таким образом может осуществляться специфическая запись конфликтов основных культурных

значений (ценностей и норм), не могущих быть в силу тех или иных обстоятельств дублированными другими формами записи. А это значит, что культура транслируется *только в такой, только в этой форме*, что характерно для модернизирующихся, секулярных обществ, где литературе отводится чрезвычайно важное место, где она политизируется, либо сакрализуется.

Именно для литературы такого типа и существует социальная группа экспертов - специализированный институт критики, являющийся симптомом и специфическим продуктом процесса социальной дифференциации. Критике при этом вменяется в обязанность отличать значимое от незначимого в ситуации нормативной неопределенности, нормативного дефицита, отделять подлежащее сохранению от случайного, патологического, "не-объективного", "искусственного", "литературного" и т.п., и таким образом осуществлять и функции социального контроля, и функции поддержания образца в социальном литературном процессе.

Сама высокая литература может быть разведена на ряд типов или видов, среди которых для нас основной интерес представляют два типа: экспериментальная и консервативная. Сегодня в первой, к которой, как правило, принадлежат малые литературные формы: рассказ, новелла, эссе, а также драматургия, поэзия и проч., продуцируются новые литературные формы и средства литературной техники. Обращение к ней, стало быть, предполагает более высокий порог читательской квалификации. Во второй, которую можно было бы назвать словами Т.Манна - "консервы времени", осуществляется хранение и ретрансляция основных форм согласования человеческих действий, ритмов, последовательностей поведения и т.п.

Для всех социальных групп, кроме молодежного авангарда и тех, чье положение связано с гуманитарной специализацией, базовые, фундаментальные, наиболее общие регуляторы поведения не являются проблематическими. Проблемой могут быть средства и формы *адаптации* к изменяющимся социальным порядкам, взаимоотношения со средой, например, характер распределения власти и положение группы или изменение экономической ситуации и шансы группы и т.д. Поэтому эти группы и не нуждаются в специальной функционально опосредующей нормативной инстанции - критике. Таким образом, процесс дифференциации литературных форм предполагает дифференциацию культурную и социальную. Нестабильность семантического космоса и множествен-

ность (энтропийность) ценностей, не согласующихся между собой, определяет функционирование институтов, связанных с сохранением этих форм и их отбором. В иные типы литературной культуры (прежде всего - массовой, тривиальной) ни критика, ни литературоведение не спускаются. Так, ни средневековая культура, ни народная культура этих посредников не знают.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Основные типы литературных (повествовательных) структур были выработаны еще в конце XVIII - начале XIX вв. представителями "высокой" литературы (мелодрама, детектив, роман воспитания и проч.). Прежние высокие стандарты литературы были в значительной степени "опустошены" от конкретно-исторического содержания и реальных ситуаций перехода от сословного общества к обществу массовой культуры и затем абсорбированы определенными слоями массовой культуры в качестве устойчивых механизмов стабилизации чужих воздействий и влияний (главным образом, отмеченных в качестве "чужого" и "высокого", но с резко негативной оценкой). Например, структура мелодрамы⁹ в момент своего рождения фиксировала разрывы ценностно-нормативных систем трансформирующегося сословного общества с четко обозначенными культурными границами образов жизни - стиля поведения и потребления, этического кодекса, основных устремлений, демонстративных средств и проч. Но позднее она стала механизмом заимствования и усвоения культурных образцов социально привилегированных групп другими слоями.

Усвоение это, однако, не имеет характера простого дублирования образца. Происходит глубокая трансформация его содержания. Интерпретации подлежат, прежде всего, аскриптивные характеристики (т.е. снимаются "знаковые" значения родовитости, классовой или сословной принадлежности, при негативном изображении самих их носителей. В этом смысле примечательна романтическая фигура аристократа-злодея и

⁹ Конкретное произведение всегда представляет собой синтез различных тематических линий (ценностных механизмов), которые могут разрабатываться отдельно и преимущественно тем или иным жанром (хотя конечно, ни один из них не может быть представлен как "чистая тема" и лишь в сочетании многих тем какая-то одна является доминирующей и образует специфику жанра). Дать типологическую схематику конфигурациям проблем как ценностно-нормативных образований и становится нашей задачей.

соблазнителя)*. Ценностные предикаты сословного образа поведения универсализуются до "всеобщих", "природных", "естественных" и в этом своем качестве начинают трактоваться как *психологические* определения (именно здесь подключаются и проявляются идеологические механизмы и интересы). Сюда относятся такие культивированные аристократией формы *социального* поведения как "рыцарство", благородство, личная верность, культ служения, фаталистичность, т.е. принципиальная неинструментальность поведения, бескорыстие, самоотверженность (что для нас может быть синонимом коллективности, сословности этики в отличие от индивидуализма протестантского буржуазного активизма и предпринимательства), неизменность личных принципов в различных жизненных испытаниях, короче, недостижительские признаки идеала. Освобожденные от их социального носителя, эти качества становятся "природными" или "душевными", "психологическими" свойствами идеального образца человеческой природы, безупречного поведения. Это, например, очень заметно в популярных мелодраматических романах А.Дюма, хотя они в общем довольно поздние по своему происхождению (буржуазность их и мелодраматичность почти затушевана в сравнении, скажем, с Бомарше). Примечательна здесь регулятивность подобных предикатов - их оторванность от любых конкретных социальных персонажей и масок.

В процессе формирования этих механизмов трансформации аскриптивных определений в достижительские имеет место изменение характеристик системы. Генетическое время родового древа лишается своей определенности и становится безразлично-линейным, качественно однородным, а благодаря этому - инструментальным, т.е. (в силу универсальности и бескачественной однородности своей) допускающим возможность калькуляции или планирования. В такой форме эти обобщенные механизмы социокультурной организации ста-

* Различение аскриптивных, предписываемых и достижительных (achieving) характеристик и социальных ролей принципиально для социологии изменяющихся обществ. Предписываемые роли и статусы не меняются по жизненно (дворянин, француз или отец как социальные роли не могут быть заменены какой-либо другой ролью: если человек является французом или дедом, то он не может играть роль японца или сестры). Напротив, такие социальные роли как профессиональные или статусно-иерархические в открытых социальных системах становятся предметом личного достижения: индивид может быть инженером, премьер-министром, монахом, академиком, богачом, мужем и т.п. Социологически это различие обычно описывается как предписываемые и достижительские статусы, позиции и т.п., т.е. одни значения могут считаться допускающими и требующими собственной инструментализации и рационализации, другие - нет.

новятся в модернизирующемся обществе просто неизбежными и педагогически чрезвычайно эффективными. Лежащие в основе мелодрамы ценностно-нормативные "операторы" социальным и культурным временем и пространством имеют свои аналоги в приключенческой литературе, отчасти в детективе и других формах, значимость которых, судя по популярности этих типов литературы, не меньшая, чем мелодрамы или эпопеи.

Таким образом, мелодрама работает как система адаптации к постоянному изменению и значима прежде всего для групп, чувствительных к ресоциализации (например, находящихся в состоянии миграции, либо переживающих ее последствия, т.е. рутинизирующихся, либо же "возбужденных" предстоящими трансформациями или же усваивающих на определенной фазе новые социальные роли, как это имеет место в молодежной субкультуре). А также для групп, находящихся в идентичной фазе социализации. Эта идентичность социализируемых структур обычно просматривается, когда характеризуется литература, находящаяся одновременно в чтении детей и взрослых (например, романы Дюма). "Детская литература" - признак идеологической оценки представителями "высокой культуры" тривиальной и бульварной, отчасти мелодраматической романтики, характерной для определенных функционально-эквивалентных стадий социализации в условиях модернизации, захватывающей все уровни.

В качестве центрального узла системы этих механизмов следует рассматривать символическую переоценку представителей различных социальных позиций, благодаря которой сохраняется нормативный порядок вещей. Эта реорганизация оснований социального мира осуществляется в ходе изменения значений *предписываемых* статусов, трансформацией (или заменой) их в *достижительские*, во-первых, через положительную оценку самого достижения, и, во-вторых, негативной оценкой (выдвижением негативных героев с соответствующими символами) прежних предписанных высоких статусов - аристократического, городского, образованного и др., с которыми произвольно связываются демонстративно-гедонистический или праздничный, потребительский образы жизни. (Отзвуки этого доходят и до нас в таком, например, виде, как негативизм к городской культуре у тривиализирующейся деревенской прозы. См. "Воспитание по доктору Споку" В.Белова и т.п. Аналогичные ходы присутствуют и в детективе. См. "Петровка 38").

Примерная схема этой литературной конструкции такова: положительный герой (его признаки: низкий начальный статус в соединении с демонстрируемыми нормами традиционной культуры - неформальность, локальность мира и системы общения, партикуляризм норм, проявляемый в ситуациях приверженности символам первичной группы и сексуального конфликта и т.п.) *приобретает успех* (высокий статус или блага, общее признание и проч.) только посредством использования *универсальных средств*, связанных с признанием значимости легатимных, универсалистских всеобщих ценностей (труда, учебы, образования, общих символов группы и проч.), и при соответствующем усвоении гибкого ролевого репертуара. Возможен и вариант, когда демонстрируются эти же символы универсалистской культуры и группы, но конструкция строится на примерах борьбы с "чужими". Именно эти коллизии являются ключевыми для самого популярного чтения конца 60-х и 70-х годов - романов-эпопей Г.Маркова, А.Иванова, П.Проскурина и проч. эпигонов.

Своеобразие больших романов-эпопей заключается прежде всего в том, что они выступают трансляторами мощных интегрирующих символов. В произведениях этого рода тематизируется конструирование новых социокультурных общностей. "Действие" в них начинается с описания разложения "старого" деревенского уклада, распада рутинных личных связей и нормативных отношений, утраты важнейших оснований деревенской жизни, придававших ей осмысленность, связность и устойчивость, а заканчивается триумфом новых общностей. При этом символы общности синтезируются со знаками коллектива большего, чем прежняя локальная община - идеологического, политического, профессионального и т.п. Так, двухтомная, 3-х тысячестраничная эпопея П.Проскурина, например, заканчивается тем, что сын первого председателя колхоза летит в космос.

Симптоматичны культурные категории, посредством которых упорядочивается ставшее после внезапного социального изменения (революции или принудительной коллективизации) необычным, "иррациональным", неопознаваемым течение событий и вся система отношений в прежде устойчивом и обозримом мире деревенской жизни. Это все тот же круг понятий и представлений традиционной культуры. Иначе говоря, для осмысления объективированного, отчужденного и незнакомого процесса, вторгающегося в привычный строй и порядок жизни - исторического процесса (коллективизации, индустриализации, войны и т.п.) - используются категории родствен-

ных и личных связей и соответствующих культурных регулятивов. Изображение процесса строится как расщепление традиционной семьи: брат против брата, отец против детей или дети против отца, жена против мужа, соответственно, невеста или жених и проч. Культурные марки "свое-близкое" - "чужое-далекое" меняют наполнение, хотя и сохраняются в качестве общей разметки социального пространства и позиций. Тем самым, нормы и представления традиционной культуры (система авторитетов, кодекс семейной регуляции, жизненные aspirations и т.п.) становятся основаниями для оценки, опознания и квалификации "безличного и отчужденного" процесса социального изменения.

Если время в традиционной культуре циклично (т.е. в нем отсутствуют "точки" исторической, линейной и направленной системы времени), то социальная трансформация описывается именно как развертывание линейного времени социального строительства в соответствии с принятыми идеологическими установками (как правило, они не выходят за рамки сталинского краткого курса истории партии). Сюжет эпопеи строится как описание втягивания городом деревни в сферу своего воздействия. Лескальская замкнутая община переживает вторжение чужеродных влияний, что сопровождается перестройкой рутинной системы производства, появлением формального и централизованного, безличного управления (из района, губернии, Москвы) с соответствующими авторитетными значениями, снимающими неприкосновенность и священность родительской власти. Меняется весь уклад семейных отношений: младшие члены семьи вырываются из русла предопределенных извечно, целыми поколениями предков систем регуляции, возникают "жизненные планы" как компонент достижительской культуры: учеба, переезд в город, новая работа, меняется сексуальная модель и т.п. Но все это истолковывается в терминах традиционных (смысловый долг, благополучие семьи, родственная взаимопомощь и поддержка, солидарность символической локальной общины и верность ей - "родина" как метафора национального сознания⁹, верная любовь, целомудренность и проч.). В качестве "героев" для романа-эпопеи принимаются фигуры, близкие фольклорному ряду и со схожими характерами нарушения норм (инцест, вражда братьев, недозволенная любовь, тайна рождения, брачное со-

⁹ В кинематографе эта метафора обычно дается стереотипом общих планов "привольных" деревенских просторов, медленных панорам с березками и т.п. Ср. также риторические функции таких понятий, как "отчий дом", "отчизна", "мать-Родина" и проч.

ревнование и проч.)⁶. Однако символический ландшафт, фон, на котором разворачиваются драматические перипетии, насыщенный знаками, приметами и цитациями иной, недеревенской, т.е. уже "исторической" культуры, в виде которой предстает городская образ жизни.

Подобный синтез традиционных и исторических представлений - выработка символических значений большей, модернизирующейся общности - позволяет читателю осмысленно упорядочить системы ценностных ориентаций в условиях ценностной многозначности культурной городской среды. Рутинная поэтика тривиальной литературы устанавливает нормативную иерархию соответствующих значений социальных ролей, последовательность и предпочтительность (часто исключительно демонстративную) или даже обязательность того или иного порядка действий. В воображаемом, игровом поле "исторических" романов-эпопей о колхозной жизни выстраивается вся структура временных определений, в которые укладывается социальное пространство мигрирующих или социализирующихся групп. Но это становится возможным потому, что именно семья как локус освоенного мира (соответственно, основные компоненты традиционной родосемейной этики, значений, не подлежащих инструментализации или рационализации) переносится на "исторический" фон (проблематизированный порядок, структуру или иерархию социальных отношений). Тем самым, она выступает как целостная, тотальная и обозримая модель, переводящая на себя все прочие значения окружающего мира. Но в качестве нормы мира она сохраняет и партикуляристский, не-универсальный характер социогенных и социоморфных фундаментальных определений действительности.

Семья и в условиях урбанизации является доминантной первичной структурой, организующей жизненное пространство индивида, его систему координат в мире. Однако содержательное наполнение норм и ролей, организующих внутрисемейное взаимодействие, существенно меняется. Многие выделившиеся социальные институты принимают на себя ряд

⁶ Эти компоненты литературных конструкций изредка узакониваются литературоведами как стереотипы "литературного формализма" (малоудачный этот термин в отношении подобных объектов принадлежит В.Сурицко, критически анализировавшему повесть А.Калинина "Цыган". - Новый мир, 1964, №8). Следует, кроме того отметить, что речь здесь идет не о своем автохтонном фольклоре и его значениях, а о вторичном, третичном или четвертичном "фольклоре", пришедшем вместе с французской галантной литературой и сохранившем античные, возрожденческие и иные слои.

прежних ее функциональных значений, соответственно, ценностей и большую часть власти, лишая "семью" прежнего ореола незыблемости и авторитарности. Необходимость постоянной адаптации к изменениям, высокая ценность "нового", престиж молодого, установка на оригинальность (что составляет конструктивную особенность непрерывно изменяющегося и развивающегося общества) резко меняет всю традиционную структуру половых и возрастных ролей, а также распределение занятий внутри семьи. Зафиксированное социологами изменение фундаментальных ролевых определений пола (что в обиходе называется феминизацией мужских занятий и профессий), перераспределение престижа и власти внутри семьи сопровождается возникновением открытых напряжений и фрустраций самого различного толка. Эти напряжения представляют собой одну из многих разновидностей "критических точек формирования личности и ее интегрирования в социальную структуру", возникающих при "разрушении барьеров между статусами"^{*}. Феноменологически они наиболее ярко проявляются в различных формах социальной аномии, дезорганизации и отклоняющегося поведения (увеличение числа разводов, неполных семей, случаев алкоголизма, юношеской делинквентности, хулиганства и проч. в зонах, захваченных интенсивной урбанизацией). Такова, в частности, эрозия культурных стереотипов мужского господства, которая вызывает различные компенсаторные идеологии. Например, проекция "идеальной семьи", образец которой отыскивается в прошлом.

Для массовой литературы эта проблематика чрезвычайно актуальна и важна. В формульных повествованиях ценностно-нормативные опосредования осуществляются исключительно через систему нормативных половых определений роли, ее временных (включая возрастные) компонентов и характеристик. Доминантой данного нормативного конфликта в массовой литературе становится разнообразие форм блокировки усиливающегося процесса инструментализации половых ролевых определений. Рационализация ценностей, связанных с полом, сопровождается признанием ценности сексуального наслаждения как такового, освобождением его от прочих компонентов ситуации. Разумеется, для массового сознания оно обязательно ограничивается действием некоторых культурных норм - наличием обязательной душевной близости, "духовности" и т.д. (Отметим, что для деревенской культуры, вобравшей и сохраняющей многие существенные мо-

* Урбанизация мира, - М. 1974 - С.28.

менты христианской этики с ее аскетическим вытеснением конкурирующей оргнастики, эти ценности подлежат полному запрещению и табуированию). Однако это лишь один, хотя и важный момент.

Формализация этой ценности предполагает точное равноправие, а значит и признание автономности воли каждого из партнеров, равноценности мужского и женского, что противоречит традиционным жестким представлениям о "семье" как нормативно-иерархизированном социальном взаимодействии. Эти различные определения роли в традиционном обществе однозначно соответствуют предписанным занятиям: глава традиционной семьи непременно должен быть "хозяином", "добытчиком", "мужчиной", "взрослым", производственно-компетентным, собственником, "работоспособным" и т. д. Все это дает ему право быть "властным", "мужественным", "надежным", "сильным" и т.п. Любая же инструментализация роли или нормы выражается как усиление (иногда полная формализация и универсализация) ее частных содержательных определений. Урбанизация с ее дифференциацией занятий, их формальной специализацией, предполагающей унифицированное всеобщее образование, т.е. профессионализацию, разорвала однозначную связь между компонентами сексуальной роли. Более того, их универсализация лишила половой определенности многие нормативные аспекты социальных ролей. Прежние социальные качества роли получили в настоящее время обобщенный характер - стали "психологическими категориями" и особенностями "характера". Так, можно иметь властный характер и не быть мужчиной, но тем не менее выступать "добытчиком", а стало быть, главой семьи и т.д.

Социальная реальность города постоянно продуцирует эту смазанность традиционных определений, что разрушительно сказывается на традиционных формах общности. Половые определения роли и возраста - наименее рационализируемые культурные значения, они в максимальной степени защищены многочисленными запретами на осмысление, инструментализацию, релятивизацию и т.п. Их максимальная ценностная значимость - остаток фундаментальности этих значений в традиционном обществе (прежде всего значений семьи), бывших основными социогенными элементами. Их кризис сказывается в современной культуре и обществе в болезненности этих проблем, частой смещенности их диагноза, "превращенности" их формы. О фиксируемом в массовой культуре напряжении можно судить по гипертрофии демонстрации "мужских" определений категорий успеха в тривиальной, формуль-

ной литературе, а также - в ностальгии по утраченной норме, симптомом которой являются временные характеристики сексуальных и семейных отношений, представляющихся "нормальными" и благополучными. "Идеальное" состояние такого рода социального взаимодействия лишено признаков настоящего времени: оно помещается либо в прошлое, либо в будущее, или же наделяется чертами внебудничности, экстраординарности, чудесности. Особенно ярко и откровенно радикалы этой нормы проявляются в эстраде, получающей огромную аудиторию СМК.

Потребность в соответствующей идентификации, таким образом, определяет спрос, интерес и чтение литературы, столь много места уделяющей подобным вопросам. Нормальная сексуальная идентификация - условие ожидаемого вознаграждения в форме социального признания - выражается здесь в усвоении предписанных стандартов ролевого поведения. Инструментализация ценностей, лежащих в основе половых определений, выражается в смене культурных оснований авторитета* - превращении аскриптивных определений роли в достижительские, что предполагает интенсивную рационализацию самих ценностей. Общая схема процесса такова: сакральное-ценностное-нормативное-инструментальное. Под нее можно подставить любые содержательные представления, например: божественное - дивное - эстетически-прекрасное - красивое - модное, или: божественно-откровенное - мудрое - культурное - соответствующее высшему образованию и т.д. Тем самым характер доминирования, господства, авторитета, "мужественности" в нормах мужской роли с обычно недостигаемо высоким статусом и рангом, связывается (в соответствии с общей тенденцией эпохи) с символами достигаемого успеха (проекция функционального центра культуры), а следовательно, и с рядом занятий, обладающих характерным высоким престижем и соответствующими качествами. Но знаком мужской половой роли, "психологическим" ярлычком социального, прежде всего является *достижительность* как таковая в ее противопоставлении сохраняющимся *предписываемым* значениям, по-прежнему являющимся значительным компонентом женской роли. Таким образом, подчеркнутый индивидуализм, активизм, преданность делу, успех как таковой и т.п. составляют знаки мужской роли, тогда как

* Это характерно только для массовой культуры, которую мы прежде всего имеем здесь в виду. Для высокой, книжной, письменной, элитарной культуры эти вопросы в значительной степени сняты на предшествующих стадиях культурного развития, они рационализированы другим образом.

пассивность, самоотверженность, верность и др. явные признаки безличного начала (коллективной, родовой, а стало быть, традиционной социальной этики) - соотносятся с женской ролью.

РОМАН-ЭПОПЕЯ: НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ФОРМУЛЫ

Если иметь в виду эти признаки нормы, то основная структура конфликта в формульной литературе (в рассматриваемом аспекте) заключается в утверждении нормативной консервации традиционных или данных ролевых определений пола (с чем связаны и определения возраста, но сейчас мы их рассматривать не будем). То, что для "эстетического", элитарного читателя выглядит как безвкусица, неправдоподобная слащавость, неестественность, натянутость и т.п., для массового читателя становится стабилизирующим механизмом поддержания традиционных культурных значений. Проективная сексуальная идентификация в массовой культуре является идеологическим эквивалентом прежней культурной определенности. В массовой литературе тематизируются именно традиционные значения роли, а вместе с тем и сами ценности или их идеологические обертоны - такие (если брать женский вариант), как верность, женственность, эмоциональность, заботливость, мягкость, т.е. пассивность, уступчивость, готовность следовать за "властелином". Либо же в фигуре двойника-антипода тематизируются анти-значения (трафаретная эмблематика мелодрамы "блондинка" против демонической "брюнетки", женщины-вамп, вероломной, "хищной", "чувственной" и т.д.). Причем неизбежные модернизационные символы становятся характерными показателями перевода значений, "трансформаторами" или "операторами" (прибегая к механическим аналогиям): достигательские качества (мера признания "мужского", мужской роли и статуса), если и возникают, то "гасятся", нейтрализуются посредством обращения на ценности, интегрирующие группу, главным образом, семью. Тем самым подчеркивается сохранение целого за счет частного, индивидуального. Редуцированный случай, паразитирующий на общем правиле и потому подтверждающий его, - приписывание "неполноценной" женщине мужских атрибутов (обычно девушке, т.е. еще только претендующей на статус и права женщины, с чем связано состояние в браке, наличие мужа, детей и проч.; реже - вдове, например, "веселая вдова", вариант - вдова-романтическая мстительница) - активности,

самостоятельности, достижения и проч. Вся ситуация при этом маркируется как отклонение (например, Анна у Проскурина, миледи в "Трех мушкетерах" и т.п.). Отклонение, в свою очередь, либо компенсируется негативной оценкой героини (как в случае миледи), либо выступает знаком социального изменения, переворачивания символов ранга социальных позиций. Последнее характерно для случаев, когда характер сексуальных норм столь же жестко предписан, как и характер позиций, так что изменение вторых вызывает трансформацию или эрозию первых*.

Понятно, что нарушение нормы, тематизируемой в произведении, ненормативное отклоняющееся поведение сопровождается демонстрацией различных санкций (в зависимости от соответствующего определения) - например, отвержением, уничтожением привилегий, отказом в признании права на нормальную женскую карьеру жены, матери и т.д., вплоть до романтической гибели. Сама эта гибель, или ее смягченный вариант - одиночество, покинутость, болезнь, сумасшествие, страшная старость и т.п. (также как и почти хтоническое буйство судьбы, невероятность драматических ситуаций, фатальность их разрешений, сближающие тематизируемые значения с фольклорными и с романтическими) указывает на остаточное присутствие сил традиционных коллективов, их безличных нормативных систем.

Схематизируя содержание, представленное в наиболее читаемых произведениях (в роман-эпопеях, мелодраматических повестях на "современную тему", "исторических" романах и т.п.) можно говорить о трех наиболее значимых тематических комплексах, репрезентируемых в произведениях с различной организацией литературного материала:

1. *деревня* и изменение структуры отношений внутри традиционного локального сообщества. Деревня получает при этом значение символической локализации, культурной основы, "почвы", "истока", генерирующего те или иные стабильные компоненты национального сознания;

2. *война* - центральное, "основное" событие в содержательной структуре послереволюционной истории и культуры, ставшее нормообразующей инстанцией, нормой оценки и ос-

* Сниженный вариант напряженности конфликта, вызванного смещением ролевых норм, часто определяет особую организацию литературного материала - комедию. См.: McLean A. American vaudeville as ritual. - Lexington, 1965.

мысления. Война выступает как символическое время предельных испытаний, служащее мерилom или пробным камнем для наиболее существенных интегративных значений. В этой своей функции она играет огромную рационализирующую роль в высокой литературе и рутинизирующую в литературе второго порядка. В ней "война", если оставить в стороне ее близость к приключенческой тематике с ситуациями ролевой неопределенности, принимает на себя значения поддержания символов национальной общности - единства, самоопределения и др. Но для всех типов литературы общей становится переоценка многих фундаментальных значений традиционной культуры, тематизируемая на военном материале. И, что является самым важным (в данном случае) следствием темы войны в тривиальной литературе, - ее структурогенный характер, конструирование самого порядка "истории", т.е. основных линий культурного времени, порождающих оснований социокультурного пространства-времени;

3. семья - восполнение дефицита ролевых определений, вызванного разрушением патриархального уклада в традиционной семье, тяготением ее к нуклеарной структуре.

Принципом синтезирования этих основных тем в романах-эпопеях становится мелодраматическая организация персонажей с их жесткой привязкой к обозначенным социальным позициям, статусам и ролям. Подобно тому, как мелодрама социальные позиции и значения переводит в план достижительский, т.е. универсалистский, со всеми особенностями и последствиями такой функциональной трансформации, эпопея универсализирует традиционную социокультурную структуру первичных коллективов, локальных партикуляристских общностей. При этом сложная амальгама мифорелигиозных, фольклорных и соответствующих им представлений, рутинных регуляций, обычаев, нравов и т.д. вытесняется, заменяясь секулярной идеей органической, "социально-биологической" природы человека, его сообществ и истории. Этот довольно мистический вариант историософии с характерным подобием позитивистской научности, а точнее - вульгаризированной формой естественнонаучного прогрессизма, паразитирует на авторитете науки и, как часто отмечалось в нашей философской литературе, выступает легитимирующей нормой многих идеологических спекуляций. Иными словами, эта разновидность светских форм религиозности обретает чрезвычайную популярность в условиях модернизации и значитель-

ной социальной трансформации⁶. (В данной работе, к сожалению, нет возможности подробнее рассмотреть проблемы, связанные с культуроорганизующей ролью всеобщей веры в науку. Наука принимает на себя многие из традиционных определений сотерологических институтов и соответствующих им культурных персонажей).

Для нас существенно, что в среде, для которой роман-эпопея с его нормой действительности оказывается важнейшей идеологической и культурной формой, имеет место многомерный синтез различных культурных фондов - традиционалистского и модернизированного сознания. Можно указать на эклектическое соединение риторических элементов высокой, преимущественно церковно-славянской архаики с социальным биологизмом у "почвеннических" писателей - авторов романов-эпопей (например, у П.Проскурина, А.Иванова, В.Пикуля и др.). Первые "облагораживают" и приподнимают вторые, образуя род "культурной контрабанды" - обстоятельства, известные социологии знания и идеологии. Идеологические фикции такого рода (ср. у Пикуля: "...История - это голос крови...") являются ценностными осями, силовыми линиями организации социокультурного пространства-времени и представляют собой суггестивную основу для фиксации всех последующих социальных значений (прежде всего национальных определений "Мы", содержательных онтологических параметров, эсхатологии, а также оперативных определений ресурсов, благ, ценностей).

Не углубляясь в поэтику романов-эпопей, отметим важный для нас элемент: *способ репрезентации* ценностей - особенности мотивации героев, благодаря которой структурируется временная (через демонстрацию своеобразия казуальности) и социально-пространственная система координат произведения. В элитарном искусстве общая ценностная рамка задается либо через свободное проявление авторского "Я", либо через субъективную форму повествования. Благодаря им вводятся разные системы отсчета (т.е. допускаются разные, не

⁶ Культурные мигранты, разумеется, лишь используют значения, символы, представления, нормы, продуцируемые специализированными группами. Для них они выступают в качестве уже готовых культурных форм, релевантных и оцененных образов жизни, однако, весьма часто наделяются смыслами и значениями, близкими к типологически предыдущим стадиям культуры. Литература, понятию, становится при этом одним из многих каналов репродукции и тиражирования соответствующих образов и немаловажно без функционирования других средств и систем социального взаимодействия. К последним, как уже говорилось, можно отнести кино, телевидение, СМК, эстраду, моду, рекламу и другие формы символического действия и поведения.

единственные критерии оценок и ценностей, вплоть до альтернативных принципов ценностной организации литературного материала и самой действительности). Напротив, в массовой литературе безраздельно господствует "объективистский" принцип изображения. Утверждается единая авторитарная точка зрения на происходящее, представляемая тем или иным административным лицом (секретарем обкома, Сталиным), как у П. Проскурина или А. Иванова и т.п. Суттєствєнность такого описания чрезвычайно велика, поскольку тем самым устраняются любые основания рефлексивной зацепки и сомнения. Никакой деформации действительности, столь значимой для высокой литературы, здесь не может быть. Стабильность нормативных определений действительности чрезвычайно значима (мы уже говорили об общих функциях массовой литературы).

Однако подобный "объективизм" в силу устранения иных ценностных измерений, систем координат ("героев", повествователя и т. п.) делает невозможным и воспроизведение "внутренних" душевных состояний героев, "потока сознания", их мнений и отношений к происходящему. Действие описывается исключительно извне, как бы глазами отчужденного наблюдателя*. Возникающая при этом столь часто психологическая немотивированность и необоснованность поведения героев, бросающаяся в глаза читателям другой литературы, приученным к общим правилам интеллектуальной техники, логике и постоянной ("обоснованной") рационализации героизма собственных мотивов и причин поведения, в данном случае не может и не должна восприниматься как авторский произвол, рожденный недомыслием или небрежностью. Есть более важные причины, делающие эти несогласованности при объяснении поведения героев значимыми, более того - демонстративными.

"Иррационализм" мотивации героев (являющийся таковым только для представителей другой группы, например, исследователя) представляет собой знак "естественности", или "натуральности", природности героев, их витальной органичности, цельности (двойная означенность их сопричастности к "вечным" - столь же часто встречающийся в авторской

* Рене Кениг, анализируя подобную поэтику, указал на эпистемологические и философские основания принципиально той же базы позитивизма в науке и натурализме в искусстве, предполагающих одну общую позицию якобы "незаинтересованного" абсолютного, идентичного с божественным по своим методическим функциям и идеологическим возможностям наблюдателя. См.: König R. Die naturalistische Ästhetik in Frankreich und ihre Auflösung. - Leipzig, 1931.

речи предикат - силам и "истокам", "земле", "жизни"). Специальный анализ этих ценностных демонстраций мог бы установить, что форма этой витальности и биологизма (вечные темы, вечные конфликты мужского и женского, вечная судьба народа и т.п.), имеющая собственную номинацию - "судьба", режэ - "жизнь", представляет собой шифр величюного (уже и нам можно сказать - "природного") бытия традиционного коллектива, замкнутой и самодовлеющей социальной общины. Точнее, в надличной форме тех, казалось бы, иррациональных сил, которые правят героем, проступают знакомые черты нормативного порядка, анонимной системы псевдотрадиционного или идеологического, но тоталитарного сообщества, от принудительной обязательности и значимости которого герой, оторванный стечением обстоятельств в ходе социальных трансформаций, убежать не может - он социализированный индивид. Образ Сталина-отца (соединение родовых и идеологических компонентов) в таких романах совершенно не случаен. Образцы этой как бы традиционной, патерналистской культуры героем интернализваны.

Двойственность его положения, вызывая в нем необычные напряжения (причина которых - индивидуальная воля как продукт усвоения городских ценностей), могла бы породить своеобразное раздвоение личности. Однако формирующиеся механизмы культурной стабилизации (а именно с этим связана эффективность формульной литературы) переводят и маркируют эту индивидуальную патологию как культурную (не индивидуальную, не личностную) шизофрению, более того, рутинизируют ее, снижая незыблемый ранее престиж традиционного сообщества до неумолимости, фатальности, "иррациональной" судьбы. "Против судьбы не попрешь", "ничего не попишешь", "такова судьба..." и т.п.

Фатальность таких оценок снимает с индивида ответственность за последствия собственного поведения, блокирует автономность индивидуального выбора. Фиксация иррационализма выступает как *диффузно-всеобщая норма определения действительности* (всеобщность неподконтрольности), т.е. является своеобразным средством "редукции комплексности" разнородной действительности.

Эрозия традиционализма, управляемого обычаями и стародавними правами общины, выражается в явлениях перехода социального в культурное, "Тень" бывшего коллектива становится проблемой культуры, идеологической формой и, уже в сознании специализированных групп, разнообразным образом тематизируется и дифференцируется, выступая наряду с

прочими ипостасями и в эстетической - в качестве ценностного элемента литературных конструкций*.

Вместе с тем, и в неразвернутых оценках литературных произведений, получаемых при опросах, можно установить наличие нескольких смысловых слоев или следов их отложений, формаций. На вопрос: "Чем Вам понравилась данная книга?" чаще всего встречается лаконичный ответ - "жизненно". Это чужеродное в устах массового респондента слово выражает совокупность неопределенных значений, понятий и оценок бытового ряда или плана. В данном контексте оно обозначает не правдоподобие, не объективность и не адекватность изображения известной респонденту реальности, а высокий культурный статус изображаемого, значений, относящихся к повествованию, или представлений, с которыми связаны события, о которых рассказывается в произведении.

Литературный материал, его содержание расценивается как нечто чрезвычайное, выходящее за рамки будничного. Хотя чаще всего так оно и есть: стоит только формализовать специальную тематику и коллизии массовой литературы, как начинаешь поражаться нагромождению чудовищных событий, отдаленно напоминающих - что-то вроде вырожденной формы - либо мрачное буйство аномальных хтонических сил в архаическом фольклоре, либо кровожадность и злобность рока в греческой трагедии:⁹⁹ инцест, тайна, непримиримая вражда, неверность, вероломство, авантюра, убийства ближ-

* Коллективное, групповое начало, обнаруживаемое за поэтикой массовой литературы, свидетельствует об интенсивном процессе массовизации компонентов традиционной культуры, о превращении их в структуры массовой культуры. Демонстрируемые в литературных конструкциях, репрезентируемых ценностях и в самом способе репрезентации (а стало быть, воплощаемые в системе мотивации, временной организации, структуре поведения и т.п.) значения говорят о вытеснении и блокировке всякого личного произвола и субъективизма в определениях действительности. Учитывая характер восприятия, можно сказать, что массовый читатель читает одну и ту же книгу, например, структурируя романы и повести Л. Н. Толстого как мелодраму, что, кстати, часто выражается в характере театральных постановок и экранизаций (см.: Андриянский Л. Лев Толстой и кинематограф. - М., 1980, с. 123).

⁹⁹ Вполне возможно, что вульгарный натурализм, претендующий на научность и авторитетность, плоский позитивизм и биологизм трактовки социальности, истории, сущности человека, который распространяется этой литературой, или, точнее, заложен в способе репрезентации ею ценностей, отсекает традиционные, уже сильно разрушенные радикалы христианской этики или близких к ней нравственных конструкций жизненного мира и оживляет архаические или магические неморальные представления о человеческой сущности. Может, однако, статья, что эти представления не столько "оживляются", сколько в силу необходимых обстоятельств принимают внешнее подобие, известную гомоморфность секулярных этических и, что крайне важно, антиисторических воззрений.

них и проч. и проч., по числу своему и брутальности не имеющие аналога в повседневности "эмпирического" мира респондента. И это в романах о колхозной жизни, скажем, "Вечном зове" Ан.Иванова! Понятие "жизнь" (от которого производится оценка "жизненно") в данном случае эквивалентно понятиям "судьба", "предопределение" как выражающим "объективный ход" вещей, трагически разветвляющееся сцепление обстоятельств, вызванных личным произволом. Здесь "судьба" как надличное определение последовательности жизненных ситуаций и их разрешений еще не атомизирована, не рационализирована до личных перипетий индивидуальной уникальности, но вместе с тем в ней уже отсутствует и симметричная фатальность, неминуемость античного рока. Таким образом, структура этой оценки содержит идентификацию не нормы с каким-либо понятием или представлением о действительности, а рутинно-конвенциональной нормы с нормой же. В качестве последней в данном случае представлено не только нарушение правил поведения в определенной ситуации, но и структура или стратегия ее восстановления, укладывающаяся в диапазон предписанных и известных социальных санкций, что собственно и демонстрируется определенной повествовательной формулой. Другими словами, в качестве нормы принимается соответствующее звено традиционной нормативной системы, однако оценка относится не только к самому этому звену, но и к характеру нормативной значимости и обязательности системы норм и культуры в целом.

Признаком идеальности этой нормы служит (выявляемая только в процессе специфической реконструкции) принадлежность ее "чужому" и, следовательно, "высокому". Об этом свидетельствует характерная неспособность респондента ее рационализировать или вообще как-то истолковать. Ее идеальность позволяет видеть в ней, кроме того, радикал элитарной эстетической нормы, к настоящему периоду утратившей свое идеологическое значение инновационной санкции. Утрата эта, точнее - отказ от нее элиты - необходимый элемент социальной дистанции в процессе перехода образца от группы к группе с различными рангами и статусами. "Жизнь" как

⁹ От имени "жизни", под которой для одних подразумевались совершенно определенные темы и нормы их развития, не имеющие ничего общего и даже просто права на существование для других, узаконивалось введение не только новых ценностных мотивов, но и новая экспрессивная техника их репрезентации. Актуализация подобных идеологических механизмов (можно указать также на другие столь же "пустые" ценностные формы: "время", "эпоха" и др., позволяющие устранить заинтересованного субъекта суждения, перенося его характеристики на проблематизированный объект) является симптомом дифференцирующейся системы.

критерий эстетической оценки был особенно в ходу в критике 50-х - начала 60-х годов, как и несколько более "изысканный" и рафинированный, но относящийся к чуть более позднему времени эпитет - "духовный", который в 70-х годах стал использоваться почти исключительно в конструкциях "почвенников". Можно предполагать в ближайшие годы литературного развития подобное снижение образца и в другие среды.

Изолированность слова "жизненно" от контекста свидетельствует о том, что оно - "чистый" знак отнесенности к "высокому", пустая интенция, *демонстративное* поведение. Правда, вполне возможно, что его использование спровоцировано ситуацией вторжения чужой культуры в лице интервьюера. В основе подобного демонстративного поведения лежит стремление к идентификации с определенным стилем, образом жизни (т.е. идентификация со стилем носителей высокозначимых позиций). Появление такой ориентации на образцы чужой культуры в среде, до сих пор бывшей весьма устойчивой в культурном отношении, свидетельствует о начале некоторого изменения в структуре основных характеристик этих слоев или групп. Такое соединение традиционной и письменной, книжной культуры - характерная особенность общества массовой культуры.

В процессе длительного социального взаимодействия и культурного заимствования идеологическая форма, выработанная элитарным сознанием в определенных исторических обстоятельствах, получила в других условиях, в других социальных средах свое специфическое содержание. Переход культурного образца, принадлежащего высоким и специализированным уровням социокультурной структуры, в среду массовой культуры с изменениями ценностной организации этой конструкции и может быть назван процессом рутинизации и стабилизации культурных разрывов, т.е. трансформацией некоторых важнейших значений "города" как функционального центра культуры.

Таким образом, тривиальная литература ("роман-эпопея", "сельский роман", "исторический роман" и т.д.) представляет собой механизм поддержания в системе культуры совокупности "ценностных" символических образцов. Ее функция - воспроизводить определенные ценности - интегративные символы социальных общностей (идеологические проекции и утопии, национальные фетиши, классовую эмблему и т.п.), принимающие вид той или иной исторической или преемственно-исторической конструкции и обоснования. Однако наряду с этим в тривиальной литературе четко выделяется ряд

явлений с определенными типологическими признаками, функциональное значение которых заключается не столько в поддержании символического единства, его фиксации (хотя и это имеет место), сколько в передаче определенного заданного отношения к авторитетным ценностям-значениям (символам). Речь идет о фиксированной норме, безразлично к тому, касается ли это технических аспектов реализации ценности (целестремление) или символических аспектов (ценностно-рациональные моменты).

В нормативных культурных пластах, с которыми соотносятся указанные типы литературы, проблематизирована значимость социальных нормативных средств, прежде всего - универсальных, инструментальных, достижительских (труда, образования, бережливости, "правильного поведения" и некоторых других), с чем связана возможность и ожидание "надлежащего" вознаграждения. Короче, в данных случаях проблематизируется все то, что предполагает блокировку "чуда"; ожидания мгновенного присвоения тех или иных благ - важнейших особенностей магического традиционного сознания.

Самой общей предпосылкой подобной элиминации иррационального является калькуляция и расчет. Овладение техникой оперирования временем становится условием всеобщей нормы достижительской культуры. К этим формульным структурам можно отнести детектив, научную фантастику, некоторые виды приключенческой литературы (типа протестантского, повседневного освоения мира в "Робинзоне Крузо").

Рассмотрим научную фантастику (НФ).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ФОРМУЛЫ НФ

Отличительной чертой НФ может считаться подчеркнутая рациональность и конструктивность. Не случайно уже в самом названии подчеркнут ее рациональный характер - "научная" (литература). Ее структуру и основные особенности организации материала образует мысленный эксперимент⁶, в ходе которого проблематизируются нормативные системы того или иного ценностного порядка.

⁶ См. например: Kryszanaki H. Die utopische Methode: Eine literatur- und wissenssoziologische Untersuchung deutscher utopischer Romane des 20. Jahrhunderts. - Köln; Opladen, 1963, а также Дубин Б.В., Рейтблат А.И. Социальное воображение в советской научной фантастике. - В кн.: Социально-культурные утопии XX века. Вып. 6. М., 1988.

В зависимости от основных тематизированных ценностей можно наметить следующие виды НФ, исторически сменяющие друг друга: *утопию* - "политический остров", *фантастику* - экспериментальные испытания техники, и *антиутопию* - альтернативную модель культуры.

"*Политический остров*". Возникновение этой интеллектуальной и литературной конструкции приходится на XVI - XVII вв. В процессе ее формирования и развития проблематизируется нормативное представление о "сущности" человека и основанного на ней социального порядка. Выдвигается идея *универсальной природы* - родовой сущности человека. Его экзистенция понимается теперь не как сотворенная божеством, а как *природа*, обладающая соответствующими "естественными правами", структура которых дублирует "естественные потребности". Развитие философских и мировоззренческих оснований идеи человека идет таким образом от религиозного эссенциализма к деистическому, пантёнстическому и, наконец, секулярному пониманию индивида как потенциально автономного существа, нуждающегося лишь в просвещении и уяснении собственного естества.

Рационализация, следовательно, выражалась как "опустошение" идеи человека от сакральных значений и вытеснение их инструментальными представлениями: автономизация личности предполагала просвещение его "естественным светом разума", т.е. его образование и воспитание, его "взрачивание" - культивирование его человеческой природы ("породы").

Этот процесс проблематизировал иерархическо-сословный порядок социального, т.е. порядок предписанных статусов, позиций, сословий. На место "права по рождению" выдвигалось право в силу "профессионализации занятий" и "призвания" к ним. Критическое начало движения "естественных и всеобщих прав и потребностей" скрывало за собой потенцию достижения. Универсальность и бескачественность этой "природы" открывается такому же универсализму познавательных и душевных способностей - Разуму*, впервые делая возможным исчисление поведения и, следовательно, его организацию по заранее намеченному оптимальному плану (конструктивное планирование).

Гомологическое подобие науки (эпохи Просвещения) и утопии (общие законы Природы и Разума) проявляется и в

* Можно указать, делая, правда, все необходимые оговорки, на неслучайные совпадения: первая утопия появляется у Платона, давшего учение об идеях - общих, универсальных понятиях.

скожих координатах конструкций литературных утопий: в них принципиальными моментами становятся отсутствие времени, пренебрежение своеобразием историко-этнографического материала, технологический характер представлений о социальной жизни и организации.

Однако утопическая модель "идеального города" как метафора разумной природы и потенций человеческой сущности оказалась действенным средством саморефлексии и экспликации ценностных оснований группы, к которой принадлежит данный интеллектуальный представитель - писатель. Благодаря суггестии как демонстрируемых целей, так и используемых логически принудительных средств (если брать их только в системе культуры данного автора) создается рациональная умственная конструкция в виде пространства контролируемых возможностей. При этом исключаются все нежелательные последствия произведенных действий, все значения, враждебные группе. Модальное пространство эксперимента демонстрируется изоляцией современной автору среды: установлением стены города, непроходимым для кораблей морем, отдаленным от европейской цивилизации месторасположением Города Солнца и аналогичных секулярных раев, искусственной космической средой и т.п. Реализуемая таким способом самодемонстрация группой собственных определений оказывается чрезвычайно мощным интегративным средством. И если в своем чистом виде мирного путешествия в Икарию, на Луну, в Новую Атлантиду, утопия фактически не сохранилась в настоящее время как факт нормального массового чтения, то в виде базовой конструкции, основных ментальных процедур, схемы аналитического пространства она вошла во все прочие разновидности НФ. Ближе всего к первоначальному проекту стоят, конечно, "космические одиссеи" любой изощренности, чаще всего оснащенные дополнительным блоком инструментальности - космической, галактической, планетарной войной с пришельцами, или наоборот, завоеванием жизненных пространств, а также принудительным миссионерством и спасением малоразвитых туземцев, которые в качестве "Анти-Мы" позволяют организацию блистательного гала-парада собственных добродетелей. Помимо "космических пришельцев" можно указать еще на две наиболее распространенные типовые схемы НФ: машина времени и бунт роботов. Нетрудно показать, что, как в и первом случае, базой оценки и конструирования здесь будут непроблематические проекции различных "Мы-образов": меняется только фон "чужих", но структура действия и идентификации остается той же самой.

В литературных конструкциях второго типа НФ - технических утопиях, *фантастике* - проблематизируется не природа человека (она уже содержательно представлена в конкретных идеологиях, начиная с буржуазно-либеральной), а *инструментализация ее культивирования* (первые симптомы кризиса, эрозии содержательных значений рациональности или какого-то иного дивергентного процесса внутри самой этой идеологии).

На первом этапе развития этого типа фантастики присутствует позитивная оценка техники как средства *социальной организации* (в утопии ее нет). В качестве примера укажем на романы Жюль Верна. На втором - тематизируется *социальная оценка* техники (промышленности) как критерия социальных ценностей, причем возможна даже негативная оценка техники.

Третий тип НФ - *антиутопия*: техническая оценка социальных ценностей и благодаря этому очерчивание альтернатив социального целодостижения через сопоставление различных достигнутых результатов (С.Лем, Стругацкие, О.Хаксли, Дж.Оруэлл и другие).

Итак, общую структуру НФ составляет мысленный эксперимент, в ходе которого те или иные аспекты системы (главным образом, в ее прикладном плане, технологическом отношении; сам предмет технологии - будет ли это дизайн социальный или технологический, индустриальный - безразличен) испытываются и анализируются в отношении фундаментальных ценностей и идеалов данного общества. Возникновение подобной литературы становится средством (и симптомом) аккумуляции резкого социального изменения, определенные идеологические компоненты которого таким, "эстетическим", образом могут быть проконтролированы политическим или теоретическим сознанием. Но, как и в других случаях, раз возникнув в определенной исторической констелляции, уникальная социальная или культурная форма теряет свое непосредственное исторически-ситуативное значение и принимает более общий характер, чтобы затем, впоследствии, "застрять" в культурах тех групп, для которых значима подобная структура проблематической ситуации. И если первый тип НФ (чисто политическая утопия) в силу утраты актуальности соответствующей проблематики сохраняет интерес практически только для специализированной части исследователей (филологов, философов, социологов, историков - хранителей гуманитарной традиции), то два другие типа НФ чрезвычайно

актуальны, но функционируют в разных социальных средах, в различных культурных стратах.

Так, например, антиутопия экспериментирует с фундаментальными ценностями данного общества. Посредством предъявляемого набора семантических деструктивных ситуаций (фиксированной демонстрации ценностных позиций) она определяет границы consistency и обязательности альтернативных или конфликтующих базовых ценностей и, тем самым, указывает нормативные, пороговые пределы реализации этих ценностей. Эти функции сближают ее с элитарной литературой других типов, произведения которой пользуются весьма ограниченным спросом лишь у специализированных групп, легитимность которых обуславливается продуцированием культурных образцов и для которых этот тип мысленного эксперимента является важной конструктивной чертой образа существования.

Напротив, рожденный Ж.Верном тип конфликта, основанного на взвешивании социальных последствий индустриального развития (А.Белая, тривильная сайенс-фикшен и проч.), абсорбирован прежде всего группами, основным конструктивным признаком которых является социализация к технологически модернизирующемуся обществу, к постоянному технологическому изменению, т.е. приобретению интеллектуальных и культурных навыков обращения с техникой как таковой, как чистой инструментальностью. Их идеология основывается на необходимости признать давление принудительной рациональности использования средств (оборотной стороной этой системы воззрений становится ярко выраженный негативизм по отношению к авторитету исторической традиции, представляющейся в этом свете чем-то вроде почтенного суеверия, бессильного консерватизма). Разумеется, эта идеология гораздо шире, чем собственно развлекательная беллетристика. Можно указать на подобное сужение исторического и культурного горизонта в сознании позитивистски мыслящей русской радикально настроенной интеллигенции, скажем, Писарева или Чернышевского. Отчетливо оно проступает в утопическом социальном дизайне романа "Что делать?".

Значение этих технических игр заключается в выработке общих представлений о *несобытийном времени*, времени калькуляции, точнее, калькуляции времени (формальном условии всякого рационального расчета), позволяющей анализировать, рассчитывать имеющиеся в наличии ресурсы. Дру-

гими словами, литература этого типа представляет собой формальную схему калькуляции ценностей, т.к. время есть не что иное, как "чистые" ценности - последовательность представлений об иерархии значимостей.

Таким образом, обращение к литературе этого типа становится условием и предпосылкой овладения навыком планирования и проектирования (ярко выраженный вариант социализации через литературу). В условиях модернизации эти проблематичные вопросы могут считаться конструктивными для групп, отмеченных как переходные, маргинальные (хотя сама временность их - устойчивый признак). Имеются в виду прежде всего категории, *примеривающие* определенные социальные роли: учащиеся и молодежь в возрастных границах от 12 до 22 лет. Этот период связан с рациональным преподаванием естественно-научных предметов в средней и в высшей школе*.

Если отвлечься от идеологических моментов консолидации группы, которые несет с собой эта литература (они специфичны не только для нее - точно такие же механизмы работают и в приключенческой, экзотической и др. видах массовой литературы), то фундаментальное значение такого рода образований с течением времени непрерывно возрастает. "В современных условиях "поддержание культурного образца" предполагает сохранение приоритета целенаправленного, а это последнее служит необходимой предпосылкой самосохранения общества""*.

Г.Альтов - один из немногих советских исследователей, отметивших фундаментальное значение чтения фантастики школьниками. По его наблюдениям, НФ занимает практически весь фонд времени, отводимого чтению, за исключением того, которое необходимо для книг, входящих в школьную программу. "Фантастика, - пишет он, - стала одним из основных факторов формирования духовного мира школьников. Нам кажется, это обстоятельство еще не попало в поле зрения АПН. Нет ни одного из исследований, посвященного воздействию фантастики на школьника... В учебные программы фан-

* Вот данные одного из немногих специальных исследований чтения фантастикой (Альтов Г. Фантастика и читатели. - В кн.: Проблемы социологии печати. - Новосибирск, 1978). Из всей выборки читателей НФ 70,2% составляют учащиеся: главным образом школьники - 30,7%, студенты - 20,6% (из них естественники - 13,1%, гуманитарии - 7,5%), а также представители технических специальностей: 16,7% (для сравнения, врачи - 7,3%, литераторы - 6,7%). Поскольку в нашей культуре достигательские определения записаны за мужскими ролями, то естественно, что мужчины среди читателей НФ будут преобладать - их 69%.

** Урбанизация и развитие новых районов, - М., 1976. - с.26.

стика не входит - факт парадоксальный и труднообъяснимый⁹.

Для нашего анализа следует отметить два момента, связанные друг с другом. Во-первых, зафиксированный Г.Альтовым культурный консерватизм формальных институтов социализации. Преподавание литературы в школе и ВУЗах строится исключительно на классических (элитарных) образцах, т.е. является трансляцией и поддержанием преимущественно собственных групповых ценностных стандартов и символических значений "высокой" культуры. При этом школа не создает их, а лишь передает самые "бесспорные", т.е. в значительной степени потерявшие свою актуальность ценностные образцы. Понятно, что эффективность усилий по интернализации этих значений учащимися невелика. Об этом, кроме ведущихся с незапамятных времен дискуссий об улучшении школьного образования, свидетельствует низкий - и имеющий тенденцию к понижению среди городских, т.е. наиболее подготовленных школьников - процент обращения к соответствующим разделам библиотечного фонда, более того, пассивное, но не прекращающееся сопротивление подобной педагогической практике "прохождения литературы". Во-вторых, заслуживает быть отмеченным формирование структур неформальной социализации, институционально не контролируемых каналов межчеловеческого общения, по которым "функционирует" "малохудожественная" литература: неканонические детектив, фантастика, приключения и т.п. Невозможность складывания подобных сетей отношений и их результативность вызваны не столько даже ничтожной в сравнении с другими видами тиражностью этой литературы, сколько ее функциональной адекватностью проблематике социального изменения и модернизации урбанизирующегося общества. Хотя можно констатировать относительное снижение объема чтения литературы этого типа в устойчивых группах ее потребителей и знатоков в связи с идеологическими ограничениями в ее издании (в тематической структуре издательств она составляет 2-3%), нехваткой ее и физически ограниченным доступом к ней (отсутствие этих книг в библиотеках, в книжных магазинах и т.д.), абсолютный рост читателей ее несомненен. Следует высоко оценивать потенциальные резервы читателей этого рода литературы и перспективу общего роста чтения в стране за счет привлечения новых читательских континентов к фантастике, детективу, мелодраме и проч.

⁹ Альтов Г. Указ. соч., с.79.

Антиутопия же разделяет судьбу любого жанра элитарной литературы и искусства, т.е. пользуется длительным успехом у численно небольшой группы образованных и гуманитарно ориентированных читателей. Некоторым фактическим основанием для оценки подобной же ее популярности и в будущем может служить пример двух тематических фильмов А.Тарковского "Солярис" и "Сталкер" (как и других его фильмов, обладающих, как свидетельствуют данные кинопроката, стабильной аудиторией).

ГОРОД, НОРМА И ДЕТЕКТИВ

Среди других видов литературы, тематизирующих нормативные аспекты культурной системы, выделяется совокупность литературных формул, объединяемых понятием "детектив" (сюда относятся и "шпионские", и собственно детективные истории, т.е. истории следователя и преступления, некоторые военно-приключенческие повести и проч.).

Спецификой детектива может считаться поддержание социально одобряемых инструментальных средств достижения высокоценных благ или реализации культурных ценностей в условиях деструкции, частичной эрозии или ослабления содержательных (т.е. нормативных) определений самих этих ценностей. Характерная для городской среды анонимность социального пространства, устойчивая или даже растущая анонимность городской культуры и ее нормативной системы обуславливают постоянный дефицит определений конечного набора ценностей. Другими словами, энтропия нормативной системы и ценностный плюрализм в условиях города будут постоянно усиливаться, что делает необходимым выработку соответствующих культурных механизмов, систематически "перебирающих", фиксирующих и акцентирующих значение нормы как таковой при меняющихся конечных ценностных ориентирах.

Доминантная схема детектива заключается в инструментализации некоторого целостного фонда поведенческих мотиваций. Нарушение нормы - преступление - создает замкнутое число героев, многообразие мотиваций, подлежащее рациональному истолкованию, психологической рационализации. Способность и готовность формализовать внешние проявления человеческих действий, исходя из общего культурного фонда, - "здорового смысла", ограниченного набора типических человеческих влечений, намерений и желаний - неизбежные

навыки и признаки городского общежития*. Никогда не будучи признаваемым в качестве законного жара литературы (детектив всегда "читиво", а не чтение) и, следовательно, будучи отмеченным в соответствии со значениями, несомыми им, как низкий, вторичный, периферийный тип литературы, детектив, как и фантастика, никогда не попадает в школьную программу, хотя и является одним из функциональных механизмов системы культуры (таким же, как городские часы на башне, заставляющие калькулировать общий фонд времени). С ним (как впрочем и с другими видами массовой литературы) в значительной степени связан успех тонких журналов, постоянно печатающих детективные, криминальные, мелодраматические истории и военные повести ("Человек и закон", "Смена", "Работница", "Крестьянка" и др.)

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

Развитие литературы, а следовательно, и чтения в национальных регионах точно так же коррелируется с развитием городов и всем процессом урбанизационной перестройки культуры. В малоурбанизированных регионах отсутствуют свои национальные образцы универсалистской популярной литературы - научной фантастики и детектива. В Средней Азии, Казахстане, отчасти Закавказье, Молдавии и других местах эти виды тривиальной литературы представлены произведениями, принадлежащими универсалистской культуре межнационального русского языка**. Такого рода литература (как и литература о войне, экзотические приключения типа Жюль Верна, Майна Рида, Буссенара и т.п.), характеризующаяся позитивизмом конструкций истории, науки, общества, инструментализмом действия, всеобщими нормативно одобряемыми средствами достижения цели, идеей всеобщей родовой природы человека, однородного, универсального и линейного времени и т.п., входит в чтение тех групп, которые в наибольшей степени открыты модернизации. Это прежде всего городская учащаяся молодежь, начиная со старших классов, т.е. включенная в систему институтов формальной социализации со всеми вытекающими отсюда следствиями, а также -

* См. подробнее: *Der wohltemperierte Mord*. - Frankfurt a.M., 1971; *Marchee E. Die Kriminalerzählung: Theorie, Geschichte, Analyse*. - München, 1972.

** Для этих регионов переводные романы имеют то же значение универсализирующих посредников, что в свое время переводы с английского, французского для русской читающей публики.

отдельные группы ИТР, принимающие рационализированные нормы более широкой и доминирующей культуры, работники управления, системы СМК, учителя, врачи и др., связанные с необходимостью принятия "инокультурной", "чужой" точки зрения на себя и в этом смысле дистанцирующиеся от представлений и значений собственной культурной "почвы". Понятно, что литература других жанров существует на двух языках - родном и русском.

В массовом чтении национальных регионов доминируют некоторые формульные повествования, имеющие то же функциональное значение, что и в русской культурной среде, - мелодраматические романы и эпопея, отчасти - исторические повествования, с той только разницей, что в качестве "высокого и, значит, "чужого" выступают либо признаки высоких статусов прежней социальной структуры (в исторических хрониках), либо некоторые значения чужой культуры. Характер ценностно-нормативной медиации остается принципиально тем же.

Иное дело национальная элитарная литература. Структуру конфликта в ней обычно образует конфронтация урбанизированной, городской и универсалистской культуры с культурой локального, национального и в значительной степени традиционного сообщества. Схема этой литературной конструкции содержит либо героя - носителя характеристик партикуляристского образца (ориентация на верность общине, почве, неформальность и т.д.) в среде универсалистской культуры (Ч.Айтматов), либо, что чаще, предполагает противоположные принципы построения: герой - носитель городских систем ценностей и норм в столкновении с патерналистскими структурами, с деревней ("Два месяца в деревне" или "Брак по-иметински" А.Эбановдзе, "Магомет, Мамет, Мамиш" Ч.Гусейнова и др.)

Такого рода конфликты, тематизируемые в литературе и кино, отражают напряжения, существующие в основных, узловых точках структуры социокультурного воспроизводства и ведущие к аномии нормативных оснований культурной и личностной идентичности. Вряд ли надо говорить, что такая литература, находящаяся под сильнейшим влиянием культуры русского языка, либо создается сразу же на русском языке, либо немедленно переводится на него. Интересно, что элитарная литература в национальных регионах подвергается гораздо более сильному давлению, чем в центре. Об этом писал Ч.Гусейнов и др.

В тех же регионах, в которых сильны и интенсивны модернизационные процессы, возникли все типы литературы на родном языке, пользующейся популярностью практически такой же (или гораздо большей), как и русская советская литература у массового читателя. Примером может служить эстонская проза.

Особую роль в национальных литературах играют, хотя и пользуются при этом ограниченной популярностью, жанры псевдонтопии (их можно еще назвать "одиссеей культурного героя") - произведения, описывающие перипетии инноватора, культурного героя, человека, вносящего новые нормы в локальные и консервативные сообщества. Их значительный дидактический и нормативный потенциал ограничивает и зону их распространения. Они попадают прежде всего в систему школьного внеклассного чтения, где особенно подчеркивается "героический" характер универсалистских образцов новаций, т.е. имеет место двойная означенность, интерпретация или получение санкции универсалистского образца через признаки традиционного.

1980, 1988

ПИСЬМЕННОЕ И АУДИОВИЗУАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРЕ

Со- или противопоставление письменной культуры (далее - ПК) и массовых коммуникаций (в дальнейшем -МК) предполагает, что исследователи имеют дело с исторически дифференцированными областями или теоретически автономными объектами, которые и соотносят, руководствуясь тем или иным содержательным интересом. Между тем, и взаимоотношения этих сфер в истории, и основания их аналитического соотнесения в исследовательской практике чаще всего остаются непроясненными.

Под "массовостью" (коммуникаций, культуры и т.п.) в данном случае имеется в виду лишь то, что значения фиксируемого, транслируемого и т.д. таким образом культурного текста в рамках конкретной социокультурной системы общедоступны и общезначимы. Насколько подобная массовость реализуется "на самом деле", в принятом здесь аспекте обсуждения не существенно: достаточно того, что она реальна для участников действия хотя бы как потенциальная возможность.

В содержательном плане эти значения обычно характеризуют фундаментальные аспекты социального порядка применительно к неспециализированным ("диффузным") общностям предельно широкого охвата - "обществу в целом", нации, "народу" и т.п. Как сами коммуницируемые значения, так и способ их репрезентации (модальный характер их "действительности" для участников) нормативен: они выступают как существующие или долженствующие быть. Соответственно, за средствами и инстанциями их трансляции закрепляются преимущественно интегративные (символические) функции*.

* Координаты последующего анализа определены концептуальными разработками Ю.А.Левады и его соавторов. См. их статьи в сб. "Урбанизация мира" и "Урбанизация и развитие новых районов".

В сказанном необходимо подчеркнуть три момента. Всеобщность транслируемых МК значений ни в коей мере не означает их универсальности, если понимать под последней так или иначе значительную обобщенность идеальных смысловых образований относительно тех или иных ситуаций взаимодействия, персоналий его участников, их ситуативных референтов, мотивов и обстоятельств. Напротив, массово коммуницируемые значения и образцы по преимуществу конститутивны, а их нормативность для участников взаимодействия партикулярна. Говоря по-другому, они задают последним содержательное, по смыслу и модусу как бы не предусматривающее выбора определение ситуации в терминах конкретных императивов, выполнение которых мыслится необходимым для существования и самосохранения сообщества и, как подразумевается, с достаточностью обеспечено уже самим тем, что действующие лица осознают себя его членами.

Во-вторых, из "массовости" описываемых феноменов никак не следует, что они охватывают всю социокультурную структуру. Наоборот, они характеризуют лишь один из ярусов последней. Коммуникации, культуру, поведение имеет смысл интерпретировать как массовые (точнее - "отмечено" массовые) только относительно (и наряду с зафиксированным существованием) функционально специализированных подсистем общества, институтов, выступающих в их рамках или от их имени авторитетных групп и т.п. Функциональная релевантность массового "уровня" определяется именно полнотой и дифференцированностью социокультурной системы, в пределах которой он локализуется, только и становясь "функциональным". Сказанное, в частности, относится к выделению центральных функций системы и осуществляющих их групп, институтов и т.д. и подразумевает автономизацию этих функций (и групп их носителей) друг от друга. Прежде всего это касается обособления символических функций от нормативных и, соответственно, тех и других - от функций адаптации. Не менее важно, наконец, и то обстоятельство, что сами процессы интенсивной социальной дифференциации, обособления и автономизации центральных функций социокультурной системы (как, впрочем, и тех интересующих нас здесь аспектов взаимодействия, которые описываются понятиями "общество", "нация", "народ" и т.п.), формирование, далее, разветвленной структуры специализированных институтов и ролей (в т.ч. социальных институтов и культурных систем регуляции), в рамках которых осуществляется кодификация апроприруемых ими культурных значений, образцов, тради-

ций, исторически оказались связаны с развитием письменности и становлением ПК.

В рамках оформления последней, ее средствами и по аналогии с ними были выработаны и функционально апробированы универсалистские коммуникативные посредники - специализированные "языки". Их как бы "бескачественный", автономный от содержательных моментов транслируемого культурного текста характер позволял систематически разводить (и, соответственно - эксплицитно фиксировать, упорядочивать) коммуницируемые значения, технику их фиксации, правила смыслоприписывания и модальности смыслозадания, иначе говоря - открывал возможность рационализации этих дифференцированных аспектов и их взаимосвязей. Тем самым были созданы операциональные предпосылки автономизации и иерархизации культурных значений (слоев культуры) и, соответственно, нормативных функций социокультурной структуры, разносимых по специализированным в этом отношении институтам, группам и проч. Таким образом, культуре оказались заданы "верхний" и "нижний" ярусы (последний и был отождествлен авторитетными носителями письменной традиции с "массовым") и обеспечена возможность циркуляции культурных образцов.

Важно подчеркнуть, что конституирование области релевантности массовых феноменов (культуры, коммуникации и т.п.) было осуществлено, исходя из ценностей-значений ПК, соответственно функциональным потребностям ее носителей и с помощью ее собственных механизмов. На "массовом" уровне оказались при этом сосредоточены (в качестве неспециализированных значений) бывшие традиционными поведенческие образцы, уже тематизированные, оцененные и кодифицированные в рамках ПК, и прежде всего - литературой. Тем самым литература (и ПК в целом) выступила по отношению к "массовому" уровню (и МК, в частности) не только конституирующим, но и структурообразующим моментом, задавая однослойной совокупности гомогенных значений культурные формы (и придавая статус "культуры") через систему тематизированных в границах ПК ценностей и выработанных норм их реализации, наделенных в силу высокой значимости письма повышенной авторитетностью образца.

Более того, массовизация культурных образцов была не только авторизована носителями ПК, но и реализована в ее пределах ее же коммуникативными средствами. При этом она была осознана и использована в качестве специфического момента прогрессирующей дифференциации ПК, групп ее носи-

телей и систем институтов, деятельность которых базировалась на ее значениях и механизмах. Собственно, лишь для подобных групп и институтов и именно в условиях интенсивной их дифференциации выработка новых, культурных оснований легитимности собственных статусов и всеобщей авторитетности, создание дифференцированных форм своей "представительской" культуры и обеспечение ее значимости для других, а, соответственно, и производство интегративных значений, образцов и механизмов могло стать (и становилось) проблемой и задачей*.

К таким формам письменной фиксации и трансляции фундаментальных, неспециализированных и нормативных в своей авторитетности значений относится "широкая" пресса (газеты и журналы общего типа, где, собственно, исторически и сложились нормативные образцы массовой литературы - роман-фельетон и т.д.) и функционирующие по их подобию книжные издания, аналогичные МК по несомым ими значениям и способам их организации. Они прежде всего содержат предварительно структурированные и оцененные, "узнаваемые" и авторитетные образцы значений, интегрирующих партикуляристские способы редукции напряжений в узловых точках социокультурной структуры. Объективирующие способы представления конфликтов в них более или менее жестко ("предсказуемо") связаны с деиндивидуализированными техническими средствами экспрессии и суггестии. Соответствен-

* Разумеется, любое сообщество или систему приходится считать так или иначе интегрированными уже по определению. Вместе с тем, далеко не для любого сообщества, не на всем протяжении его существования и не для каждого его члена интеграция становится проблематичной (тематизированной), а выработка интегративных образцов и механизмов, представительство всего социального целого - конститутивной характеристикой, институциональной нормой, специфическим компонентом дифференцированного ролевого определения или, наконец, персонально принимаемой на себя "миссией". Собственно, последнее соображение и делает необходимыми как теоретически, так и исторически-ориентированные исследования того, какие значения, их конфигурации и типы втягиваются в механизмы интеграции, каковы модальности их предъявления, члены каких именно групп - включая символические аспекты соответствующих статусов и ролей - и применительно к кому берут или принимают на себя функции их производства, поддержания и трансляции, на какие социальные силы и культурные традиции они при этом опираются и какие социальные и культурные движения и формы вызывают к жизни, чем определяется и как обеспечивается взаимная согласованность действий участников таким образом заданной ситуации, каковы возможный и "реальный" эффект и перспективы их деятельности и, наконец, каков ее "широкий" исторический контекст, включая противоборство, конкуренцию интересов, иные и альтернативные интенции и традиции и т.п.

но, "объективен" и анонимен и их адресат: в принципе это любой член общности, признающий релевантность описания и объяснения своей деятельности в неопределенно-личных формах или терминах аподиктического "Мы".

Вместе с тем следует отметить, что в функционирование даже и массовой печати и литературы с неизбежностью вовлечены так или иначе значимые и "понятные" для коммуникаторов и реципиентов специфические содержательные моменты, связанные с высокой культурной ценностью и авторитетностью поддерживающих ее инстанций (показательно тяготение последних к функциональным центрам социокультурной системы). Кроме того, здесь надо учесть и универсализм письма как коммуникативного средства, а также имманентную "историчность" письменного (литературного) языка, с обязательностью задающего и воспроизводящего развертыванием своих временных форм хронообразную структуру общества, культуры, личности и т.д. как "истории". Если последний момент позволяет именно средствами письменности (и литературы) наиболее адекватно выстраивать целостные, смыслозамкнутые и смыслообразные длительности ("биографию", "историю" как последовательность становления или реализации идентичности), то первый дает (никогда до конца не редуцируемую) возможность специфической рефлексии по отношению к тематизируемым ценностям, их систематической кодификации, последовательной рационализации и эксплицитного контроля над их опредмечиванием.

Этими обстоятельствами, можно думать, и определяются, во-первых, границы релевантности письменных текстов даже и в форме самых "массовых" образцов. "За" этими границами более эффективным посредником становятся, вероятно, аудиовизуальные каналы с их партикуляризмом способов представления. К последним, например, относится "наладка" смыслоприписывания в ходе самой ситуации через референцию к ее участникам, конституивность зрительного акта и нормативность - "очевидность" - зримого, антропоморфная и "естественная" линейная перспектива и т.п. Во-вторых, с указанными же обстоятельствами связаны, можно думать, и феномены сосредоточения массовых письменных образцов прежде всего на нормативных интегрирующих значениях, что в свою очередь, как бы "задним числом", относительно стабилизирует или смягчает универсалистские, рационализирующие и дисфункциональные с точки зрения гомогенного и партикулярного сообщества потенции письма.

Апелляция к образованиям такого рода выступает моментом регрессии к фундаментальным содержательным образцам в условиях напряжений и конфликтов, вызванных появлением "формальных", универсалистских культурных посредников и, соответственно, привносимой ими конвенционализацией определений действительности, обособлением ценностных аспектов регуляции и т.п. Инструментальное использование компонентов ПК, будь то как коммуникативного посредника, либо же в качестве "прообраза", гарантирует МК необходимую авторитетность. Со стороны же носителей ПК эта референция к ее значениям и механизмам выступает указанием на функционально центральное положение письменности и ее агентов в культуре. А это позволяет им сохранять лидерские позиции в процессах культурной диффузии, аккультурации и т.п. В частности и среди других функций, подобная возможность взаимной соотносительности и "поддержки" образцов этих различных уровней культуры (т.е. культурной интеграции) реализуется, как можно полагать, в кино- и телеэкранизациях, инсценизациях, особенно на начальных фазах развития кино и телевидения.

Значения, сформированные в рамках ПК (и отмеченные ее авторитетностью), при включении их в МК претерпевают существенные трансформации. Нормы ПК становятся регулятивными указаниями на значимость тех или иных значений уровня МК и их констелляций, которые в процессе подобного "оценивания" приобретают заимствованный от этих ценностей характер всеобщности и общеобязательности, усиленный повышенной авторитетностью письма. Авторитетно удостоверенные и повышенные таким образом до статуса нормы (предварительно выделенные и оцененные) значения предъясняются далее в рамках МК уже как "сама действительность". Указание на смыслозадающие критерии и инстанции становятся здесь как бы излишним. Представляется не случайным как то место, которое занимают среди МК видеоканалы, так и систематическое "обрамление" печати изображениями (газета, комикс, фотороман), которые, кроме того, блокируют аффективную нейтральность, "бескачественность" печатного знака экспрессивностью показа. "Зримое" в этих ситуациях предъясняется в качестве как бы самоочевидного и самодостаточного. Последнее, кстати, фиксируется при обычном описании феноменов МК, когда достаточно указать, например, на характер используемого технического средства трансляции (коммуникативный посредник), либо на анонимную и недифференцированную аудиторию, исчерпывающе, как предпола-

гается, охарактеризованную уже этим фактом своей массовости. И в том, и в другом случае смысловая согласованность, гомогенность передаваемых содержательных значений подразумевается "сама собой" а источники и модальности их значимости не тематизируются.

Описанные трансформации можно, в частности, продемонстрировать на изменении характера и функций субъективности как способа организации культурных значений в границах ПК и МК. Тематизация личностного самоопределения и рефлексия над его основаниями в рамках ПК фиксируется в указаниях на конвенциональный характер "действительности". Тем самым, скажем, в литературе, задается фундаментальный для ее возникновения и существования проблематический статус автора и читателя (а нередко, в особо сложных и значимых случаях, еще и критика, рецензента и др.). Отношения между этими культурно фиксируемыми и представляемыми, "разыгрываемыми" инстанциями опосредуются фикциональной поэтикой повествования (субъекто-соотнесенной организацией пространства-времени и соответствующим характером поведенческой мотивации "героев", фигурами и модальностями имплицитного автора, повествователя, читателя, их частичными, условными, т.е. функционально обусловленными точками зрения, перспективами).*

Повествование же в МК (например, телевизионное сообщение) строится как бы в "объективной" модальности. Деиндивидуализированными и не конвенциональными чаще всего выступают здесь и "повествователи" (диктор, ведущий, комментатор), сравнительно редко - за исключением содержательно и функционально определенных передач или циклов - бывающие актерами, т.е. заведомо условными фигурами. Способами организации транслируемых значений в условиях МК, существенно трансформирующих и в этом отношении соответствующие моменты ПК, являются "событие" (т.е. экстраординарное и как бы однократное действие или взаимодействие со "встроенной" в его демонстрацию жесткой оценкой, императивностью которой определена высотой нарушаемой при этом нормы, либо статуса ее легитимных носителей) и "герой" (уже заранее, в других сферах и по иным поводам отмеченный как "звезда"). В действиях последнего подчеркиваются - и мотивировкой его представления выступают - инструментальные (но "отраженно" от направляющих "героя" целей или реализуемых им ценностей оцененные) моменты достижения

* См. об этом основополагающие работы Вольфганга Изера "Акт чтения", "Имплицитный читатель" и др.

высокозначимых социетальных целей, обеспечения необходимых для "общества в целом" благ и т.п. аспекты социального дизайна.

Соответственно, и реципиентом повествования подразумевается при этом неспециализированный и анонимный, любой "взрослый" индивид в той мере, в какой им освоены базовые компоненты конститутивной для данного сообщества культуры. Собственно, он (или точнее - интериоризированные в культурной структуре его личности конфигурации определенных значений), как предполагается, и выступает повторяющейся, стабильной "рамкой" транслируемого на массы текста, инстанцией и масштабом оценки данного "самопредставления". Последнее делает "излишним" как научение языку МК (и автономизацию социализирующих институтов), так и функциональное обособление в социокультурной структуре ролей интерпретатора, хранителя и кодификатора традиций описываемого уровня культуры и т.п., которые отведены в ПК критику, историку литературы, преподавателю.

Однако, указанная инструментальность транслируемых МК значений и способов их организации носит специфически "производный", "вторичный" характер. С одной стороны, она предполагает, что собственно смыслозадающие функции (производства, фиксации, кодификации ценностей-значений) осуществляются в рамках других культурных подсистем и связанных с ними институтов, деятельность которых базируется прежде всего на значениях и механизмах ПК. С другой стороны, инструментальное обращение в рамках МК с препарированными в ПК, ее средствами или по ее "образу" значениями характеризует поведение "героев", коммуникаторов и адресатов МК как исполнительское относительно нормы собственных действий "с точки зрения" авторитетных представителей ПК. Лишь последние вправе и в силах узаконить эту норму, придав ей от своего "имени" повышенный - обобщенный или ценностный - статус.

Такая смысловая констелляция, например, последовательно провоцируется образованным и "культурным" интервьюером в ситуациях массовых опросов населения, но в имплицитном, не тематизируемом виде, содержится, можно думать, и в "нормальном" поведении коммуникаторов. При этом возможны случаи, когда любые собственно регулятивные механизмы и сколько-нибудь содержательные образцы поведения вообще как бы вынесены из социокультурной системы во "внешнюю среду". Точнее, регулятивным моментом в подобных ситуациях выступает "имманентное" представление со-

циального актора о норме собственного поведения по отношению (и в перспективе) обобщенного и значимого "другого" ("чужого"). В результате эмпирически фиксируемое действие исполнителя становится как бы и масштабом своей оценки и ограничивается правильным соблюдением этой - рефлексивно сконструированной и оцененной - нормы. Последнее и характеризуется обычно как "демонстративность" поведения реципиентов МК, но в полной мере может быть распространено и на их агентов, "героев" и т.д. Важно заметить, что тем самым в коммуницируемые МК значения привносятся указанные выше характеристики структурности (т.е. наряду с транслируемыми образами вводится и метауровень их обобщенных кодов), а инструментальность ориентаций коммуникаторов на эти значения приобретает при надлежащей отлаженности описываемого механизма как бы самодостаточный, но высоко значимый (оцененный "из перспективы" ПК и потому повышенно-символический, "ритуальный") характер.

Специфические для ПК универсалистские аспекты культуры как субъективно-значимого идеала, индивидуальной проблемы и задачи (и связанные с этим модели "образования" с их специфическими временными размерностями и структурами)* в рамках системы оказываются нерелевантными. Сответствующие функции и механизмы закреплены либо за другими социальными и культурными системами и институтами (в т.ч. и не в последнюю очередь - на личном уровне), либо за "внешними" инстанциями (иными социокультурными системами). Понятно, что существенно трансформируются применительно к данным условиям и фундаментальные для ПК идеи процессуального "становления". Равнодоступность семантически не дифференцированных (т.е. семантически и модально не специализированных) образцов, транслируемых текстов значительно убыстряет ритм и технизирует процессы воспроизводства системы МК. Широчайший объем одновременной аудитории оказывается жестко связанным с ее гомогенной структурой и предельно сокращенным циклом обращения текстов, их дезактуализации, устаревания, причем коэффициенты этих корреляций могут быть, вероятно, установлены и эмпирически.

Однако, интенсификация процессов передачи культурного образца, сокращение размерностей культуры, приближаю-

* Чрезвычайно существенные для обсуждаемых проблем трансформации значений и форм образования в условиях его массовости, а тем более - особо интенсивной массовизации ("культурной революции" и др.) требуют специального и развернутого анализа, что, к сожалению, выходит за пределы данного текста.

щихся к масштабам универсального физического времени, - суть эцифеноменальные характеристики системы. Ни конструктивной неопределенности "точечного" настоящего (и регулятивного принципа "модерности"), ни "историчности" рефлексивно конструируемой, эксплицитно закрепляемой и упорядочиваемой, но постоянно проблематической традиции МК не знают, как не знают и спектра вполне формальных времен, скажем, естественных наук. Временные характеристики феноменов массовой коммуникации и культуры, точнее - значения и формы организации времени их средствами нуждаются в детальном обсуждении. В качестве предварительной наброски укажем здесь лишь два обстоятельства: сближение временных порядков текста, акта его трансляции и восприятия реципиентом, т.е. как бы снятие соответствующих, "обычных" для ПК социальных и культурных дистанций, фиксируемое как "сиюминутность" сообщения, "актуальность информации", с одной стороны, и жесткую периодичность актов коммуникации, с другой.

Необходимо подчеркнуть, что речь в первом случае идет отнюдь не о формальных критериях оперативного донесения специализированной, "целевой" информации. Не имеются в виду так же и те характеристики "новизны", которые указывали бы на предельную проблематичность, бессодержательность ценности, вынесенной интенциональным актом скорее в некое конструктивно-неопределенное будущее и уже из этой инстанции, рефлексивно, отбрасывающей "тень" квази-временной структуры на "предшествующий", в том числе актуально переживаемый опыт. Ценностные значения и способ смыслозадания этого проблематизирующего типа образуют в секулярной культуре нового и новейшего времени специфический этос культурного авангарда. В случае же МК участниками коммуникативного акта подразумевается, вероятно, как раз обратное. Реципиент вовлекается в предельно-длительный цикл макросоциального времени. Происходит, как бы наложение на "физическое" и ограниченное повседневное время коммуниканта социетального временного масштаба с характерной для последнего (по крайней мере, с неспециализированной точки зрения) большой протяженностью, если не "безграничностью". Эта синхронизация различных размерностей, попадание "в такт" социетального ритма и переживается в модальности "сопричастности" (ср. обычную мотивировку обращения к МК: "быть в курсе"), а функционально для членов подобного сообщества выступает фактором структуриации

времени в фундаментальных категориях данной социокультурной системы.

Сам текст сообщения при этом реципиенту, как можно полагать, известен. Он нормативен по своему характеру и нормативно усвоен им в ходе социализации, т.е., вопреки "очевидности", отнюдь не "нов". Напротив, значимым является именно факт его повторения. Вернее, повторение и указывает на значимость сообщения и придает ему специфический для данного уровня культуры характер безусловного "факта". Значимость и сообщаемость в данном случае синонимичны, что и позволяет участникам коммуникации и/или ее исследователю считать транслируемый текст неизменным, стабильным. Встроенность МК в обиход реципиентов, в их повседневность, но вместе с тем - настоятельно поддерживаемый коммуникатором и воспроизводимый коммуникантом "зазор" между двумя этими временными размерностями (уровнями культуры) задает характерный для подобных ситуаций, хотя и в разной степени, модус необходимости, приподнятости - церемониальной торжественности, "парадности", осязаемый даже в случаях предельной дисперсии соответствующих значений. (Особенно остро это ощущалось, конечно, на начальных фазах приобщения к МК).

Прикрепленность актов МК к отмеченным точкам "природного" времени (начало и конец дня, недели, месяца и т.п., причем значима здесь и противопоставленность этих точек) сообщает записанному и транслируемому таким образом культурному тексту характер "естественности", "незыблемости" и, в этом смысле, "закономерности", "правильности". Понятно, что более значимые, а в особенности - осевые для данной социокультурной системы сообщения станут дублироваться по всем имеющимся каналам МК (собственно, это дублирование, повторим, и будет указанием на их сверхзначимость). Каждый из каналов, разумеется, вносит в транслируемое сообщение некоторую техническую и содержательную специфику, что и придает их сосуществованию характер культурного разнообразия (либо видимость последнего). Однако, по крайней мере применительно к "центральным" культурным значениям, эти моменты на данном уровне рассмотрения представляются вторичными.

Последнее, кстати, существенно ограничивает возможности обнаружения функциональной специфики отдельных каналов МК (радио, телевидения, прессы): для этого транслируемые ими тексты слишком слабо специализированы. Тем не менее, в определенных исторических ситуациях обертоны

сравнительно культурной авторитетности отдельных посредников могут оказаться значимыми, что придает тому или иному каналу дополнительные, не собственные характеристики "доминанты" или даже модного образца. Подобная реактивация или ресемантизация, скажем, часто характеризует начальные этапы массового освоения или внедрения соответствующих технических средств, явления интенсивной аккумуляции, модернизации и т.п.

Поскольку, как уже отмечалось, транслируемые МК сообщения (т.е. как бы единый, фундаментальный для сообщества и не дифференцированный относительно его членов текст) нормативны, то в значительном числе случаев для коммуникаторов и реципиентов достаточно и указания на само наличие акта трансляции. Содержательные значения подразумеваются при этом усвоенными социализированным индивидом и образуют стабильный горизонт его нормативных ожиданий. В подобном качестве незыблемого "фона" они могут в дальнейшем уже не тематизироваться в каждом коммуникативном акте, чем, кстати, и защищены от сколько-нибудь последовательной рационализации. В частности, подобную фоновую прагматику средства МК реализуют, можно предполагать, в ситуациях обращения к ним как "вторичным", "попутным" занятиям (радиослушание "Маяка" и т.п.).

Характерно, что применительно к текстам с более разветвленной и гибкой временной организацией, т.е. выражено, "отмечено" дифференцированной семантикой (как правило, это письменные тексты и прежде всего - относимые к "высокой" или авангардной словесности, не говоря уже о специальных научных текстах), подобное отношение как к известному, фоновому выявляет свою неадекватность. Показательно здесь как то, что жесткие пространственно-временные рамки обращения к ним, в общем, не заданы (чем указывается на универсалистичность транслируемых значений, способов их фиксации и организации), так и то, что именно они образуют относительно стабильный фонд письменной или аналогичной ей по устройству и функциям традиции. Последнее подразумевает неоднократное, но не закрепленное в пространстве-времени (т.е. характеризующее устойчивые, но не аскриптивные ориентации) обращение к текстам. Скажем, повторное их прочтение - феномен, весьма редкий, если не вовсе не характерный для индивидов, ориентированных на "актуальность" МК в ее выше отмеченном смысле.

В целом, можно (на весьма, разумеется, обобщенном и требующем всякий раз социальной и исторической конкрети-

зации уровне обсуждения) полагать, что в рамках МК техническими средствами, на правах которых в данной функции может выступать и письменность, воспроизводится "единый", вневременной в своей нормативности (синхронизированно-пространственный, традиционализирующий по своему устройству и функциям) и стабильный по структурно-функциональным характеристикам текст. В "объективной" модальности, посредством "событий" и "героев" он транслирует, в основном, замкнутый набор значений, отмеченных в культуре как "необыденные" (в большинстве случаев коммунитарно-праздничные или церемониально-представительские, но так или иначе - "высокие"). Нетрудно показать, что ценностные значения, связанные с деятельностью специализированных социальных и культурных институтов (наука, экономика, политика, право) либо вовсе не попадают в сферу МК, либо трансформируются в описанном выше партикуляризирующем и инструменталистском аспекте.

Понятно, что изложенные общие соображения требуют известных дополнений, а, может быть, и переформулировок в случаях, когда речь идет о той или иной конкретной социокультурной системе и приходится принимать в расчет базовые и исторические особенности ее структуры, культуры, традиций и т.п. Здесь приходится лишь указать на отдельные проблемные точки, "чувствительные" к исследуемым вопросам.

Так, существенное значение для процессов образования и функционирования системы МК имеет, что уже упоминалось, степень дифференцированности и автономности друг от друга центральных функций социокультурной системы и реализующих их институтов, групп, обобщенных ролей. При неразвернутости нормозадающих и максимальной стянутости интегративных функций к пространственному центру общества, в условиях функциональной интерференции их носителей, "центр" наделяется повышенной символической значимостью, тогда как "периферии" отводятся исключительно инструментальные функции. При этом возможны случаи интенсивной "миграции" этих последних, а также соответствующих значений, компонентов ориентации в центр. Подобные феномены особенно широко представлены в процессах урбанизирующей миграции, когда инструментальные компоненты поведения едва ли не абсолютно преобладают, по крайней мере, у первых поколений мигрантов.

Эти же явления в большой степени связаны и с ситуациями "поздней" и потому повышено интенсивной модернизации.

Речь идет о социокультурной дифференциации, смене господствующих типов поведенческой регуляции, выработке ее обобщенных механизмов и специализированных институтов в обществах, где эти процессы проходят в условиях сосуществования с социокультурными системами, структуру которых можно условно принять за "развитую" и "полную". При этом формирование соответствующих ценностно-нормативных механизмов может в существенной мере подавляться преобладающими функциями адаптации к "среде" (ее содержательные характеристики будут расцениваться при этом как более или даже единственно авторитетные). А это сопровождается вытеснением в "центр" прежде всего (или даже исключительно) целедостижительских, инструментальных ориентаций. Точнее, ценностно-нормативные, собственно целеполагающие структуры и механизмы как бы выведены при этом за рамки системы, что придает модернизационным процессам видимость "чисто" технологических, но технологичность эта приобретает описанный выше "демонстративный" характер. На правах же сколько-нибудь содержательных смысловых образований "внутри" системы функционируют либо демонстрируются значения исключительно интегративного уровня.

Характерное для подобных случаев сочленение инструментальных и партикуляристских компонентов ориентации, тем острее ощущаемое в многоукладных, культурно гетерогенных "больших" обществах, может иметь своим следствием операциональное усвоение значимости тех или иных моментов ПК без принятия во внимание иерархической семантики и уровней ее текстов, без выработки специфических ценностно-нормативных механизмов, обеспечивающих сознательное и дифференцированное отношение к этим текстам. Соответственно, структурную и функциональную трансформацию претерпевают при этом и МК, выступая в роли технического средства, например, активизации источников и групп поддержки, мобилизации "общественного мнения" и т.п. В ходе своего складывания и развития указанные процессы влияют, разумеется, и на авторитет, функции и структуру ПК. Этому влиянию зачастую оказываются подвержены не только инстанции производства письменных текстов массового назначения и распространения, но и более специализированные области культуры и институты, реализующие ценности-значения ПК ("высокая" литература, наука и др.)

Важно, однако, подчеркнуть, что массовость письменных, визуальных и других текстов даже в обрисованных выше условиях отнюдь не обеспечивает "развитой" и "полной" струк-

туры социокультурной системы и ее "нормального" функционирования. Распространенные иллюзии на этот счет являются характерологическим моментом самой описываемой ситуации, индексируя ее для исследователя.

Применительно к обсуждаемым здесь проблемам важно, что в диагностированных таким образом обстоятельствах можно с большой вероятностью ожидать проявления механизмов "культурного бума". Последними, как правдоподобно предположить, будут прежде всего захвачены области значений повышенной и инструментализированной значимости и означенности, обладающие культурным престижем необыденного, а внутри последних - что чрезвычайно важно в условиях ценностного дефицита и монополии на смыслообразование - образцы, предварительно и добавочно отмеченные, оцененные и структурированные. Таковы, скажем, книжные серии, собрания сочинений классиков, "дорогие" и "роскошные" иллюстрированные издания. Другой добавочной меткой может стать даже маргинальность образца - например, его эзотерическая репутация, "шумная" известность или функционально близкая ей иная отличительная характеристика.

Можно думать, что в ходе подобных процессов будут существенно переосмысляться и определенные моменты МК, в частности, характерную символическую нагрузку (т.е. "извне" оцененные значения) станут приобретать их технические аспекты. Однако, в наибольшей мере эта "провинциализация центра" касается, видимо, имеющей давние "аристократические" обертоны деятельности коллекционерского типа (и прежде всего - собрания книг). Последнее вносит существенные изменения в престиж и функциональное значение таких институтов, как музей и библиотека, сохраняющие в своих культурных определениях (и, соответственно, ориентациях своих членов и "подготовленной" публики) как универсалистские, так и партикуляристские компоненты.

Для оценки пространственно-временных рамок релевантности возникающего в таких случаях специфического феномена дефицитности важно обсудить и зафиксировать возможности существования в социокультурной структуре таких подсистем, институтов и групп, которые обладают необходимой властью, поддержкой и средствами для использования механизмов дефицитности в качестве специфических регулятивных устройств - субститутов производства культурного разнообразия, способов перераспределения статусов и переоценки престижей, важных и даже выходящих на первый план в подобных условиях.

1978 г.

МИРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

(о возможности эмпирического изучения)

Современные исследователи литературы озабочены поисками более широких контекстов истолкования литературного процесса и методов его анализа. С одной стороны, наличный культурологический и исторический материал резко раздвигает границы представлений о том, что считается (или считалось) литературой в различных условиях и обстоятельствах, - с особой ясностью проявилось это, скажем, на нынешнем социокультурном разломе.* С другой стороны, собранные данные о массовом читательском спросе в библиотеках и книжных магазинах, опросы читателей свидетельствуют о значительном разнообразии во вкусах и предпочтениях, в стандартах оценки и понимании литературного произведения. Их объединяет, в частности, то, что они разительным образом отличаются от суждений литературной критики и теоретического литературоведения. Более того, сложились весьма мощные и активно действующие каналы функционирования литературы в обществе, находящиеся вне какого бы то ни было воздействия литературоведения и критики. Данные социологических зондажей массового чтения показывают, что художественная литература предлагается, принимается и обсуждается прежде всего во внеформальных и неспециализированных структурах и средах. Отзыв критика или разбор литературоведа фактически не значимы в сравнении с советом товарища или влиянием телеэкранизации. Другими словами, литературная критика и академическое литературоведение имеют собственных адресатов и оказываются в изоляции от реального обращения литературы в широкой читательской публике.

Видимо, неявная тревога по этому поводу, равно как и осязаемое все-таки эхо упомянутых явлений подталкивает литературоведов к тому, чтобы в той или иной форме ставить

* См.: Чудакова М. Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературном процессе 20-30-х гг. - Новый мир, 1988, №9, с. 240-260; Ерофеев В. Поминки по советской литературе. - ЛГ, 1990, №27, с. 8 и др.

вопрос о социальной роли литературы и, соответственно, характере ее восприятия в истории и актуальной современности, выдвигать новые подходы к истолкованию словесности (функциональное литературоведение, обновленные версии исторической поэтики, пробы герменевтического анализа, сравнительно-исторические и историко-типологические разработки, подход рецептивной эстетики и эстетики воздействия и др.).

Однако, известное разнообразие аспектов, в которых отбрасывается и истолковывается "литература" тем или иным направлением в сегодняшнем литературоведении, все же ограничено исключительно интерпретацией авторской воли и поведения. Разнятся же эти подходы по способам, какими интерпретируются фигуры автора и структуры произведения в качестве реализованного авторского замысла. Версии толкования охватывают диапазон от понимания текста как метафоры жизни, общества, истории, среды до трактовки его как демонстрации риторических правил этикетного литературного поведения. Прочие же социальные фигуры, отношения которых, наряду с группами специалистов, собственно и образуют литературную систему общества, т.е. устойчивую структуру взаимодействий по поводу разнообразных "литературных" текстов, во внимание не принимаются, поскольку им отказано в их литературно-эстетической правомочности.

Тем самым из исторического и теоретического рассмотрения, как правило, выпадают такие вопросы, как влияние читательских кругов на структуру и ход литературного процесса, социальная динамика или, напротив, консервация стандартов поэтики и экспрессивной техники, принципов ценностной тематизации, социальная роль книгоиздания в становлении и поддержке определенных литературных движений и типов групповой поэтики, характер литературной образованности (взаимодействие и конфликт самообразования, обучения в школе, влияние ближайшего окружения и средств массовой коммуникации и т.д.).

Дело вовсе не в том, чтобы еще раз подчеркнуть значимость той или иной отдельной фигуры или инстанции. Равно как и не о том речь, чтобы "выбрать" более "правильную" литературоведческую позицию, исключаящую все другие. Напротив, понимание социальной роли литературы в ее историческом движении, предполагает, как нам кажется, необходимость теоретически осознать значимость *каждого* из участников литературного процесса и выработать средства эмпирического изучения их взаимодействия, взаимовлияния различных "миров" литературы.

Нельзя сказать, чтобы такая задача в истории теории литературы не возникла. Наиболее систематично эта проблематика ставилась в работах представителей ОПОЯЗа, всегда ощущавших свое место в литературном процессе, остро переживавших историчность "литературных фактов" и потому с особой отчетливостью поднимавших вопрос о превращении литературоведения в "строгую науку".* Выделение имманентной эволюции литературных форм в качестве специфического объекта литературоведческой работы позволяло подойти к построению истории литературы методологически корректно. Тогда движение и смена литературных приемов (всякий раз реконструируемые в понятиях участников литературного процесса) соотносились бы - в границах задач конкретного исследователя - с предполагаемыми системами социальных и культурных значений. А последние выступали бы, в свою очередь, в качестве предметных конструкций для специализированной рефлексии в рамках иных дисциплин (философии и социологии культуры и т.д.). Другими словами, негативное - в содержательном плане - понятие литературы у опоязовцев означало признание известной автономности литературной (культурной) сферы, всегда конституированной в ситуациях и актах исторически конкретного литературного взаимодействия, из которых, отметим, оказывались прежде всего значимы структуры внутритекстовой адресации (что и было развито впоследствии культурологически ориентированным литературоведением - констанцской школой и др.).

Тем самым, с одной стороны, очерчивался проект и намечались направления (и границы) строго эмпирического исследования литературы. С другой же - ставилась под сомнение сама привычная возможность понимать литературу как метафорическое выражение жизни, общества, народа и т.п. Соответственно, возникал вопрос о теоретической дееспособности ключевых категорий нормального литературоведения и их функциональной значимости для литературной культуры.

Литературную культуру мы трактуем как принципиальное многообразие воззрений на литературу и тем самым - множественность перспектив культурных персонажей (ролей и их спецификаций), в которых устанавливается свое значение и своя смысловая проекция литературы.** Подобная мно-

* См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Сознание историчности и поиски теории. - В кн.: Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984, с.113-124.

** См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. К понятию литературной культуры. - В кн. Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Таллин, 1988, с.119-126.

жественность, наблюдаемая как в синхронии, так и в диахронии литературы, собственно и является предметом изучения и проблемой для социолога культуры. Такие обычные в текущем литературоведении характеристики, как стиль, жанр, сюжет, герой, автор, классика, литература и проч., выступают для него не предметными качествами "самого" литературного материала, словесности, а общими для сообщества литературоведов конвенциями и стандартами группового взаимодействия. Иначе говоря, социолог усматривает в них основу для достижения ценностного согласия в отношении ситуативных значений соответствующего феномена.

Тем самым признается относительная ограниченность, условность, но - наряду с этим - и правомочность каждой из позиций в воззрениях на литературу, сколь бы ни был различен их ценностный статус в культуре. Отметим, что в литературоведении, сфере наиболее рационализированных и систематизированных интерпретаций, фактическое существование подобных персонажей словно бы не отрицается. Однако, их культурное значение (типы читателей и издателей, дружеский или литературный кружок, цензура и т.д.) принимается во внимание практически лишь при анализе творческой биографии писателя. Иначе говоря они не образуют специфических коммуникативных ситуаций. Задача же - в том числе и методологическая - социолога состоит как раз в том чтобы вернуть эти реальные фигуры в литературный процесс и увидеть литературные факты глазами этих действующих лиц. Отсюда открывается возможность объяснять следствия имевших место литературных взаимодействий, а, стало быть, и оценивать специфическую функциональную значимость каждого из компонентов литературной культуры, включая, отметим, случаи их принципиальной незначимости или явления дисфункции (разрушение консенсуса, отказ от коммуникации по инициативе кого-то из участников и т.д.). Рассмотрим в этой перспективе некоторые особенности *литературоведения* как культурной подсистемы, как одного из "миров" литературы на примере использования в его рамках категории "жанр".

Скажем, филологи ОПОЯЗа, работавшие на переломе социальной и культурной ситуации, неоднократно указывали на неэффективность применения этой категории в целях дескрипции, при описании литературной динамики и актуальной словесности: "...исчезло ощущение жанра... жанр понятие текучее"; "баллада как жанр была исчерпана меньше чем в два года"; "все попытки единого статического определения (жан-

ра) не удаются"; "самые признаки жанра эволюционируют".* Характерно, однако, что сходный диагноз относится едва ли не к начальным стадиям существования литературной культуры и сопровождает ее на всех дальнейших этапах. Так, в России, например, уже для Белинского "ода, эпическая поэма, баллада, басня, даже... *романтическая поэма, поэма пушкинская* - все это теперь не больше как воспоминание о каком-то веселом, но давно минувшем времени"**. Современная же ситуация в отношении определенности жанровой системы может быть проиллюстрирована хотя бы фактом издания специального международного журнала "Жанр"***: здесь налицо как значимость самой категории жанра для литературоведения, так и проблематичность жанровой классификации, принципиальная множественность, открытость интерпретаций жанровой природы того или иного текста или их совокупности. Устойчивость сетований на неадекватность, скажем, актуальной литературы жанровым предписаниям и, вместе с тем, не ослабевающая ностальгия по иерархическому порядку в литературе заставляет социолога поставить вопрос о том, в каких ситуациях и в каком функциональном качестве вообще используются жанровые классификации.

С помощью жанровых категорий литературоведение осуществляет первичную процедурную маркировку и тематического, и экспрессивно-технического своеобразия текста: подобной категоризацией задается известное соответствие его проблематизируемых смысловых моментов друг другу - перспектив развертывания внутритекстового ценностного конфликта (или согласования определений реальности) средствам их конституирования в развитии сюжета, в семантике и мелодике стиха и т.п. Соответственно, и проблема жанра, т.е. необходимость классификации эстетических феноменов, возникает перед литературоведом (и искусствоведом) в совершенно определенных ситуациях. Именно анализ этих ситуаций дает возможность преодолеть крайности как релятивизма со стороны вновь возникающих эстетических группировок, выходящих с манифестами в оппозиции к канонам предшествующего этапа, так и догматической системы различных учений, включая концепции учебников.

* Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 150 - 151, 191, 275; близкие высказывания см. в статье Б.Эйхенбаума "В поисках жанра" - Рус. современник, 1924, кн. 3, с. 228-231.

** Белинский В.Г. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. I. М., 1976, с. 139-140.

*** Genre, Plattsburgh (N.Y.), 1968; cf.: Colloque intern. "Le genre", Univ. de Strasbourg, 4-9 juillet 1979. Strasbourg, 1980.

Общим признаком подобных ситуаций всякий раз является так или иначе сознание кризиса - эрозии традиционной либо общераспространенной практики образно-символического выражения. Это вызывает со стороны группы, осознающей подобную эрозию, усилия по защите и поддержанию определенной нормы, регулирующей принятую практику. Процесс такого рода оформляется, как правило, в виде предприятий по "восстановлению" или "сохранению" теряющей силу нормы. На момент групповой заинтересованности в поддержании (а точнее - установлении, систематизации и кодификации) нормы указывает прямая оценка форм действующей практики, "современности", в оппозиции к которой ведется "реставрация" прежнего состояния дел. Эта оценка предполагает известную иерархию ценностей литературного и - в неявном виде - их определенную, замкнутую систематику, завершенный и морально-оцененный эстетический космос. Однако, модальный статус подобной систематики характеризуется не тем, что она есть в наличии либо воплощает эксплицированную систему идеальных правил: в ее основу кладется усмотренная в отдаленном "прошлом" совокупность совершенных образцов, что собственно и является доказательством их систематичности. Аргументами в пользу замкнутой упорядоченности выступают здесь как "прошлое", так и образцовость достижений, совершенство которых - в их завершенности. Иными словами, в семантике предполагаемой систематики содержится идея культурной дистанции: совокупность значимых образцов относится к *прошлому чужих* литератур, выдвигаясь вместе с тем в качестве программы собственного настоящего, но в еще большей мере - будущего.

Эта ситуация характерна, например, для ранних стадий модернизации культур под лозунгами возрождения "лучших" традиций, когда, по примеру Гердера в Германии, призывают к созданию "новой классики, которая, отказавшись от рабского подражания античным образцам, должна принести собственных эсхилов, софоклов, гомеров, вырастающих на немецкой почве"^{*}. Временная ось упорядочения символического состава традиции (ценностной ориентации на значимые образцы "прошлого") выступает для модернизаторов основным механизмом культуры. Иначе говоря, противопоставление "прошлого" "настоящему" является эффективной формой определения актуальной для кодификаторов реальности. Эта

^{*} Die Klassik Legende. Frankfurt a. M., 1977, S. 20. Подробнее см.: Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Идея классики и ее социальные функции. - В кн.: Проблемы социологии литературы за рубежом. М., 1983, с. 47-57.

дихотомия служит проекцией ценностных представлений группы, фиксирующей в образцах "прошлого" значения самодостаточных авторитетов. Статус подобных образцов, значимость данного пантеона авторов, с которыми, отметим, связываются "высшие" жанры в иерархии, определяются в культурном плане тем, что за ними закреплены произведения, в которых представлены нормативные способы опосредования и снятия конфликтов личностного самоопределения в обществе и культуре на переломе. Иначе говоря, эти эталонные тексты обеспечивают общество нормативно-гарантированными и культурно-приемлемыми формами редукции субъективности. При этом эстетическую специфику образуют такие символические конструкции, в которых функции самодостаточности приданы персонажам, "незаконно" присваивающим право на самоопределение, свободу и автономность поведения, на индивидуальный произвол, составляющие в традиционной культуре прерогативу богов, царей или судьбы (Эдип, Медея, Макбет или, последний в этом ряду и первый среди новых по типу героев и построений, Фауст).

Символически это выражается в предельно высоком социальном и/или культурном ранге трагических "героев". К ним относятся персонажи, так или иначе экстраординарные, внеповседневные и выступающие субъектами "событий" (в ходе истории литературы и ее интерпретаций исключительность героя может репрезентироваться или даже замещаться исключительностью события, "судьбы" или другими сходными оценочными маркировками). Устойчивые схемы организации тематизируемых текстами конфликтов - социально "снятая" субъективность либо субъективность в поисках культурного самоопределения - и ложатся в основу формулы литературоведческого интерпретации жанрового "рода".

Складываясь на долитературном материале и окончательно сформировавшись в рамках классицистической эстетики, жанр предназначается для оценочной классификации семантического состава культуры и представляет собой определенную композицию культурных значений в качестве жестких границ смысловой гетерогенности и легитимных пределов субъективного самоопределения и определений действительности. Но на этапах существования развитой литературы он так или иначе теряет свой рецептурный характер. Однако лишаясь статуса кода правильного литературного поведения (в производстве, отборе и оценке текстов), жанр вместе с тем не может в полной мере считаться и дескриптивной категорией. Имплицитно содера в себе идею достаточно жестко

отобранного и "закрытого" репертуара принятых форм реализации субъективности в культуре, жанровая предикация выражает культурную оценку представленного в литературе материала (меру его "культурности").

Иными словами, в литературоведческих интерпретациях жанр все более выступает маркировкой конвенционального согласия в отношении высокой значимости литературы. В сфере литературы при этом попадает для кодификаторов лишь то, что уже отмечено статусом культурности. При достигнутом таким образом - через отнесение к литературе - согласии в отношении "действительности", жанр становится знаком тавтологического описания (и только в этих пределах и смысле может считаться дескриптивной и даже объясняющей категорией). А эрозия, "неработоспособность" жанра означают проблематичность для группы интерпретаторов самого состава культуры в ее важнейшем функциональном аспекте - легитимации форм субъективности, которые в специфически представленном культурном виде выступают в позиции автора, фигуре героя, многообразии определений внутритекстовой реальности. С этой фундаментальной значимостью категории жанра в литературной культуре связано и сознание жанровой новации как литературной революции (по оценке Тынянова, "все остальное - реформы"*).

В этом смысле постоянное стремление сохранить элементы жанровой классификации как работающее средство описания и истолкования литературы означает попытку удержать наиболее существенные компоненты литературной культуры, усматриваемой интерпретаторами в культурности словесного материала (языке, метафорике, строфике, метрике и т.п.). Тем самым поддерживается элитный состав литературы как лучшего и репрезентативного в целом культуры. А это позволяет литературной культуре сохранить свою определенность при имманентных и более общих изменениях. Вместе с тем, процедура интерпретации, заданная через отнесение к тем или иным жанровым маркировкам, удерживает и самодостаточность интерпретаторов, сохраняя (хотя бы в уровне притязаний) их высокий статус в обществе и культуре.

Характерно, что литературные образцы, отмеченные наиболее фундаментальными и острыми коллизиями личностного самоопределения (и, соответственно, неоднозначностью героев, образа автора, поэтики и т.д.), представляют, с позиции интерпретаторов, и высшие достижения культуры, которые, собственно, и выступают преимущественным объектом их

* Тынянов Ю.Н. Цит. изд., с. 151.

внимания, и наиболее сложную проблему для истолкования. Тогда как предельной жанровой отчетливостью (в любом из перечисленных аспектов) характеризуются как раз произведения дисквалифицируемой словесности, а она, в качестве "беллетристики", обычно не входит в сферу рассмотрения литературоведа. В этом смысле в работе интерпретатора воспроизводится базовый и неразрешимый конфликт между имманентными нормами литературной культуры, с одной стороны, и стандартами более широкой культуры общества в условиях запоздалой и тормозимой модернизации (с негативной оценкой субъективности и нормативной редукцией ее к идеологическим целостностям рода, нации, почвы и т.п.), с другой. В аспекте жанровой квалификации литературного материала это ведет просто-таки к объяснительному параличу. Роман, поэма, драма в таких случаях выступают не в своей родовой определенности, а в качестве манифестации чисто индивидуального своеобразия гениального автора, что неконтролируемым образом меняет направленность, логику и средства интерпретации. Отсюда - характерная теоретическая беспомощность и неспособность выдвинуть генерализованные средства объяснения: роман становится "тургеневским", поэма - "пушкинской", эпос - "толстовским". При попытках же уловить собственно логическую структуру объекта описания и объяснения литературовед принужден ограничиваться демонстрацией примеров (фрагментов), лишь иллюстрирующих выдвигаемое определение. В более общем смысле, можно поставить в связь типичные характеристики центрального героя русской литературы как "лишнего человека" - маргинала в столкновении с "чужой" культурной средой - и постоянные маркировки своеобразия русской литературной классики исключительно в негативных категориях - "не-жанра", "анти-жанра" и т.п.

Допустимо заключить, что в логическом отношении жанр выступает сегодня чисто регулятивной идеей организованной целостности культурного универсума. В содержательном же смысле он является апелляцией к целому культуры как к совокупности субстантивно заданных образцов лучшей, избранной литературы. Иначе говоря, жанр используется в качестве интегративного стандарта литературной культуры так, как ее понимает группа интерпретаторов. Жесткость подобного отбора, замкнутость пантеона авторов и репертуара образцов наводит на мысль о том, что в современной ситуации можно видеть в жанре не только "память" литературы, но и механизм ее забывания (тогда коррелятом бахтинского понятия "памяти жанра" могла бы быть "жанровая амнезия").

Иная конструкция литературы складывается в перспективе *литературной критики*.^{*} Позиция критика задается здесь типологически, случаи же ролевой конвергенции или конфликта критика и литературоведа, критика и писателя, критика и педагога выступают особо отмеченными и должны рассматриваться специально. Если литературоведение типологически представляет собой рационализацию ценности литературы как культуры и, далее, способов этой рационализации - в анализе поэтики, стиля, метафоричности и проч., то критика в форме суждений об актуальной словесности дает культурную оценку самой действительности. Она квалифицирует "сырой" материал "жизни" (который, с ее точки зрения, и фиксируется литературой) в категориях культуры. А эта последняя понимается, в свою очередь, так, как она представлена, истолкована и систематизирована в идеологии литературы (или различных ее идеологиях). Это определяет особенности и технику интерпретации и, соответственно, несколько трансформированный - в сравнении с литературоведением - образ литературы в текущей критике.

Поскольку критик, в аспекте его социальной роли, занят (и замкнут) отношениями между "литературой" и "жизнью", то он принужден брать в качестве готовых и элементы интерпретации ценности литературы в литературоведении, и определения действительности в идеологии литературы (и культурной идеологии). Это может быть продемонстрировано, в частности, на обычном характере цитации в литературно-критических текстах. Цитата - указание на позицию цитатора, выявление его системы дистанций и соотношений: она имеет источник, повод и адрес. Показательно, что цитаты в литературной критике, как правило, приводятся без указания источника, т.е. не предполагается их проверка, уточнение критериев, границ валидности и воспроизводимости потенциальным адресатом (он здесь - объект экспансии и суггестии). Соответственно, отсылка при этом идет либо к авторитетам в области литературной идеологии (или приравненным к ним в качестве "законодателей" престижным представителям наук о литературе - динамику их имен можно было бы специально проследить), либо к оппонентам, каковыми могут выступать и собственно литературоведы, но теперь уже в их пейоративном

^{*} Мы отвлекаемся от очевидной дифференциации идейных программ внутри самой критики, которая особенно явна при каждом очередном взрыве (или спазме) культурного развития и должна анализироваться особо; см.: Эйхенбаум Б.В. - В ожидании литературы. - Рус. современник, 1924, №1, с.280-290.

ролевым определении "специалистов" и т.п. Специфику же работы самого критика образуют достигающие предельной отчетливости именно в данной сфере противопоставление классической литературы - актуальной словесности, с одной стороны, и "плохой" литературе (беллетристике, чтиву), с другой. В литературоведении проблема классики не ставится так остро, и соответствующие маркировки не являются преобладающим инструментарием анализа: ведь предметный состав анализируемой литературы здесь уже предварительно задан лишь высокими образцами. Для критики же "классикализация" становится основным способом квалифицировать литературу как "жизнь". Последняя, однако, трактуется не в своем автономном, содержательно-проблематическом качестве, а в структурном соответствии с основными постулатами идеологии литературы как культуры.

Специальное исследование динамики литературных авторитетов в рецензионных оценках текущей словесности показало, что в целом до половины критических квалификаций содержат в определениях реальности рецензируемого текста отсылки к собственно литературным образцам прошлого либо отобранного и оцененного через отнесение к тому же "прошлому" настоящего. Несмотря на все исторические трансформации, кажущиеся глобальными изменения культуры, социальные коллизии, реальную динамику состава участников литературного процесса, смену поколений и т.п., структура литературной культуры и определяющий ее целостность репертуар литературных авторитетов остается поразительно устойчивым, лишь несколько наращиваясь со временем. В эпохи относительного литературного многообразия и неопределенности действие этого авторитарного механизма отчасти слабеет, сдерживаясь различиями в формах литературной социализации, динамикой наличного корпуса авторов, известным разнообразием координат соотнесения для рецензентов, конфликтами групповых самоопределений и другими факторами, но никогда не теряет своей эффективности.*

Апелляция к обычно не обсуждаемому авторитету исключает рассмотрение (да и саму проблему) поэтики произведения в ее историчности, причем это касается как актуальной словесности, так и классических авторов. Иначе говоря, здесь, как правило, не возникает вопросов ни "как сделано" произведение, ни "когда" оно сделано. Достаточно обратиться к оби-

* См.: Дубин Б.В., Рейтблат А.И. О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820-1978 гг.). - В кн.: Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990, с. 150-177.

ходным литературно-практическим интерпретациям впервые публикуемых сегодня текстов, репрессированной словесности, русскоязычного зарубежья или переводной литературы, чтобы убедиться в этом с очевидностью. Горизонт литературного критика задан достаточно сложной, но принципиально не проясняемой в рамках самой критики конструкцией "актуальной современности". Литература же прошлого (его можно было бы назвать "оперативным" или "опытным"*) составляет при этом лишь одну из проекций ценностей и интересов современников. Но именно в силу своей функциональной авторитетности она недоступна рационализации "изнутри". А поскольку литературе настоящего и актуального для современности прошлого отказано в фикциональном модусе - в характере семантически разнородного, исторически и культурно обусловленного в своей разнородности построения, - то в этой сфере невозможна и постановка вопроса об истории литературы, не говоря уже об "имманентной истории литературных форм". В представлениях критика не содержится идеи относительной автономности этой области, почему и "прошлое" задано лишь формами "родового" предшествования и наследования. Между литературной теорией, историей и критикой нет функционального размежевания, логических границ и концептуальных переходов. А это значит, что в оценках действительности критика просто воспроизводит постулаты идеологии литературы как культуры: "жизнь" квалифицируется в своей литературной (культурной) определенности. В литературу отбирается только то, что соответствует "действительности", но сама эта "действительность" уже предварительно задана и удостоверена риторическим характером культуры.

Насколько можно судить по имеющимся эмпирическим данным, ни то, ни другое из описанных представлений, равно как и соответствующие формы и техники оценки и интерпретации, фактически не значимы для *широкого читателя*. Единственным каналом, соединяющим реальное разнообразие читательских групп с идеологиями литературы и средствами их рационализации, в современных условиях является система общей и литературной социализации. Прежде всего это *школа* - агент воспроизводства нормативных компонентов литературной культуры и притом в наиболее жестко отобранном и препарированном виде.

* См. об этом: Левада Ю.А. О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата). - Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник, 1979. М., 1980, с. 182-184.

Однако, характер преподавания в школе таков, что литература служит синонимом социальной и культурной истории общества, страны, нации и т.д. И история, и литература (близость норм их представления в школе может служить проблемой и предметом специального исследования) даются при этом вне их собственной, автономной проблематичности и в отрыве от проблематической современности - в нормативной определенности, окончательности и всеобщности. А из этого следует, что даже сравнительно скромный по масштабам и средствам школьный анализ поэтики, стилистики и других экспрессивных средств конституции эстетического качества подчинен единственной инструментальной задаче - донести тематическую однозначность литературы. Так создается положение, когда литература и язык ее истолкования воспринимается учащимися (и взрослым "массовым" читателем) как "чужие", только лишь "школьные" и не значимые в другом кругу партнеров и ситуаций - весьма, отметим, существенных для адекватной социализации и реального общения индивидов, для их действительной жизни. Воздвигается непреодолимый (поскольку не зафиксированный и не рационализируемый) барьер между "литературой" и "реальностью", чем - вопреки интенциям и императивам сообщества интерпретаторов - окончательно разрушается вся аксиоматическая база представлений о литературе, а с нею - логика и техника ее интерпретации, ролевые компоненты, институциональные традиции и культурный статус истолкователей и т.д. За кризисом "литературы" следует кризис литературоведения, а за ним - кризис литературного образования, массовых библиотек и др. подсистем социального института литературы в его тотальных претензиях и традиционалистском виде.

Это подтверждается данными как отечественных, так и зарубежных исследований. Так, в ряде работ западных социологов и социальных психологов показана чрезвычайно скромная роль "школьной классики" в воспитании детей и подростков. В то же время внешкольная ("иная", но "своя") словесность, включая средства массовой коммуникации, оказывает на них, по собственным их признаниям, преобладающее воздействие.*

Тематический отбор и препарирование текстов в процессе преподавания построены таким образом, что воспроизводят

* Mareuil A. *Littérature et jeunesse aujourd'hui: La crise de la lecture dans l'enseignement contemporain.* - P., 1971; Dahrendorf M. *Literaturdidaktik im Umbruch.* - Düsseldorf, 1975; Kyriotakis A. *Die Leseinteressen der griechischen Jugendlichen.* - Köln, 1976.

авторитарно -дидактическую структуру идеологии обучения. Показательными в этом отношении поучительными ситуациями и назидательными примерами, повторяющими сам "урок" и вырванными из контекста (нередко в виде текстовых фрагментов), и ограничивается демонстрация ценности литературы, подминающая все другие моменты истолкования. С другой стороны, анализ понимаемости текстов школьниками свидетельствует: структура их ожиданий и устойчивые навыки осмысления заданы ценностными коллизиями и поэтикой той самой словесности (или СМК), которую литературовед и критик считают тривиальной, внеположной литературе. В результате критерии и формулы оценки и интерпретации литературы в школе и в педагогических пособиях, если и сохраняют значимость для массового читателя, то в совершенно ином функциональном качестве. Они теряют всякую содержательность, оставаясь самыми общими знаками культурности (и в этом смысле элементами нормативной, "онтологической" реальности), понимаемой как исключительность и внебудничность.

Таким образом, апелляция к читателю, равно как и принятие его в качестве антропологической константы - предпосылки "полноценного" и "адекватного" переживания и понимания образцовых текстов - являются профессионально-идеологическими фикциями текущего литературоведения и критики. Более убедительной и продуктивной представляется попытка систематизировать разнообразные читательские представления о литературе в виде открытого списка типологических формул анализа текстовых построений. Валидность подобных конструкций, обобщающих данные исторической культурологии, может быть подкреплена фактами собственно читательского успеха (или провала) соответствующих произведений (примером такого рода исследований может быть анализ "формульных повествований" в работах Дж.Кавелти*).

Показательно, что при таком изменении исследовательской позиции и оценки открывается не только иная в содержательном плане (другие имена и произведения), но и по-иному организованная целостность литературы. При всем богатстве и различии читательских групп и субстантивных определений литературного качества, эта литература не имеет классики, не нуждается в отдельных интерпретациях и, соответственно, в самих фигурах интерпретаторов. Это, в частности, подтверждается тем фактом, что доля читателей, обращающихся к кни-

* Cavelti J. Adventure, mystery, and romance: Formula stories as art and popular culture. - Chicago; London, 1976.

ге под влиянием критической статьи или рецензии, равно как и к ним самим, не превышает, по данным разных исследователей, 1-2% публики, а по объему и составу сопоставима с кругом читателей "высокой" - классической, проблемной или "трудной" современной зарубежной - литературы.

Проникновение в каждый из читательских "миров" литературы возможно лишь при реконструкции образа словесности в культуре соответствующей социальной группы (что и составляет ключевой момент намечаемого нами здесь подхода). Косвенными указаниями на всякий раз особое понимание литературы той или иной публикой могут быть, среди прочего, такие признаки, как релевантность для нее специфически-социальных авторитетов и маркировок текста. К ним относятся, например, издательские стратегии (принадлежность к серии, снимающей проблематику индивидуального авторитета и авторства, или, напротив, отмеченность символами персонального достижения, как в собраниях сочинений), влияние СМК с их символическими значениями принадлежности к центру общества, державы, культуры, со следами специфического документализма, но и сенсационности, а также другие - чисто социальные, что важно - значения культуры. Наиболее парадоксальным выражением подобных тенденций является определение литературы через культурную семантику символов дефицита в рамках стагнирующей дефицитарной экономики. Как показано в пионерском исследовании А. Левинсона, проанализировавшего этот процесс на материале "макулатурной серии" книг, они - вне какого бы то ни было прямого влияния культурных инстанций и соответствующих идеологий культуры - образовали замкнутый и упорядоченный универсум литературы.

Симметричная" этому равнодушию читателей к критике литературоведческая дисквалификация публики как правомочной и дееспособной инстанции суждений о литературе ведет к ограничению жесткими критериями отбора и оценки произведений. Это снимает проблематичность значений литературы и актов понимания текста, т.е. фактически элиминирует теоретические вопросы коммуникативной структуры произведения. Тем самым внутренние адресаты текста и конституирующие их культурные значения, соотносимые для писателя с позициями референтных групп, их динамика и смена оказываются, как правило, снятыми литературоведом в биографическом контексте истолкования творческого замысла автора. Незначимы они и для литературного критика, обсуж-

дающего проблемы "жизни" в ее злободневном, "типическом", "глубоком" и т.п. отражении литературой.

В тех же редких случаях, когда подобные системы значений эксплицируются и осмысливаются в их функциональной значимости, они становятся основанием для описания ролевых структур и особенностей литературного взаимодействия в исторически-конкретном контексте, вывода исследователя на проблематику механизмов и структур писательской социализации и профессионализации и требуя для их истолкования более широких границ - обращения к социокультурным процессам, идейным движениям и конфликтам эпохи и другим моментам дифференциации общества. Благодаря этому, открывается возможность систематически связывать гипотетически реконструируемые ориентации и ожидания писателя (формы и условия предполагаемой, заданной и фактической карьеры, стандарты планируемой, навязанной или отсутствующей либо разрушенной литературной биографии, учет в этой перспективе институтов поддержки и социального контроля и т.д.) с типами признания и вознаграждения, включая низвержение, нивелировку, подавление, социальную конструкцию одиночества, с одной стороны, и установку на неуспех, отсроченное признание, "друга в поколенья" и "читателя в потомстве", с другой. Далее, эти моменты могут уже быть соотнесены с особенностями поэтики произведения, стандартами групповой стилистики и литературной культуры в их динамике, межгрупповой полемике и диалоге, либо, напротив, изоляции и отторжении - рамках формирования групп, становления, конфронтации и институционализации групповых идеологий.

Даже предварительное обращение к литературе, квалифицируемой как массовая или тривиальная, показывает, что господствующие принципы интерпретации писательской роли по образцу "гения" здесь совершенно непригодны. Логическое давление подобных типов истолкования и стоящая за ними культурная аксиоматика заставляют литературоведов сосредоточиваться, например, на таких моментах, как документированная биография или творческая судьба, соотношение оригинального и заимствованного, структура замысла и полнота его реализации. Однако, эти символы самоопределяющейся субъективности, далеко не однозначные и в "высокой" литературе (писатель "без биографии", коллаж как принцип поэтики, "открытая структура" произведения), оказываются абсолютно незначимыми для авторов, целых массивов и даже эпох словесности, обычно не учитываемых в школьных и институтских учебниках, либо, напротив, навязываемых исключи-

тельно педагогической дрессурой. Отсюда, в частности, специфические затруднения литературоведения, возникающие при попытках все же обращаться к подобным феноменам - например, сложности в работе над "жизнью" и "творчеством" писателей, ориентированных на рынок, для биографического словаря "Русские писатели, 1800-1917" или драматические поиски средств организации и концептуального истолкования богатейшего исторического материала, собранного одним из "младших" опоязовцев М.Никитиным в его незавершенной монографии "История русского лубка"

Выдвигая обобщенно изложенные здесь принципы рассмотрения литературных явлений, мы видим в них уточнение и прояснение комплекса теоретических проблем, связанных прежде всего с попытками и перспективами реализации сегодня идей ОПОЯЗа о соотношении собственно литературных и "дальнейших" исторических и социальных рядов - одном из основных механизмов литературной эволюции. Реконструкция и описание его действия образуют сферу исследований литературы в ее историческом движении. Условием эмпирической работы в этой области, которая может вестись самыми разными дисциплинами и, соответственно, при максимальном разнообразии исследовательских задач и подходов, является выход за рамки нормативных определений литературы, что имеет своим следствием расширение предметных сфер изучения словесности как совокупности форм литературного взаимодействия. В частности, в этом контексте работа литературоведа - хранителя высоких стандартов литературной культуры и ценностей литературы - проявляется в ее автономном значении и специфическом культурном смысле: удерживать образцовый состав культуры в условиях ее гетерогенизации и распыления, противостоя тем самым как ценностному релятивизму, так и догматическим претензиям культурной идеологии.

Сказанное не означает, что намеченные здесь в предварительном порядке "миры" литературы сосуществуют как совершенно замкнутые и самодостаточные, никак не зависящие друг от друга. Напротив, социолог культуры исходит из представления об их системности и взаимообусловленности, что позволяет ему говорить о литературе как о социальном институте. Этот институт формируется вокруг специфической ценности литературы, указывающей и скрепляющей ее содержательно различные "миры". Наибольшей полнотой осознано-

* См.: Никитин М.М. К истории изучения русского лубка. - В кн.: Сов. искусствознание, 1986, вып. 20, с. 399-419 (а также с. 391-398).

сти и отрефлексированности в отношении данной ценности характеризуется та группа, для которой она собственно и является единственным основанием самоопределения и правом на социальное признание со стороны других групп, - литературоведение. В отечественной традиции эта же группа выступает и носителем определенной идеологии литературы как культуры, проекции которой предугадывают практически любые содержательные истолкования словесности (набор признанных писателей, критерии их оценки, технику интерпретации) во всех других наличных социальных контекстах, образующих литературную систему. Это относится к кругам книгособирателей, преподавателям-словесникам, представителям издательств, библиотечным работникам и т.д.

Однако, всей возможной полнотой сознания ценности литературы, свободой владения техниками ее прочтения обладает при этом лишь группа теоретиков и историков словесности. Процессы распространения и усвоения этой ценности иными группами, слоями, кругами всякий раз сопровождаются ее модальными трансформациями и, соответственно, изменениями содержательного состава образцов, представляющих собой литературу как специфическое целое. Сами эти изменения определяются тем особым аспектом идеологии литературы как культуры, который оказывается значим в каждом конкретном институциональном звене. Так, если свобода оперирования техниками интерпретации базовой ценности литературы коррелирует у литературоведов с жизненной открытостью новым содержательным образцам, типам поэтики и т.п., то для групп, принимающих из их рук лишь ценностные марки высокого авторитета словесности, характерны как раз предельно жесткие ограничения на состав образцовых авторов и их произведений, стандарты поэтики, экспрессивную технику. Последнее было бы нетрудно показать, введя, например, временные, пространственные или языковые параметры совокупности текстов, которые усвоены той или иной группой в качестве литературы - скажем, воплощенной в составе массовых государственных или типовых домашних библиотек и др.

Понятно, что очерчиваемые таким образом ресурсы различных групп отнюдь не покрывают всего разнообразия издаваемой, оцениваемой и читаемой словесности. Своего рода негативным средством принять во внимание наличное множество обращающихся в публичке литературных текстов является классификация неучтенных образцов в качестве "низовых", "тривиальных", "массовых" и "пара-" феноменов. Однако, спе-

циальные исследования⁹ показывают, что никакого специфического литературного качества, которое как бы предполагается подобной квалификацией, эти явления не содержат. И хотя историкам культуры известно достаточно фактов непризнания потомством некогда бесспорных шедевров и, напротив, возведения в ранг высокой литературы ранее "массовой" или "низовой" словесности, они крайне редко становятся предметом специальной теоретической рефлексии. Иными словами, это обстоятельство представляет собой проекцию ценностей самоопределения литературоведов - установление социальной дистанции. Подобное "суждение вкуса" относят к другим, неспециализированным группам, чьи самоопределения литературы получают вторичные по отношению к эстетическому качеству характеристики (познавательной, развлекательной и т.п. словесности), либо же - маркировки незрелости, неполноценности, иррациональности.

В этих условиях социолог культуры, ставя перед собой задачу учета и истолкования наличных миров литературы в их смысловом своеобразии, вынужден вне зависимости от личных литературно-эстетических симпатий и пристрастий выступать "от лица" тех групп участников литературного процесса, в самопонимание которых не входят задачи литературного манифестирования и самовыражения, поскольку и сами эти действующие лица осознают себя, и социальные партнеры квалифицируют их по иным, не-литературным основаниям. Культурное значение подобного "представительства" социолога обусловлено специфическими ценностями социального познания, а не той или иной из действующих идеологий литературы либо их проекций. Теоретическая проработка понимания литературы в перспективе каждого из участников литературного взаимодействия должна обеспечить исследователей инструментарием конкретно исторического анализа социальной роли литературы - специфики восприятия того или иного текста его реальным читателем.

1984, 1990

⁹ Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия "художественная литература". - В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973, с. 20-36; Studien zur Trivialliteratur. - Frankfurt a.M., 1968; Kreuzer H. Veränderungen des Literaturbegriffs. - Göttingen; Zürich, 1975.

ТИПОЛОГИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

1. Задача типологизации читателей ставится в советском библиотековедении последнего двадцатилетия с особой остротой. Более того, появление проблематики типологии сопровождается само оформлением общего библиотековедения и является осознанием того факта, что в ходе социокультурного развития читательская аудитория дифференцируется, как усложняется и вся система функционирования литературы в обществе. Соответственно, признание этого факта должно было повлечь за собой обсуждение центральных проблем библиотечной работы и систематизацию ее принципов. Ожидания, которые связывались с построением типологии читателей, выражались в ряде требований к ее характеру. Предполагалось, что она должна быть единой и целостной, научно обоснованной и практически ориентированной. Другими словами, классификация читателей должна была служить объектом возникающей и претендующей на автономию совокупности знания, специфическим представлением действительности в рамках научной дисциплины, реализованным в присутствии ей теоретических категорий описания и объяснения. С решением этой задачи связывались перспективы библиотековедения как науки, включая подготовку специализированных кадров в этой сфере, и планы оптимизации практической работы библиотек по руководству чтением.

Примечательны здесь два момента. Во-первых, необходимость теоретической работы стимулировалась утратой прежней определенности, однозначности представлений о читателе и стремлением учесть особенности читательской аудитории в ее социальном и культурном многообразии. Представления о множественности читательских групп и сложности картины чтения, требования изучать и принимать в расчет эту неоднозначность вводились фигурой, сравнительно новой в стенах библиотеки - исследователем-эмпириком, социологом. В этом

смысле можно связывать разворачивание эмпирических исследований чтения, с одной стороны, и поиски теории на рубеже 50-60 годов, с другой (как это бывало и ранее, скажем, у Н.А.Рубакина). Во-вторых, поиски теоретических оснований типологии читателей повлекли за собой осознание сложности, проблематичности и других областей библиотечной работы (типы библиотек, их фонды и каталоги, библиографическая работа и т.д.). Последние считались "технологическими", поскольку определялись устоявшимися представлениями о читателе, что, соответственно, потребовало на протяжении последних двадцати лет известной корректировки.

2. Вместе с тем, с осознанием многообразия картины чтения с тем большей четкостью проявилась структурная организованность библиотековедения вокруг задач воспитания читателя и руководства его чтением. Иными словами, необходимость теоретической работы в данной ситуации оказалась связанной, с одной стороны, с потребностями оптимизации преподавания, ориентированного, с другой, на повышение практической эффективности библиотечной работы в условиях читательского многообразия. Соответственно, читательское поведение трактовалось с присущей педагогике нормативностью: категории описания натурализовались в качестве читательских характеристик. Этими обстоятельствами диктовался выбор оснований типологии читателей и понимание ее функций. Собственно теоретическая проблематика, таким образом, не осознавалась в ее специфике: аналитическое построение (типологическая конструкция) выступало в функции эмпирического, наблюдаемого поведения читателей того или иного "типа". Отсутствие средств методологической рефлексии над ценностными предпосылками дисциплинарной работы объясняет усвоение библиотековедением "чужого" концептуального аппарата и методов работы в качестве характеристик "самой реальности", на которую предполагается воздействовать. Возникающие при этом методологические парадоксы можно было бы показать на примере того, как трактуются жанровые и другие классификации читаемой литературы, психические черты читателя или его социально-демографические характеристики, используя в качестве объясняющего основания, чаще всего причинного характера по отношению к читательскому поведению, точнее - к совокупности тех или иных эмпирических данных о читателе, собранных исследователем или актуальных для практика. Одно нормативное представление сопоставляется с другим, тоже нормативным, в результате чего возникает замкнутый круг объяснения.

3. Характер возникающих при этом противоречий связан, как можно предположить, с основным функциональным значением библиотеки как социального института (и библиотековедения как рационализирующего осмысления профессионального знания и целей практической работы). Это функциональное значение определяется в общем смысле задачей собирать, хранить и передавать культурные образцы в форме печатных текстов, создаваемых, интерпретируемых и упорядочиваемых вне данной сферы. Ориентируясь на решение познавательных задач, библиотековедение использует выработанные в рамках иных частных дисциплин, для решения иных, конкретных задач и с помощью иных средств знаниевые конструкции, компоненты концептуального языка и т.д. При этом то, что для исходной дисциплины является проблемой (определение "профессии" или "поколения" для статистики, психического типа для психологии и т.д.), выступает готовым средством для решения своих собственных задач. Интерпретированные таким образом на "чужом" языке, библиотековедческие проблемы воспринимаются в "натуральном" качестве "самой действительности". Соответственно, участники взаимодействия в рамках социальной системы библиотечного дела получают возможность понимания друг друга в ходе дискуссий, обмена текстами и т.п. Иными словами, заимствованный характер категориального аппарата должен обеспечить "истинность" реальности как научно установленной, объективной и закономерной. С другой стороны, внутри социальной организации библиотековедения сами постулаты о необходимости типологии, требование ее построения, ее - в принципе - упорядочивающие возможности становятся средством объединения членов данного института и всей актуальной для них проблематики собственной работы.

4. Формулировка проблематики читательской типологии в терминах основной задачи библиотечного дела и обосновывающего эту задачу библиотековедения ведет к тому, что участники дискуссий по этим проблемам исходят из единых норм обсуждаемой, изучаемой и предназначенной для преобразования действительности. Поэтому их взаимодействие характеризуется высокой степенью согласия относительно необходимости и функций искомой типологии и наряду с этим - существенными расхождениями в том, какие именно частичные характеристики могут быть положены в ее основание или быть "ведущими". Однако, при всех имеющихся расхождениях представляется возможным выделить два коррелятивных

принципа, на которых строятся предлагаемые классификации.

5. Оба эти принципа представляют собой главные направления библиотечной работы и определяют как видение читателя, так и отбор соответствующей литературы для его воспитания. Первый из них может быть назван идеей социализации индивида (ее стадий, особенностей формирования индивида на различных этапах и т.п.). Вторым является критерием оценки качества чтения (включая выбор литературы, разносторонность чтения, интенсивность, нормативный уровень понимания текста). Будучи предварительно оцененным, тот или иной принцип кладется в основание классификации. Она представляет собой, таким образом, соотношение двух классов характеристик: один класс представляет нормы библиотечной работы, задающие структуру проблематики, другой - функционально выступает уровнем "эмпирической реальности". К нему относятся отдельные стороны читательского поведения, трактуемые как статичные характеристики или качества личности, ее психики или даже физиологии. Подобная натурализация свойств абстрактного индивида, понимание этой комбинации как сущностной природы человека ограничивает возможности эмпирического изучения читательских действий. Характерно, что подобное видение или стремление к нему неизменно сопровождается оценочной констатацией односторонности любой частной дисциплины, например, социологии, "неспособной" ухватить "сущность" явлений, проникнуть в их "природу".

Из-за ограниченности систематической работы методолога оба класса характеристик рассматриваются как непроблематичные, готовые (или, иными словами, нормативные). Специальный анализ, отметим, мог бы показать, что сам их отбор (качества человека, типы литературы или изданий) при собственно исследовательской работе является теоретической проблемой, а они - аналитическими характеристиками, конструируемыми как исследовательская гипотеза, которая выдвигается для решения той или иной частичной задачи.

6. Вместе с тем ход обсуждения проблем типологии читателей за последние годы свидетельствует о том, что начавшийся процесс рационализации нормативных компонентов библиотечного дела выражается в постепенном переходе от оценочных классификаций к типологическим средствам описания исследуемых фрагментов действительности. Специалист исходит при этом из определенной теоретической проблемы, поставленной в конкретном исследовании. Этой смене "техни-

ческой" задачи соответствует и изменение установки той или другой предполагаемой типологической схемы. От нормативной оценки читательского поведения исследователь приходит к пониманию задач теоретического объяснения материала. А это, в свою очередь, предполагает предварительное концептуальное описание данных, подлежащих анализу. Во многих случаях, однако, это кардинальное изменение методологической задачи не осознается. Все время возобновляющиеся попытки средствами какой-то еще одной "новой" науки или специальной предметной дисциплины решить общеметодологические вопросы свидетельствуют именно о непроясненности самой постановки проблематики типологии. При этом высказываемая критика часто оценивает предлагаемые варианты типов, исходя из собственных задач и оснований. Обобщая, кратко рассмотрим сами задачи и предлагаемые средства их решения.

а) Задача дифференциации читателей тесно связана с вопросами руководства чтением, соответственно, оценкой качества чтения. Формулируемая же как задача изучения читателей, она создает ряд вполне определенных логико-методологических проблем, не решаемых аналитическими средствами, методами исследователя-специалиста. По своим истокам и функциям подобные представления диктуются ценностями и нормами педагогико-воспитательной практики, т.е. исходят из известных, заданных норм квалификации текстов и отношения к ним. В этом смысле эмпирические знания о читателе становятся излишними и пределом упорядочения материала выступает идея классификации читательской массы.

б) Как и любая классификация, классификация читателей в логическом отношении (ее формула - общий род и видовые отличия) представляет собой скрытую тавтологию, поскольку подразумевает, что весь объем информации, весь объем подлежащего упорядочению материала уже известен (законченность, исчерпывающий характер достигается с помощью рубрик типа "другое", "разное", "промежуточная группа" и т.п.). Основания деления на классы и подклассы могут быть в таком случае исключительно внешними по отношению к самому классифицируемому материалу, нормативными в отношении объема натурализованных представлений. Функциональное значение подобной работы определяется требованиями, предъявляемыми к системе готового знания. Иначе говоря, классификация структурирована не исследовательской, а систематизирующей задачей, и адресат ее - библиотекарь, а не другой исследователь.

в) Методологическое же значение типологических методов в эмпирическом исследовании заключается в выработке специализированного теоретического языка описания. Причем в зависимости от характера задач могут быть использованы типы с неопределенной степенью обобщения ("средние типы"), предельные (посредством которых образуются ряды сопоставлений), "идеальные" или "конструктивные", предполагающие в качестве оснований смысловые структуры социального (исторического и т.п.) действия. Средние типы могут быть использованы и в эвристических целях, для выработки гипотез или построения моделей. Однако в любом случае типологические методы являются аналитическими средствами исследователя, а не самоцелью, типы же - средством описания и объяснения, а не предметной данностью.

7. Поэтому понятно, что любая из типологий заведомо ограничена формулируемыми исследователем задачами и отобранными им для решения аналитическими средствами. Она не претендует на целостность описания самой действительности в ее как бы "собственных" характеристиках. Более того, продуктивным представляется как раз сосуществование различных конструкций описания читательского поведения, задающих множественность точек зрения на чтение и его функции. Можно полагать, что такое видение проблематики является более адекватным для понимания и объяснения современной ситуации, когда читательская аудитория достаточно дифференцирована и продолжает многообразно дифференцироваться, когда те же процессы наблюдаются в литературе и т.п.

Видимо, не случайно, кстати, в настоящее время столь остро дебатруется и проблематика типологии библиотек. Появление нового читателя, фиксируемое библиотечковедением и библиотечной практикой, вероятно, сигнализирует о том, что единство задач формирования массового читателя, обусловленное развертыванием процессов культурной революции в Советском Союзе и сделавшее определенный тип массовой библиотеки ключевым для библиотечной системы, в настоящее время сменяется более сложной ситуацией. Она требует разнообразия и гибких подходов к библиотечному строительству, обслуживанию читателей, рекомендации литературы и т.п.

Уже сама множественность точек зрения библиотечковедов на проблематику типологии читателей и библиотек указывает на неоднозначность положения дел и позволяет судить о перспективах дальнейшего развития библиотечной системы и

культуры в целом. Для социолога культуры именно это многообразие является исходным фактом и основным теоретико-методологическим принципом его объясняющей работы: в иных обстоятельствах ему попросту нечего делать, и до определенного времени надобности в нем не возникает. По отношению к библиотекведению он может как раз не столько предложить общую теорию или концепцию читательского поведения, сколько указать на наличное культурное многообразие и соответственно прояснить структуру проблематики библиотечного дела (в том числе - более общий характер и смысл дискуссии по проблемам типологии).

8. С другой стороны, прояснив методологическую проблематику типологизации читателей, социолог может попытаться очертить основные принципы своего частного подхода к построению конкретной читательской типологии. Выбор самих элементов данной конструкции определяется принятой исследователем задачей. Ее общие рамки определены изучением смысловых оснований читательского поведения. Соответственно, материалом для конструирования типов выступают не те или иные содержательные характеристики (аспекты, качества, стороны) читателя, а мотивационная структура читательских действий. В качестве возможности построения и истолкования структуры читательской мотивации нами используются литературные тексты. Точнее, это тексты, социологически препарированные. В них социолог имеет дело с представленными таким образом возможному читателю ценностными значениями и нормами понимания и поведения, формами определения ситуации и т.п., которые трактуются здесь как регулятивные механизмы. Иными словами, основанием объяснения читательского поведения выступает функциональное значение литературного образца в заданной проблемной ситуации. Анализ текста, соответственно, предусматривает истолкование в единых категориальных рамках представленных в произведении ценностных конфликтов, способов их проявления, развития и разрешения (организация пространства и времени, сюжета и мотивации героев, типа условности, точки зрения повествователя и т.п.) и образных средств выражения (метафорика, символика, языковых и стилистических приемов) в их исторической семантике.

Однако, в отличие, скажем, от литературоведения, для нас в данном случае литературный текст важен лишь как возможность в определенных аспектах понимать читательское поведение, поскольку именно оно составляет объект социологического анализа. Подобное понимание в общем смысле обеспе-

чивается трактовкой литературного произведения (или, с известными оговорками, другого образно-символического построения - кино, живописи и др.) как специфического, заданного "идеологией" письменной культуры способа фиксации ценностно-нормативных значений. Их поддержание и усвоение обеспечивает как стабильность воспроизводства социокультурной структуры общества, так и в определенных случаях и аспектах - изменчивость, поддерживает согласованность механизмов социального и культурного самоопределения его членов. Соответственно, адекватность подобных регулятивных механизмов для упорядочения проблематичной реальности теми или иными социальными или культурными группами находит, по принятой здесь трактовке, свое выражение в читательском спросе на литературные образцы того или иного типа. Существование подобных групп (и, соответственно, функциональные типы литературы) связывается с характером социальных процессов, избранных в данном случае в качестве базовых для проводимого здесь объяснения. Теоретическая модель социального процесса (или их совокупности - урбанизации, модернизации и др.) будет играть роль "предельного" объясняющего основания, критерия "объясненности" исследуемых проблем массового чтения.

9. Таким образом, основная мысль, которую авторы стремились провести в настоящих тезисах, заключается в следующем: при эмпирическом исследовании речь не может идти о натуральных типологиях того или иного социального явления, в том числе и читателей. Конструируемые типы в нашем случае захватывают лишь отдельные, изолированные и существенные в отношении наших задач аспекты читательского поведения, которые истолковываются, исходя из норм социального поведения, условно представленных в социально отмеченных ("художественных", "эстетически ценных") текстах. Сами же нормы соотносятся нами как с теоретически описанными социальными процессами, затрагивающими указанные нормативные системы, так и с особенностями их демонстрации в литературе. Используемый аппарат в принципе применим и для анализа функционирования литературной классики, "современной" зарубежной литературы, научно-популярных книг, книг для детей и т.п. В заключение укажем лишь на два важных для нашей темы момента.

Первый из них - методологический. Предложенные конструкции представляют собой средства аналитической работы, "чистые" типы. Любое конкретное произведение, как и картину чтения в целом, всегда приходится описывать как остаю-

щийся частичным и условным синтез различных компонентов и тенденций. При этом "упрощение" материала в исследовательских конструкциях компенсируется возможным многообразием истолкований, предлагаемых исследователями. Это представляется более адекватным сложности описываемых явлений и процессов.

Второе соображение - содержательное. Поведение читательских групп, обращающихся к тем или иным литературным образцам среди которых и те, что были типологическими представлены выше, связано с протеканием социальных процессов, рассматривающихся здесь в качестве базовых, не только в аналитическом плане. Объем этих контингентов и перспективы их деятельности определяются в немалой степени и тем, насколько образцы литературы такого и близкого функционального назначения будут представлены в книгоиздании, распространении, фондах библиотек. Сложность нынешней ситуации, скажем, в массовых библиотеках СССР можно, в частности, связывать и с тем, что в структуре фондов (и в книгоиздании) литература, пользующаяся наиболее широким спросом, представлена явно недостаточно. Такое положение требует серьезных практических решений и научного анализа в рамках социологии культуры как наиболее общего теоретического языка описания и объяснения процессов функционирования литературы в обществе.

1983

ОБРАЗ КНИГИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНАЯ АДРЕСАЦИЯ (Опыт социологического описания)

В последние 20-25 лет значительное развитие получили исследования коммуникативной структуры текста. Осуществлялись они на довольно пестрой методологической основе - в них были включены семиотики, и герменевтики, и представители новых "старых направлений", таких как риторика, философия языка, культурологически ориентированная поэтика или история литературы, социолингвистика и т.п. [14,15,23]. С течением времени оказался накоплен многообразный материал по коммуникативным правилам конституции текста, горизонтам понимания и интерпретации, т.е. конкретный материал анализа авторского и читательского семантического полей, стандартов восприятия коммуникативного события публикой [12,13,17]. При этом методически захватывались и описывались нормы и условия, задающие сравнительную однозначность понимания (посредством определенности пространственно-временной и жанрово-тематической структуры текста), изучались генетические трансформации рамок понимания текста, следы прежних канонов интерпретации и воздействия текста (эстетического, идеологического, эвдистского и т.п.) [4,6,8,10]. Однако, как бы разнообразны и остроумны не были бы сами по себе эти исследования, они редко затрагивали конкретно-исторический, т.е. социальный, характер взаимодействий, возникающих по поводу того или иного текста, поскольку в соответствии с общеметодическими установками культурологии, в подобных работах ставились главным образом цели выявления и фиксации общезначимого, общекультурного (а стало быть - универсального) кода коммуникации. Такая задача не предполагала специальной привязки к ситуации взаимодействия, ее толкования или уточнения конкретными участниками текстовой коммуникации. Возникающие отсюда теоретико-методологические антиномии, выражающиеся в невозможности отделить сам пред-

метно-содержательный план описания актов коммуникации от методологической парадигмы дисциплины, становящейся при этом рациональной онтологией, приводили к состоянию тяжелого теоретического кризиса в той или иной области, иногда оборачивающегося снижением научной продуктивности отдельных школ и направлений.

Если зарубежными специалистами вопросы определения или описания социальной ситуации коммуникации еще как-то затрагивались, особенно применительно к специфическим структурам идеологических текстов (например, анализу фашистской риторики, политического языка, межкультурной коммуникации в процессах модернизации и т.п. - [6,22,24]), то в нашей научной литературе эти аспекты практически не привлекали к себе внимания. Отсутствовал не только разработанный концептуальный аппарат, отсутствовало понимание смысла и значимости подобных проблем. В лучшем случае дело ограничивалось указанием на саму возможность постановки таких вопросов.

В данной работе мы, разумеется, не претендуем на то, чтобы закрыть лакуны такого рода. Задача наша гораздо скромнее - указать на существование специфицированных семиотических, социальных, семантических норм подачи текста, учитывающих различие социальных групп - его адресатов и потребителей. Вместе с тем, мы хотели бы не просто отметить социально-коммуникативный характер того или иного вида книгоиздания, но и установить определенную их систему, предваряющую любое восприятие. Иными словами, система различных типов книгоиздания должна представлять собой совокупность интерпретационных и социальных априори, обеспечивающих согласованность и длительность актов коммуникативного взаимодействия, т.е. в своем роде представлять общество в известном многообразии составляющих его групп. Понятно, что достаточной полноты типологии этих групп, а также ориентирующихся на них издательских стратегий и книжных форм, тем более - их классификации, мы в рамках одной статьи дать не можем. Это дело дальнейшей аналитической работы. Но систематически соединить представления о читательской адресации различных форм книгоиздания в более или менее целостные "гнезда" - такая цель представляется нам достижимой. Однако, и теперь мы ограничимся рассмотрением только двух вариантов книгоиздания - разновидностями "подачи" научной книги (гуманитарного плана) и вариациями публикации литературного текста, рассчитанного на разные группы публики. Исчерпывающей пол-

ноты здесь достичь невозможно практически, поскольку новые формы книгоиздания возникают непрерывно. Особенно это свойственно западному книжному рынку, опирающемуся на книжный маркетинг и дизайн и стремящемуся (исходя из самых различных намерений - от культурнических и просветительских до чисто предпринимательских) стимулировать книжное потребление. Такого рода задачи раз за разом провозглашаются и национальными и международными ассоциациями книготорговцев и издателей [18].

I

Многообразие форм книгоиздания, равно как и рост числа названий, есть свидетельство усложнения социальной структуры общества. В этом книжная культура лишь повторяет тенденции социокультурной динамики, обусловленной различными социальными процессами (индустриализации, урбанизации, модернизации и т.п.) и вызванным ими усилением многообразия морфологии - различными механизмами группообразования, структурной дифференциации (профессиональной, ролевой, статусной, возрастной и проч.), возникновением все более сложных и непрямых опосредующих и коммуникативных взаимосвязей. Напротив, редукция социальной сложности и соответствующих опосредующих социальных коммуникаций и обменных форм (информационных систем, экономических систем регуляции, представительских институтов и учреждений культуры, различных общественных и культурных ассоциаций, разнообразных образовательных заведений и т.п.) быстро оборачивается обеднением литературной и научной жизни, сокращением типов и форм изданий, уплощением культурных форм, социальным и культурным консерватизмом. Само по себе это многообразие книжной культуры, обусловленное существованием различных групп публики, представляет собой специфические формы адаптации различных подсистем общества, установления отношений взаимозависимости групп и институтов, функциональных взаимосвязей разных социальных образований. Поэтому и упрощение или уменьшение диапазона форм книгоиздания, сведение их к немногим вариантам тиражирования текста означает отсечение тех или иных категорий читателей, непризнание правомочности их ожиданий или запросов, а стало быть - несуществование их в этом особом социальном измерении, т.е. рост социальной одномерности, компенсирующий жесткостью административно-иерархической системы регуляции,

замещение сложных механизмов самоорганизации прямым распределительным или дидактическим воздействием. Таким образом, методически возникает возможность устанавливать функциональные корреляции между типами и формами книжной культуры, или даже типами и формами издания, и определенными социальными конфигурациями, системами взаимодействия, группами и институтами, определяющими характер и назначение текста, его интерпретацию и оценку. При таком подходе уже недостаточно описания культурологических приемов семантической дешифровки контекстов культурного обращения или соответствующих семиотических кодов, а возникает необходимость объяснить, почему выбираются одни коды или системы коммуникативных правил, а другие остаются незначимыми или факультативными, как участниками взаимодействия задаются определения ситуации, обуславливающие выбор кода или отклонение предлагаемых норм коммуникации, разрыв ее, каковы коммуникационные компетенции партнеров, каков общий контекст взаимодействия по поводу печатных текстов, не имеющий "информационных" аналогов.

Исходя из этих положений, можно предполагать, что все разнообразие систем книгоиздания, схем их принципиальной организации заключено внутри шкалы, заданной двумя полярными типами: первая схема представляет собой такое положение вещей, когда система книгоиздания отражает устойчивое равновесие взаимодействия различных социальных институтов, их представительство, пропорциональное культурной авторитетности соответствующего института. Другая схема демонстрирует обусловленность характера представленности какого-то института в сфере культуры (в том числе и книгоиздания) доминирующим социальным институтом, подчинение издательской политики определенным социальным целям. Эта схема охватывает либо резко консервативные социальные системы (например, религиозную цензуру книгоиздания), либо же напротив, системы, характеризующиеся форсированным развитием, направленной и централизованной политикой, захватывающей и сферу культуры (таково, например, положение дел в странах третьего мира, включенных в интенсивные процессы модернизации, проводимой государством и т.п.). В этих случаях мы можем говорить о социальной гипертрофии какого-то одного из социальных институтов, подчиняющих себе и систему культурного воспроизводства в соответствии с иерархией целей социальной политики.

Схематику первого рода (а она предполагает систему представительства равнозначных групп интересов или институтов,

которое обеспечивается рыночной регуляцией) мы рассмотрим ниже. Сейчас же кратко остановимся на схемах второго рода.

Книжная система в этих случаях (мы, разумеется, несколько огрубляем фактическое состояние, поскольку стремимся представить те или иные варианты книжной культуры и ее развитие в идеально-типической форме; в реальности различные типы представлены все вместе, хотя их удельный вес будет различным в разных общественных системах, установить эти веса - дело уже конкретного социального анализа) построена по образцам либо выпуска учебной литературы (ситуация однократной или постоянной культурной революции), либо функционирования СМК, т.е. представляет собой систему распространения ограниченного числа названий (и, соответственно, форм книжного оформления, комментирования, подачи текста и т.п.) максимально широкому кругу читателей либо последовательно, либо одновременно всем. Отличие такой организации, например, от телевидения будет заключаться лишь в несколько большем интервале действия печатного текста в сравнении с визуальной информацией (временными единицами учета), а не принципом самого социального функционирования: одно значение всей аудитории сразу. Просто в этом случае "сразу" будет означать разные единицы социального времени, меру инерции социального действия. Иными словами, система средств массовых коммуникаций может быть построена на различных таксономических (хронологических или социально-пространственных) элементах, задающих масштабы циклов социального воспроизводства, репродукции основных узлов и функциональных звеньев системы: от интервалов в пределах суток (утренний, дневной и вечерний выпуск новостей или передачи и т.п.) до интервалов в пределах социетальных акций управления (в этом случае имеющих сугубо политико-идеологический характер, поскольку содержательно-информационный состав коммуникации становится здесь субститутутом культурной системы), долговременных политических кампаний, рассчитанных в физическом времени на срок не больший, чем два-три года (минимальные единицы макровремени социальных систем).

Соответственно этим временным интервалам меняется и социальное пространство воздействия: объемы "массовой" аудитории могут быть самыми различными, но характер ее конституции - формирование самим каналом воздействия - остается неизменным. Формы существования книжного изда-

ния соотносится поэтому либо с временным масштабом цикла функционирования социальных институтов, групп и т.п., либо (модель "учебная литература") с предыдущим состоянием общества, подлежащего просвещению и воспитанию. Примером книгоиздательской деятельности, приближающейся к режиму функционирования СМК, можно считать выпуск массовой просветительской литературы. Она не только рассчитана на определенный, весьма недолгий срок действия (после которого, например, резко возрастают объемы книготорговых "остатков"), но и чаще всего изготавливается в сроки, много меньшие, чем выпуск любой иной литературы (например, художественной, научной, справочно-энциклопедической, учебной и т.п.). Сроки или темпы выпуска подобной литературы - минимальны (в принципе они определяют скорость книгоиздания, вообще достижимую при данном уровне отраслевой технологии выпуска книги, поскольку подчинены действию и контролю или заказу чрезвычайно авторитетных и влиятельных институтов). В наших условиях эта скорость составляет от 3-4 дней до двух-трех месяцев, когда книга или брошюра издается в режиме "молния". Для сравнения можно указать 3-4 года для среднего цикла выпуска научной книги или 7-10 лет для выпуска энциклопедии. Понятно, что и технология и тиражи будут соответственно значительно отличаться от прочих видов книгоиздания: как правило, в самой семантике издания отсутствуют знаки "фундаментальности", "долговременности". Это издания в мягкой обложке или типа "пocketбук", бесшивной, клеевой брошюровки, ротационной печати, позволяющей сравнительно недорого производить массовые тиражи (от 100 до 300 тысяч экземпляров). Формат небольшой, допускается резкое, бросающееся в глаза оформление. Само издание, если это только не экспресс-выпуск выступлений государственных деятелей, носит обычно марки серийности (не только название серии, но и определенное единство ее оформления). Социальная формула подобного типа книгоиздания вполне укладывается в схему Г.Ласвелла: кто, кому, по какому каналу, с какой целью - поскольку здесь задан важнейший признак маскоммуникативности - синхронизация передачи коммуникатора одновременно многим реципиентам, не отличающимся друг от друга в характере восприятия передаваемой информации, т.е. аудитории, конституированной, сформированной самим актом обращения или передачи. Поэтому и срок действия подобной литературы весьма ограничен, он, в своем роде, одномоментен. Не случайно, что и в социальных образованиях, близких по духу к этому типу, например,

в массовых библиотеках, массовая политическая или учебная литература не хранится сколь-нибудь продолжительное время, тем более не накапливается: она списывается спустя определенное инструкцией время - примерно через 3-5 лет (для книг, предназначенных обеспечивать актуальные вопросы текущей политики) и через 10-12 лет для прочих.

Другим примером книгоиздания, соединяющим в себе признаки маскоммуникативности и учебной литературы, можно в определенном отношении считать "макулатурную серию", подробно рассмотренную в работах А.Г. Левинсона [2].

В отличие от них, издания типа специализированных энциклопедий, толковых словарей, академических трудов и монографий, "памятников" классических текстов, содержащих историю создания и рецепции основного текста и редакций, комментариев и проч., всегда имеют прогрессирующий и кумулятивный характер, но именно поэтому адресуются узким специалистам, незначительным по масштабу категориям читающей публики, главным образом тем, кто в состоянии удерживать весь объем точек зрения и интерпретаций данного комплекса проблем в их историческом развитии, т.е. группам, которые являются хранителями и создателями научной или культурной традиции и рефлексивной техники ее осмысления.

Таким образом, система книгоиздания в самом общем социальном смысле характеризуется не столько своим физическим объемом (хотя, конечно, и им тоже) - пространством социального взаимодействия, производимого посредством соответствующего текста, сколько функциональным многообразием форм и типов издания, конституирующих различные социальные связи и отношения, существующие только благодаря книге. Это не просто многообразие книжной культуры, предмет эстетического любования знатоков и ценителей; это прежде всего - многообразие смысловых структур социальных отношений, развитости групповой структуры общества, культивирования и рафинирования духа высококлассной специализации и творческой продуктивности, экономии социальных ресурсов, которая возможна только на основе развитой системы опосредующих социальных связей. Школьник может при необходимости сделать уроки, выучив заданное ему стихотворение по ПСС А.С.Пушкина, с таким же эффектом, как и по книжкам издательства "Малыш" или "Детская литература". Но эта симметрия невозможна в отношении самых подготовленных категорий читателей: для историка литературы или текстолога нужны иные формы. Иными словами, система кни-

гоиздания характеризуется не только величиной многообразия книгоиздательского "ассортимента" (числом названий выпущенных книг), отражающей круг вопросов, волнующих общество, не только мощностью ее, выражающейся в совокупной массе тиражей, обеспечивающих общие массивы включения в книжную культуру, но и многообразием типов издания, т.е. разнообразием читательской адресации, типов социальных групп, включенных в письменную культуру, воспроизводимую и обеспечиваемую путем издания соответствующих текстов в соответствующей форме. Именно динамика типов издания свидетельствует о характере социального воспроизводства культуры и общества в целом: идет ли речь о простом воспроизводстве структуры потребления письменной культуры, обеспечиваемом многократным переизданием текста для новых поколений, или о кумулятивном развитии, т.е. об усложнении социально-культурной структуры, расширении групповой, институциональной или ролевой номенклатуры общества, выражающейся в появлении новых форм воспроизводимого текста (расширенного комментария, текста с вариантами, или напротив, адаптированного для ускоренной социализации подрастающего поколения или включения групп и контингентов, бывших вне сферы действия данной письменной культуры, - например, иностранцев т.п.) и передачи "старой" формы текста от прежних держателей к другим группам, функционально и культурно зависящим от них.

Само по себе количество наименований уже служит хорошей характеристикой национальной книгоиздательской деятельности или какого-то периода книгоиздания, позволяя сравнивать и анализировать специфику книжного обращения в той или иной стране. Но одного этого показателя явно недостаточно, ибо большое число названий может скрывать за собой бедность коммуникативной структуры, однозначность читательской адресации. Так, например, в среднем при более высоком числе названий книг, издаваемых на всем протяжении 30-х годов в сравнении с 20-ми, 40-45% приходилось на агитпроповскую и массовую политическую литературу, главным образом - брошюры, при сокращении и доли, и типов издаваемой художественной, философской, медицинской и даже детской литературы.

Таким образом, с социологической точки зрения структура книгоиздания отражает или сохраняет особенности социокультурной структуры общества, прежде всего - пространственно-временные характеристики социальной организации (групповой и институциональной структуры), накладывая

свои особые ограничения и на порядок индивидуального поведения. Эти особенности, разумеется, можно проследить и на собственно текстовом уровне, т.е. в доминировании тех или иных жанров, поэтики, типов героев, тематики и т.п. короче, на всех уровнях литературной культуры (но подобное изменение плана анализа требует иных исследовательских средств - техники и средств социологии литературы). Собственно, иначе и быть не может, поскольку книга, ее выпуск - с предложенной точки зрения - не просто "вещь", "произведение" или "текст", существующий сам по себе в пространстве культуры, а своеобразное воплощение или обеспечение определенных социальных или культурных взаимодействий, устойчиво повторяющихся на разных уровнях организации общественной жизни. Поэтому следуя предлагаемой логике рассмотрения, мы можем фиксировать временные аспекты и размерности социального действия, воплощенного в данном типе издания, его пространственные характеристики (масштаб "территориальности" социального коммуникативного взаимодействия, исходя из оценки его тиража, т.е. объема его группы читателей, языкового пространства конкретного текста и т.п.), механизмы селекции (какой характер взаимодействия создают формы данного издания: открытый, предполагающий любого читателя, или закрытый, предназначенный лишь определенным формализованным группам потребителей), иерархию соподчинений коммуникатора и реципиента или, напротив, их равенство в отношении порядка социальных статусов и проч.

Все значимые элементы конституции социального взаимодействия, воспроизводимого в форме того или иного издания, представлены в различных характеристиках книги, ее вещном оформлении, дизайне, наличии справочного аппарата, библиографии известного вида и объема, предисловии, словаре, указателях, иллюстрациях и т.п. вплоть до наличия фонетических знаков произнесения (ударений, транскрипций, пояснений для произношения).

Полная социологическая каталогизация подобных элементов - дело будущего. Сейчас же мы попробуем рассмотреть их на материале издания научной книги. В таком качестве взяты различные издания работ Макса Вебера (1864-1920) - одного из классиков социологии. Иностранное имя дает нам возможность представить не только более широкий спектр видов издания в сравнении с современными отечественными формами, предложить вниманию читателя отсутствующие у нас формы научной книги, но и проанализировать характер изданий переводов, а также книжные формы комментатор-

ской работы, дополнительные по отношению к основному корпусу текстов. Работы М.Вебера, привлекаемые к рассмотрению, в данном случае значимы не своей содержательной стороной, а лишь, повторяем, как материал для анализа. Выбрано, прежде всего, такое имя ученого, исследователя, чьи идеи не только сохранили всю полноту своей продуктивности и в точном смысле - глубокомыслия, но и дали сравнительно недавно взрыв нового интереса в немецкой, а теперь и в мировой науке (часто называемый "веберовским ренессансом"). Для нас же это важно постольку, поскольку мысли этого социолога находили признание на протяжении длительного времени - с начала 90-х годов прошлого века по настоящее время, что дает возможность проследить характер изменений в длительной перспективе, т.е. фиксировать фазы социальной репродукции в специальных областях культуры, в данном случае - в науке. После описания веберовских изданий и изданий по поводу них, мы перейдем к описанию форм и типов изданий художественной литературы.

II

Итак, Макс Вебер, социолог хозяйства, религии, политических структур и социальных движений, искусства, культуры, методолог и теоретик социального знания. Большая часть веберовских работ первоначально выходила в различных специальных научных или научно-популярных журналах, в редакционной работе части которых он принимал непосредственное участие. По крайней мере, некоторые основные положения будущих работ появлялись именно в виде статей более или менее значительного объема (от 2 до 6 п.л.). Это были преимущественно журналы, имевшие либо международный авторитет или просто даже международные издания (например, "Логос", международный журнал по философии культуры, выходивший на нескольких языках, в том числе и на русском). Иными словами, первоначальный круг его читателей задан аудиторией специального научного журнала, формирующего сообщество ученых, озабоченных актуальными проблемами своей области познания. Социальные образования этого рода - именно "сообщества" в старом смысле слова (в отличие от иерархической державности "государства", "ведомства", или любого типа "бюрократии", представляющих собой структуры распределения власти), автономные объединения (редко формализованные уставом и членством, но все же иногда встречающиеся, например, Немецкое социологиче-

ское общество) индивидов, основанные на взаимном интересе (в данном случае - когнитивном, познавательном) и соответствующих ценностях. Устойчивое единство равноправных участников познавательного процесса, концентрирующихся вокруг журнала, можно назвать немецким словом "Gesellschaft", или, если брать английский вариант, "society" (русское слово "общество" в современном употреблении утратило прежние значения, и понятие требует соответствующего уточнения: например, "Московское математическое общество". Ближе к нему стоит "слово" "товарищество", однако оно сохраняет лишь торговые значения этого понятия). Это сообщество в том смысле, что вступление в него не ограничено практически никакими рамками, кроме интереса к предмету и собственными достижениями, оно не иерархично, ибо престиж и авторитет определяются здесь интеллектуальными заслугами, а не родовитостью, преданностью или богатством, как в других типах социальных образований (связи, возникающие здесь не носят аскриптивный характер, т.е. роли участников взаимодействия не предписаны индивиду с рождения, как аристократическая знатность, пол, национальность и проч.).

Поскольку речь в данном случае идет о международном научном сообществе, а не национальном, то оно даже более свободно и открыто, чем национальное, поскольку не связано с никакими внешними по отношению к научной сфере контролирующими или патронирующими ведомствами, назначающими тем или иным представителям сообщества звания и титулатуру (главным образом, конечно, преподавательскому корпусу, играющему государственную роль). Научная аудитория журнала, в отличие от аудитории других форм книжной культуры, консолидируется значимостью актуального производства знания, т.е. картиной научного развития, современной самой публикации, движению идей, синхронному динамике сообщества. Эта картина воплощается всеми разделами научного журнала - от общего раздела, представляющего постановочные теоретические или методологические статьи, раздела, знакомящего с конкретными частными разработками и изложением промежуточных фаз исследований; дискуссионными отделами, где обсуждаются выдвигаемые положения и оцениваются результаты, подтверждающие или опровергающие выдвинутые тезисы, и кончая критикой и библиографией, рецензионными страницами. Идея настоящего, синхронности картины мира, отражаемой научными разработками - это главное, что отличает журнал от монографии или сбор-

ника, содержащего итог работы, индивидуальной или коллективной и тематической.

Можно сказать, что научное развитие или движение меряется именно журнальными публикациями, это и есть время науки в его событийных членениях, ибо монография дает иную структуру научного знания - систематическую и историческую. Она содержит историю вопроса, обзор возможных или конкурирующих точек зрения на природу обсуждаемого предмета и лишь затем дает изложение собственной позиции автора, её защиту и обоснование, а также перспективы и планы дальнейшей разработки проблематики. Иными словами, монография в идеале воспроизводит структуру самого научного сообщества в специфической фазе движения научных парадигм: включение систематически оформленного и разработанного этапа в общий фонд имеющегося научного знания, согласование выдвинутых положений со всеми прочими представлениями. Для наших задач в данном случае неважно то обстоятельство, как будет достигнуто подобное согласование: через фальсификацию ранее имевшихся положений и концепций или путем снятия существующих разногласий посредством выдвижения общей теории, более широкой системы координат, в которую прежние теории впишутся на правах частных случаев (если, разумеется, они не оказываются абсолютно неверными). Дискуссионному состоянию соответствует и весь аппарат ссылок на другие работы и источники, изложение методики анализа и методологических принципов, делающих возможным проверку хода исследовательской работы и консистентности предпринимаемых заключений и выводов, непротиворечивости в отношении указываемых базовых аксиом и допущений. Сфера догматического в научной монографии, по идее, редуцирована до минимума, до функциональности "самоочевидного", т.е. социально санкционированного мнения о природе сущего. Именно эта, "внешняя" по отношению к проблематике текущего производства знания, сфера максимально защищена социальными нормами, являющимися соединительными элементами внутренней кухни науки и ее общекультурного контекста, и наименее обсуждаема в отличие от процедурно-методологической стороны, представляющей наиболее свободной и обсуждаемой. Хотя как раз последние обстоятельства (наряду с полученными результатами) и поддежат чаще всего публикации в журнале.

Большая часть научной продукции М.Вебера при его жизни опубликована именно в виде журнальных статей (хотя иногда они затем выходили в виде книг - "Город", "Протестан-

тская этика" и др.). Лишь в конце жизни он предпринял специальные шаги к систематизации работы. Итогом ее стали тематические собрания сочинений, опубликованные уже его женой - Марианной Вебер: работы по социологии религии, "Хозяйство и общество" и другие. Именно в этот период перед ним встали задачи построения принципиально новой социологии как эмпирической науки о культуре, но реализовать этот проект полностью он не успел. Даже гигантская тысячеязычная работа "Хозяйство и общество: Очерк понимающей социологии" появилась в 1921 г. как фрагмент и спецвыпуск журнала. И лишь через год появилось новое расширенное и переработанное издание, которое легло в основу всех последующих. Дальнейшие издания фактически лишь отчасти наращивали комментарии, сохраняя всю структуру работы, указатели и т.п., фотомеханически воспроизводя основной текст или лишь очень незначительно изменяя его (новая нумерация страниц, при сохранении старой, добавление "Рациональных и социологических оснований музыки" и т.п.).

Большая часть этих новых изданий выходила в одном и том же издательстве: Й.К.Мор (Пауль Зибек), Тюбинген. Это всякий раз идентично воспроизводящееся очень солидное издание в твердом темно-синем переплете, с тусклым золотым шрифтом обложки, с суперобложкой (исключением является издание 1964 г. в двух томах, но в мягкой обложке, подготовленное издательством "Kiepenheuer & Witsch", с иным оформлением). Графика названия и шрифта сохраняется с веберовских времен, т.е. с 10-20-х годов. Торговая марка издательства удостоверяет академичность и фундаментальность данного издания уже самим возрастом существования фирмы, весьма почтенным: дата основания, включенная в рамку наряду с геральдическим зверем и латинским девизом, указывает на 1801 г. Репутация этого небольшого издательства, специализирующегося на выпуске философской и научной литературы, сама по себе уже гарантирует качество издания, его полноту и надежность, тщательность подготовки текста. Выходящие в нем публикации М.Вебера были подготовлены специалистами самого высокого класса, держателями (не владельцами, а именно исследователями) веберовского архива или руководителями курсов, семинаров по изучению веберовского наследия, как например, Й.Винкельман, который является руководителем Института Макса Вебера (архива) в Мюнхене. Винкельман и по настоящее время является самым авторитетным комментатором и издателем работ Вебера, автором статей о нем, об истории разработки им тех или иных проблемных

блоков. После публикаций Марианны Вебер, которая тоже была видным историком, его издания Вебера являются эталонными. В этом же издательстве выходят и наиболее солидные и глубокие академические и аналитические работы о Вебере, монографии или сборники статей. Клапаны их суперобложек всегда содержат информацию о выходе, допечатке или подготовке к переизданию других веберовских трудов, собраний сочинений или работ о нем, сопровождаемую отзывами об этих изданиях крупнейших специалистов или авторитетных научных журналов. При этом отзывы приводятся не в виде анонимных издательских аннотаций (как это имеет место у нас), т.е. рекомендаций тиражирующего института, а отдельными подписными цитатами, удостоверяющими подлинность и авторитетность личным характером высказывания (редко - групповым). Кроме того (что, правда, бывает не всегда) в приводимых описаниях объявленного или рекламируемого таким образом издания указывается цена, весьма высокая по нормам книжного рынка. Иными словами, книжная продукция этого издательства - эталон для других публикаций. Никаких завитушек, ничего лишнего, солидность и добротность, основательность, академичность в самом лучшем смысле слова. В этом издательстве вышли и неоднократно переиздавались все основные труды Вебера, повторяя по характеру оформления и аппарату, типу издания первые посмертные публикации. Этот тип издания примерно соответствует изданию работ других ученых и философов такого же класса. Например, так издается "Гуссерлиана", предпринятая по решению ЮНЕСКО (в этой серии вышли не только все основные труды Э.Гуссерля, но и в дальнейшем - его черновики, варианты, рукописи и наброски, кроме того, продолжая единую нумерацию и оформление, выходят наиболее значительные работы по феноменологии комментаторов и аналитиков, в том числе и критиков, Гуссерля, вышло уже более полусотни томов).

Издания подобного типа в первую очередь адресованы самому академическому сообществу, но не в качестве итоговой публикации большого исследования или книги из потока текущей литературы, а в качестве золотого фонда истории науки, ее классики, эталонов эдиционной работы по подготовке основного научного текста. Поэтому столь значителен и объем здесь справочный и комментаторский раздел, так велики и подробны указатели (например, только предметный указа-

* Систематический и предметный указатели в научных изданиях у нас в стране чаще всего отсутствуют, заменяясь именными: наука представляется авторитетом первооткрывателя или создателя.

тель к "Хозяйству и обществу" составляет 67 страниц большого формата - 26x18 см). * Все описанные семантические признаки оформления и текстологической подготовки указывают на длительный срок и характер действия издания, предельный по своему издательскому назначению. Здесь важна не только добротность и качество издания, но и полиграфический характер воспроизводства текста, его "исторические", чуть ли не "музейные" признаки: старомодная графика шрифта, сохранение изначальной пагинации, сорта бумаги и т.п. Переиздания предпринимаются не только в связи с исчерпанием на рынке, но и в связи с цикличностью или фазами воспроизводства объемов самого академического сообщества в данной дисциплине. Тираж небольшой, не больше 2-3 тысяч экземпляров, но как правило, не указан, поскольку действует механизм допечатки, а во-вторых это "не принято": обычно сведения по объемам тиража - по заводам - указываются только в крупнотиражных массовых изданиях, когда цифра расходящегося издания сама по себе становится рекламой популярности бестселлера, т.е. стимулом дальнейшего спроса - эффект моды, заражения, статусного подражания. Короче, нормы данного типа издания содержат элементы дистанцированности от рекомендаций массового спроса и потребления, а также - соответствующих авторитетов.

Интересно отметить, что вариант единого собрания сочинений, тем более - полного или академического (типа принятых у нас) - вещь гораздо более редкая в западном книгоиздании. Оно характеризует очень высокий статус автора в национальной или мировой культуре, статус мирового классика. М.Вебер получил единое собрание сочинений, хотя и не полное, лишь в конце 70-х годов (предприятие это еще не закончено).

Наряду с упомянутым выше типом "тематических" сборников сочинений (всего их 5: по наукоучению, политических, по социальной и экономической истории, по социологии и социальной политике - однотомники весьма значительного объема, примерно по 600 с лишним страниц, подготовленные Марианной Вебер, и 3 тома по социологии религии - также в целом 1416 страниц) существует еще целый ряд изданий, предназначенных для иных категорий публики. Это прежде всего издания типа "Studienausgabe" - учебные издания преимущественно для аспирантов и студентов. Они выходят в том же издательстве (как, например, "Хозяйство и общество" в 1964 г. и 1972 г., 5 изд.), но в мягкой обложке иного, менее "солидного" тона - светло-желтоватого, или красного, общего для всей

серии "UTB" (о которой речь пойдет чуть ниже) и иного формата. Публикации этого типа практически ничем не отличаются от описанных выше (издание "Хозяйства и общества" представляет собой фотомеханическое воспроизведение 4 изд., но без приложения веберовского исследования о музыке. Оно на 45% дешевле основного издания этого же рода).

Существенно чаще отдельные небольшие работы или главы выходят в серии УТБ, издаваемой объединением 15 научных издательств, в которое входит и "Й.К.Б.Мор (Пауль Зибек)". "Объединение карманных книг" (так раскрывается аббревиатура) выпускает значительную часть всей немецкой научной и философской продукции. Здесь выходили важнейшие работы В.Изера, Х.Р.Яусса, К.О.Апеля и других лидеров современной науки, материалы симпозиумов и конференций. Как и научные серии других издательств (например, издательства "Фишер") это форма "покетбук", мягкая обложка, убористый шрифт, текст набран почти без полей или с очень небольшими полями, весьма лаконичен и экономичен по своей графике. В данной серии из работ М.Вебера выходили "Основные социологические понятия" (Гл. I из "Хозяйства и общества", имеющая общетеоретическое значение. Впервые опубликована в виде журнальной статьи в "Logos", 1913 г. (Vd. IV, s. 253-294), вышло не менее 5 изданий), "Рациональные и социологические основания музыки" и некоторые другие. Реферат на задней обложке содержит историю работы и характеристику данного издания (кем подготовлена, когда впервые была издана, кому предназначена и проч.). Но в отличие от собственно академических изданий, о которых речь шла выше, данная публикация анонимна, т.е. представляется как бы самим издательством (что сближает данный тип научного издания с нашими научными публикациями, которые удостоверяются либо научным институтом, представляющим данную работу, либо научным издательством). Иными словами, представление и рекомендация издания носит институциональный характер, а стало быть - направлены, главным образом, "внешним" категориям специалистов или публики. Последние страницы книги отведены под объявления о выходящих или недавно вышедших изданиях М.Вебера в издательстве Й.К.Б.Мор (Пауль Зибек) - дается полное библиографическое описание с характеристикой подготовки текста, указанием редактора, издателя или комментатора, а также цены. В ряде случаев указываются также и другие монографии о М.Вебере, выходящие в этом издательстве, либо в серии "УТБ" (например, в этой серии вышла монография Й.Вайса. Основания социологии Макса Вебера. Мюнхен, 1975).

Выпуски объединения "УТБ", как и ряда других издательств, пронумерованы по сериям (так, описанная выше публикация Гл. I "Основные социологические понятия" имеет порядковый номер 541 в серии "Социология"), что предельно облегчает заказ книги и учет ее расходимости, а кроме того дает возможность ознакомиться со всем объемом книг этой серии, вышедших в издательстве за последние годы - обстоятельства, которые мы хотели бы подчеркнуть в этом и в других случаях при описании форм книгоиздания. Такого рода информация представляет актуальное состояние литературы данного профиля, выпускаемой издательством. Например, крупное издательство "Фишер", в изданиях с мягкой обложкой, соответственно, в изданиях с большим тиражом (т.е. предназначенных публике, не пользующейся каналами специальной информации - библиографическими бюллетенями или информацией о новой литературе в специальных журналах) отводит последние 7-10 страниц под информацию о новых книгах, сопровождая (после завершения основного текста) ее следующим приглашением: *"Пожалуйста, полистайте эти страницы: мы информируем Вас о ближайших карманных книгах издательства "Фишер", которые могут Вас заинтересовать"*. И далее идет по сериям или областям знания библиографическая информация, включающая цену, о книгах или собраниях сочинений отдельных исследователей или философов, примерно по 10-20 названий в каждом разделе, но при сохранении единой нумерации или нумерации внутри серий.

Подобные карманные издания, сохраняющие единое оформление и формат, но самого разного объема - от нескольких десятков до нескольких сотен страниц, со всей попутной дополнительной информацией предназначены более широкому, чем собственно академическое сообщество, кругу читателей - студентов, специалистов в смежных областях, заинтересованным лицам, не занимающимся научной деятельностью или не полностью включенным в проблематику данной дисциплины или сферы знания. Недорогие и не рассчитанные на длительное время пользования эти издания предназначены для того, чтобы максимально облегчить доступ к фундаментальным текстам культуры людей, не являющимся носителями ее в данной области, но заинтересованным в расширении своего интеллектуального горизонта. Предельно уважительное отношение к субъекту пользования подобной книгой выражается в предоставлении ему по возможности полной информации, готовности бесплатно или за незначительную цену предоставить ему всю информацию по издательским делам в этой области,

но в то же время без всякой фетишизации самого характера книги (отношение к ней предельно рационализировано и утилитарно, можно сказать - инструментально). Последнее обстоятельство чрезвычайно интересно: оно свидетельствует о развитой книжной культуре, отсутствии дидактики и контроля над читателем, ненавязчивости, стремлении предоставить в случае необходимости разные варианты текста и издания, сориентировать читателя в широкой области знаний, а также вывести его на другие виды литературы, т.е. стимулировать его читательский и научный спрос. Фишеровские серии, в отличие от изданий "УТБ", предназначенных все же специалистам, хотя и более широкого профиля, чем представители лишь данной области знания, рассчитаны на сравнительно широкие круги "образованных", интеллигенцию или интеллектуалов, желающих быть в курсе идей или основных концепций ведущих философов или мыслителей, ученых "нашего" времени. Эти издания краткосрочны, они адресованы именно сегодняшней публике и ее интересам, т.е. глубина воспроизводства социальных отношений (в культурном времени) относительно не велика и вряд ли больше одного цикла воспроизводства.

По своему функциональному значению, это среда "рецепторов", усваивающих в широком объеме новые культурные смыслы, идеи и ценности, вырабатываемые творческой и продуктивной элитой (интеллектуальной, научной и т.п.). Эти крути - носители и создатели "общественного мнения" - должны быть ознакомлены в более или менее достаточном объеме с некоторыми (отнюдь не самыми значительными и фундаментальными по характеру разработки темы и сравнительно небольшими по объему) работами, доступными широкой публике по типу изложения, но все же сохраняющими принципиальную суть того или иного учения и концепции. Состав авторов при этом ограничен самими признанными в академической среде именами, более того - это авторы, идеи которых уже длительное время популяризуются тем или иным образом, вокруг которых уже сложился ореол учителей и мудрецов. Таковы, скажем, публикации в этой серии Фрейда, Юнга, Хоркхаймера или Адорно. Так томик М.Хоркхаймера в серии "Книги знания" издательства "Фишер" (№6015) содержит всего лишь 4 его эссе, дающих некоторое представление о характере его идей в целом: "Традиционная и критическая теория", "Материализм и метафизика", "Эгоизм и движение свободы", "Авторитет и семья". Другой томик его работ (№6540) представляет речи и доклады 1930-72 гг. Как правило подобные

выпуски сопровождаются каноническими портретами авторов, что уже одно говорит о характере издания - необходимость персонификации значима лишь для публики, конституированной совершенно иными механизмами и ценностями, нежели научные. Здесь важны даже небольшие элементы (поскольку существует общий стандарт их или канон) аффектированных и эмоциональных связей, физиогномическая информация, позволяющая возникнуть персонифицируемым отношениям, в чем-то отдаленно напоминающим связь между "звездой" и ее поклонниками, создаваемую средствами массовой культуры и СМК, особенно иллюстрированными журналами.

Характер серии и подбор произведений в них задают отношения, в определенном смысле отличные от отношений равноправных партнеров, существующих между членами академического сообщества. Способ организации текстов, сериальный принцип издания указывает на то, что имеет место передача образцов культуры с высоких ее уровней группе рецепторов, использующих это знание и образцы. Понятно, что в процессе подобной передачи совершается отбор, препарирование и известное упрощение культурных образцов и их интерпретаций, но лишь в таком именно, адаптированном виде они могут быть используемыми в социальном обиходе, т.е. быть включенными в последующие отношения данной группы, или социальной категории, со всеми прочими группами, являющимися в социологическом смысле исполнительской периферией. Социальная роль этой группы репродукторов, ее функциональное значение в жизнедеятельности всего общественного целого заключается в том, что она осуществляет экстенсивное распространение некоторых новых образцов, вырабатываемых творческой элитой, в неинновационных средах, транслируя тем самым импульс динамического развития, адаптируя и пуская в общий оборот новые смыслы, идеи, технические изобретения "разменной мелочью" повседневной публицистики, просвещения, социальной работы, текучкой рядовых событий искусства, культуры, СМК, бытовой технологией. Именно эти круги, сами не будучи креативными, творческими, создают определенную интеллектуальную, нравственную и идейную атмосферу образованного общества, а также, что не менее значимо в определенных аспектах, - социализируют новые поколения. Например, поскольку в учебниках для средних школ и гимназий ФРГ соответствующие разделы отведены краткому ознакомлению учащихся с концепциями основных немецких ученых, философов, социологов, политических мыслителей, в частности, с некоторы-

ми положениями веберовской концепции бюрократии, рационализации как судьбы западной культуры и т.п., то издания типа "Фишер" или "УТБ" должны обеспечить преподавателей соответствующим сведениями и текстами. Эти концепции, идеи, тексты, подчеркнем еще раз, получили свою апробацию в качестве национального фонда культуры, науки, интеллектуальных проектов и идеологических учений. Поэтому и подача их в изданиях подобного "фишеровскому" типа носит, при всей сравнительной широте информации, достаточно нормативный или суггестивный характер, не предполагающий самостоятельной критико-аналитической работы, хотя, поскольку приведены сведения о первоисточниках, допускающий последующее, более глубокое знакомство с основными текстами или текстами иного критического рода.

От изданий такого типа следует отличать сравнительно недорогие книги для специалистов в мягких обложках. Таковы, например, том "Социология права Макса Вебера", вышедший несколькими изданиями в издательстве "Luchterhand" (серия "Социологические тексты", вып. 2; 1-изд. - 1960 г.). Хотя эта книга и карманного формата (как и вся серия), но ее объем весьма существенен: 453 страницы, что значительно превышает средний объем томов упомянутой серии издательства "Фишер" (100-200 страниц) или "УТБ". Данное издание отличается также наличием предисловия издателей-редакторов, ведущего специалиста (Й. Винкельмана), излагающего историю разработки проблематики, особенности интерпретации тех или иных сложных вопросов, принципы издания и т.п., поскольку в данном случае речь идет среди прочего и о публикации рукописей или журнальных вариантов и статей. Кроме того, том сопровождается обширными предметными и именные указатели, большой по объему тематический библиографический раздел, критико-текстологические комментарии. (Характерно, что при этом указывается, что издательские права на тексты работ М. Вебера принадлежат издательству Й. К. Б. Мор (Пауль Зибек)). Общий объем справочного аппарата в данном издании составляет свыше трети всего объема книги. Клапана суперобложки содержат цитаты из отзывов и рецензий ведущих научных и специализированных журналов о значении работ Вебера в данной области, характере подготовки и публикации текста. Заднюю обложку занимает портрет М. Вебера, лишенный хрестоматийных черт. Напротив, снимок передает впечатление о человеке, находящемся то ли в болезненном состоянии, то ли в состоянии тяжелого и мучительного раздумья.

Надо сказать, что издания подобного типа воспроизводят этику научной работы - "этику ответственности", если пользоваться словами Вебера, сами принципы науки как "организованного скептицизма", поскольку дают возможность благодаря и большому справочному аппарату, и соответствующей библиографии не принимать на веру те или иные суждения и интерпретации, а проверить их или выработать свое собственное понимание. Иными словами, оно адресовано специалистам-социологам, профессионалам, не занятым непосредственно анализом и изучением веберовского наследия. Вид этого тома - сугубо утилитарный и рабочий. Это относится и ко всей серии, представляющей собой рабочую библиотечку или профессиональный, дисциплинарный фонд основных текстов специалиста. К настоящему времени она насчитывает свыше 250 томов.

Чтобы типологически закончить рассмотрение форм издания научной классики, укажем еще на одну форму издания, по своему весьма значительную: публикации издательства "Alfred Kröner" "Макс Вебер". Социология. Исторические анализы и исследования. Политика" (мы описываем 4-е улучшенное и заново проверенное издание 1968 г. с введением Э.Баумгартена, также весьма авторитетного комментатора и знатока текстов М.Вебера, и комментариями Й.Винкельмана).

Особенность этой книжной формы заключается в том, что данный том работ М.Вебера предназначен для того, чтобы ознакомить с главными идеями ученого, основным кругом его тем в социально-политическом плане. Это своего рода небольшой компендиум или хрестоматия по Веберу, можно сказать - его научный, исторический и культурный портрет, составленный из отдельных работ и фрагментов. Высокое качество подготовки издания, тщательный отбор текстов, произведенный ведущими специалистами по М.Веберу, большой комментарий, но уже не текстологического или историко-социологического и теоретического порядка, а реальный, культурно-исторический (в духе "истории времени") указывает на характер аудитории данного издания. Оно предназначено не специалистам, не исследователям (хотя бы даже и в смежных с социологией областях знания), а обеспеченным и широкообразованным людям не-научного круга. Книга содержит подробную хронологию жизни и работы ученого, библиографию его работ и о нем, включая иностранные (для тех, кто за границей хочет познакомиться с интеллектуальным образом М.Вебера, читать его на языке оригинала, но интерпретационную и дополнительную литературу изучать уже на своем), реальный и

энциклопедический комментарий широкого профиля, именной и предметный указатели. Справочно-комментаторское приложение вместе с предисловиями издателя ко всем четырем изданиям и введением Э.Баумгартена занимает также достаточно большой объем (свыше 20% общего объема книги). Фотография на фронтиспise - это снимок не самого исследователя, а его скульптурного портрета (семантический эквивалент помещения Вебера в "галерею славы" или "пантеон" культуры и науки). Издание только в твердом переплете, но с солидной, трехцветной, хотя и неяркой, суперобложкой, на клапанах которой - подробная издательская аннотация, вводящая фигуру Вебера в круг имен мировой культуры, указывающая его ранг и статус в науке, а также его место среди знаменитых собратьев - художников, политиков, философов и т.п. Здесь же отмечается характер и степень распространения идей Вебера в англоязычном мире и лишь после этого - содержательные особенности данного тома. Издания этого рода в издательстве "Кренер" - серийны: веберовский том имеет порядковый номер 229. Нижняя сторона суперобложки содержит набранный очень мелким шрифтом алфавитный список примерно 150 выпусков этой серии, включающей звезд мировой культуры от Эсхила до Шиллера (Г.Вильперт. Хроника Шиллера), а также ставшие знаменитыми монографии исторического или искусствоведческого плана (например, среди них четыре тома Я.Буркхардта), работы биологов (Ч.Дарвина, к примеру), философов (от досократиков до Ницше), культурологов (И.Хейзинги и др.), словари и энциклопедии, в том числе и историко-географические и прочие (16 наименований), сборник конституций Европы, тексты радиолекций, по самым различным областям - от дорожного движения до футурологии и проч. Иными словами, эти выпуски предназначены стать частью или может быть основой домашней библиотеки мировой классики и современности в самых разных областях знания и культуры, солидной, очень добротной подготовленной, хотя и имеющей небольшой - близкий к карманному формат. Изящные и недорогие томики должны составить энциклопедически представленную культурную реальность и кругозор обеспеченного человека по всем отраслям знания (главным образом - гуманитарного). Адресат этого типа издания - "культурный человек" (Kulturmensch) в немецком смысле, или "джентльмен", но не специалист (т.е. не "Fachmann").

Круг и типы потребительской вторичной литературы о Вебере существенно уже и беднее по своему разнообразию. Очень грубо их можно разбить на три типа в соответствии с

предназначенными им видами изданий, хотя, конечно, эти группы в реальности могут частично и пересекаться. Это издания высокоавторитетных специалистов по истории, теории и методологии социального знания, для которых работы самого Вебера - материал для дальнейшей проработки выдвинутых им проблем, представляющихся центральными для развития дисциплины в целом. Это передний край теоретической мысли, за которым зона неопределенности, подлежащая в будущем осмыслению. "Вебер" здесь лишь форма выдвижения проблематики в специфичности индивидуального исследователя, личностная форма порождения знания и его проблематизации. В качестве примера подобного издания можно привести монографию В.Шлюхтера "Развитие западного рационализма: Анализ истории общества Максом Вебером", вышедшую в издательстве Й.К.Б.Мор (Пауль Зибек) в 1979 г. Это типичная аналитическая работа с высоким уровнем теоретической и методологической рефлексии, развитым научным аппаратом сносок, библиографией и указателями (сноски - это и есть форма учета "значимого другого", обобщенного носителя норм и ценностей референтной группы, когнитивного партнера по взаимодействию, внутренне скептического, антидогматического и аккуратного участника "производства нового знания", не позволяющего принимать высказанные утверждения на веру; это условие или готовность к проверке, контролю производимых умозаключений и методологических принципов, выводов на основе данных аксиоматических положений, надежности эмпирических источников.): Академичность и солидность монографии с "внешней" точки зрения удостоверена полиграфически: твердым переплетом, фирменными признаками издательства, сдержанным и лаконичным шрифтом, цветом светло-желтой суперобложки (при темно-зеленом ледериновом переплете), таким же, что и цвет изданий сочинений самого Вебера, но в варианте "Штудиенаусгабе". Иными словами, издание сохраняет семантические признаки единства определенной книжной культуры, свойственной академическому сообществу. На клапанах суперобложки - сжатая издательская аннотация, характеризующая основные вопросы монографии и их трактовку в поле современной проблематики социологии. Адресат монографии - академический, сравнительно узкий, высокопрофессиональный состав теоретиков социологии. Выходу этой работы предшествовал ряд статей автора, разрабатывающего темы, систематически представленные в книге. Статьи вышли в различных профессиональных журналах, так что сообщество было уже проинформиро-

вано о характере подхода и основных узлах интерпретации, методологии автора и его взглядах, но теперь встречает уже полностью развитую систему аргументации и анализа.

Академическому сообществу может быть адресовано и сравнительно небольшая законченная работа (приближающаяся к объему большой журнальной статьи, но имеющая самостоятельное значение). Примером здесь может быть публикация уже упоминавшегося Й. Винкельмана "Общество и государство в понимающей социологии Макса Вебера" (всего 52 страницы), вышедшая в столь же почтенном и авторитетном издательстве "Дункер и Гумбольдт" (Берлин). Внешне это издание содержит все признаки квалификации, что и издания "Й. К. Б. Мор (Пауль Зибек)", с такой же цитацией профессиональных журналов, с извещением об издании работ самого Вебера и о нем.

Другим типом вторичной литературы, адресованной гораздо более широкому кругу профессионалов, можно считать издания, собирающие в научных журналах или авторских избранных работах статьи или определенные главы, объединенные темой, но отличающиеся методологическим или теоретическим подходом, принципами интерпретации, ценностными установками и т.п. Задача подобных изданий - дать целостное представление о существующем диапазоне различных точек зрения на обсуждаемый комплекс вопросов или предмет, но не просто любых участников, а наиболее авторитетных представителей различных течений и специалистов в своей области. Приведем пример такого рода издания. Это том, подготовленный Д. Кеслером в связи с разгоревшейся дискуссией о теоретическом значении М. Вебера, возможности использовать его концептуальные ходы и решения для осмысления некоторых кардинальных проблем современной социологии, преодоления позитивистского понимания социальных наук, готовности современной социологии к усвоению Вебера и анализу некоторых сфер социальной жизни. Сборник называется "Макс Вебер. Его творчество и его воздействие" и рассчитан на профессионалов-социологов, но неспециалистов в области истории или методологии социологии. По идее, он должен дать работающему специалисту набор текстов, в которых изложена не только определенная квинтэссенция анализа какой-то предметной сферы (проблематика рациональности, политической социологии, социологии религии и т.п.), но и само изложение ее должно вестись как интерпретация концепции М. Вебера либо полемика с ним. Изложение тематики ведется с различных социально-философских и социологических по-

зиций (здесь представлены и сторонники Франкфуртской школы, и позитивисты, и защитники феноменологической социологии и т.п.), а также собраны работы исследователей, относящихся к разным поколениям (от поколения 40-х годов - К.Левит, Э.Фегелин, Г.Маркузе до молодых исследователей, начавших в конце 60-х - Т.Лукман и др.). Таким образом, дана не просто цепочка именитых мыслителей и историков (как, например, Ю.Хабермас или В.Й.Моммзен), но и продемонстрировано развитие, трансформация дисциплинарных представлений и стандартов. Иными словами, подобные собрания текстов должны обеспечить рядового исследователя набором элементов или образцов работы высшего уровня, предоставить в его распоряжение эталоны дисциплинарной культуры, способов и техники анализа, а вместе с тем - сделать более гибким и многообразным модельный состав и когнитивный каркас профессиональной работы, дисциплины в целом. Поэтому сборник (он вышел в 1972 г. в Мюнхене) лишен каких бы то ни было признаков солидности и культивируемости книжного оформления, он инструментален (мягкая обложка, черно-белая графика оформления). Средствами книжного дизайна выделена лишь аббревиатура издательской серии и ее расшифровка: "Нимфенбургские научные тексты". В этой серии выходят работы ведущих или представительных социологов, сосредоточенных на какой-то важной и актуальной теоретической или предметной теме. Проиллюстрируем это теми работами, которые объявлены в качестве будущих выпусков серии на задней обложке (а также на последней странице, но уже в более развернутом библиографическом описании): "Конфликт и конфликтные стратегии. Подходы к социологической теории конфликта" под редакцией В.Бюля; "Привилегии и дискриминация в системе образования" под редакцией Д.Шелла; "Токвиль и век революции" Й.Гайсса и др. В объявлениях указаны цены на определенный момент времени, что позволяет точно оценить финансовые возможности приобретения для специалиста. Задняя обложка, помимо перечисленного, содержит аннотацию о характере проблематики тома, его оглавление: авторы и название статей и разделов, сведения о редакторе-составителе (его учебе, защите диссертации, у кого, где и т.п.). Справочный аппарат издания включает "Введение" от редактора, где излагаются его собственная точка зрения на проблематику, основания издания, история вопроса, принципы подбора материала и авторов для репрезентации позиций, членение предметной проблематики на разделы, а также хронология жизни и творчества Вебера, библиография

работ в соответствии с разделами, вторичная комментаторская литература, источники помещаемых в сборнике работ, именной и предметный указатель.

К этому же, второму типу профессиональных изданий можно отнести и обобщающие работы по данной теме на какой-то момент времени. Такова, например, переводная книга американского профессора Р.Бендикса "Макс Вебер. Итоги творчества. Изложение. Анализы. Результаты", дающая относительно целостное (для неспециалиста по Веберу) представление об основных идеях и предметных разработках ученого. (По-английски книга вышла в 1960 г. под названием "Макс Вебер. Интеллектуальный портрет", переведена на немецкий и издана издательством "Piper & Co Verlag" в 1964 г.). На цветной суперобложке помещен вполне канонический портрет Вебера. Книга вышла в твердом переплете. На клапанах суперобложки приводится издательская аннотация, характеризующая место и роль Вебера в истории социологии, специфика работы. На задней стороне суперобложки приведены сведения об авторе, его биография и академическая карьера, его профессиональный статус и место работы, звание, а также сообщается, что данная работа удостоена премии Американского социологического общества. Иными словами, подача текста и его рекомендации в значительной степени внешние, что вполне соответствует языку и манере изложения материала автором: книга предназначена сравнительно широкому кругу специалистов гуманитариев, аспирантам, студентам, и не обязательно социологам, хотя им, разумеется, тоже. Издание снабжено предисловием Президента немецкого социологического общества Р.Кенига (высший ранг авторитетности для неспециалиста). Справочный аппарат примечаний, комментариев и указателей составляет сравнительно большую часть (свыше 1/6 всего объема книги). Как и другие серии, данная: "Книги по социологии - избранное", предназначенная составить сравнительно небольшой ряд социологических текстов известных авторов или о них, содержит сведения о недавно вышедших 10 выпусках разного тематического профиля (из них 4 книги младшего брата М.Вебера - Альфреда - по социологии культуры, небольшая работа о Вебере К.Ясперса, две книги известного немецкого социолога Р.Дарендорфа и др.)

И, наконец, последний тип научной книги, который мы предполагаем рассмотреть в этом ряду, это сравнительно популярное изложение для широкого круга читателей, интересующихся вопросами социологии. Для примера, чтобы расширить круг издательств и серий, возьмем английскую серию

такого рода, издаваемую "Macmillan Press Ltd" и поддерживаемую Британской социологической ассоциацией, в которой вышла небольшая книга о Вебере ("Исследования по социологии" 1972, 64 с.). Она называется "Политика и социология в мышлении Макса Вебера", ее автор - Энтони Гидденс, преподаватель социологии Кембриджского университета, издатель упомянутой серии, как об этом сообщается на обложке.

Выпуски данной серии стандартного формата, небольшого объема (примерно 60-70 страниц) с умеренно броской передней обложкой (содержащей аллюзию на зеркально умножаемые образы чиновников, т.е. концепцию бюрократии Вебера). Она знакомит английского читателя-социолога, неспециалиста по Веберу, с некоторыми ведущими темами немецкой социологии ее определенного периода, представленного Вебером и его современниками. В этом смысле она не просто научно-популярное издание сложной темы, но и вариант посредника, межгруппового обмена значениями, ценностями, идеями, изложенными сравнительно просто.

Мы до сих пор не касались еще одного вида издания, во многих отношениях весьма важного, а именно: издания исторических или биографических материалов, особенности их подачи, организации и комментирования. Для примера биографических научных работ выберем одну из наилучших такого вида - тщательно подготовленный Э.Баумгартеном том материалов "Макс Вебер. Дело и личность". От обычных, сравнительно беглых биографий (ср. например, серийное издание Д.Ронга "Макс Вебер") рассматриваемая книга выгодно отличается подачей материала, продуманной его организацией. Увесистый том (почти 750 страниц формата 23,5 см x 15,5); вышедший в том же издательстве, что и основные сочинения М.Вебера и так же точно оформленный (разве что заголовок на суперобложке набран крупнее и иным цветом; фамилии редактора-составителя на обложке и суперобложке нет - редактор, а его комментарии составляют весьма значительную часть всего объема, как бы отходит в сторону перед самим персонажем, жест самого старого научного этикета) включает три части. Первая - годы учения Вебера с 12 до 29 лет, воспроизводимые в письмах к родным, друзьям и коллегам. Сам характер текстов должен продемонстрировать постепенное становление мощного исследовательского интеллекта, расширение сферы его интересов, захватывающих все новые и новые области - хозяйство, политику, право, общество и его историю, историю религиозных учений и движений и т.п. Вторая часть содержит экстракты и фрагменты его работ, отчасти малоиз-

вестные или неопубликованные ранее документы, дополняющие и комментирующие приводимые выше письма. Постоянно расширяемый круг тематики иллюстрирует не просто экстенсивное наращивание материала, раздвижение зоны исследования и поиска возможных ответов, но и возникающие при этом новые постановки вопросов, новую проблематику, связи, образующиеся между различными подходами и концептуальными решениями. Документы - не просто экспозиция по истории одной научной личности, они показывают внутреннее сцепление проблематики разных сфер, последовательность обращения (и его логическую необходимость) к разнородному материалу, в котором ищется решение проблем, поставленных на прежних стадиях. И наконец третья часть содержит результаты различных вариантов рецепции веберовских идей, типичные или особые формы его интерпретации, посредством чего дается картина общего движения социальных наук после смерти Вебера и условия понимания выдвинутых им теоретических положений, ограниченности начальных толкований и все более глубокое их усвоение и постижение. Эта последняя часть принадлежит уже собственно составителю и комментатору издания. Том включает подробная хронология жизни и научной работы Вебера, реальный комментарий к параллельным историческим и научным событиям, событиям в жизни самого Вебера и его семьи, а также - фотоматериал, касающийся различных периодов его жизни.

Таким образом, характер подачи биографического материала в данном случае подчинен не обычным канонам "истории гения или звезды", "роману образования", а задаче показать движения идей, логику их сцепления, не только самого героя, М.Вебера, но и его современников и наследников, научного региона в целом. Иными словами, в центре книги задача воспроизводства академических ценностей посредством осмысления проблематики жизни и научной работы одного из самых продуктивных его членов, отличающихся от прочих лишь особой преданностью науке, познанию, особой "интеллектуальной честностью" и напряженностью мыслительной работы, специфической парадоксальностью, неожиданностью производимых им смысловых синтезов, умозаключений и прогнозов. Специфика осмысления им научной и социальной проблематики, ее острота при этом рассматриваются не как качество "не от мира сего", особая "природная" гениальность, не весть откуда взявшиеся, а как следствие рефлексии над проблемами национального развития, состояния культуры и науки, т.е. так как их видел и понимал сам персонаж книги. Иными словами,

издание должно обеспечить максимально доступными средствами воспроизводство не только отдельных, пусть очень глубоких идей и мыслей одного лица, а понимание логики движения культуры, закономерностей развития науки и ее ценностей. Книга не просто еще один элемент профессиональной социализации (то был бы уже учебник). От дидактической литературы, даже расширенного состава, ее отличает введение, во-первых, нового, неизвестного даже специалистам материала, во-вторых, полнота представленных областей и обширность комментирования: это не просто пояснения к тем или иным темам и разработкам, но их анализ, включающий сопоставление и критику различных приводимых концепций и подхода. В итоге работа гораздо шире прикладной биографии (не говоря уже о популяризаторстве): речь идет именно о фиксации черт фигуры национального масштаба, в этом смысле - утверждение еще одного набора ценностей германской культуры, взятой в плане традиционной для Германии "истории идей".

В заключение данного раздела рассмотрим характер изданий М.Вебера в среде другой культуры, в других условиях рецепции: разные фазы перевода и изучения работ М.Вебера в России.

Первые публикации переводов М.Вебера на русский язык были предприняты для политически ангажированной и сравнительно образованной широкой публики, интересующейся общественными и экономическими вопросами, но, вместе с тем, не входящей в научную среду. Скорее здесь можно говорить о потребности тех, кто занимается самообразованием. В 1897г. в С.-Петербурге и затем - в Одессе в серии брошюр "Международная библиотека" вышли две работы Вебера о бирже - "Биржа и ее значение" (№48) и "Биржа и биржевые сделки" (№49). Обе единого формата (чуть меньше принятого сейчас карманного) и оформления, представляют собой популярное изложение темы, написаны им в 1894 и 1896 гг. для первого и второго выпуска "Геттингенской библиотеки для рабочих", издаваемой Фр.Науманом, одним из левых деятелей христианско-евангелистского социального движения. В работах этих отражаются и результаты интенсивных исследований Вебером биржи, ведущихся им в то время, и заинтересованное участие молодого профессора национальной политической экономики (или "профессора политических наук во Фрейбурге", как стоит в русском варианте) в определенной социальной политике, объясняющее читательскую адресацию и манеру изложения. Это и объясняет то обстоятельство, почему пере-

водчики выбрали данный текст, предназначая его той русской среде, которая предъявляет спрос на популярную и дидактическую литературу такого рода. Это совершенно иной тип взаимоотношений с читателем, чем с академической средой: в принципе открытый, но неравнозначный, иерархический в статусном и ролевом, культурном отношении. Отсюда - и отсутствие имени переводчика, библиографии источников, справочного аппарата и комментариев, указывающее на "недееспособность" читателя в самостоятельной и критической работе, неподключенность к иным институциональным каналам информации и техники рефлексии, и напротив, суггестивно выделенная титулатура автора. Обращает на себя, конечно, внимание оперативность перевода и издания этих работ, заставляющая предполагать внимательное слежение за иностранной литературой самого разного плана, поскольку сама серия ни чем особенно не выделяется и стоит в ряду многих других таких же изданий (например, "Русской библиотеки", параллельной к отмеченной выше). В той же серии выходили фрагменты работ Г.Спенсера, В.Вундта, Г.Рюмелина и других известных ученых. В принципе мы имеем дело со сниженным вариантом "креновской" серии, описанной выше.

Примерно схожими мотивами популяризации обусловлено появление перевода веберовской работы "Социальные причины падения античной культуры" в "научно-популярном иллюстрированном журнале "Научное слово", издававшемся профессорами и преподавателями московского университета и являвшегося журнальным аналогом публичных чтений (среди принимавших в нем участие находим имена В.О.Ключевского, П.И.Новгородцева, Л.М.Лопатина, С.Н.Трубецкого и др.). Перевод вышел под редакцией историка проф. Д.М.Петрушевского.

В период первой русской революции была предпринята попытка издать книгу, содержащую политический и социальный анализ состояния русского общества, но уже ее первая часть "Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии" (Киев, 1906) была почти целиком арестована цензурой.

Хотя имя М.Вебера до октябрьской революции было известно в научных кругах историков культуры (о чем свидетельствуют соответствующие сноски в работах), для широкой публики он явно был слишком сложен, а научная элита не нуждалась в переводах. Интеллектуальной же среды, способной оценить его социологическое мышление, не было. Положение меняется сразу после революции, когда, во-первых, пришло в

университеты, в науку новое поколение "без языков", нуждавшееся в переводной научной литературе, а во-вторых, среди самих историков, может быть, под влиянием марксистского видения истории, усилился интерес к социологии и свойственному ей способу анализа и объяснения. Поэтому в 20-х годах, до наступления "каменных 30-х", началась рецепция Вебера. Наряду с переводами шла аналитическая и критическая работа в самых разных журналах (достаточно здесь указать хотя бы на работы А.И.Неусыхина, учившегося у Д.М.Петрушевского и в известной мере стремившегося сохранить и развить некоторые его теоретические и методологические идеи. Неусыхин опубликовал ряд статей в журналах "Под знаменем марксизма", "Архиве Маркса и Энгельса" и др. Можно упомянуть высокую оценку А.В.Луначарским социологии музыки М.Вебера и т.п.). В течении 5 лет вышли 3 книги Вебера и ряд фрагментов его работ. Они были изданы историками и предназначены для узкой профессиональной группы, точнее для воспроизводства следующего поколения ученых. Первая из них - "Город" (Петроград, 1923, 135 с., пер. Б.Н.Попова) вышла под редакцией и с предисловием проф. Н.И.Кареева. В основе книги - журнальные статьи, позднее изданные отдельной книгой и еще позднее образовавшие соответствующие главы "Хозяйства и общества". Данная книга вышла в известном кооперативном издательстве "Наука и школа" в Ленинграде, выпускавшем философскую, социологическую, юридическую и историческую литературу. (Последние чистые листы книги отведены под информацию о продукции издательства, среди прочего объявлено о печатании и выходе трудов Н.И.Кареева "Общая методология гуманитарного познания", С.А.Жебелева "Римская империя" и др.). Тираж - 3000 экз. Справочный аппарат - минимальный, практически весь представлен предисловием редактора перевода, где указываются характер веберовских исследований, кратко - биография, библиографические источники и беглая критика и комментарий. Более основательно издана "Аграрная история древнего мира" (М., 1925, У, 435 с.) - капитальное исследование молодого (27-летнего) Вебера, "сразу поставившего его в 1891 г., - как пишет редактор, - в один из первых рядов европейских ученых". Титульный лист содержит следующую информацию: "Проф. Макс Вебер. Аграрная история древнего мира. перевод под редакцией и с предисловием проф. Д.М.Петрушевского. С приложением статьи "Римский колонат" проф. М.Н.Ростовцева". (Перевод сделан Е.С.Петрушевской, уже переводившей Вебера в "Научном слове"). Книга имеет тот же тираж - 3000 экз.,

позволяющий примерно оценить объем ее распространения (с учетом 10-летней перспективы, на которую примерно и рассчитывали тогдашние издатели). Редакторское предисловие содержит самую общую характеристику Вебера (скорее как историка, чем социолога и методолога: социологические проблемы, как у Кареева, фактически остаются без внимания и понимания), предназначенную для "нового" специалиста, а потому здесь указываются и первые публикации, и характер интереса к Веберу историков. "Аграрная история" издана в мягкой обложке, но, как и многие другие подобные дореволюционные издания, предполагающей последующий ее переплет по вкусу владельца (иными словами, включение в сугубо индивидуальный книжный фонд; книга должна стать элементом символического культурного мира будущего или настоящего ученого, но не практического политического деятеля). Книга содержит значительную библиографию по теме. Важно отметить, что эти переводы, как и зомбартовская хрестоматия по социологии, где опубликован фрагмент "Типы господства" (из "Хозяйства и общества"), вышли не в государственных издательствах (которые в то время специализировались на выпуске русской классики, пропагандистской литературы, книг партийных деятелей и пролетарских писателей), а либо в частных (как "Аграрная история" в издательстве бр.Сабашниковых), либо в кооперативных ("Наука и школа", "Мысль"). Иными словами, социальное значение подобных издательств в то время - функционально воспроизводить более глубокие пласты культуры, типы социальных отношений, представлявшихся в то время малозначимыми и второстепенными. Исключение составляют опубликованные А.И.Неусыхиним отрывки из "Протестантской этики" в журнале "Атеист" (1928, NN 25,26,30), но и они в соответствии с профилем журнала имели скорее пропагандистско-идеологическое значение, а не собственно научное (публикации шли без аналитического комментария и справочного аппарата, т.е. были адресованы совершенно иной аудитории).

30-е годы и последующие десятилетия - годы медленной катастрофы в гуманитарных и общественных науках. Прекращаются почти все теоретические разработки в литературоведении, истории, философии, закрываются институты демографии и статистики, прерываются криминологические и социологические исследования, замирает культурология и т.п. Закрываются издательства, в которых выходили многообразные труды по этим областям знания. В этом смысле публикации Вебера - своеобразный индикатор состояния обществен-

ных наук, отношения к ядру теоретической и методологической проблематики, степени зрелости исследователей, а также, что характеризует уже внутреннюю структуру проблематики исследований, - дифференцированности и многообразия поля задач науки.

Последующие издания работ М.Вебера появились лишь через 44 года. В 1972 г. в ИНИОНе АН СССР вышла I часть "Протестантской этики" в виде обычных для инициальной продукции сборников рефератов и переводов или обзоров. Перевод был осуществлен ученицей Неусыхина (его студенткой и аспиранткой в ИФЛИ) М.И.Левиной. Таким образом, академическое сообщество историков начало свою регенерацию, однако, как можно заметить, воспроизводство научных отношений, т.е. элементов самого института науки, осуществлялось парадоксальным образом: личные отношения учителя и ученика, личная культура исследователя и мыслителя явились резервным фондом культуры, поскольку институциональные структуры нормального воспроизводства оказались в значительной степени разрушенными - персональные связи шли от Петрушевского к Неусыхину, от него - к Левиной и т.п. Существовавший, видимо, кружок ученых в начале века, занимавшийся изучением работ Вебера, главным образом, историков, распался. Восстановление в форме печатной коммуникации, т.е. регенерация проблематики исследования, носила, однако, существенно иной характер. Структура науки, ее институциональная организация и персональный состав был совершенно другой в сравнении не только с 20-ми годами, но и с временами ИФЛИ. Рассмотрим это на формах издания. Начало веберовских публикаций в 70-х годах - это конец их в 20-х, т.е. начали на том месте, где прервались, в этом смысле никакого движения вроде бы и не было. Однако характер собственно книгоиздания показывает на существенный регресс или даже деградацию социального функционирования науки.

Как и подавляющая часть инициальной продукции, эти выпуски (в 1972 г. и в 1973 г., когда вышли в одном выпуске II и III части) распространялись не путем свободной продажи, а по именованным спискам или путем учрежденческих распределений, рассылкой по библиотекам. Иными словами, состав аудитории, сообщества, которому адресуется это издание - замкнутое "научное общество" с системой статусов, барьеров и доступа к информации. (Отметим, что работа, появившаяся в 1906 г., издается в режиме новейшей научной информации, поскольку ИНИОН именно для этого и предназначен). Члены этого замкнутого социального взаимодействия, закрытого для непосвя-

ценных, для "не своих", имели доступ к западной научной литературе. Однако парадокс заключается в следующем: полнота информации концентрировалась у полноправных членов этого сообщества, этого закрытого "союза", по выражению М.Вебера, т.е. "наверху" института науки. Однако, именно перевод научной литературы, по идее, предназначен для наименее социализированной в профессиональной плане части сообщества - новому поколению научной или околонушной публики, словом "интересующихся", без которого наука существовать не может: отсюда она вербует своих новых членов и через этот слой осуществляет свои отношения с другими социальными институтами (управления, образования, технологического использования и внедрения, общественного мнения и проч.). И та и другая группы - гораздо более широки по объему, чем собственно академический костяк, отсюда и проблема языка как "перевод", "мостик" через культурные барьеры. Для самого же академического сообщества в его нормальном состоянии проблема языковых границ не существует: владение иностранными языками входит в число академических характеристик, наряду с прочими инструментальными навыками и техниками (расчета, анализа, поиска информации и т.п.). Более того, это является и конститутивной чертой самого принципа универсальности института науки, его принципиальной открытости: научное сообщество - это одно из редких интернациональных сообществ; и регулирование его членов, и иерархия авторитетов внутри него базируются на полной автономии и открытости сообщества. Перевод же должен сократить профессиональную социализацию студентов, вхождение в круг актуальной текущей научной работы, ее самого сложного современного состояния [19].

Напротив, инициативные издания (переводов), по характеру распространения предназначены именно действительным членам, которые не владеют языками и, соответственно, оторваны от проблематики науки. Речь идет не просто о возникновении партикулярных (в социологическом смысле, т.е. не универсалистских) связей и отношений внутри науки и механизмов функционирования научной информации. Сообщество изменило свою функциональную структуру: утратив доступ к постоянному потоку научной литературы, соответственно, утратив проблематику и технику научного исследования, технику анализа, научную культуру и в смысле физического доступа, и в смысле языкового владения, оно стало зависимым от потока иностранной научной литературы, поскольку целью стала - критика, а не производство нового знания.

Это изменение функционирования науки отразилось и в самом книгоиздании. Смена внутренних задач научной публикации ясно сформулирована в издательских пояснениях к соответствующим переводам, рефератам и т.п. Например, переиздание протестантской этики, а перед ним - издание фрагментов веберовских работ по социологии религии, стало возможным в рамках подготовки к XVI международному конгрессу исторических наук в Штутгарте (1985 г.). Вопрос: кто же участвует в конгрессе и кто кого готовит - становится очень интересным. К этому времени накопилась довольно значительная литература о Вебере (порядка сотни названий статей), защищен десяток диссертаций о различных аспектах его концепции и предметных разработках. Но это, по сути, самая молодая и наименее квалифицированная часть сообщества, хотя как раз она оказывается владеющей и литературой, и средством ее анализа. Характерно, что все работы, как вышедшие в 1980 г. две части его "Исследований по методологии науки" (название инионовское, сборник представляет сведения некоторых статей из "Собрания сочинений по наукоучению"), изданы все же историками, а не социологами, как это было бы естественным. Социологи же откликнулись лишь критическим анализом процесса рецепции Вебера в современной литературе, но опять-таки лишь по случаю контактов с "внешним миром": подготовки материалов к участию наших социологов в XI Всемирном социологическом конгрессе.

Таким образом, знание социологической классики не имеет самостоятельной ценности, знакомство с текстом подобного рода служит не для профессиональной социализации, не для углубления анализа характера социологического знания, его природы, границ и особенностей, а для критики текущего внешнего процесса. Стагнация общественных наук, о которой часто пишут и говорят в последние два года, есть результат подобной организации науки, когда позитивная работа отстает от критической. Это незаметное изменение акцентов, смещение в сторону критико-идеологической работы общественных наук свидетельствует о глубоких трансформациях познавательных ценностей и принципов функционирования института науки, изменении механизмов его воспроизводства - от реконструирования новых членов до каналов распределения научной информации.

Об этом разрыве в нормальных процессах научного воспроизводства говорит множество признаков уже чисто книгоиздательского толка: а) тираж (первые переводы в ИНИОНе вышли в количестве 550 и 600 экземпляров, издания 1985 г. -

1000 экз.: порядок, в принципе тот же, что и рассылка авторефератов диссертации, точно так же одинаков сам способ распространения по конкретным адресам, говорящий о том, что эти издания предназначены узконаправленной категории специалистов по критике, а не исследователям или широкой околонаучной публике. Характерно, что реферативные сборники, включающие обзорный материал по текущей литературе о Вебере, имеют несколько больший тираж - 1500 экз.); б) "случайный" или "экстраординарный" характер издания: выпуски приурочены к определенным организационным мероприятиям, а не носят нормальный, рутинный характер систематической публикации научных материалов, они ориентированы на внешнюю идеолого-критическую, а не внутринаучную и предметную дискуссию; в) разрыв времени создания и публикации текста: характер информирования о литературе, вышедшей 60-70 лет назад, указывает на оторванность "специалистов" от актуальных технических вопросов производства знания, перерывы в традициях письменной культуры, сужение проблемного поля исследовательской работы, отсутствие ценностей, аксиологической базы науки, обеспечиваемой циклическим характером воспроизводства "классических" эталонных текстов, соответственно, о "не-когнитивном" профиле функционирования института науки.

Сокращению этих разрывов способствовали уже выпуски рефератов новейшей вторичной литературы ("веберовский ренессанс"), в центре которой уже не собственно веберовские тексты, а проблемы, поднятые им и открывшиеся в связи с этим дисциплинарные и логические перспективы. Кроме того, в планах научных издательств впервые после стольких лет стоит на ближайшие годы выпуск серии "Классики социологии", в первых номерах которой обозначены работы Э.Дюркгейма и М.Вебера.

Таким образом, сам по себе публикуемый текст еще не может дать полного представления о своем назначении, о том, какой социальной группе и для чего или почему он предназначен (какую структуру социальных отношений, какого социального взаимодействия, исходя из каких ценностей он должен конституировать). Только в соединении с характером и формами издания, их семантикой становится ясной смысловая структура текста, его интенциональность и функциональное значение, поскольку именно в них воспроизводятся социальные структуры, общественные силы, использующие формы книжной культуры как определенный культурный код или систему правил для конституирования или обеспечения дли-

тельности социальных отношений и существования социальных образований.

III

Достаточно перевести взгляд с полок, где стоят книги издательства "Наука" или "Мысль", на шкаф с изданиями "Художественной литературы" или "Радуги", чтобы создалось впечатление многообразия, выразительности, яркости, namного превосходящих характеристики научной книги. Ощущение это - результат действия нескольких культурных норм, определяющих социальное функционирование словесности и ее изданий, а точнее - поведение участников этого процесса и итог их совместной деятельности, систему изданий. Во-первых, практически всякая беллетристическая книга новейшего времени, предназначенная для чтения, броско и оригинально оформлена. Таков, видимо, императив работы оформителя, выдвигаемый им самим или его заказчиком. Иначе говоря, так идеологически формулируется позиция создателя образа книги в книгоиздательской системе - поздний отзвук романтической идеи художника, определяющий его место в издательстве как социальном институте и выступающий теперь уже результатом согласования со стандартизированными представлениями внутри этого института, нормами вкуса авторов и издателей, техническими возможностями и нормативами и т.д. В этом кредо, которое можно было бы назвать демонстрацией независимости, соединяются максимы выразительности, т.е. обращения к мыслимому партнеру при специально подчеркнутой настоятельности этой коммуникации, заинтересованности в коммуниканте, и оригинальности - иначе говоря, независимости собственного коммуникативного статуса, автономности своих мотивов и действий. Парадокс сосуществования и взаимодействия этих разнонаправленных устремлений является начальным импульсом художественной динамики, эволюции художественных решений. Научная книга, в противоположность описанному, включена в культуру исследовательского сообщества, к разделяемым нормам которого принадлежит, среди прочего, экспрессивная нейтральность - коррелят универсальной доступности и проверяемости знания, предъявленности как его результатов, так и принципов их получения.

Тем, во-вторых, напряженнее, подчеркнутее игра оформителя на визуальных символах высокой ценности, особой значимости данной книги, именно этого издания, умножение знаков его особой важности для читателей во всей структуре

оформления. С данной стороной оформительского искусства, с данными нормами работы художника и вступает во взаимодействие издатель. Его роль состоит в создании условий для обобщения смысла того или иного принятого им к изданию текста, в моделировании аудитории при переходе из текстового вида - в книжный. При этом настоятельность задания для читателя - мера авторитетности издателя и собирательный образ его адресата - отыгрывается на противопоставлении значимости текста (высокой или всеобщей) и его доступности (узкой или широкой). Чем дальше мыслимый адресат текста от группы его создателей и среды первого прочтения, тем подчеркнутее в его оформлении знаки общезначимости, с одной стороны, и принадлежности в "высокой" культуре, с другой. Следы бытования "в узком кругу" становятся конструктивными элементами оформления. Пестрота же и броскость исполнения несут на себе значения широкой адресации. Иначе говоря, в управляющем поведении издателя книг для чтения ценностном остатке просвещенческой программы всеобщности знания, культуры, разума постоянно проблематизируется, подчеркивается и снимается барьер между кругом посвященных (ценителей и знатоков) и "всеми", людьми как таковыми. Чем в большей же мере издатель работает на группу первоочередного чтения, тем меньше экспрессивная нагрузка текстового оформления или сопровождения (скажем, таков литературно-художественный журнал, как правило, ограничивающийся самым текстом). Напряженне между установками художника и императивами издателя выступает источником дальнейшей динамики образа-книги - визуальным выражением смены воспринимающих текст групп.

Важно при этом, в-третьих, что любое литературно-художественное издание в принципе многоадресно. В тем большей мере это относится к переизданиям: в них контексты заимствования значимых элементов оформления, контексты их адресации и "отрицательной референции", по выражению американского социолога У.Томаса, многократно перекрещиваются и наслаиваются, образуя множественную систему рамок - характерную многоукрашенность, избыточность как знак "культуры" для широких масс, для различных слоев и групп аудитории. (Тогда одностильность оформления будет соответствовать обращению к своим, к ценителям, или стилизацию подобного коммуникативного действия).

Видимо, можно говорить о "плавающей" адресации литературно-художественного издания как конструктивной черте социальной и идеологической системы литературы. В оформ-

лении книги используются символы как минимум двух культурных групп - создателей и рецепторов (инициаторов и последователей), в каждом же конкретном случае синтетичность образа книги еще выше, что и позволяет ей (и литературе) играть в обществе интегрирующую, символически объединяющую роль, поддерживая в виде переиздания образ постоянства в изменении. Кроме того (и это может стать началом дальнейшей динамики оформления книги или даже оформительского искусства в целом, его стилистики), каждый раз в процессе социальной жизни издания можно обнаружить как минимум еще одну группу, для которой именно данный тип издательского решения - образ книги, сопровождение текста и т.д. - наделяется значениями культуры, предопределяя и трансформацию семантики текста, его восприятие. Например, научное (в отношении издания) принимает смысл всеобъемлющего и окончательного, делая не только терпимым, но даже привлекательным наличие в общем-то совершенно излишних для читателя редакций и вариантов, текстологических и историко-литературных комментариев, занимающих в некоторых беллетристических изданиях "Науки" до 60% объема книги и существенно удорожающих ее. Либо же, скажем, факсимильное, рассчитанное на специалистов издание, продлевающее жизнь оригинала, но уже в ранге музейного экспоната или памятника, своим воспроизведением бесспорного и давнего образца вплоть до сортов бумаги или опечаток становится для групп новоприобщенных к книге читателей с повышенными финансовыми, коммуникативными и другими социальными возможностями эквивалентом роскоши, экзотики, дорогим подарком или домашним раритетом и т.д.

Поэтому применительно к беллетристике анализ предполагаемой адресации в форме издания должен был бы дополняться исследованием композиции типовых домашних библиотек - именно их состава, а не профиля чтения владельцев, почему книги из массовой библиотеки здесь и не важны: они обращаются как тексты (читаются), а не как книги или издания. Мы же ограничимся тем, что будем при дальнейшем рассмотрении иметь в виду хотя бы некоторые воображаемые структуры книжных собраний, в замкнутом и целостном (репрезентативном) или открытом и разновременном (кумулятивном) составе которых могла бы занять место та или иная книга. Понятно, что особое внимание должно быть при этом уделено именно знакам целостности домашней библиотеки (сериям, библиотечкам) или ее символическим фокусам,

ядерным компонентам, "сверх-книгам" (редкому или старому изданию, миниатюрной книге и т.п.).

И, наконец, в-четвертых, издания произведений художественной литературы - и это еще одна характеристика своеобразия, в сравнении с наукой, функций литературы в обществе и самого устройства литературной системы - имеют более долгую и развитую историю - это можно сказать об изданиях текстов того или иного периода в прошлом на настоящий момент во всей их совокупности. Создатели книги вместе с тем куда настойчивее, чем в области науки, включают значения "прошлого" и "иного" в образ издания. Можно напомнить и о фундаментальном значении для литературной культуры образов, отмеченных авторитетностью давнего и иного, эталонов устойчивости среди динамики - наиболее часто и разнотипно переиздаваемой классики, что по напряженности несравнимо со значением классических авторитетов в науке.

Все эти обстоятельства в совокупности и создают впечатление индивидуальной множественности, складывающейся при общем взгляде на совокупность литературно-художественных изданий, книг той или иной страны или эпохи. Однако, типовая структура изданий беллетристики в синхронии - для реального читателя-современника - беднее, нежели совокупность видов научной книги (или еще шире - научной информации). Так это, по крайней мере, у нас в стране: ежегодное количество изданий научной литературы выше, чем число названий выходящих беллетристических книг. Среди первых больше и количество серий. Таким образом, множественность образов книги может относиться лишь к единичным изданиям, нас же, как социологов, интересуют типы издательско-форматных решений и в этом смысле - типовые ситуации взаимодействия в процессе функционирования книги, как они отложились в форме ее издания. К тому же выводу приводит и более общие соображения. Функция литературы и книги - в самом общем виде - интегративная: они синтезируют символы различных социальных и культурных слоев и групп, в особой условной модальности уменьшая порядок их разнообразия. Кроме того, обобщенные значения литературы, структура литературных образцов, нормы их восприятия и оценки в большой мере закрыты от рационализации - дифференциации, продумывания и очищения - изнутри самой литературной системы. В конкретных исторических условиях нашей страны такое понимание литературы усугубилось и особенностями организации книгоиздания на ранних этапах культурной революции в годы советской власти, когда акцентировались

прежде всего задачи массового приобщения широких слоев к единому набору культурных образцов и благ. Эти тенденции к массовизации культурного процесса остаются во многом значимы и по сей день. В принципе это требовало бы постоянного перехода от анализа композиции домашних библиотек, о чем шла речь выше, к структуре книгоиздания в целом. Последнюю же необходимо проследить в ее историческом движении, отмечая как воспроизводство групп хранителей культурной памяти (лишь для них значима и "видна" история изданий данного текста или автора), так и элиминирование истории и сокращение многообразия в классике "для всех", настойчиво переиздаваемой подростковой экзотике, эксплуатации дефицита и т.п., существенно деформирующих коммуникативную структуру книги и книжной культуры в целом.

Основным материалом для этой части анализа взяты издания произведений У.Фолкнера на русском языке. Это позволяет проследить введение и адаптацию инокультурного образца в отечественную издательскую систему, а тем самым - выявить как ее собственные, причем наиболее фундаментальные нормы, так и взаимодействие их с традициями и стандартами другой литературной и издательской культуры. Причем сделать это представляется возможным на минимуме исторического времени, т.е. исключив исторически накапливаемое разнообразие переизданий и ограничившись первой фазой усвоения нового образца - от первого с ним знакомства до вершины издательской авторитетности писателя-современника, собрания его сочинений*. На этом фоне значимыми для нас будут и те формы издания, которые известны в отечественной издательской культуре или в зарубежной издательской системе, но применительно к рассматриваемому автору отсутствуют или пропущены, - они также будут охарактеризованы вкратце. Специально издания иноязычного Фолкнера не рассматриваются, так же как лишь в отдельных случаях и для примера привлекаются формы издания отечественной словесности. Мы хотели бы по возможности приблизиться к реальной ситуации отечественных читателей Фолкнера, взяв для анализа те издания, которыми они могут располагать, и только на этом фоне - издания, которые отсутствуют, указывая тем самым социологу на отсутствие в обществе соответствующих культурных групп или незначимость их для издательской политики.

* Более полную информацию об изданиях произведений Фолкнера и переводах писателей на русский язык до 1979 г. можно получить из [1].

Сколько-нибудь широкое знакомство с творчеством Фолкнера началось в 1958 г., когда в Издательстве иностранной литературы вышел в мягкой цветной обложке тоненький сборник "Семь рассказов" (его, отметим, нет в читательском каталоге Ленинской библиотеки). Для отечественного читателя это был фактически новый автор: две-три журнальных и газетных публикации конца тридцатых годов, конечно же, не создали минимума общественной репутации, которая устояла бы на протяжении трагических десятилетий истории страны. Писатель оставался достоянием узкого круга экспертов, читающих его в подлиннике, условно говоря - будущих переводчиков и интерпретаторов, гуманитарной элиты. Для сравнения скажем, что Ремарк и Хемингуэй в эти же годы начинали уже второй виток своей славы после шумной известности 20-30-х гг. Как новый автор Фолкнер и издавался - безо всякого уведомления о его литературном статусе (в 1950 г. он получил Нобелевскую премию по литературе), с упором на суггестивную силу мягкой сумрачной обложки. Понятно, что попал он, кроме знатоков, в поле зрения тех, кто вообще читает новых переводных авторов - круги не-специалистов с гуманитарными интересами, "ищущую" научно-техническую интеллигенцию, молодежную среду. Это собственно и были шестидесятники (за исключением традиционных гуманитариев, читающих на языках) и ближайший примыкающий к ним слой. Разрыва между перечисленными группами в этот период не было.

На эти же круги, но с постепенным расширением адресата и укреплением его (и писателя) авторитетности, были рассчитаны и оба следующие издания фолкнеровской новеллистики - два выпуска библиотечки "Огонька" в 1959 и 1963 гг. объемом в 80 и 48 страниц, хорошим по тем временам тиражом 150 000 и 111 600 экземпляров, по копеечной цене (нынешние каталожные цены на книги тех лет могли бы стать мерой иерархического усложнения социальной системы функционирования книги за пролежшие годы, показателями воздвигнутых здесь "барьеров и уровней").

Мягкая обложка - знак ориентации на современность, тираж - масштаб ценящей свое время группы. Установка на дешевизну, открытость читателям, отсутствие барочных знаков нищенской роскоши - резкие черты тех демократических лет. Но важны еще два обстоятельства, связанные уже конкретно с Фолкнером. Творческий и жизненный путь писателя

(он умер в 1962 г.) ко времени этого с ним знакомства был уже завершен: в годы, о которых речь, опубликованы романы "Особняк" и "Похитителя", все остальное создано значительно ранее и приходит к русскоязычному населению через временной интервал, культурный разрыв, меняя тем самым и культурный статус, а часто - вместе с адресатом - и смысл. Такова вообще издательская идеология в отношении современной зарубежной литературы, и в конце 50-х - начале 60-х действие этих идеологических норм было еще слабее обычного. И последнее: знакомство началось в пробной форме, так сказать, "по письмам" - через новеллистику, и не в журналах, объединяющих сообщество тех, кто разделяет выдвинутую той или иной группой лидеров картину мира и объединен со своими современниками признанием актуальности именно *этих* ценностей и интересов, а в книжках и брошюрах, которые распространяются в том числе и kiosками "Союзпечати" - т.е. в расчете еще и на диффузную, главным образом масскоммуникативную, газетную по своему типу аудиторию. Временное сближение этих разнородных групп - еще одна черта того периода, контрастирующая с позднейшими тенденциями к расслоению, пусть и не всегда явному.

В дальнейшем издание произведений Фолкнера (за исключением переизданий) осуществляется в двух видах - как журнальные публикации и в составе различных серий. Можно наметить такую траекторию движения образцов, их селекции и изменения типа издания: журнал - серия (первая книжная публикация отдельных уже печатавшихся в журнале и некоторых новых текстов) - переиздание (в свою очередь, некоторых из уже печатавшихся в книгах текстов или даже книг в полном их составе, но дополнительным или расширенным тиражом, часто - также в составе серий) - собрание сочинений (наиболее полное издание в масштабе группы, ориентированной на издание как источник рекомендации и канал получения - тех, у кого нет первоизданий; либо же - как первоисточник - для специализированной академической работы, как памятник культуры для элитарных групп гуманитарной интеллигенции и т.д.).

Начало дальнейшим публикациям Фолкнера дал журнал "Иностранная литература" (1961, "подписные" 9-12 номера), руководимый тогда А. Чаковским и усилиями редакции сблившейся в ту пору с другими изданиями шестидесятников: здесь вышел, быть может, наиболее признанный из зрелых фолкнеровских романов - "Особняк" (характерно, что журнал выдвинул вперед против брошюрной новеллистики именно

роман, и роман идейно нагруженный). Публикация в какой-то мере перевернула время вспять, поскольку первым оказался опубликован последний роман трилогии, но книжные издания за два года поправили положение, и читатели получили "Деревушку" (1940, на русском опубликована в 1964), "Город" (1957, русская публикация 1965) и "Особняк" (1959, книжное русскоязычное издание 1965). Два романа из трех по-русски вышли впервые. Вся трилогия издана в серии "Зарубежный роман XX века" (издательство "Художественная литература"), тиражом в 100 тыс. Издания открываются вступительными статьями ознакомительного характера: в отличие от зарубежных изданий писателя-современника, это не краткие издательские аннотации или рекламные объявления, но и не частное мнение авторитетного знатока или заключение влиятельного журнала, вынесенное на мягкую гляцевую обложку карманного издания, - читателю дана обобщающая и итоговая оценка. Poleмики не предполагается: источники цитат не указаны, библиографических ссылок нет, хотя статьи принадлежат профессиональным американистам. Более того, оценка рассчитана надолго: она входит в текст книги, включена под ее твердый переплет. Комментарий отсутствует (скажем, в томах Пруста в этой же серии реальные примечания есть). Черно-белая графика шмуцтитула и титульного листа, элемент которой оттиснут на типизированном бесцветном переплете, стандартно экспрессионистична ("суровая манера" 60-х), характерна для оформления зарубежной словесности в те годы (хемингуэвский стиль), иллюстративна (повторяет мотивы, вынесенные в заглавие романов), неопознаваема по автору - это минимум минимум образной выразительности, указывающий на принадлежность книги к беллетристике. Одним словом, издание серийно. Но, как это чаще всего бывает при серийном оформлении художественной литературы, книги имеют цветные суперобложки. Совпадая по стилистике и ряду деталей с общим оформлением, суперобложка вносит новый элемент - цвет. Сделаем некоторое отступление от конкретики в сторону чуть более общих сообщений: рассмотрим обе составляющих экспрессивного образа книги - включенность в серию и наличие суперобложки.

V

Серия есть по определению некое целое (пусть даже "открытое"), консолидированное одним или несколькими обобщенными признаками, которые оповещают "своих", давая им

знать о надежном и авторитетном канале поступления литературных образцов. Тем самым в значение вошедшей в серию книги (точнее - в семантику текста) привносятся два немаловажных момента: обобщения, изъятия текста из единичной, локальной и ограниченной во времени ситуации его создания и первого бытования - отрыва, например, от группы первого прочтения, от журнальных читателей и возвышения, трансформации его за счет принадлежности в целому, и оцененности с определенной точки зрения, с данной содержательной групповой позиции, от лица и в перспективе авторитетов и ценностей группы с расчетом на ее более широкого адресата, - с другой. Рамки и направление оценки заданы, в частности, титулатурой серии. В нашем случае значимо, например, что речь о романе. Для носителей стандартов литературной культуры, ориентирующихся на значения группы культурных новаторов, роман это неканонический, ассоциирующийся с современностью универсальный жанр, вбирающий в свою панораму едва ли не "весь мир" и через индивидуальную биографию и авантюрную, но поучительную судьбу центрального героя разворачивающий все более широкие контексты его самоопределения - семью, класс, нацию, человечество. Именно таким подходом отмечены крупнейшие достижения литературы двух последних веков, и в этом смысле роман есть "самая" литература.

Для литературного сознания еще более широких читательских слоев роман - тоже синоним литературы: это жанр наиболее массовый, доступный ("жизненный", в смысле нормативно структурированный и оцененный) и предназначенный для чтения ("интересный", "занимательный"). Значимо, далее, что роман этот - зарубежный. Для группы первоочередного прочтения (в первую очередь - читателей толстых литературно-художественных журналов) это в начале 60-х гг. был признак важный: символ нового, только что начавшегося периода общественных перемен, открывшего зарубежную современность, знак подлинности против помпезности и фальши, драматизма, нередко даже трагедийности - против сусального блеска и розового глянца. Для более широких читательских кругов (для них иностранная книга тоже была значима не только тем, что в ней *было*, но и тем, чего в ней не было) "зарубежный" могло приравняться ко всему, отдаленному от "никакой", никак не опознаваемой повседневности, обещающей экзотику. Тем самым зарубежный роман - не просто захватывающий, но еще и образцовый, "показательный", поскольку - как всякий пример - отстранен; он, стало быть, квинтэссенция

романа как жанра, самой стихии романного, или, говоря иначе, всякий роман в какой-то мере "зарубежен". Наконец, он принадлежит текущему XX веку. А это уже как бы указывает на читателя как современника, демонстрирует ему, "который час", вместе с тем помещая его сиюминутное время в большую рамку общего для всех, пока еще открытого, но уже подытоживаемого срока ("тысячелетие на дворе").

Все эти компоненты серийной марки перекрывают друг друга, во многом совпадают. Эта тавтологичность обрисовывает авторитетную позицию субъекта оценки - рефлексирующего поверх географических, языковых и временных границ нашего современника, "культурного человека", который притязает на широту, если не всеобщность своих вкусов и мнений.

Серию в плане культуры можно рассматривать как сложную игру со временем, т.е. с соотношением, приравнением и различением образов индивидуального и общественного, значений личности и иных, более общих - социальных и ценностных, культурных - порядков, так что всякий раз сопоставляются по тому или иному содержательному параметру и воспроизводятся в их различии субъективность адресата (читателя, собирателя) серии и значимый для него "большой" мир в разнородности состава, объема, семантики и т.д. [11] В социальном плане (с позиций ее создателей) серия представляет способ социальной организации культурного нововведения. Она выступает компромиссом между инновационными группами и слоями авторов, программирующими для себя в виде серии (ее состава, формы, адресата) резервы будущего действия, и социальным институтом книгоиздания, сохраняющим в принципах типизации (состава, оформления, тиража) серии возможности своего планового контроля над ситуацией нововведения. Поэтому понятно, что по принципиальному своему устройству серия тяготеет к сплошному последовательному целому без лагун, своего рода монолиту наращиваемого времени, монолиту культуры, в пределах которой индивидуальность отдельной книги или ее автора (как и их адресата) исчезают в пользу целого. Скажем, переплет "Библиотеки фантастики", как и корешок "Современного зарубежного детектива" не содержит авторских характеристик, ограничиваясь обозначением жанра. Время каждого "индивида" (автора, экземпляра; но и собирателя) в серии как бы остановлено, за счет чего наращивается символичность и целого, и включенного в него образца. Принцип серийности - это как бы постоянная институциональная рамка для отсчета движения, своего рода циферблат или часы без стрелок. В этом последнем случае -

массовой коммуникации - каждая книга "равна" каналу ее поступления, т.е. как бы синоним целого, но и всех других книг, и любой другой книги [2].

Однако, "уничтожая" время, серия сохраняет (собирает) его знаки; переживание разрыва между каждым уже изданным (полученным) и последующим томом и есть переживание времени как "места" субъективности, сохранение самой модальности ожидания и поиска идентичности, удержание презумпции самости. В этом смысле собирание серии есть в конечном счете самособирание в масштабе, заданном принципами устройства серии. Сходная по своему действию парадоксальная конструкция времени фиксируется датой выхода книги. Она есть знак смыслового отсутствия собирателя как адресата книги, отсылка к "иному", к точке его уходящего и уже опять ушедшего тождества с собой как синхронности с "большим" временем. Собирая самое новое, самое последнее, нынешний книголюб создает прошлое, начинает его счет, полагая границу настоящего и тоже на свой лад ища "истоки", только не в предшественниках (как при собирании первых, "старых" изданий и приурочивании себя к ним, своего рода алиби в отношении собственного "большого" времени), а в самом себе - культурном гомункуле, начинающем отсчет культурного времени [3]. Добавим, что серийные книги внешне одинаковы, как правило небольшого, удобного в обращении формата: они - дети демократических времен, и средний размер обычно сочетается с большим тиражом, нередко - с бумажной обложкой. Однако, обложка эта - пестрая, и здесь мы подходим еще к одному элементу образа книги.

Обобщенно говоря, можно считать черный цвет (или равнозначные ему очень темные тона) символическим воплощением значений "общества", культуры в ее нормативном составе, официальности как общезначимости; белый (или аналогичные ему светлые, но не яркие оттенки) - обобщенным знаком "природы", естественности, исходности, первоэданности; пестрые же красочные пятна - указателем значений субъективности (не содержательной семантики конкретного субъекта, а принципиального его наличия как движущейся точки зрения, стрелки отсчета). Характерна обыгрывающая это черно-белая гамма печатного текста книги: скажем, зеленая печать в польском издании стихов Есенина в 70-х гг. ощущается как шок - в культурную конструкцию черно-белого - внесения культуры в природу - вдруг как бы вторгается само "естество", "природа" как верховная ценность.

Обложку же в целом можно считать эквивалентом чужого взгляда, обращенности - не только издающих к читателю, но

и самого читателя (собирателя) - к авторитетным для него инстанциям и персонам. Включая в анализ этого двойного бриколажа обобщенные значения цветов, формы - живописной или графической, фигуративной или орнаментальной, живописных школ и различных техник, можно гипотетически дешифровать по этим элементам структуры издательских, а далее - читательских (собираТЕЛЬСКИХ) ориентаций, описывая тем самым экспрессивный образ книги как символическую конструкцию сложного, разноориентированного культурного действия.

Суперобложка еще более усложняет эту смысловую игру. Исполняя, как и обложка, роль точки скрещения двух взглядов: владельца книги - в сторону авторитета, знатока, который оценит, и в направлении неопита, который поразится (т.е. разыгрывая образ владельца в разных и неравнозначных ролях - хозяина положения и новоприобщенного простака, заставляя проживать сам процесс движения от одной своей роли к другой, ощущать культуру как процесс), она вместе с тем выступает игровым дубликатом переплета. Точнее, здесь выстраивается многосоставная, процессуальная по принципу работы конструкция различных переходов: от обложки и переплета - к тиснению на них, от них - к суперобложке и развороту титула и т.д. Суперобложка среди этих элементов (если не говорить об иллюстрированных, подарочных или раритетных изданиях) - предел экспрессивности, в ней как бы снимается инструментальное, информационное значение текста. Вместе с тем, его смысловому наполнению дается предварительная содержательная интерпретация. Отсюда - значение переплета и суперобложки при выборе книги широким читателем (через анализ эмблематики и техники этих условных изобразительных эквивалентов текста можно реконструировать задаваемые правила его истолкования, стандарты вкуса и критерии оценки, в том числе - на материале одного произведения - проследить динамику культурных ценностей и норм в историческом плане [5,2])^{*}. И, наконец, суперобложка окончательно делает книгу как вместилище текста изобразительным знаком, элементом живописной композиции, деталью komponуемого целого образцовой (для того или иного носителя литературной культуры) библиотеки, более того -

^{*} Массовые издания объявляют копирайт, как правило, лишь на оформление, на другую - в сравнении с уже бывшими - перспективу истолкования, норму понимания текста. В иных типах издания такую норму задает, например, реальный комментарий - перечень того в книге, что известно и без нее, из других книг, но выступает здесь уровнем "реальности".

своими рифменными переключками с другими такими же элементами создает эту библиотеку как замкнутое на себе, зеркально заворачивающееся целое (лабиринт как образ бесконечности).

В качестве наметки для будущего более детального анализа можно добавить, что сама выразительность и фигуративность переплета, обложки, портрета, иллюстраций и т.п. в сравнении с нейтральностью и неизобразительностью черно-печатного текста характеризует на ранних стадиях существования печатной литературной культуры установки слоев и групп, ориентированных традиционалистски и в принципе противящихся распространению печати и стоящей за ней идеологии универсализма, достижительности и т.д. С одной стороны, таков низкий статус печатного слова среди аристократии, опирающейся на устно-визуальную культуру взаимного лицезрения и представительства (отсюда - превращение печатных текстов в элементы домашнего убранства - переплеты в цветную кожу под цвет обоев и в стиле мебели [5,7]). С другой стороны, так относятся к печати неприобщенные к высокой культуре беднейшие слои (отсюда - рисованная библия для нищих, пестрота лубочной картинки, затмевающей подпись, которая, в свою очередь, также орнаментируется, изошряется, архаизируется).

Соответственно, "свернутая" в обложке и суперобложке презумпция социальности (социабельность) далее должна раскрываться в конкретике изобразительных знаков переходности текста от группы к группе, с уровня на уровень. Все компоненты образа книги (все, что читатель видит, не прочитав еще ни строчки - от картинок до места издания и цены) и есть символические "швы" между различными уровнями культуры, следы бытования образца в авторитетных средах как знаки символического преодоления барьера между группами и слоями общества. Суперобложка - самый хрупкий, заведомо недолговечный из этих знаков. Появившись как временная замена обложки для тех, кто собирается делать для книги собственный переплет, она парадоксально соединяет в себе функциональное значение практичности, экономии - защиты и сбережения от истрепывания - с семантикой напряженного слежения за ее неизбежным обветшанием (или сохранения ее нетронутости, недоступности), попыток остановить время - двуединый образ временности и стремления его закрепить и тем самым преодолеть, символ, быть может, самой "культуры".

Возвращаясь к конкретной серии "Зарубежный роман XX века", отметим, что серия эта - открытая (но иначе и не может знаменоваться современность). Она знакомит с новой, впервые издаваемой литературой, однако, тиражи входящих в нее книг существенно превышают объем группы культурных инициаторов (несколько тысяч или несколько десятков тысяч человек, применительно к разного типа образцам), но не достигают масштабов следующего за их разметкой слоя читателей уже отобранной и отмеченной "настоящей" литературы (не ниже аудитории авторитетных толстых литературно-художественных журналов, т.е. по крайней мере сотни тысяч). Рассчитанные на относительно широкую и неспециализированную аудиторию, современные новоизданные произведения выходят в этой серии в твердых, надолго и солидно сделанных переплетах и выпускаются, в общем-то, единожды (переиздания исключительно редки). Таковы парадоксы адресации этой серии: соединение широкого адресата с умеренной и недорогостоящей солидностью облика книги и расчетом на долговременность - своего рода портрет создателей серии и эпохи ее открытия, интеллигенции 60-х. Позже эти установки становятся рутинными нормами издательской работы, задавая образ обычной, нормальной книги. От замысла инициаторов в серии остается, пожалуй, одна не бросающаяся в глаза особенность: в ее томах нет знаков единого и однонаправленного времени, понимаемого как наращивание содержательности культуры, нет ни планов на будущее, ни отчета о прошлом. Адресат, как предполагается, синтезирует целое сам, внешней же по отношению к нему единой точки зрения не задано.

Иначе обстоит дело в двух изданиях, принявших эстафету публикации романов Фолкнера в 70-е гг. - "Мастерах зарубежной прозы" ("Прогресс", позднее - "Радуга") и "Библиотеке всемирной литературы" ("Художественная литература"). Серия "Мастера..." была создана на рубеже 60-70-х гг. для систематического ознакомления подготовленных групп читателей с лучшим в иностранной литературе текущего века. В редколлегиях ее (в томах "Зарубежного романа..." редколлегия не указана) входят представители издательского мира и университетской литературной науки. Обе эти группы объединяются в требованиях от издания известной основательности, о чем шла речь выше, и научной обоснованности, где наука выступает в функции разъяснения для тех "широких групп читателей", обращение к которым - стандартная самохарактеристика

издательских работников и их адресации к определяющему тиражи руководству (вышедшая в этот период в Саратове первая монография о Фолкнере также, при тираже в 2 тыс. экз., предназначена для "широкого круга читателей"). Поэтому солидным томам (25-30 печатных листов объема в твердых однотонных, хотя и цветных переплетах) предпосланы поясняющие статьи специалистов, адресуемых примерно к сотысячному же - стандартный тираж - читателю, которому, скажем, необходимо подсказать национальную принадлежность авторов, гарантировать их принадлежность к мастерам и дать список вышедших в серии книг, но не нужен историко-литературный комментарий (он есть лишь в считанных случаях и отсутствует, например, в исторических романах Т.Парницкого и М.Юрсенар, созданных на античном и средневековом материале, словно это книги Дюма или Пикуля). В большинстве случаев входящие в серию произведения выходят первым книжным изданием - начало пути зарубежного автора к широкому читателю - и нередко в серийном же составе и оформлении переиздаются.

Фолкнеровский том оказался удачным: в этом же составе - открывающий Йокнапатофскую сагу ранний и впервые переведенный роман "Сарторис" (1929) и прежде публиковавшиеся повесть "Медведь" и роман "Осквернитель праха" (1948) из того же сюжетного цикла - он был переопубликован еще трижды в следующем 1974 г. в той же серии (опять без объявления тиража), в 1982 г. в расчете на расширившуюся к этому времени аудиторию 200-тысячным тиражом в Лениздате и с характерным повышением ценностного ранга - в "Библиотеке отечественной и зарубежной классики" минского издательства "Мастацкая литература" в 1986 г. Таким образом, вошедшие в этот сборник вещи издавались чаще других фолкнеровских произведений - вместе с собранием сочинений это 5-6 изданий за 12 лет - представляя для наиболее широкого читателя (около миллиона суммарного тиража) "самого-самого" Фолкнера. В подобном же масштабе воспроизводился дебютный роман писателя на русском языке "Особняк": 1 млн. 3 тыс. четырьмя изданиями за 22 года. Показательны темпы расширения его аудитории: 100 тыс. в серии "Зарубежный роман..." (1965), 303 тыс. в БВЛ (1975), полмиллиона в издательстве "Правда" (1982).

В этом смысле 60 и 70 годы можно считать периодом открытия Фолкнера - шесть романов, половина из которых вышла в журналах, за 60-е гг.; шесть романов, все, что примечательно, прошедшие через журналы, и самое полное "Собрание расска-

зов" - за 70-е гг., тогда как 80-е гг. - временем его тиражирования, расширения и изменения аудитории при характерном изменении "статуса" писателя до классика (2 новых романа в журналах и 7 крупнотиражных - три полумиллионника издательства "Правда" - переизданий плюс собрание сочинений). Собственно говоря, статус классика Фолкнер стал приобретать в русскоязычной литературной культуре уже в 1975 г. с выходом его семисотстраничного тома в "Библиотеке всемирной литературы" (в 1976 г. вышли и две солидные монографии о писателе, до того бывшем объектом анализа лишь в малотиражных - до 5 тыс. - книжках в мягкой обложке: обзорная работа Н.Анастасьева и представительская биография Б.Грибанова в авторитетной серии "ЖЗЛ", тиражом соответственно 20 и 100 тыс.).

Издание 200-томного собрания этой "Библиотеки" - крупнейшая и характерная акция 70-х гг. Во-первых, это "библиотека" - закрытое, внутренне упорядоченное состояние мировой классики на конец XX века с точки зрения отечественных издателей. Задача эта воскресила и специфическое словоупотребление, с особой силой зазвучавшее в отечественном обиходе в 30-е гг., когда позднепросвещенческая и предромантическая идея всемирности стала все чаще встречаться как в текущей прессе, так и в литературной науке. Гердеровско-гетевское видение культуры в мировом масштабе, обозначившее специфическую группу лидеров в ситуации ускоренного развития патриархальной Германии, вновь нашло себе время и место в условиях сверхускоренной государственно проводимой модернизации социального и культурного развития страны: именно в эти годы по инициативе М.Горького был создан уникальный научный центр - Институт мировой литературы (с 1933 г. выходит журнал "Интернациональная литература"). Была, соответственно, воскрешена и задача вписать отечественную словесность старого и новейшего времени (а также ее последователей в странах социализма, Азии, Африки и Латинской Америки) во всемирный литературный процесс. Группа инициаторов серии составила ее редколлегия. Сюда вошли крупнейшие представители национальных литератур, академической верхушки, генералитет издательского дела. Собственно же готовили книги специалисты - историки литературы, переводчики, которым оказался предоставлен огромный объем квалифицированной и высокооплачиваемой работы. Ввиду весьма высоких тиражей не обошлось без борьбы клики, редакторской неразберихи, погони за количеством и давления сроками. Соединение нескольких, разнящихся по возможностям

влияния, культурным нормам и представлениям о литературе групп (обозначим их предельно обобщенно: ведомственная власть - литература - наука) воплотилось в аппарате и облике вошедших в серию книг, умножая и без того синтетический образ книги для широких масс. Вступительная обзорная статья, как правило, принадлежала символическим или социальным авторитетам; состав же и комментарий готовили либо представители науки, либо литературы (скажем, профессионалы-переводчики). Обращение готовивших книги групп к различным предполагаемым адресатам предопределило и многосоставный характер оформления. Солидность и расчет на долговременность (сорокалистовый объем томов, высококачественная бумага №1, неброские твердые переплеты, обширный - до двух с половиной листов - комментарий) соседствует с символами официального представительства (серебро и золото тиснения на переплете, впервые появившаяся здесь издательская марка) и знаками массовости, доступности и праздничности (комментарий - реальный, адресованный во многих случаях читателю-подростку, не располагающему ни знанием культурного фона эпохи, ни подручными источниками его пополнения; пестрые суперобложки; цветные вклейки, дающие изобразительный колорит эпохи; портреты авторов с подчеркнутым значением символической экспрессивности).

Фолкнеровский том БВЛ характерным образом составили дебютный, уже апробированный "Особняк" 60-х гг. и опубликованный "Новым миром" в 70-е гг. "Свет в августе". Тираж был на этот раз самый большой из всех, что давались книгам Фолкнера, да и вообще зарубежным авторам-современникам (303 тыс.).

Теперь, в конце 1987 г., когда прошло 10 лет после завершения серии БВЛ, стоит отметить, что она осталась действительно уникальным памятником эпохи, как по составу своему, так и по виду и объему. Для социолога в этом важно одно: соединившиеся на этот момент группы со своими различающимися образами мира и типами ориентации в дальнейшем значительно разошлись и в столь тесном сотрудничестве не работали. Отчетная апелляция издателей к своему руководству, а через него - ко всему цивилизованному миру, обращение науки к специалисту и знатоку и адресация представителей литературы к самому широкому на этот момент (ни бестселлеры "Правды", ни "макулатурная серия" еще не набрали высоту) читателю, которому за умеренную цену давался одноразовый, компактный и образцовый набор лучшего в истории мировой культуры, - вся это парадная акция почти сразу же

отошла в прошлое. Она совпала с началом обострения дефицитности книг - и была, можно думать, одной из причин дефицита, израсходовав разом громадные запасы бумаги и полиграфических мощностей. Кроме того, читателем была немедленно произведена собственная пересортировка "Библиотеки...", и считанные нужные в столь широких масштабах тома европейской и русской классики в образцовых на то время изданиях для массовых собирателей домашних библиотек отделились от не обладающих для владельцев БВЛ символическим авторитетом авторов из развивающихся стран, стран социалистического лагеря, республик Советского Союза. Предполагаемый адресат не совпал с покупателем серии, и ее реальные владельцы отказали многим составившим серию книгам в литературности, а всему собранию в качествах всемирности и библиотеки. Книги БВЛ стали лидером сдачи в букинистику 70-80-х гг. Этот процесс ускорился в ходе своеобразной социокультурной динамики тех лет - иерархической дифференциацией доступа к культуре: серия была отмечена знаками прошлости, получив немислимый для современной книги коэффициент удорожания (одна из пересортиц последнего времени!). Отдельные тома (а уровни цен и фиксируют ценности и стратификацию возможностей, означая плату за доступ к привилегии) на протяжении десяти шагов, отделяющих подписной отдел от букинистического, вырастали в цене вдвукратно. Дублирование же и без того не раз издававшихся текстов БВЛ последовавшими за ней "Библиотекой классики" и "Классиками и современниками" (часто и более тиражными и дешевыми) довершило размежевание спроса и оценок читательских слоев с самоободрительской практикой издателей. Примерно тот же процесс можно наблюдать и на обеих других упоминавшихся нами сериях: литература одних и тех же типов и регионов быстрее всего уходит на букинистические полки и лежит на прилавках магазинов. Во все большей мере создаваемые взглядом на себя свыше и извне, они не обладают не внутренним единством, ни собственной динамикой. Отсюда и их собирательская и читательская судьба: разъединение и пересортировка, которую вынуждены производить читатели, поскольку издание было, вообще-то говоря, рассчитано не на них, и издательства, книжные магазины и т.д. работают не в рыночной системе, а в режиме распределения.

Среди изданий, опубликованных новые для отечественных читателей произведения Фолкнера, остается отметить особый случай: "Собрание рассказов" в серии "Литературные памятники". Особенность его уже и в том, что книги современ-

ных авторов издаются в этой серии крайне редко. Ее временные рамки и вместе с тем подробность видения в отечественном книгоиздании не знают себе равных. Литературный (и шире - любой письменный или записанный) текст понимается как памятник своей эпохи, истории и культуры человечества и в этом смысле должен быть сохранен, описан и изучен во всей данности и полноте. Карта обеих полушарий как бы дается в масштабе двухверстки и притом постоянно уточняется и делается все более детальной. На нынешний день это предел пространственно-временной широты рамок понимания литературы, жанрового, тематического и др. многообразия в наших условиях. В титулатуре серии не случайна метафора памяти как устройства самоорганизующейся целостности - истории, пережитой и осмысленной лично, постоянно находящейся в поле активности бодрствующего сознания, иначе говоря - метафора исторического человека, человека истории. Адресат серии не ограничен временем и пространством, он задан лишь языковыми (отметим, чисто культурными) границами - это ближайший к ее создателям, хранителям исторической памяти, узкий и динамичный слой культурных инноваторов, ведущих в рамках и при поддержке науки (не случайно серия выходит в издательстве "Наука") активный поиск и синтез новых смысловых оснований со значениями и направлениями актуализируемых традиций. Количественный объем попадающих в эту аудиторию групп невелик, и попытки стотысячных тиражей текстов, не отмеченных значениями самоопределяющейся субъективности (назовем для примера "Кудруну" или "Фламенку"), - досадная неточность адресации, ненужная попытка форсировать свой авторитет. Вместе с тем аудитория этого издания - диахроничная, поскольку она - не массовая: существенность несомых им значений, как и функциональная роль группы его создателей рассчитана на длительное время и сохраняется, пока остается значимой общая историческая рамка человеческого существования и самоосмысления. Понятна отсюда и притягательность серии (особенно репрезентативных для нее и для идеи культуры как личной памяти томов, скажем, Монтеня и Сенеки, Марка Аврелия и Данте) для более широких кругов интеллигенции, ориентированной на поддержание базовых ценностей письменной культуры и стремящейся расширить рамки осмысления повседневности.

В этом смысле книги данной серии суть воспроизведение памятников письменной культуры: они воссоздают в максимально адекватном виде не только ту или иную книгу, но и само ее издание как факт истории культуры. Можно сказать,

что наиболее всеобщими значениями здесь наделяется индивидуальное, неповторимое, своеобразное. Фолкнеровский том воспроизводит составленный самим автором сборник 1950 г., имея тем самым значение авторской воли и замысла (завещания, соответственно - подлинности, собственноручности); не случайно книга открывается фотопортретом зрелого писателя на суперобложке и молодого - на фронтиспесе. Суперобложка притенена, тонирована желтым, также неся семантические оттенки документальности, едва ли не архивности. Этим же принципом продиктован выбор иллюстраций - перед нами семейные фотографии, черновики и рисунки автора, все, что сохраняет значение индивидуальности. Это не иллюстрированная история успеха, как в томике "ЖЗЛ", не работа современного художника-иллюстратора, как в серии БВЛ (художник В.Горяев), не монтаж изопродукции в стиле эпохи, как в некоторых других книгах БВЛ, скажем, Констебль и Тернер в "Поэзии английского романтизма" или испанские мастера нашего столетия - в томе "Испанские поэты XX века".

В объемистом для автора-современника Приложении - не только обзорная статья специалиста по американской словесности, но и подготовленный им путеводитель по романному и новеллическому миру Фолкнера - своего рода словарь-справочник героев писателя и связей между ними. Это придает героям статус документированного существования, возвращая права своеобразной реальности миру культуры, рукотворному, выдуманному. Иными словами, культура становится реальностью исторического действия - не единственным для всех, нормативным содержанием книги, но процессом и результатом создания смысла в исторических обстоятельствах порождения, бытования и восприятия текста (собственно, лишь это делает реальным - необходимым, потому что конструктивным - читателя, разных читателей, порождающих и трансформирующих смысловой мир произведения в процессе своих действий и взаимодействий, - альтернатива такому процессуальному и творческому существованию культуры есть смысловая однозначность единовременного сообщения для всех, не содержащая характеристик времени и поэтому безавторская). Собственно же примечания, соответственно, документируют обстоятельства написания и публикации книг и отдельных рассказов, дают пояснения исторических и местных реалий: понятно, что их знает и сообщает специалист, из справочников общего типа их не получить. Завершающие корпус книги "Основные даты жизни и творчества Фолкнера" как бы переключаются с только что прошедшими перед нами биографиями

его героев, так что весь том получает единство сборника документов по культурной истории американского Юга XIX-XX вв. (скажем, к такого же типа однородной смысловой реальности отсылают примечания М.Л. Гаспарова в томике древнегреческой лирики, когда от строки Пиндара идет ссылка на Гомера). Добавим, что для включенного в процесс порождения и передачи культурного наследия специалиста или знатока разбираемая книга представляет собой еще и антологию нескольких поколений отечественных переводчиков-американистов от основателя школы И. Кашкина до современных мастеров В. Муравьева, А. Кистяковского и др. Тем самым памятник американской культуры становится памятником культуры отечественной, сохраняя свое функциональное место в системе культуры, поскольку вводится аналогичной по своей роли культурной группой. Ориентация на ее ценности и масштабы предопределяет и скромный тираж (25 тысяч на фоне нескольких сотен тысяч тогдашних тиражей) и высокую цену - в два-три раза выше средних затрат на книгу. Подчеркнем, что с такой же обстоятельностью изданы в серии и другие авторы XX века.

Последующие издания писателя, редко знакомя с новыми текстами, укореняют его в отечественной культуре двумя разными способами и в расчете на две разные аудитории. Одна тенденция - повышение ценностного ранга, укрепление собственно литературного авторитета Фолкнера. Среди таких изданий, ориентированных на длительное воспроизводство избранных ценностей культуры, а не на одновременное расширение их доступности широкой аудитории, - шеститомное собрание сочинений, начатое в 1985 г. издательством "Художественная литература". Его тираж, на фоне полумиллионников, рассчитан на группу ретрансляторов культуры и действие во времени (100 тыс.). Этими же соображениями продиктован и характер издания, образ книги: черный переплет с неярким золотым тиснением узких печатных букв, плотные, но собранные тома, на форзацах которых - карта "фолкнеровских земель", Йокнапатофы его романов и рассказов, обязательный комментарий, характеризующий издания текстов в оригинале и на русском языке, дающий историко-культурные пояснения. В том же русле будущего приобщения к литературному наследию лидирующей группы - издание автокомментирующих текстов писателя в серии "XX век. Писатель и время" (М., "Радуга", 1985). Титул серии достаточно распространен в современной культуре и вниманием широких читательских кругов не пользуется, как и состав книги: статьи, речи, интервью,

письма - все, что обычно входит в последние, столь неохотно выкупаемые массовым владельцем и рассматриваемые какременительная нагрузка тома собраний сочинений. Внесенному в титулатуру серии счету времени на века соответствует оформление книги: темно-зеленый твердый переплет с золотым тиснением имени и фамилии писателя по-английски и по-русски воспроизводит и снимает значение инокультурности, но вкупе с серийной маркой и тоном переплета задает семантику строгости, добротности, специализированной работы, чему способствует и обстоятельный аппарат - предисловие о творческом пути и послесловие об эстетике писателя, комментарии и указатель имен и названий, упоминаемых в книге (в монографии Н.Анастасьева и томе ЖЗЛ такого указателя нет). Тираж - в масштабе ретранслирующей группы - нижняя граница возможного для беллетристики: 50 тысяч.

Иное направление фолкнерианы последнего времени - расширение одновременной аудитории уже известных и апробированных текстов писателя. Его ведет издательство "Правда" (примерно в этом же русле действует Лениздат и ряд республиканских издательств - минское, кишиневское и др.). В последние десять лет оно взяло на себя миссию массового тиражирования текстов избранных произведений авторов, составляющих мировую и отечественную классику. Результат - библиотека в несколько сотен книг, распечатанная в количестве от 500 тысяч до 3-4 миллионов, самый большой, наряду с "макулатурной серией" этого же издательства, одновременный тираж в современном книгоиздании. Понимание авторитетности писателя здесь достаточно широкое: библиотечка включает имена, которым вряд ли привелось бы встретиться вне этих рамок (скажем, Шекспир и Данилевский). Однако, исключаются как чисто историко-литературные мотивы отбора - влияние со стороны группы творцов и хранителей литературной памяти, так и давление чисто социальными силами со стороны ведомств или сановных современников. Поэтому здесь нет секретарской литературы, но нет и эзотерических раритетов - это как правило, хорошие имена и вместе с тем добротный материал для чтения. Значение классики для широких масс сохраняется в типографском исполнении и оформлении текстов, которые, впрочем, далеки от любой последовательной программы. Чаще всего это газетных сортов бумага, целлофанированный переплет, соединяющий один из учебных образцов шрифта и орнамента с двух-трехцветной картинкой (стилизованным портретом автора или композицией "в стиле эпохи"). Его воспроизводящий значение любящегого-

ся взгляда глянец как бы скрадывает изображенное и написанное, "ослепляет" зрителя - своего рода недорогой эквивалент драгоценного (при, напомним, скверной бумаге, бледной черной графике внутритекстовых иллюстраций и совершенно средней - но не низкой - цене около двух рублей с колебаниями на полтинник в ту или другую сторону). Справочный аппарат не обязателен, хотя иногда и в небольшом объеме бывает (это книги для чтения всех, барьеры понимания здесь не отмечаются и не комментируются, время отмечается не внутри тома, а в ходе переиздания). Тексты, как правило, печатаются по другим изданиям (не всегда указывается, каким), предисловие или послесловие (тоже не всегда присутствующее) зачастую переносятся также из другого издания. Характерна здесь сама эта непоследовательность в соблюдении норм литературной культуры, своего рода небрежность: широта одновременной аудитории приобщения подразумевает кратковременность коммуникации, изъяны которой до известного предела при такой "скорости" не существенны. Обязателен же портрет автора: отпечатанный чаще всего с известного или дагерротипного образца, нередко с повторением полного имени писателя под ним вместе с датами жизни, он представляет эквивалент музейного портрета, с одной стороны рассчитанного на неосведомленного зрителя, с другой - уподобляющегося официальному заключению, документирующему экспонат. Таких изданий Фолкнера три: "Особняк" 1982 г. и два издания в "Библиотеке зарубежной классики" (рассказы: "Медведь", "Осквернитель праха"), оба - 1982 и 1986 гг. - тем же тиражом в полмиллиона.

Если подытожить три десятилетия книжной судьбы Фолкнера по-русски, можно заметить, что срок общего признания в его случае - время между первой книгой и собранием сочинений - это возраст одного поколения, действующего в обществе и культуре. Такова временная глубина социальной системы литературы, и нужно в буквальном смысле "положить жизнь" на то, чтобы нововводимый культурный образец прошел ее от вершины до дна - от групп первоочередного прочтения до самого широкого круга еще только включающихся в письменную и литературную культуру читателей. К этому "шагу признания" и мере динамики литературной культуры стоит в данном случае прибавить еще полтора-два поколения жизни культуротворческих групп, благодаря усилиям которых писатель появился по-русски для читателей первой книги, отстоящей от дебютной книги самого писателя на тридцать лет. К моменту общего признания сложились, собственно, два

русскоязычных Фолкнера со своей средой бытования: наиболее переиздаваемый в виде книг автор "Сарториса", "Медведя", "Особняка", с одной стороны, и журнальный автор "трудных" романов, дольше других книг ждавших своей русскоязычной публикации ("Шум и ярость", "Авессалом!", "Святылище"). Собрание сочинений соединяет два эти образа, но воспроизводит их в масштабе более эзотерической группы ретрансляторов. Границы признания обоих типов отмечаются отсутствующими (пока?) формами изданий.

Нет, например, Фолкнера в народной и школьной библиотеке, тиражирующих для самой широкой подключаемой к письменной культуре аудитории самые жестко отобранные и признанные образцы - своего рода прожиточный минимум литературной культуры, представительный для истории страны и человечества. Поскольку же воспроизводится он для восприимчивых масс в качестве пособия (или самоучителя), то форма издания фиксирует позицию воспроизводящих и оценки носителей знания и полномочий судить. Объемом, форматом и мягкой обложкой - это постоянно переиздаваемая брошюра или книга карманного формата, снабженная знаком беллетристичности - гравюрой в верхней части обложки. Нижняя же ее часть официальным шрифтом дает выходные сведения об авторе и названии книги. В эмблематике серии (серийном знаке, рамке) повторяется символика учения (факел, колос и т.п.). Модальность отношений коммуникатора и адресата может несколько меняться, но принципиальный характер их односторонних иерархических отношений, построенных на авторитете, остается неизменным. С ним связан и однозначный характер интерпретации смысла текста. Цена таких изданий - сугубо символическая, "никакая", они почти бесплатны. Тиражи - сравнимые с правдинскими и еще выше.

С другой стороны, нет роскошного, неповседневного Фолкнера не для чтения - скажем, иллюстрированного или миниатюрного, подарочного. При некоторых различиях такие издания в совокупности как бы противостоят прямому использованию книги по назначению, противопоставляя тем самым инструментализму и универсалистичности, бескачественности и всеобщности значений и норм письменной культуры. Коммуникативная прозрачность текста (точнее - презумпция его постигаемости) подавляется экспрессивностью изобразительного ряда, разрывая процесс чтения как господства над текстом, информационного его использования и превращая коммуникативное действие в рассматривание, созерцание, любование книгой, своего рода поклонение ей. Текстовые

компоненты книги приобретают сопроводительный, едва ли не орнаментальный характер, что нередко отражается в выборе шрифтов, оформлении заставок, красных строк. Особенно явен этот подчиненный характер текста в случае эниго переиздания сверхавторитетного произведения (а иллюстрированные издания, тем более с работами крупных мастеров, только с общеизвестными текстами и имеют дело). Соединение семантики отрешенного созерцания с активностью разглядывания (но не целевой, а самостоятельной) создает обобщенное значение праздника, иного мира, - эта модальность обычно и задает для широкого читателя и зрителя представление о культуре. Всем этим подобные книги заведомо выделены и в домашней библиотеке: они отделены от основного корпуса и как "самые-самые" книги и как уже "почти не книги", а чистые знаки культурности и высокого статуса их владельца. Сходным символическим потенциалом наделяются и миниатюрные книги: они изъяты из естественного книжного окружения и вообще из разряда "естественных" предметов своими размерами: это реликвия или курьез книжной литературы. Понятно, что такие книги могут быть лишь особым, внеповседневным и игровым дубликатом "настоящей" (в смысле серьезной) книги. В целом это разыгрывание значений самой книжности, роли "человека книжного", но еще и повышение культурного статуса хозяина (как во всяком игровом отношении): он может позволить себе отношение к культуре как всего лишь игре, и не случайно миниатюрная книга предполагает манипуляцию ей как игрушкой, соединение изданий по чисто игровым, "формальным" параметрам - величине, цвету [3]. От такого игрового отношения к книге, характерного лишь для узких групп культурных маргиналов-авангардистов (прототип их сообщества - клуб), следует отличать социальную (ролевую) игру в принадлежность к книжной культуре со стороны новоприобретенных владельцев неограниченных возможностей доступа. Если в первом случае это обыгрывание самой игровой ситуации, то во втором - разыгрывание жесткого и внешне установленного текста роли. Наконец, еще одну группу собирателей таких книг диагностирует отношение к ним как памятникам истории и культуры - о них мы уже говорили применительно к серии "Литературные памятники".

Наконец, нет "академического" Фолкнера. Том в "Литературных памятниках" - ему не замена, хотя и близок по некоторым характеристикам. Для того, чтобы оценить различия (о сходстве говорилось выше), сравним фолкнеровский том, например, с "Письмами русского путешественника" в той же

серии. Различие первое: данное издание Карамзина существует одновременно с другими, более широкими по адресации изданиями и на фоне их, "Собрание рассказов" Фолкнера в книжной культуре уникально, их можно прочесть в этом виде лишь в данном издании. Иначе говоря, на нем сходятся самые различные по объему и установкам читательские аудитории. Или, говоря социологически, ценности группы инициаторов образца оказываются не поддержаны другими группами и слоями, которые обращаются к другим изданиям того же текста, а законсервированы, контролируются через определение тиража, формы издания и т.д. (что, собственно, и создает дефицитность книги). Этого расширения авторитетности Фолкнера (и выдвигающей его как один из своих символов группы) нельзя, отметим, достичь простым увеличением тиража "Литературных памятников". Позволив себе игру слов, скажем, что тиражи Толстого в "Науке" должны быть ближе к тиражам "Науки", чем к тиражам Толстого. Для дефицитных же томов серии нужно не увеличивать тираж (или делать не только это), а готовить другие и разные издания.

Различие второе: в томе Карамзина приведены печатные варианты. Тем самым текст представлен не как готовый, неизменный и однозначный результат, а как процесс создания его смысла и формы (в сопровождающих текст статьях указаны и истолкованы фазы и направления этого процесса, раскрыт их культурный смысл). Эквивалентом в фолкнеровском случае могли бы быть различные переводы одной новеллы (как это делается в стихотворных томиках серии) - разными переводчиками или в различных изданиях. Либо же комментированный Фолкнер на английском, подготовленный отечественными филологами. В принципе этот подход должен был бы доводиться до уровня рукописей - черновых вариантов и т.д., но с авторскими рукописями отечественные зарубежники не работают. Результат - понимание литературы как "готового продукта", отсутствие текстологического "сознания" и текстологической работы (соответственно - проблем критики и реконструкции текста и др.) Между тем стоящий за текстологией тип отношения к культуре определяет работу современной филологии как науки и крупнейшие достижения отечественной русистики последних десятилетий, уровень подготовленных и осуществленных специалистами публикаций и т.п.

Различие третье: в примечаниях к Карамзину вводится богатейший контекст интерпретации книги - отечественный и зарубежный исторический материал, открытие, обнаружение которого - авторское достижение Ю.М.Лотмана и Б.А.Ус-

пенского. При публикации зарубежных авторов подобные моменты вводятся, как правило, в реальном комментарии на полузаконных правах и часто в зачаточном виде. Расширение этой части издания авторитетных текстов значило бы опору на не столь широкие, но устойчивые и существенные в культурном отношении группы способных оценить подобные знания и проявить добрую волю к их освоению и переработке. Однако, всегдашняя ориентация на более широкого читателя ограничивает возможности привлечения такого историко-культурного материала в сколько-нибудь значительном объеме (вплоть до вступления в силу издательских нормативов на объем справочного аппарата). В-четвертых же, - и это лишь частично намечено в аппарате карамзинского тома, но развито в других работах его комментаторов - в сопровождение такого рода изданий все чаще входит развитая история восприятия публикуемых произведений. Пока лишь начатая у нас т.н. функциональной школой в литературоведении, эта практика, укрепляющаяся за рубежом (рецептивная эстетика, эстетика воздействия), пока вовсе не коснулась работы отечественных зарубежных авторов.

Видимо, эта сфера нашей филологии либо не дошла в своем развитии до соответствующей фазы движения науки, либо идет в другом, ориентированном на поясняющую деятельность в расчете на массового среднеподготовленного читателя, направлении. Тем самым возникает вопрос о нормах научной работы в данной области, критериях квалификации и стандартах подготовки специалистов и шире - о контексте их деятельности, всей сфере взаимоотношений специалистов, издателей и читателей, связанных с бытованием переводной словесности. Ориентация на "среднюю норму" трудности текста, вида его издания, тиража и т.д. показывает, что деятельность эта все более приобретает характер воспроизводства, т.е. обслуживает отношения между группами ретрансляторов культуры и широкими слоями новоприобретенных читателей и книгособирателей (да и эта работа находится в плачевном состоянии). Видя, не случайно большая часть этих процессов происходит вне толстых литературно-художественных журналов, как не случайна и уникальность *единственного* журнала, отведенного зарубежной литературе. Общие тенденции к массовизации издания переводной словесности, как и книги в целом, слабая дифференцированность типов издания и узкий их репертуар, систематические "ошибки" адресации под влиянием рутинных норм функционирования системы, превалирование сверхтиражей ограниченного набора авторов и книг при цевы-

сокой в целом доле переизданий в структуре книжного выпуска - все это должно стать предметом специальных исследований.

1987

ЛИТЕРАТУРА

1. Левидова И.М. Уильям Фолкнер: Библиография. Указатель. М., 1979. - 112 с.
2. Левинсон А.Г. Старые книги, новые читатели. //Социологические исследования, 1987, №3, с. 43-49.
3. Baudrillard J. Le système des objets. - P., 1978. - 288 p.
4. Bourdieu P. Elemente einer soziologischen Theorie der künstlerischen Wahrnehmung. - In: Theoretische Aufsätze der Kunstsoziologie. Stuttgart, 1976, S. 58-86.
5. Bronson B. Printing as an index of taste. - In: Bronson B. Facets of the enlightenment. Berkeley; Los Angeles, 1968, p. 326-365.
6. Burger Chr. Textanalyse als Ideologiekritik: Zur Rezeption zeitgenössischer Unterhaltungsliteratur. - Frankfurt a.M., 1973.-IX, 175 S.
7. Eisenstein E. The printing press as an agent of change. Vol. 1-2. - Cambridge, 1982.
8. Faulstich W. Domänen der Rezeptionsanalyse: Probleme, Lösungsstrategien, Ergebnisse. - Kronberg/Ts., 1977.-XII, 211 S.
9. Fügen H.S. Die Problemkreise einer speziellen Soziologie der Literatur. - In: Literatursoziologie: Begriff und Methode. - Stuttgart, 1974, S. 145-157.
10. Grimm G. Einführung in die Rezeptionsforschung. - In: Literatur und Leser. Stuttgart, 1977, S. 11-84.
11. Guillaume M. La politique du patrimoine. - P., 1980. - 196 p.
12. Gumprecht H.U. Soziologie und Rezeptionsforschung: Über Gegend und Chancen interdisziplinärer Zusammenarbeit. - In: Neue Ansichten einer künftigen Germanistik. München, 1973, S. 48-74.
13. Gumprecht H.U. Konsequenzen der Rezeptionsästhetik oder Literaturwissenschaft als Kommunikationssoziologie. // Poetica, München, 1975, Bd. 7, S. 388-413.
14. Iser W. Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung. - München, 1976. - 358 S.
15. Jauss H.R. Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. Bd.1. München, 1977. - 328 S.
16. Lane M. Books and their publishers. - In: Media sociology. L., 1970, p. 239-251.
17. Link H. Rezeptionsforschung: Eine Einführung in Methoden und Probleme. Stuttgart etc., 1976. -182 S.
18. Mann P.H. Students and books. London; Boston, 1974. - X, 213 p.
19. Ong W. The literate orality of popular culture today. - In: Ong W. Rhetoric, romance, and technology. Ithaca; London, 1971, p. 284-303.
20. Platte H. Soziologie der Massenkommunikationsmittel. München, 1965, S. 97-146.
21. Steinberg S.H. Five hundred years of printing. - Harmondsworth, 1979. - 400 p.
22. Waldmann G. Kommunikationsästhetik: Die Ideologie der Erzählform. Mit einer Modellanalyse von NS-Literatur. München, 1976. - 306 S.
23. Wolff J. Hermeneutic philosophy and the sociology of art. London; Boston, 1975. - 149 p.
24. Zimmermann B. Literaturrezeption im historischen Prozess: Zur Theorie einer Rezeptionsgeschichte der Literatur. München, 1977, 157 S.

ПАРАЛИЧ ГОСУДАРСТВЕННОГО КНИГОИЗДАНИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Сегодня уже абсолютно ясно: в издании и распространении книг, как и в других областях жизни, административно-отраслевое управление привело к монополистической стагнации. Поскольку никаких иных реально действующих сил и механизмов здесь не было, вся ответственность за случившееся лежит на руководстве книгоиздательским процессом, а если взглянуть шире - на структурах социальной организации общественного производства. Материалы исследований, читательские письма, печатные выступления специалистов, писателей и ученых убеждают: в книжном деле сложилась и продолжает обостряться кризисная ситуация.

ЭПИКРИЗ ПАЦИЕНТА

Растет хронический разрыв между объемами и структурой спроса на книги у самых различных категорий населения, с одной стороны, и пропорциями и масштабами книгоиздания, с другой. В условиях безнадежно деформированного рынка, при многолетнем отказе от обеспечения читателей даже наиболее спрашиваемыми изданиями, любая единовременная оценка потребности в книгах оказывается искаженной, поскольку исходит из предельно ограниченного набора самых неотложных требований - т.н. "лидеров неудовлетворенного спроса". Практикуемые в последнее время силами отраслевой социологии зондажи массовых предпочтений суть поэтому не более чем перевернутое отражение принятой книгоиздательской политики.

Становится все более очевидным, что связи между работой отрасли и динамикой развития других сфер общественной жизни - образования, науки, техники, культуры, литературы, искусства - чрезвычайно слабы, если вообще существуют.

Так, за последние 25 лет читательская аудитория со средним специальным и высшим образованием в стране увеличилась в 6 раз, тогда как производство бумаги - лишь в 2,5 раза (бумаги для письма и печати мы изготавливаем в 13 раз меньше, чем США, отставая и по потреблению фактически от всех развитых стран мира). В сравнении с 1939 г. читательская аудитория выросла более чем в 15 раз, тогда как приходящееся на нее количество изданий - меньше чем вдвое.

Общепринятый в мировой практике показатель развитости национального книгоиздания - число названий выходящих в стране книг в расчете на 1 млн. населения - в СССР вдвое меньше, чем в США и Японии, втрое - чем в ФРГ и Великобритании, Испании, Нидерландах, в четыре и более раза - чем в скандинавских странах. По числу названий издаваемых журналов в расчете на 1 млн. населения разрыв еще разительнее: находясь на шестнадцатом месте после всех развитых стран Запада и большинства социалистических стран, СССР выпускает 5,5 изданий против 1142,7 в Бельгии, 904 в Финляндии, 408 во Франции, 250 в США, 196,6 в Болгарии и т.д. - за нами следует КНР, где в том же 1984 г. на миллион жителей выходило три журнала.

Особенно катастрофично положение с научной литературой. Отечественное книгоиздание концентрируется здесь на книгах по прикладным дисциплинам. В итоге по названиям они составляют более трети книгопродукции, тогда как в странах с более развитой структурой книгоиздания эта доля в два-два с половиной раза ниже - около 19% в Великобритании, около 16% в ФРГ. При этом доля названий книг, издаваемых например, по философии, в Великобритании в полтора, а в ФРГ - в два раза выше, чем у нас в стране и продолжает расти более быстрыми темпами (характерно, что в ФРГ, с ее давней философской культурой, тем не менее в год переводится примерно в полтора раза больше книг по философии, чем в Советском Союзе). Еще хуже положение по тиражам: средние тиражи литературы по философии, истории, географии, искусствоведению, фундаментальным наукам у нас ниже, чем в странах СЭВ и развитых странах Запада. Книг по социологии в СССР выходит по тиражам в 15 раз меньше, чем по военному делу, и примерно столько же, сколько в Польше, втрое меньше, чем в Португалии, в 10-12 раз меньше, чем в Японии.

Современные динамичные цивилизации не совместимы с любой формой замкнутости общества - идеологической, политической, информационной и проч. Поэтому доля переводов составляет значимую характеристику любого национального

книгоиздания. Между тем в СССР, лидирующем по общему количеству переводных изданий, лишь 24% из них переведено с основных языков зарубежных стран, тогда как более 3/4 представляют собой переводы "для внутреннего пользования", т.е. преобразование информации, а не ее прирост. Характерно, что переводы в СССР не превышают 8,9% всей книжной продукции страны, тогда как в Швеции они составляют 28,8%, в Испании - 21,8%, во Франции - 17,6%, в ГДР - 15,9%, в ВНР - 11,7% и т.д. Для большинства развитых стран характерна сегодня тенденция к увеличению количества и доли переводных изданий.

Разрыв с "внешней" средой книгоиздания сопровождался и сопровождается сегодня рассогласованием всех звеньев хозяйственного механизма. Фактически отсутствует единая обобщенная связь между деятельностью различных подразделений, ответственных за издание и распространение книг. Многократно указывалось на полную независимость работы издательств от реализации конечного продукта - расходимости книг. Но еще важнее, что за нею - не скоординированность издательских планов и назначаемых тиражей со структурой читательского контингента, с динамикой общественного развития, объемами и запросами различных групп общества. Кроме того, существующая система расценок на полиграфические работы стимулирует интерес полиграфистов (а за ними и издателей) лишь к сулящим прямую выгоду видам издания, большим и постоянно растущим объемам и тиражам книг, год за годом удорожая их: с 1976 по 1985 гг. цена одного экземпляра выросла на 91%, а в последние годы растет значительно быстрее. Это существенно обедняет и в конце концов подавляет развитие видовой и качественной структуры книгопродукции, блокирует динамику стоящих за нею общественных интересов. Наконец, работа этих звеньев системы освобождена от необходимости взаимодействовать с книготоргами. Прямым давлением внеэкономического порядка последним называют издания, обреченные на нерасходимость, вместе с тем отказывая в требуемой ими ходовой литературе: в среднем обеспечивается лишь половина их заказов издательствам, по художественной литературе - одна треть. На этом же уровне стоит сейчас удовлетворение книготорговых (а стало быть - читательских) заказов на детскую литературу, а в прошлые же годы показатель снижался здесь и до 10%. Репертуар детской книги скудеет, отсутствуют целые ее разделы - история культуры, науки и техники, быта и образа жизни, издания игрового типа, биографии, энциклопедии и справочники. Уже

не удивляет, что в структуре неудовлетворенного спроса книги для детей неизменно занимают одно из первых мест. Общество, неспособное воспроизвести во времени даже самые фундаментальные ценности, знания и навыки, воплощенные в детской книге, неминуемо распадается.

Хищнической эксплуатацией материально-техническая база книгоиздательства доведена до катастрофического состояния. Реальные стимулы к технологической реконструкции и модернизации оборудования отсутствуют. Система живет хроническим перенапряжением имеющихся мощностей, а это фактически лишает ее каких бы то ни было резервов для книгоиздательского маневра. Специфика капиталовложений исключительно в сверхкрупные объекты и полиграфические комбинаты снижает эффект модернизации и амортизации основных фондов, вместе с тем сокращая возможности для развития мелкотиражного производства, наиболее оперативно и гибко реагирующего на новейшие явления в промышленности, науке, культуре. И хотя после определенного уровня концентрации производства и капитала дальнейшее укрупнение перестает давать экономический эффект, руководство продолжает настаивать на своем: тенденции издательской деятельности, растущей профильности издательств и устранения, под видом борьбы с дублированием планов и распылением средств, всяких начал многообразия и соревнования в подходах и оценках с 30-х гг. все более укрепляются.

Многолетнее сдерживание инициативы и предприимчивости оборачивается разительным снижением профессиональной компетентности, квалификации издателей и редакторов. Уровень подготовки рукописей и полиграфического исполнения книг падают строго пропорционально усилению внутриведомственного контроля за редакционно-издательским процессом. В завершении появляется класс издателей, которые вынуждены спрашивать у публики "Что издать в первую очередь?" и подают это как образец демократичности.

В организованной таким образом системе руководство защищено от оценки критики со стороны любых социальных групп и общественных организаций, а они в свою очередь лишены возможностей это сколько-нибудь систематически делать. Достаточно полной и доступной статистики книгоиздания, как и других форм публичной регулярной отчетности, столь развитых, скажем, в 20-х гг., сейчас не существует. Короче говоря, не сложился отработанный порядок установления ответственности всех звеньев системы - редактора перед автором и читателем, издательства перед общественным или "попечительским" советом, руководства отраслью перед обще-

ством в лице представителей разных групп творческой интеллигенции.

АНАТОМИЯ ДЕФИЦИТА

Итоговим выражением этих процессов стало возникновение и укрепление дефицита*, превратившегося в последние 15 лет в основной механизм регуляции деятельности отрасли - начиная с распределения бумажных ресурсов до лишения определенных творческих групп возможности публиковаться. Рост негативных явлений - коррупция на всех уровнях системы, возникновение книжного черного рынка и разнообразных форм спекуляции, вытеснение из книжной культуры многочисленных групп малообеспеченных читателей (пенсионеры, многодетные и неполные семьи, школьники и молодежь, жители нецентральных и сельских районов)**, замедление темпов экономического, социального, культурного, технического развития - прямые следствия подобной организации книжного дела. Как показывает настойчивая блокировка кооперативных инициатив в издательском деле и даже обсуждения их в печати до самого последнего времени, ведомство фактически и сегодня является единоличным корпоративным собственником ресурсов и средств производства, пытаясь не допустить в сферу своего влияния никакого партнерства и конкуренции.

К нынешнему дню книжная торговля, так как она существовала по крайней мере до начала 70-х годов (наличие известного выбора книг при сравнительно доступных ценах), фактически разрушена. По данным всесоюзного исследования ВЦИОМ (сентябрь 1989 г.), лишь у 14% читателей нет проблем с выбором книг, поскольку они могут "достать любую". Эффективность действующих каналов приобретения книг распределяется следующим образом (в % к числу ответивших):

1. достал по знакомству	18,0
2. приобрел в магазине на талоны от сдачи макулатуры	17,8
3. купил в магазине по номинальной цене	16,8
4. получил в подарок	11,5
5. купил с рук с переплатой	11,0
6. приобрел через ВОК	5,1
7. приобрел по предварительному заказу, подписке, через "Книга-почтой"	4,9
8. приобрел на работе	3,7
9. приобрел в букинистическом магазине	2,6
10. приобрел в магазине по договорной цене	2,5
11. приобрел в отделе книгообмена	2,0
12. приобрел ксерокопию, машинопись	0,7

* См.: Левада Ю., Левинсон А. "Похвальное слово" дефициту. - Горизонт 1988, №10, с.26-38.

** См. публикацию их писем: "Иллюзии и действительность". - Лит. обозрение 1988, № 6.

Таким образом, обычными книготорговыми каналами к населению поступает сегодня не более четверти всех книг, которые реально интересуют читателя, важны для него и представляют собой предмет целенаправленной покупки. Прочее же - всего лишь навязанная замена. При этом 10% книг приобретаются с двойной переплатой, 7-8% - с трехкратной, 3,5% - с переплатой в 4-5 раз, 1,5% - с переплатой в 6-10 раз и свыше 1% с более чем 10-кратной переплатой.

Иными словами, более трех четвертей книжной продукции не пользуется особым спросом, а потому в дальнейшем и не участвует в системе реального потребления - сложных и взаимосвязанных структурах перераспределения, перепродажи и т.п., т.е. всем том, что собственно и составляет сферу деятельности книжной публики.

Этот вывод заставляет перепроверить и общие декларации о наличии совокупного фонда книг, находящихся в домашних библиотеках страны. Ответственные лица из Госкомпечати СССР, постоянно выступающие с докладами об успехах отрасли, называют разные цифры: и 60 млрд. книг, и 55, и 40 и т.п. (в последнее время чаще других приводится цифра 35 млрд. экз.). Все это сопровождается нравоучительными пассажами и сожалениями о неразумном поведении читателей, гонящихся за модой, но практически не читающих приобретаемые книги. Важно понять, как получена эта цифра. Способ ее выведения достаточно бесхитроуен: складываются все тиражи начиная с 1918 г. и отсюда вычитается книжный фонд государственных и общественных библиотек (это дает примерно 65 млрд. экз.). Все прочее - чистые рассуждения и прикидки.

Исследования ВЦИОМ позволяют дать гораздо более точные данные о наличии книг в семейных собраниях. Результаты этой работы говорят о крайне тяжелых социальных и культурных последствиях, к которым приводит сегодня монополизм соответствующих ведомств (и центральных, и республиканских). Размеры потребляемой книжной продукции оказались в 3-4 раза меньше, чем те, которые приводятся чиновниками. Общий объем книг у населения составляет не более 14-14,5 млрд. томов (примерно по 50 книг и брошюр на душу, включая младенцев). Это означает, что 3/4 всего книговыпуска за годы Советской власти (главным образом, конечно, начиная с 60-х годов, когда собственно пошел массовый поток издательской продукции) в лучшем случае стали уделом макулатуры, в худшем - просто выбрасывались в помойку.

Доля же книг, реально включенных в динамику книжной культуры, не превышает, как уже говорилось, четверти всего книговыпуска, а в стоимостном выражении оборот ее перераспределения равен примерно 1,2-1,5 млрд. рублей (примерно 55-65% всей суммы отраслевой книгопродажи). Черный рынок в собственном смысле составляет лишь часть этой системы: на него приходится примерно 50-54% всего объема переплат за книги. Иначе говоря, его объем в стоимостном выражении равен 0,6-0,8 млрд. рублей.

Если учесть, что подавляющее большинство книг, попадающих в структуры неформального распределения, вышло не ранее 1980 г., то все сказанное существенно и означает полный развал всей государственной издательской системы и механизмов ее управления. Фактически система Госкомпечати СССР в условиях кризиса последних лет не нашла ничего лучше, как частично включить в свою деятельность элементы спекулятивного и чернорыночного перераспределения, и тем самым - узаконить их. Реального эффекта для населения эти меры не дали и дать не могли, поскольку они, с одной стороны, лишь расширяют сферу дефицитных отношений и теневого потребления, стабилизируя структуру черного рынка, выступающего своеобразным биржевым механизмом ценообразования, а с другой - адаптируют систему (включая собирателя и читателя) к вновь входящим книгам, еще не определившимся по действующему курсу. Иными словами, включение элементов теневой экономики спасает ее и продлевает ей жизнь. В отношении же динамики собственного культурного процесса это ведет к культурному мародерству издательских монополистов, паразитирующих на прошлом ранее не издававшихся писателей, лишая этим нынешние творческие группы необходимого им будущего.

Одним из результатов многолетней дефицитной политики в книгоиздании стало жесточайшее социокультурное неравенство, дискриминация отдельных групп и слоев, далеко зашедшая деформация культурного наследия.

Сегодня менее 7% семей обладают более чем 40% всех книг (5,7 млрд. томов). Другие 28% семей владеют еще половиной совокупного книжного фонда (7 млрд. томов). Итого, на полках 35% семей сосредоточено свыше 90% всех имеющихся на руках у населения книг, тогда как почти две трети семей владеют лишь 10% книгопродукции (в основном это учебники, школьная классика, справочная литература). Если говорить более детально, ситуация выглядит так:

НЕ ИМЕЮТ КНИГ	32,5%	(23,1 млн. семей)
имеют до 100 книг	32,4%	(23 млн. семей)
до 300 книг	21,1%	(15 млн. семей)
до 500 книг	7,2%	(5,1 млн.)
до 1000 книг	4,2%	(3 млн.)
до 1500 книг	1,1%	(0,8 млн.)
свыше 1500 книг	1,4%	(1 млн.)

ПОТЕНЦИАЛ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ ДИНАМИКИ

Объем личного (семейного) культурного достояния варьируется по национальным регионам страны. Дело не только в том, что различны их культурные традиции - различается степень их социальной и культурной независимости от гнетущего диктатора центральной власти. Последний наиболее истребительно сказывается в славянских регионах - на Украине и, особенно, в Белоруссии, накапливает глубинные конфликты в Средней Азии, существенно слабее в Прибалтике и Закавказье. Сравним ситуацию в центре с национальными окраинами, добившимися сравнительной культурной автономии от центра:

	Москва и Ленинград	Закавказье	Прибалтика
нет книг дома	10	2	15
до 100 книг	23	29	25
100-300 книг	23	29	23
300-500 книг	21	16	16
500-1000 книг	8	13	11
1000-1500 книг	4	3	6
свыше 1500 книг	8	10	4

Но нынешний уровень сопротивления ведомственному диктату центра и соответственно иммунитет, жизнеспособность национальных культур от региона к региону различаются (отсюда и разное выражение этого в национальном книгоиздании). Возьмем два принятые в мировой практике показателя - число названий книг и брошюр на языке основной национальности в расчете на миллион коренного населения (степень разнообразия культурной продукции) и число их экземпляров в расчете на одного человека, принадлежащего к коренной национальности той или иной союзной республики (доступность текстов для чтения). В 1988 г. (а эти данные на протяжении последних лет не менялись) два наших показателя равнялись (в порядке убывания):

для эстонцев -	1312	для русских в РСФСР -	12,7
литовцев -	770	по СССР в целом -	14,4
латышей -	691	эстонцев -	12,2
грузин -	444	латышей -	8,7
русских в РСФСР -	332	литовцев -	7,5
по СССР в целом -	455	грузин -	5,4
киргизов -	202	молдаван -	2,8
молдаван -	182	узбеков -	2,8
армян -	161	туркмен -	2,2
азербайджанцев -	148	казахов -	2,1
туркмен -	142	таджиков -	2,1
таджиков -	129	азербайджанцев -	2,0
узбеков -	113	армян -	1,9
белоруссов -	43	украинцев -	1,9
украинцев -	42	киргизов -	1,7
		белоруссов -	0,8*

Будь это данные только о книгоиздании, мы бы здесь увидели явственную тенденцию к подавлению национального своеобразия, вытесняемого государственно-идеологическим монополизмом. Но стоит наложить эти цифры на карту национальных конфликтов последних полутора лет, как становятся очевидными далеко не случайные, не локальные и крайне опасные, кровавые последствия подобной политики. При этом насильственная русификация не означает приобщения к наиболее сложным и глубоким, этически богатым традициям русской культуры - напротив, это нищенский набор школьных сведений и идеологических догм, разрушительных по отношению к ядру традиционной культуры и морали. Опыт социологических исследований свидетельствует, что разрыв между массой и интеллигенцией в зонах национальных конфликтов (в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Азербайджане и др.), в частности, обусловленный книжной политикой, приводил к наиболее жестоким формам межнациональных столкновений. Противоположный пример цивилизованного обсуждения проблем и задач дает Прибалтика.

Но подавление национальных традиций чаще всего идет рука об руку с попыткой вытравить общечеловеческие тенденции развития цивилизации. Это можно показать на нескольких примерах книгоиздания для детей. Возьмем две наиболее различающихся между собой точки социального и культурного развития - Казахстан и Эстонию (различия были бы резче, если взять образ жизни только коренного населения - в Эстонии оно составляет 2/3 населения республики, в Казахстане - менее 1/3). В Казахстане нет детских книг дома у 22% семей,

* Характерны различия и на уровне реального читательского поведения (затрат на покупку книг): если житель в Средней Азии в год покупает книг на 1 р. 50 коп., на Дальнем Востоке - на 2 р. 50 коп., в Московской области - на 6 руб., в Москве - на 16 руб., то в Латвии - на 10 руб., в Эстонии - на 20 руб. (причем в отдельных городах, скажем Тарту, этот показатель еще выше - 23 руб.).

в Эстонии - у 9%, тогда как домашние библиотеки свыше 1000 томов есть у 15% опрошенных в Эстонии и 2,5% в Казахстане. Характерно, что структура запросов на жанры и темы детской книги в Казахстане практически совпадает с общесоюзной (это прежде всего сказки, приключения и фантастика), тогда как в Эстонии это - энциклопедии и словари (их хотят приобрести 46% при среднесоюзных 29%), книги для любительских занятий (45% при средних 25%), о природе и животных (43% при средних 28%). Иными словами, можно говорить о разных формах цивилизационного процесса: первичной - в одном случае, развитой, европейского типа - в другом. В последнем случае ведущими становятся ценности, связанные с рационализацией повседневного поведения, культивированием практических умений и этических навыков, интересом к общей и национальной истории и т.п.

КОНВУЛЬСИИ АППАРАТНОГО ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Описанная ситуация в целом не может быть принципиально изменена, пока центральные позиции в книжном деле принадлежат самому издающему ведомству, а судьбы книг решают редактор, типограф, работник книготорга, представитель аппарата. Решения последних коллегий Госкомпечати по-прежнему направлены на сохранение привычного положения дел. Выдвигать на первый план фигуру редактора, аттестуя его "опытным" - это значит фактически проводить ведомственные интересы контроля над культурным процессом силами "среднего звена" в условиях, когда по обстоятельствам приходится, увы, сокращать "верхние этажи". Однако, непомерное разрастание объемов работы сотрудников этого звена вызывает с их стороны лишь сопротивление переменам, поскольку при нынешнем положении они нимало не заинтересованы в интенсификации и повышении качества труда. Расширение же редакторских полномочий вплоть до превращения редактора в "соавтора", сколько не именууй его подход "творческим", неминуемо сказывается на уровне публикуемых текстов, снижая его до средней нормы.

Этой же стабилизации и даже еще большему окостенению существующего порядка содействуют, как ни парадоксально, предпринимаемые в последнее время кадровые перемены. Поскольку они остаются передвигаемыми фигур из той же коробки шахмат, сокращенные работники управлений Госкомиздата лишь спускаются на один социальный "этаж" и проводят ту же политику ущемления книжной культуры, скажем, в планово-

финансовых отделах редакций и издательств на местах зам.директора или главного редактора. При этом прежние установки на единообразие и массовидность издательской деятельности реализуются под лозунгами экономической реформы: сокращение количества планируемых к выпуску изданий, увеличение тиража и объема изданий диктуются теперь уже требованиями самоокупаемости работы каждого редакторского звена, прибыльности каждой книги.

Вообще в последние годы тасуемое руководство отраслью заметно усваивает жаргон перестройки и реформы. Однако эта бюрократическая гибкость ни на йоту не сказывается на долговременных тенденциях всей системы книгоиздания. А их можно свести к трем характеристикам: год от года сокращается число изданий и растет их средний тираж (массовизация уже отработанных и апробированных образцов сопровождается подавлением нового, наиболее творческих и продуктивных групп); книги в среднем все толще (рост объема книги отражает не уровень работы или фундаментальность издания, а прямолинейную логику планирования и учета, что в свою очередь затягивает сроки подготовки и тем самым замедляет культурный процесс); книги делаются все дороже, т.е. за политику ведомства платит потребитель. Поясним эти моменты.

За последний год общее число изданий еще раз сократилось на 6% (а если сравнить с пиком разнообразия, достигнутым в 1974 г., то на 12%). Однако, руководство обещало провести это сокращение исключительно за счет общественно-политических пропагандистских поделок. Реально же число названий ОПЛ сократилось на 7% (средняя величина по отрасли), тогда как основной удар пришелся на книги по науке и технике - их число за год уменьшилось на 17%. Сравним: в США число изданий по науке и технике удваивается каждые 6 лет, в мире это происходит каждые 10-13 лет.

В сравнении с дореволюционной эпохой средняя отечественная книга стала толще в 3 раза, в сравнении же с предвоенным 1940 г. - в два раза. И это при том, что в мире средний объем книги составляет 7-8 п.л. (среднему объему книги соответствует высокая оперативность выхода и низкие цены при чрезвычайно дифференцированной ценовой политике). У нас же только центральные издательства системы Госкомпечати СССР ежегодно и практически бесконтрольно повышают цены на свою продукцию в среднем на 8-9%, на художественную литературу - на 15-20% (напомним, что речь в данном случае идет о номинале, читатель же вынужден платить 2-3 номина-

ла). И инициатором повышения цен являются именно издательства Госкомпечати СССР, республиканские и ведомственные издательства лишь тянутся за ними, существенно отставая по срокам.

Директивное назначение цены, т.е. фактическое выражение монополии, позволяет в собственных целях манипулировать доступом читателя к нужной ему книге, перекладывая издержки от выпуска одного вида литературы (например, идеологически-выдержанной массовой политической - она наиболее дешевая) на другую - научную, справочно-энциклопедическую, художественную. Именно поэтому только у нас возникает абсурдная ситуация, когда дороже всего стоят книги, которые больше всего спрашивают. Опять-таки лишь в подобной ситуации ведомства, не печатавшие прежде по соображениям идеологического целомудрия Набокова и Бердяева, Фромма и Франциска Ассизского и проч., ныне ставят на них или вынуждают назначать немислимо высокие цены. 5 рублей стали начальной ценой сегодня любой хорошей книги, даже если объем ее не превышает 100 страниц.

Выходом из кризиса на уровне организации книжного дела в целом может стать лишь сознательная политика и система последовательных мер, направленных на децентрализацию социально-экономической структуры и управления отраслью. Необходима своего рода антимонополистическая стратегия и даже "антитрестовая" политика. Из отечественной истории, а также из практики социалистических стран и опыта развитых государств мира известно: оптимальные условия развития производства и рынка обеспечиваются таким соотношением крупных и мелких производителей, когда крупные фирмы или концерны выпускают порядка 35-40% всей товарной массы, а 60-65% ее создается на средних и мелких предприятиях и фирмах. Крупные производители при этом основу для ускоренного оборота потребительской массы товаров, снижения цен, финансирования стратегических разработок новых видов номенклатуры, новых направлений в технологии, постоянного движения самих потребительских групп. Более мелкие же - образуют гибкую систему реагирования на растущий диапазон запросов дифференцированных групп покупателей. Изменение подобных пропорций в любом случае ведет к замедлению развития и, в конце концов, застою. Такова самая общая посылка преобразований, необходимых в книжном деле. Однако, прежде чем ее конкретизировать, стоит остановиться на некоторых соображениях принципиального порядка.

ТОТАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК ИДЕОЛОГИЯ МОНОПОЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Как показал опыт ранее проводимых или планируемых реформ в обществе и его подсистемах (прежде всего - в экономике), их проекты в очень слабой мере сопровождались анализом расстановки различных социальных сил на момент и в перспективе реформ. Какова наличная композиция социальных групп и институтов, чьи интересы и представления будут неминуемо затронуты предполагаемыми реорганизациями, - этот вопрос чаще всего даже не задавался. Соответственно, редко когда осознавалось как проблема и фактически учитывалось возможное открытое или пассивное сопротивление переменам, а характер и направленность задуманных изменений именно с данной точки зрения практически не оценивались. Между тем, здесь скрыт целый клубок проблем.

При доминирующем единомыслии, приведшем помимо прочего и к атрофии социальной аналитики (а она - в отсутствие собственно экономических механизмов обмена - должна была бы представлять разнородность групп и институтов, их интересов и ценностей), за рамками проектов оставалась вся сложность социокультурного устройства общества. Отсутствовало ясное сознание того, что различные социальные общности располагают разными идеологическими, культурными и ценностными ресурсами. Разнятся их самопонимание, а стало быть - характер оформления и воспроизводства их ценностей в системе общественных институтов. Различаются их традиции и представления о социальном целом, о человеке, о группах, с которыми они вступают во взаимодействие. Длительное господство партийно-государственной бюрократии с ее идеологической максимой социальной однородности на стадии собственного бесконтрольного господства привело, среди прочего, к катастрофическим для выживания общества деформациям социальных связей, их разрыву, разрушению образцовых, партнерских социальных групп, уничтожению механизмов, которые могли бы представить их интересы. Единственным средством социальных коммуникаций стал язык административного управления, что с течением времени породило своего рода стратегическую "глухоту" управляющих в отношении других социальных сил, к кризису общества и самих фундаментальных навыков жизни в нем, базовых социальных умений. Однако, и вызванные необходимостью реконструировать "обратные связи" реформы и реорганизации вынуждены по сей день использовать столь же бедный арсенал

социальных представлений, что и прежний управленческий набор идеологических стереотипов. Поэтому одна из главных задач социальных наук сегодня – вернуть в игру всю многомерность общественной реальности, сделав доступными для анализа особенности мотивации различных действующих лиц, их представления о себе и других, структурах их ориентаций и балансе гратификации поведения.

На нынешний день достаточно ясно, что центральный момент реализации программы "перестройки" – это эффективный контроль над бюрократией. От ответов на вопросы, как аппарат понимает реформу, что он вкладывает в это понятие, под действием каких конкретно интересов идет в нормативных актах и инструктивных документах рабочая интерпретация важнейших положений программы, лозунгов политического руководства, зависит и результативность планируемых изменений, и тактика политического блокирования бюрократического сопротивления. День за днем опасность того, что реформа выльется в чисто карьерную перегруппировку аппарата с вытеснением отдельных консервативных и одиозных фигур номенклатуры, фазовым омоложением состава, но без принципиальных и глубоких, структурных социальных преобразований, становится все реальной.

Поскольку эти моменты сил действуют сегодня практически в любой сфере жизни общества, необходимо хотя бы в самых общих чертах уяснить себе идеологию аппарата, диктуемые ею выбор средств и направления, по которым идет усвоение и рутинизация политических решений.

Важнее всего, что инициатива реформы принадлежала политическому руководству страны. Идеальный состав программы выхода из кризиса, конечно же, вобрал в себя весь опыт дискуссий между представителями различных интеллектуальных течений последних, как минимум, двадцати лет. Но этот факт в данном случае не столь значим, как то обстоятельство, что именно политическая власть, а не исполнительский аппарат и не распыленные группы интеллектуалов стали побудительной силой, начальным толчком социальной динамики. Здесь обнаруживается устойчивость всей характерной для нашей фундаментальной структуры социокультурных традиций и организации политической культуры, которую можно было бы условно назвать идеологией модернизации (или форсированного развития). Еще Пушкин, размышляя над особенностями политической истории русского общества, парадоксами громадной империи, сравнительно недавно пережившей резкое изменение структуры, писал: "У нас правительство

всегда впереди на поприще образованности и просвещения"; "Правительство все еще единственный европеец в России".*

Именно программа "просвещения", достижения в будущем более высокого благосостояния, культуры, здоровья и благополучия населения становится основной формой узаконения власти при слабости традиционных ценностных оснований, которые санкционировали бы социальный порядок. В стране, где сильны традиции имперской полукрепостнической бюрократии, где исторически слабо развиты представительные демократические институты, где, соответственно, отсутствуют или почти не выражены собственно политические структуры, корпоративные или сословные образования (включая церковь), автономные общества и союзы, где в интеллектуальной культуре чрезвычайно значимы идеи популизма и народничества, - здесь подобные программы интенсивного ускорения в развитии полудеревенского общества, а также сопровождающие их идеологические обоснования неотложности перемен и требования поддержки со стороны всех без исключения социальных сил, разовой и тотальной мобилизации становятся важнейшими политическими составляющими идеологии власти в ее поисках всеобщего признания. Эффективность реализации заявленной программы есть в этих условиях основной критерий законности притязаний власти, ее "легитимности". (Это в полной мере относится и к ведомственной власти в ситуации кризиса, когда ряд атрибутов центрального политического руководства переходит к различным могущественным ведомствам.). Мало этого - степень принятия этих идеологических постулатов или их, напротив, эрозия оказывают важнейшее и вполне самостоятельное воздействие на общество, сами становятся динамической составляющей социальных процессов, укрепляя или ослабляя общественные силы, взаимосвязи различных институтов.

Периодический кризис общества или переломные моменты развития страны всякий раз связаны именно с проблемами усиления культурных обоснований власти как главной структурообразующей силы общественной жизни - с поисками укрепления легитимной базы, попытками мобилизовать иные социальные и культурные силы для определенных целей и стратегий развития. Понятно, что опора при этом ищется уже не в инструментальных структурах аппарата, а в культурных элитах и других группах, нередко выдвигающих собственные

* См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Понятие литературы у Тьнянова и идеология литературы в России. /Тьняновский сборник. Вторые Тьняновские чтения. Рига, 1986.

контрпроекты развития. Важно, что это группы с автономными ценностями и самоопределениями, более того - группы инновативного характера, продуктивные в культурном и социальном плане, выступающие потенциалом общественной динамики. Но диалектика формирования и привлечения этих сил поддержки каждый раз осложняется тем, что чисто инструментальные структуры, исполнительский аппарат, созданный под реализацию предыдущей программы, периодически присваивает господствующие позиции и связанные с ними источники материальных и культурных ресурсов, сохраняя свою значимость, поскольку различные системы социальной организации (законодательная и исполнительная власть, экономические и контрольные механизмы) остаются по-прежнему не расчлененными. Так складывается противодействие сил ускорения и механизмов торможения социальной динамики.

Отметим, что и сама *идеология* форсированного развития вовсе не обязательно становится рабочей *стратегией действия*. Более того, для точности социального анализа эти моменты необходимо всякий раз тщательно разводить, поскольку функции данных представлений и опирающихся на них в своей деятельности сил различны. В одном случае, это культурная легитимация власти, в другом - характер господства и авторитета, основанного на определенной исполнительной стратегии властеосуществления.

Однако, в наших условиях обычно такое присвоение власти, когда программы развития превращаются в средства удержания господства, а планами на будущее отчитываются за прошлую работу. Возможность достигнуть некоего искомого состояния в перспективе превращается в претензию уже сейчас взять командные высоты, удержать руководящие или, по крайней мере, контролирующие позиции надо всей системой воспроизводства и распределения (это относится и к главному обстоятельству в сохранении власти - кадровому контролю). Следуя за классическим определением М.Вебера, можно сказать, что господство в повседневности выражается именно как массовое управление. А потому особенности культурного обоснования авторитетных позиций имеют самое прямое отношение к складывающейся специфике социальных связей уже в широком плане - к представлениям руководства об особенностях общества, субъектах социального действия, границах их правомочности, условиях социального порядка. Тем более, когда - как это характерно для отечественных условий - управляющий аппарат берет на себя осуществление всех

важнейших функций общества - от хозяйственных до воспитательных.

При подобном тотальном и единообразном контроле и управлении действия ведомств, опирающихся на исключительно дидактическую идеологию, имеют своим следствием постоянное и необратимое ограничение многообразия функционирующих в обществе традиций и образцов. Это и понятно: ведь культуре, в ее ведомственной трактовке, задана единственная функция - доводить исходный "человеческий материал" до однозначной нормативной кондиции. Поэтому фонд и содержательный объем культуры принимают здесь вид типовой учебной программы. Отсюда - нестремимые из ведомственной идеологии представления об обязательном "ядре" (неважно, массовой библиотеки или торгового ассортимента), единственно верном учении, подлинно научной - читай, первой и последней - концепции развития того или другого и т.п.

Любое взаимодействие при этом рассматривается по образцу коммуникативных контактов однонаправленного, командного типа, которые выстроены по оси господства: вышестоящий задает цели, средства и алгоритмы действия, нижестоящий их просто исполняет. Собственно, исполнение становится ведущей признанной и работающей формой социального действия и взаимодействия. Впрочем, отметим, что здесь мы имеем дело скорее с исполнением исполнения, "исполнительностью", которую специфическим образом демонстрируют представителям власти. Те же, в свою очередь, предъявляют соответствующие властные характеристики и атрибуты. Каждый разыгрывает норму собственного поведения в представлении партнера. "Вне" подобной, замкнутой на себе и единой для всех, ситуации ничего и никого - других по типу участников, целей и ценностей - нет. Она в этом смысле непродуктивна и есть, по сути дела, процедура удостоверения власти, с одной стороны, и зависимости, с другой. А потому и восприниматься она должна как "вечная": ведь, кроме некоторых кадровых перетасовок и тактических кампаний с их смелой лозунгов и вывесок, в "главном" и "по-крупному" ничего иного не будет и не может быть.

"Двоемыслие", "вторая (черная, теневая) экономика" и т.п. феномены - обязательные спутники и "естественное" развитие описанной ситуации. Представления о равноправном - любом! - партнере, чьи действия не умещаются в рамки господства и подчинения, авторитарной дидактики и школьнического послушания, изгоняются как неэффективные, культурно недопустимые или даже социально противозаконные, но

возвращаются "с черного хода", делаясь теперь резервом для маневра в условиях тупика, запасом для лавирования одного из участников. Важно, что ситуацию при этом нет нужды изменять: напротив, принципиальная структура господства над нею даже укрепляется, поскольку есть возможность скупавить (как противоположной стороне - "сачкануть"), закулисно и бесконтрольно воспользовавшись добавочным ресурсом власти, дополнительным средством усилить свои позиции для власть имеющей стороны и способом самооправдания или компенсации - для стороны зависимой.

Столь же "логично" подобное доминирование рано или поздно завершается созданием (через сосредоточение в одних руках практически всех жизненных ресурсов) дефицитарной ситуации, будь то в производстве, торговле, информационном обслуживании, культурной коммуникации. Можно сказать, что дефицит, воплощенный, с одной стороны, в очереди, а с другой - в отделе спецобслуживания, составляет "свернутую" базовую формулу реальных (а не идеологических) общественных отношений и социальной организации ведомственно-командного типа. Ограничение доступа к ценным благам и манипулирование доступом к ним представляют собой способ осуществления власти и ресурс ее существования. Исполнительно-распорядительная активность (нарезание и раздача паек) выступает функциональной заменой смыслозадающей, творческой, собственной культурной деятельности. А уж дефицитаризация общественных отношений "автоматически" влечет за собой образование по этой единой матрице подобных по устройству структур кланово-, кляно- и мафиеобразного типа. Так подавленная социальная динамика и дифференциация общества выступают в формах должностной коррупции и уголовного преступления.

Поскольку перед ведомством стоит задача обеспечить себе долговременный, стратегический ресурс господства и послушания, то оно не может не ориентироваться и не опираться на все менее обеспеченные (соответственно, все менее самостоятельные) группы и слои общества. Воспроизводство по преимуществу их усредненных установок и стандартов во всех видах деятельности - от промышленной технологии до выпуска книг и телепрограмм - как раз и становится этим искомым средством самоувековечения, дающим возможность заблаговременно консервировать развитие ради сохранения командных полномочий и систем. Так что вытеснение культурогенных групп из сферы печатных коммуникаций в кружки устного общения - не просто автоматическое следствие массовидной

социальной и культурной политики монополевой власти, но прежде всего превентивная и целенаправленная деятельность аппарата по парализации возможных, но нежелательных источников общественной динамики (своего рода профилактическое "подрезание связей"). Легко понять, что сам аппарат все больше рекрутируется из тех же слоев, составляющих его социальную базу, а культуропроизводящие группы вводятся в замкнутый, партикуляристский режим существования: они составляют еще одно "теневое" общество со своей "второй" культурой.*

Именно поэтому как исследователю, так и практику планируемых реформ в любой сфере общественной жизни и культурной активности необходимо различать те представления о человеке и образы общества, которые кладутся в основу программ контролирующих ведомств, с одной стороны, и выдвигаются социальными группами инновативного плана, держащими все многообразие культурного наследия и обеспечивающими общественную и интеллектуальную динамику, с другой. Для операциональных целей здесь можно крайне схематично выделить два доминирующих представления об обществе.

Начнем с ведомственного. Общество тут есть система административно-отраслевого управления всем социальным целым. Она опирается на рационализацию и распределительную экономику, соответственно - директивное планирование и централизованную координацию, распределение ресурсов и кадров, жесткую иерархию целей и социальных приоритетов. Социальное целое представляется такому сознанию как бы гигантской фабрикой с функциональным разделением и однозначно определенным характером труда. Соответственно и индивид трактуется здесь исключительно как субъект общественного воспроизводства с минимальными техническими навыками в исполнении извне заданного объема и характера деятельности. Его идеологическая вменяемость тождественна способности принять смысл существующего социального порядка и свою роль в нем. Сами антропологические характеристики сведены, с одной стороны, до известного разнообразия человеческого материала "на входе" (природные свойства и задатки), а с другой - до репродуктивного воспроизводства способностей к исполнению заданных функций (воспроизводству закреплённой структуры рабочих мест, регулируемых мобилизационных потоков): они равны сумме "общественно-необходимых

* Подробнее см.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Параллельные литературы. /Родник, Рига, 1989, № 12.

потребностей". Иными словами, общество здесь - это население, проходящее "трудовую школу", а потом "трудовую армию", с вынесенными вовне подсистемами постановки и выработки целей, обеспечения согласованности действий, их опосредования и т.д. При неизменном характере целей - воспроизводить программу форсированного развития, приобретающую свойства рутинизирующейся идеологии, - функции политической власти фактически сводятся только лишь к необходимости контроля над поддержанием статус кво. Говоря по-другому, в социальной практике лозунги единого рывка и мобилизации всех сил оборачиваются тенденцией к консервации общественных отношений. Идеология развития сталкивается со структурой власти. Модернизацию такого типа правильней назвать замещенной или подмененной.

Другое представление об обществе складывается вокруг идеи социального союза - саморегулирующейся и самовоспроизводящейся системы взаимодействий, в которые включены различные, самоценные и потому равнозначные социальные партнеры, группы и институты. Понятно, что эта система основана на иных началах воспроизводства, нежели первая структура ведомственного типа - на собственно "культуре". Так понимаемое общество функционально дифференцировано, обладает механизмами конкурентного выбора программ развития и путей их реализации через оценку инновационной деятельности специализированных групп. Соответственно, оно располагает иной по составу и устройству системой культурной памяти, набором символических посредников, фондом репродукции: действие этой системы опирается на универсалистские и обобщенные механизмы письменной культуры.

Различие самих идей и принципов этих разных социальных образований, скрытое за обычно не проясняемым словом "общество", крайне редко осознается даже в профессиональной среде, не становится предметом научных дискуссий. Скажем, выдвигаемые в последнее время специалистами проекты экономических реформ и социальных преобразований содержат в качестве базовых и, как правило, не обсуждаемых предпосылок представления о рационально действующем индивиде, рассчитывающем средства достижения цели, осознающим четкую мотивацию поступков и т.д. Неявно полагается, что достаточно предложить разумные схемы действия, как рациональный экономический либо социальный субъект примется за их исполнение. Почему бы, на самом деле, ему отказываться от дальнейшей оптимизации своего положения и поведения? Не станет же он поступать во вред самому себе.

Тем более неожиданно воспринимаются явления и факты, со всей определенностью свидетельствующие о том, что тщательно продуманные и выстроенные проекты и программы не работают (а потому с течением времени становятся достоянием архивов или предметом упований).

Представления о человеке, лежащие в основе такого рода проектов, дополняются соответствующими императивами демократизации производства, управления, процессов принятия решений, максимального приближения их целей и результатов к непосредственно действующему социальному субъекту. Между тем, о природе и определениях этого субъекта и ведутся основные споры. Чаще всего он понимается как натуральный носитель "объективных" социальных качеств и свойств - образования, квалификации, дохода, положения и т.п. с однозначными мотивациями, детерминированными этими качествами. Легко видеть, что эти свойства представляют собой проекцию на "нейтральный" человеческий материал совершенно определенных представлений об обществе. Оно понимается как дифференцированная система взаимодействий, которые осуществляют правомочные индивиды в своих взаимодополнительных ролях, чье поведение диктуется общими ценностями и согласованными нормами - достижения статуса, повышения эффективности своего труда, соответствующего вознаграждения и т.д. И вот весь этот массив представлений вводится в социальную действительность, которая на всей временной глубине, где еще сохраняется ее равенство себе, демонстрирует свойства совершенно иного устройства и функционирования. Тем самым, сближаются два генетически различных типа социально-антропологических представлений: во-первых, образующие программу авторитарно-административного аппарата уплотненные радикалы "просветительского" рационализма, а во-вторых - базовые элементы потребностной идеологии прикладной социальной работы, составляющие идейную основу для консолидации обслуживающего корпуса социальных наук. Они восходят к тем же истокам, но восприняты уже через плоско понятый функционализм или позитивистский социал-органицизм.

Но ведь в отличие от административной идеологии управляемого "нашего человека", идея рациональной экономической мотивации - "человека экономического", которая лежит в основе проектов реформ, предполагает совершенно иной социально-культурный контекст. Мы о нем уже говорили: он воплощен в идее общества как союза, динамической целостности, саморегулируемой системы. Эта формальная конструк-

ция допускает любые ценностные и содержательные наполнения. Иначе говоря, работа с ней требует конкретно-исторического социального анализа того, какие культурные рамки определяют смысл соответствующих экономических или социальных действий. Тем самым, ответы на вопросы, какие именно содержательные мотивы, регулятивные идеи, ценностные представления скрыты за данным типом экономического поведения и его субъекта, определяются всей совокупностью традиций и норм, соотношением групп и социальных сил, образующих данный социокультурный порядок. За необсуждаемым постулатом рационального поведения стоят структуры господства, по видимости принявшего "объективную", "самоочевидную" форму принудительной реальности.

Подытоживая сказанное об идеологии монополистического господства, подчеркнем, что всеобщий и единообразный характер власти имеет своим идейным коррелятом программу экстренного развития социального целого. Именно чрезвычайностью задач узаконивается сосредоточение управления в руках одного лица при поддержке ограниченного исполнительского аппарата и экспроприации всех имеющихся социальных и культурных ресурсов во имя предполагаемого общего блага и в общих интересах. В длительной исторической перспективе ясно, что присвоение и практика власти, основанной на подобной программе идеологии как культуры, имеет своим следствием периодический кризис общества. Он развивается в форме бюрократизации собственно политических структур, завершаясь бюрократизацией любых видов институционального взаимодействия - стагнацией, застоєм. Выход из него всякий раз осуществляется как поиск верхними эшелонами руководства опор за пределами и поверх аппарата. А это, соответственно, влечет за собой частичное усвоение или полное принятие культурных программ инновативных социальных сил, слоев и групп. В этом смысле перестройка политических структур только и позволяет включать как таковые экономические механизмы и межгрупповой и межинституциональной регуляции.

К СВОБОДЕ ИНИЦИАТИВ

Именно в силу этих обстоятельств отдельные чисто экономические преобразования (введение полного хозрасчета и др.) наталкиваясь на противодействие административно-приказных структур, либо целиком парализуются, либо до бессмыслицы трансформируются ("кое-какой хозрасчет"). Необходи-

мая радикальная перестройка общественной, хозяйственной, культурной жизни требует прежде всего реформ систем управления - совокупности организационно-политических и опирающихся на них экономических и правовых изменений, итогом которых должна стать децентрализация управленческого устройства. А она, чтобы дать желаемый эффект, должна опираться на понимание различий между двумя принципиальными способами организации общественной жизни, о которых речь шла выше, - различий между идейными программами, между выдвигающими и поддерживающими их социальными силами и группами.

В рамках книжного дела это означает функциональное разделение издательской системы на два типа образований:

- совокупность издательства, связанных с подготовкой и выпуском текстов любого рода, которых в книгообороте ранее не было. Это могут быть впервые созданные, впервые подготовленные к печати, впервые составленные в таком виде издания. Их общее функциональное значение - введение новых идей, информации, образцов, видов издания, входящих в конкуренцию с другими новинками. Подобные предприятия предусматривают известный издательский риск, допускают возможность неуспеха, что должно было бы гарантироваться частичной дотацией - своего рода авансированием развития;

- совокупность крупных типизированных издательств, объединений или даже синдикатов, связанных с воспроизводством или комбинированием уже получивших признание текстов, ротационным тиражированием классического или нормативного состава письменной культуры (науки, литературы, искусства и проч.).

Именно к этому последнему типу издательств тяготеет нынешняя система Госкомпечати СССР и ведущее направление его книжной политики. Поэтому активнее всего в ведомственной прессе обсуждаются проблемы издательской деятельности подобного направления, хотя наиболее серьезные вопросы и задачи связаны как раз с реконструированием издательств первого, инновационного типа. В силу комплекса причин подобные экспериментальные, малотиражные предприятия были в конце 20-х - начале 30-х гг. практически уничтожены (а между тем вся нынешняя научная и литературная классика XX в. впервые публиковалась именно в них). С ними же оказались устранены и все возможности опосредованного воздействия различных общественных групп на книжное производство и потребление. Восстановлению этих звеньев сейчас препятствует прямое сопротивление отраслевой бюрократии,

демагогически отождествляющей задачи удержания власти с интересами общества в целом, отстаивающей свою некомпетентность сокрытием информации о положении дел в отрасли и апеллирующей к самым широким слоям не обеспеченных книгой ранее и потому малоподготовленных читателей.

Чтобы устранить нынешний, губительный для книжной культуры в стране, монополизм руководства, следует предоставить максимальные возможности для самого широкого развития сети издательств, независимых от централизованного государственного управления (как прямого, директивного, так и косвенного - через кадры, распределение ресурсов, контроль над темпами и прочее). В нее должны входить:

- автономные издательства научно-исследовательских институтов и ВУЗов, включая региональные;

- издательства творческих союзов и культурных обществ, включая местные;

- журнальные издательства и их объединения;

- система кооперативных и частных издательств, не только литературных, но и научных, историко-культурных, справочно-информационных, вплоть до журнально-газетных, имеющих различную структуру и тип организации и наделенных возможностями арендовать или выкупать производственные мощности госсектора;

- хозрасчетные и кооперативные, частные и акционерные фирмы, магазины, склады и базы, обеспечивающие прямые договорные взаимосвязи издательств разного типа, от государственных до частных;

- смешанные акционерные объединения советских издательств разного типа;

- смешанные предприятия с зарубежными типографиями и издательскими фирмами, с привлечением капиталов из-за рубежа;

- различные формы кредитования книжного дела, включая банк для финансирования частных, кооперативных и смешанных издательств, типографий и экономического контроля над ними;

- различные фонды для поощрения определенных видов долгосрочных и культуроемких изданий (энциклопедий, серий и т.п.).

Только издательства этого рода способны взять на себя весь риск и наиболее трудную часть экспертизы, апробирования и селекции того нового, что создается инициативными группами общества. Тогда как освобожденные от поиска авторов, чтения и сортировки потока поступающих текстов, крупные

издательства государственного подчинения (собственно - госсектор в издательском деле, типа прежнего Госиздата) сконцентрировались бы на качественной подготовке крупных и дорогостоящих проектов, которые обеспечивали реализацию общенациональных культурных программ, непосильных для средних и мелких фирм - выпуск книг по системе госзаказов (прежде всего для коллективного адресата - государственных же массовых библиотек, школы, вузов и т.п.), собраний сочинений отечественных классиков, национальных энциклопедий и библиографий, солидных серий и т.д. В целом это были бы уже не нынешние 240 издательств-гигантов, типизированных и профилированных, а несколько тысяч издательских фирм, независимых от идеологического диктата, от казны, от ограничений по тому или иному типу собственности. Их деятельность регулировалась бы исключительно экономическими механизмами, способными опосредовать любые социальные взаимосвязи.

В этом случае система собственно Госиздата строила бы свою работу на планировании и учете потребностей в уже апробированной литературе со стороны точно известных социальных групп и демографических контингентов. Именно при переиздании и воспроизводстве централизованное планирование становится достаточно эффективным инструментом управления, поскольку вопросы прогнозирования спроса переводятся в плоскость точно сформулированных маркетинговых задач.

Отказ от тотального планирования и контроля над всей книжной продукцией фактически упразднил бы в ее нынешнем виде и "Союзкнигу". Сегодня она выступает тормозом книгооборота и дополнительным механизмом удлинения сроков и удорожания издания, прибавляя к году редакционного процесса и году типографских, переплетных и т.п. работ еще год деятельности рутинно-бюрократической системы сбора заказов и определения тиражей даже там, где это вполне могло бы быть предоставлено прямым связям небольших издательств с потребителем. Существование множества автономных издательств, автоматически - в силу действия экономических факторов - обслуживающих свои, определенные сектора тематического рынка, позволит гибко приспосабливаться к запросам дифференцированных групп потребителей. Поскольку эти издательства малотиражны, им достаточно картотек постоянной клиентуры и не нужны системы сбора информации по стране.

Потребности динамического развития книжной культуры требуют на уровне издательства исключить фигуру редактора в том смысле, в каком она была принята на ранних этапах "культурного строительства" в стране и в крайне архаическом виде сохраняется сегодня. Ключевыми фигурами издательского процесса должны являться автор (для впервые выходящей книжной продукции любого содержания) и читатель (для литературы, подлежащей переизданию). Цензура и контроль над содержанием полностью исключаются, поскольку в основных параметрах регламентированы соответствующими юридическими документами и институтами (в первую очередь - Законом о печати, а также, несомненно, должном вскоре появиться законе об авторских правах и интеллектуальной собственности). В остальном обеспечение издательского процесса разделяется между тремя специалистами. *Редактор* принимает на себя функции эксперта и несет за это исключительно экономическую ответственность: в его задачи входит главным образом привлечение и организация перспективных авторских сил, за качество же и содержание рукописи, за приводимый материал и т.п. отвечает автор. Подготовка рукописи к печати - функция *технического редактора*. И наконец, необходим *агент-посредник* (функции которого узурпировал сегодня ВААП, однако он абсолютно не способен даже и при желании их осуществлять), который оперативно и на взаимовыгодных условиях обеспечивал бы готовому оригиналу оптимальные условия продажи, полиграфическую базу и соответствующие рынки.

Передним краем социальной и культурной динамики выступает, как показали несколько последних лет, периодика*. Журналам следует представить финансовую и экономическую независимость от сегодняшних их "хозяев", переводя их на полный хозрасчет (включая копирайт на впервые публикуемые произведения или данные, которые, отметим, только и имеют ценность на реальном сегодняшнем международном рынке). Они должны быть признаны полноправными хозяйственными и юридическими субъектами, наделенными правом заключения договоров на полиграфические работы необходимого объема и качества с теми типографиями, где это им выгоднее, в том числе по договорным ценам за сменность работы. Тем самым деятельность журнала сама стала бы подчиняться экономическим механизмам: цена номера, штатное расписание, распределение прибылей (их вложение в производство, в

* Подробнее об этом см. наши публикации: "Что мы читаем?" (Лит. обозрение, 1988, №1) и "Журнал и время" (Лит. обозрение, 1989, №1).

стимулирование новых форм или на благотворительные нужды и проч.), покрытие убытков - все лежало бы на самой редакции. Перспективными представляются самостоятельные объединения ряда журналов с общей программой, типа журнально-газетного консорциума или акционерного общества, создающего единую полиграфическую и хозяйственную базу (таким был, например, созданный М.Кольцовым "Жургаз", от которого остался сегодня только "Огонек"). Следуя за процессами дифференциации интересов подписчиков и углубляя ее, при журналах в форме различных приложений к подписке, абонементов, собраний сочинений, специальных выпусков могли бы оперативно создаваться продолжающиеся серии, выходить сборники лучших вещей из опубликованных в журналах. Фактически продолжая сложившуюся внутри журнала структуру разделов и опираясь на сформированную за ряд лет аудиторию, можно более гибко реагировать на меняющиеся и усложняющиеся запросы читателей, а кроме того и развивать их, дополняя круг привычных материалов сборниками публицистики, исторических и философских работ, актуальных научных трудов, получивших общественный резонанс и т.д.

Единственным регулятором отношений с такого рода самостоятельными журналами, как и с издательствами в целом, должны стать не директивные задания и отчетные показатели, не новые препоны развитию в виде госзаказов и экономических нормативов, а прогрессирующий налог, устанавливаемый в соответствии со стандартами мировой издательской практики (т.е. не превышающий 35% прибыли) и взимаемый вне зависимости от формы собственности на средства производства. Однако налоговая политика должна иметь строго дифференцированный характер: размер налоговых отчислений не должен превращаться в фискальный насос, откачивающий у населения "лишние" средства только потому, что казне этого хочется или у нее "дырка" в бюджете, вызванная бездарным управлением. Размер налога должен расти в соответствии с объемом тиража, блокируя монополию и вал, т.е. не давая паразитировать издательствам-монополистам, и снижаясь до минимума или даже совсем отменяясь для вновь возникающих мелких издательств или имеющих некоммерческий характер, т.е. ориентирующихся на выпуск малотиражных или пробных изданий - литературных, научных, имеющих культурные или благотворительные цели и проч. В этих случаях наука и культура могли бы кормить себя сами, не нуждаясь в дотационных вливаниях и нищенских подачках от

соответствующих ведомств. В любом случае налог не может быть удушающим, чрезмерным даже для издательских гигантов, с тем чтобы не блокировать нормальный ход развития и обновления. Разумеется, налоговая практика должна учитывать и возможности поощрительного обложения, если фирмы и издательства, типографии или склады начинают вкладывать часть прибыли в совместные фонды для научно-технических разработок и технологических инноваций для отрасли в целом. Короче, делать то, что не способен делать сегодня разлагающаяся и парализованная Госкомпечать СССР, отдавшая все свои регулирующие и координационные функции на средний уровень - уровень самих издательств и их объединений (о чем свидетельствует появление издательских ассоциаций) и оставляющая за собой лишь право запрета на образование типографий отдельным группам и частным лицам. Но и это уже не надолго.

Фактом нашего общества, нашего умственного и политического развития становится понимание того печального обстоятельства, что действовавшая с 30-х годов модель отраслевого централизованного управления, каким является Госкомпечать СССР, привела книжное дело (а стало быть и развитие науки, культуры, литературы, образования в тех аспектах, которые имеют отношение к издательским и печатным формам) к развалу и острому кризису, стала причиной некроза интеллектуальной динамики, а значит и фактором торможения социальных реформ, социального развития страны в целом. Эта система отношений подлежит незамедлительной ликвидации, срочному оперированию, пока не наступила еще фаза патологоанатомического анализа и объяснения причин катастрофы и гибели всего общественного организма. Лишь переход к сугубо рыночным, экономическим отношениям может дать реанимацию нормального культурного и социального процесса, обеспечить нормальный ход технологической модернизации, формирование у работников устойчивой мотивации на повышение доходности и рентабельности своего предприятия не путем наркотического повышения цен, а оптимизации производства, в частности экономией непроизводительных расходов (сегодня слишком больших), максимизацией использования журнальной и книжной площади и т.п. Эффективнейшим стимулом развития этих социально-экономических процессов может явиться выход на мировой рынок в любой форме - вплоть до возможности печатать тираж за рубежом, если это представляется выгодным и рентабельным.

Реальностью реформа книгоиздательского дела станет лишь с образованием оптового рынка средств производства и материальных ресурсов, с переходом от фондируемого распределения сырья и оборудования к его продаже издательствам любого типа. Но начинаться оптовый рынок, строго говоря, может лишь с оптовой торговли готовой издательской продукцией и авторскими правами, а не продажи ресурсов - бумаги, техники и т.д. Только в этом случае деньги потребителя будут работать в качестве кредита под выпуск реальных товаров (в данном случае - издательской продукции, книг, журналов, альбомов и проч.), а не ведомственных суррогатов спроса. Основным критерием эффективности производства, а стало быть и социального признания его результатов, должна считаться рентабельность предприятия - движение цен, а не привилегии, обеспечиваемые принадлежностью к тому или иному сектору общественного производства. В случаях же проведения издательскими средствами определенной культурной или идеологической политики издержки ее должны компенсироваться инициаторами.

1989

ЖУРНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ*

1. Введение

1.1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данная работа является первым в нашей стране социологическим исследованием журнальной структуры, ее динамики, обусловленной крупномасштабными социальными процессами. Даже систематическое слежение за состоянием книгоиздания и журнального дела, свойственное инициативному и компетентному руководству отрасли в 20-х годах и представляющее резкий контраст с подходом нынешнего начальства, все же не касалось собственно социальных, тем более - социологических аспектов функционирования периодики. Отчасти это объясняется слабой теоретической вооруженностью тогдашней социологии и отсутствием необходимых кадров, а в известной мере - высокой профессиональной культурой тогдашнего издательского дела, возглавляемого широко образованными и опытными специалистами, умными, способными к выработке гибкой и весьма результативной культурной политики организаторами. Особенностью книгоиздательской жизни 20-х годов был не только постоянный анализ книгоиздательской деятельности в стране, но и изучение опыта дореволюционных издательств (Сытина, Маркса и т.п.), а также - состояние дел за рубежом (дореволюционная Россия была на втором месте в мире по выпуску книг, то же и в 20-х годах; несмотря на периодические кризисы, СССР приближался к первому месту, конкурируя за него лишь с Германией, ведущей книгоиздательской страной мира в те годы).

Наше обращение к изучению роли журналов было обусловлено выводами, сделанными в процессе исследования состояния книгоиздания в стране в 70-80-е годы. Оно характеризуется резким ростом дефицита, неспособностью к решению крупных культурных и политических, можно даже сказать -

* В исследовании и в написании данной работы принимала участие Н.А.Зоркая.

стратегических задач, окостенелостью системы управления и ее оторванностью от происходящих в стране процессов. В поисках выхода из этого положения наша исследовательская группа обратилась к изучению опыта 20-х годов и положения дел за рубежом. В результате обнаружилось, что в развитой структуре книжного дела огромная роль должна принадлежать периодическим изданиям журнального типа.

В первую очередь это связано с возможностями ускорения выхода книжной продукции к потребителю. В двадцатые годы, а тем более - в дореволюционное время, так же как и сегодня за рубежом, книгоиздание характеризуется чрезвычайно высокой оперативностью и небольшими сроками редподготовки. Например, в ФРГ срок редподготовки в среднем не превышает 4 - 6 месяцев (разумеется, исключением являются большие энциклопедические издания, но и там сроки несопоставимы с деятельностью издательства "Советская энциклопедия"), поскольку он ограничен необходимостью дважды в год на сезонных книжных ярмарках представлять новую продукцию. Примерно также обстояло дело и у нас в 10-20-е годы: средний объем издаваемой книги был весьма невелик (4-5 п.л.), в отличие от сегодняшних 18-20 п.л., а также 3-5 летних сроков подготовки; к тому же развитая система издательств, торговых контор и магазинов позволяла очень оперативно готовить и распространять книги. Кроме того, существовали множество переходных форм между собственно книгой и журналом: в 10-х и, особенно, в 20-х годах при каждом сколь-нибудь успешно действующем журнале имелась система абонементов (не считая оттисков, переизданий отдельных номеров и проч.), подписок и приложений, доходящих иногда до 5-8 типов), что позволяло очень гибко приспосабливаться к разнообразным запросам читателей, прикреплять их к своим периодическим каналам в качестве уже покупателей книжной продукции, т.е. не только стабилизировать и планировать спрос, но и формировать его, развивать структуру запросов своего читателя.*

* Например, "Вестник знания", издававшийся частным издательством П.П.Сойкина дважды в месяц тиражом 25 тыс., имел 3 абонемента (№1-12 книг "Классики мировой науки"; 24 книги "Вестники знания", 12 книг "История искусств всех времен и народов". №2-6 гг. Брэма "Жизнь животных", все, что в первом абонементе и т.д.). Журнал "Знание-сила", выходявший тиражом 15 тыс., имел 5 бесплатных абонементных приложений, "Советский экран" (70 тыс. экз.) имел приложением журнал "Теа-Кино-Печать" и бесплатное приложение "4 больших альбома с 600 портретами артистов и режиссеров", а также "2 художественных альбома с 300 портретами". "Смена" (тир. - 40 тыс., 2 раза в месяц) имела 1 бесплатное приложение и 1 печатное ("На суше и в море" тиражом 35 тыс.), а также 4 книжных абонемента.

Изучение всех этих обстоятельств заставили нас обратиться к анализу роли журналов сегодня. Как выяснилось, при достаточно развитой социологии печати в 60-70-х гг. журналами практически никто не занимался и опыта их изучения не было. Единственное указание на исследовательские лакуны этого рода было сделано в 1978 г. в методическом анализе имеющихся исследований печатной продукции, предпринятом О.М. Масловой. Отсутствие работ по журналам объясняется ведомственной разобщенностью социологических исследований: социологией чтения занимались, главным образом, библиотечные работники (а в массовых библиотеках к журналам обращается очень небольшая часть читателей, характеризующаяся высокими показателями образования и интенсивности чтения, не специфичными для читательской массы в целом).

Бедность и склеротизация книгоиздательских возможностей, обусловливаемый этими обстоятельствами дефицит, а также сам характер читательского поведения наиболее подготовленных слоев указывали на необходимость более гибкой системы обеспечения читателей, возможностей "шунтировки" закупоренных участков культурного процесса какими-то иными средствами и формами. На это же указывало отчасти и изучение читательской почты, в которой все чаще встречается иной принципиальный выход из дефицита: индивидуальная подписка на журналы, в отличие от книжной подписки и макулатурных талонов, близких по ряду функциональных признаков. Отличие от книжной подписки на собрание сочинений или предварительных заказов состояло в том, что здесь подписчик гораздо легче мог быть обеспечен изданием, а, во-вторых, он точно не представлял себе (до 1987 г.), что он в результате получит. Он должен был с гораздо большим доверием отнестись к самому каналу, т.е. предварительно быть гораздо больше включен в книжную культуру, лучше ознакомлен с положением дел в литературе, чем обычный рядовой читатель. С другой стороны, и сами журналы, свободные в своей содержательной работе от чрезмерного бюрократического контроля Госкомиздата и от неуклюжей системы "Союзкниги", не нуждающиеся в согласовании тематических планов, могут гораздо оперативнее откликаться на происходящее в науке и литературе, не говоря уже об актуальных событиях в общественной жизни.

Все эти соображения заставили весной 1987 г. обратиться к анализу журнальной деятельности; к существующей сети периодики, а также к ретроспективному изучению журналов.

Наш выбор подкрепило и то обстоятельство, что к апрелю 1987 г. стал ощутим начавшийся рост интереса к периодике в связи с идущей перестройкой. Изменение тональности материалов и наполнения журнальных страниц почувствовалось с конца 1986 г., что постепенно выразилось в начавшихся с июня 1987 г. затруднениях в розничной покупке периодики. Работа начиналась и первоначально велась как сверхплановая, но с января 1988 г. была включена в плановые задания Отдела социологии.

1.2. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

В исследовании намечено:

1. Изучение социальной роли журнальной периодики в системе книгоиздания в целом.

2. Общий анализ существующей структуры журналов, особенностей ее функционирования как целого, выявление лагун.

3. Общие характеристики аудитории отдельных журналов или типов журналов, среды их распространения и факторов, определяющих динамику их тиражей (без обращения к специальному анкетированию или опросу).

4. Описание динамики тиражей в связи с социальными процессами, идущими в обществе.

Характер работы. Поскольку никаких аналогов подобного подхода до сих пор не было, приходилось содержательные проблемы совмещать с поиском аналитического и теоретического инструментария исследования. При том, что преимущественный акцент делался на теоретической работе, основную часть времени занял собственно статистический анализ материалов. При отсутствии технического персонала и помощников среднего звена, вся работа от выписок данных до обчетов проводилась авторами отчета.

1.3. ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

В качестве базы информации использовались картотеки Отдела периодики и статистики Всесоюзной Книжной Палаты (находившиеся в период работы в состоянии переезда и потому не всегда полные). Надо отметить, что состояние статистического анализа в ВКП и ведение текущего учета, если судить по возможностям использования их результатов в работе, крайне удручающее. Фактически этой работы не ведется, кроме обновления самых общих рубрик. Использовались также и дан-

ные "Союзпечати", представляющие общий натуральный свод машинного учета индивидуальной, розничной и ведомственной подписки по всем изданиям за 1987 и январь 1988 г., выходящим в Советском Союзе. Кроме того, эти сведения дополнялись просмотром "де визу" журналов и других периодических изданий за прошлые годы в Государственной библиотеке им. Ленина. Здесь же осуществлялся контент-анализ публикаций за период 1986-87 гг., а также анализ текущей критики и публицистики. Были использованы также русские и советские библиографии периодики и зарубежная национальная статистика книгоиздания и печати, данные ЮНЕСКО, а также материалы анализа деятельности отрасли в 20-е годы. Исследование опиралось также на материалы различных опросов Отдела социологии, проведенных с 1986 г. по март 1988 г.

Трудности получения и обработки информации носили как организационный характер (ограниченность доступа к статистическим данным), так и чисто технический (обсчету подлежал массив сведений, явно превышающий возможности коллектива исследователей). Тем более, что материальная база предельно убога: считать было практически не на чем.

Основной массив данных был сведен в 300 с небольшим исходных таблиц пообластного распространения периодических печатных изданий, подлежащих перегруппировке и выборочному корреляционному анализу. Из-за ограниченности времени и технических возможностей для содержательного анализа были выбраны прежде всего 130 периодических изданий - "толстые" литературно-художественные журналы Москвы и Ленинграда, республиканских и областных центров (а также аналогичные издания на языках народов СССР), массовые издания, научно-популярные журналы, академические издания по общественным и гуманитарным наукам, ведомственные издания по культуре и искусству, детские, общественно-политические, партийные, молодежные журналы. Для сравнения в тех или иных аспектах, соответственно, к ним добавлялись и другие издания. Таблицы динамики тиражей даны в Приложении.

1.4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖУРНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

По данным "Печать в СССР в 1985 г.", в настоящее время в СССР выходит свыше 1524 журналов. Точное количество определено быть не может из-за различий отнесения к "журналам" других типов изданий (библиографических, информа-

ционных, рекламных и других бюллетеней, а также включении сюда закрытого или полужакрытого типа, журналов для зарубежного читателя и т.п.): колебания составляют порядка 30 названий. Распределение по типам их назначения выглядит следующим образом (база - 1553 названия).

Таблица 1

	Количество	
	В процентах	
Партийные	64	4,1
Массовые	334	21,5
из них сатирическо-юмористического характера	23	1,5
Научные	409	26,3
Научно-популярные	41	2,6
Информационные	159	10,2
Научно-производственные и технические отраслевые	322	21,3
Методические	59	3,8
Для зарубежного читателя	146	9,4
Прочие	9	0,5

Более развернутая характеристика распределения структуры журналов, выходящих на всех языках в 1985 г. (структура практически не изменяется, так что данные по этому году можно распространять и на весь период 80-х годов), может быть представлена таким образом. Всего (на всех языках) - 1569 наименований. Из них в открытую подписку поступают 1301 названий (83%). На русском языке выходят 1035 (66%); на языках народов СССР - 385 (24,5%); на иностранных языках - 149 (9,5%); реферативных журналов - 158 (10%). По тематике они делятся следующим образом:

Таблица 2

	Количество	
	В процентах	
Политические и социально-экономические	385	24
Атеизм	14	0,8
Военные	24	1,5
Естественно-научные	255	16,2
Технические	272	17,3
Торговля, общественное питание	6	0,3
Сельское хозяйство	122	7,8
Медицина и здравоохранение	112	7
Спортивные	24	1,5
Педагогика и культпросвет. учреждения	79	5
Филологические науки, литературная критика	26	1,6
Литературно-художественные	120	7,6
Детские	64	4
Искусство и искусствоведение	37	2,3
Печать, книговедение	10	0,6
Журналы универсального характера	19	1,2
Прочие	45	2,9 - 3,3
Из них молодежных	37	2,3
женских	41	2,6

С начала века средний разовый тираж выходящих журналов вырос в 16 с лишним раз, что указывает на рост "толщины" образованного читающего слоя:

Таблица 3

1911 г.	- 9,9 тыс. экз.	1960 г.	- 57,3 тыс. экз.
1929 г.	- 7,3 тыс. экз.	1970 г.	- 152,1 тыс. экз.
1940 г.	- 26,1 тыс. экз.	1980 г.	- 157,8 тыс. экз.
1950 г.	- 27,7 тыс. экз.	1984 г.	- 161,0 тыс. экз.

По средним тиражам в расчете на душу населения мы приближаемся к развитым странам. Так, например, в ФРГ средний разовый тираж журналов составляет 38 тыс. экз., а с учетом размеров населения это будет примерно равняться нашим, т.е. перерасчет дал бы примерно 180-190 тыс. экз. С другой стороны, у нас явно недостаточна и бедна сама журнальная структура, в результате чего на некоторые, сравнительно немногие журналы определенного типа (не только литературно-художественные, но и массовые, научно-популярные и т.п.) падает основная часть аудитории. Иными словами, журнальная система характеризуется крайне слабой дифференцированностью.

По числу журналов мы отстаем от подавляющего большинства развитых стран, а также - в абсолютных цифрах - от журнальной сети, существовавшей в нашей стране в 20-30-е годы. Даже в 1937 г., когда террор административно-авторитарного режима достиг одного из своих максимумов, число журналов было еще сравнительно высоко: в 1927/28 г. выходило 1675 журналов, в 1937 г. - 1880 названий. Это несколько меньше, чем планировалось к концу первой пятилетки по оптимальному плану - свыше 2000 названий. Согласно тогдашней концепции издательского дела, вполне, впрочем, согласующейся с современной зарубежной практикой, журналы должны были расти опережающими темпами. В сравнении с ведущими развитыми странами сеть журналов у нас крайне неразвита. Так, от США мы отстаем на порядок (какую систему учета мы ни избирали, даже если учитывать все периодические издания журнального типа, включая бюллетени).

Таблица 4

Страна	Число названий	Год
США (в сопоставлении с только теми журнальными изданиями, которые выходят в нашей стране 2000)	59609	1984
Франция	22443	1981
Бельгия	11256	1984
Италия	8265	1982
ФРГ	6702	1983

Страна	Число названий	Год
Великобритания	6408	1984
Финляндия	4432	1984
КНР	3100	1982
ПНР	2718	1984
Австрия	2348	1985
Япония	2138	1984
НРБ	1758	1984
ВНР	1535	1984
ГДР	11111	1983
Израиль	1100	1984
ЧССР	926	1984

В СССР, даже если включить сюда продолжающиеся издания и бюллетени, т.е. учитывать по максимуму (что неверно, но иногда делается из ложно понятых государственных, престижных соображений), число названий не-книжного и не-газетного типа не превышает 5493.

При этом число названий журналов растет главным образом за счет ведомственно-отраслевых информационных или реферативных изданий, подчиняясь прежде всего давлению научно-технического прогресса, дифференциации научно-производственной сферы: в 1970 г. выходило 1204 названий, в 1980 г. - 1428, в 1982 - 1471, в 1983 - 1490, в 1984 - 1516, в 1985 - 1524. Но если откинуть ведомственные, отраслевые и технические журналы, а взять те типы общественных изданий, которые мы включили в список для анализа тиражной динамики, то получится совершенно иная картина: из 130 журналов 126 не претерпевали существенных реорганизаций, поэтому каждый из них можно считать одним и тем же изданием, а не разными журналами, выходящими с одинаковым названием. Из них 121 начали выходить в советское время, четыре возникли еще до революции ("Вокруг света", "Работница" и др.). Из этих 121 изданий 49 (40,5%) начали выходить в период 1922-35 гг. В последующие 15 лет появился еще 21 журнал (17,4%). В первое послесталинское пятнадцатилетие (1950-1965 гг., собственно с 1954 г.) родились еще 29 журналов (24%). На вторую половину 60-х годов и 70-е годы падает время образования еще 19 новых изданий (15,7%). И за оставшиеся семь лет (1981-87 гг.) появились еще 3 издания (2,5%).

Что же получается? Если за три года (1922-1925 гг.) - наиболее интенсивный период социального строительства, сопоставимый по культурной и научной продуктивности лишь с "серебряным веком" 1901-1916 гг., появилось 21 ныне существующих журналов, то все 80-е годы породили лишь четыре журнала, три из которых упорно теряют популярность у читателя с момента своего возникновения (из них рекордсменом падения читательского уважения становится "Трезвость и культура", потерявший свыше четверти своего тиража прак-

тически лишь за первый год существования). Исключение составляет перешедший в 1986 г. из статуса альманаха в ранг журнала молодежный "Ровесник", устойчиво набирающий аудиторию (в 1987 г. - прирост 15,4%, в 1988 г. - 60%).

Для сравнения опять же укажем динамику журнального образования в начале века: за первые 15 лет (1901-16 гг.) зафиксирован постоянный выход 9713 названий, не считая еще свыше 4,5 тысяч изданий, которые по самым разным причинам - цензурным, финансовым, редакционным, издательским - не пошли дальше первого номера.

Иначе говоря, существовало большое, но в целом ограниченное число весьма авторитетных и устойчивых, успешно функционирующих журналов, но одновременно с этим шла непрерывная ротация, возникали и исчезали самые разнообразные журнальные формы. Имело место непрерывное эдиционное и социальное экспериментирование, призванное опробовать варианты и пути социального развития, представлять растущее многообразие социальных и культурных позиций, групп и образований, их интересов и идей. Ежегодно за этот период обновлялось примерно 25% всех выходящих периодических (не газетного типа) изданий. Примерно такая же динамичность социальной жизни была характерна и для 20-х годов, особенно их первой половины: об этом говорит усиливающаяся потребность во все новых и новых журналах. Нужно подчеркнуть, что интенсивность социальных и культурных процессов была гораздо выше, так как надо учесть, что эти процессы происходили в гораздо более тонком культурном и образовательном слое. Тиражи большинства тогдашних журналов с нынешними просто несопоставимы: в 20-х годах большая часть журналов имела тираж от 500 до 3000 экз., причем значительная часть имели тираж ниже 500 экз. (см. табл. 5). Крайним исключением был лишь кольцовский "Огонек", единственный журнал, имевший тираж 450 тысяч экз. Даже популярные журналы, типа "Вокруг света", имели до 1935 г. тираж порядка 8-15 тысяч. (Только начиная с этого момента тираж стал свыше 25 тыс. экз.). Литературные журналы в 1929 г. - примерно столько же: "Октябрь", "Звезда" - 3 тыс., "Молодая гвардия" - 15 тыс. экз., "Новый мир" - 21 тыс. экз., даже "Роман-газета" имела только 150 тыс.

Сегодня, т.е. за период 1970-87 гг., доля новых журналов составляет лишь 1,4% от общего числа выходящих периодических изданий.

Более развитая и аналитическая статистика 20-х годов, отражающая и более высокий уровень компетентности тог-

дашнего руководства, большую дифференцированность и специализированность его запросов, не позволяет проводить сопоставление с сегодняшним состоянием дел с необходимой детальностью, хотя бы просто потому, что в существующей открытой статистике нет соответствующих данных. Но даже беглое сопоставление указывает на гораздо более развитую и дробную сетку тогда выходящих журналов, более гибкую систему периодичности их выхода и т.п., а также характер социального распределения.

Значимым также является соотношение выпущенных книг, газет и журналов, позволяющее оценивать весь объем печатной продукции и письменной культуры по степени разнообразия. Отметим, что в 1987 году впервые объем периодики превзошел книжные издания. (3,8 млрд. экз. в сравнении с 2,8 млрд. экз. книг). Книги в общем объеме печатной продукции в последние годы составляют всего 16-18%. Чтобы не утяжелять отчет, приведем только сопоставление нынешней фазы с дореволюционным периодом и двадцатилетними годами. Сравнение журналов с другими СМК и книгами важно, поскольку за разными каналами, их объемами и интенсивностью стоят разные социальные образования, характеризующиеся разной глубиной и структурой перспективной и стратегической социальной памяти, т.е. типом социокультурного воспроизводства. Если действие СМК описывается принципом: информация одновременно "многим всем", то журналы предполагают одновременную групповую или стратную однородность, а книги - разнородность, индивидуальность и избирательность потребления.

Годы	Число позиций, подлежащих систематическому учету		
	книг и брошюр	газет	журналов
1901 - 1916	(примерно по 26 тыс. ежегодно)	1435 (в среднем 800)	8278 (ок. 1,5 тыс. ежегодно)
1927/28	по 27-28 тыс.	1605	1675
1984	82,8	8427	1524

Таким образом, соотношение книг, газет и журналов было тогда 33 : 1 : 2, в 20-е годы - 47 : 1 : 2,5 (сейчас эта пропорция составляет 55 : 6 : 1). Это соотношение сегодня в ФРГ - 44 : 1 : 6, т.е. близкое к тому, что было у нас в 20-е годы.

Таблица 5

Распределение журналов по типам тиражных групп

Число журналов	1924 г.	1925 г.
с тиражом до 500 экз.	133	66
от 0,5 до 1 тыс. экз.	162	99
1-3 тыс. экз.	216	311
3-5 тыс. экз.	78	121
5-10 тыс. экз.	66	114
10-25 тыс. экз.	57	110
25-50 тыс. экз.	18	32
50-100 тыс. экз.	9	30
свыше 100 тыс. экз.	3	5

Таблица 6

Книжная и журнальная продукция Германии в 20-е годы

(число названий в тыс. ед.)

Годы	Новые книги	Повторные издания	Всего книг	Журналы
1920	19,0	8,7	27,8	4,5
1921	22,1	7,1	29,3	5,0
1922	22,6	8,2	30,8	4,8
1923	20,6	5,8	26,4	3,7
1924	18	5,0	23,0	5,0
1925	24,3	7,3	31,6	6,1
1926	23,7	6,3	30,0	6,7
1927	24,9	6,1	31,0	6,9
1928	23,0	4,8	27,8	7,1

Таблица 7

Число названий журналов на 1 млн. населения

Страна	Количество
1. Бельгия	1142,7
2. Финляндия	904,5
3. Франция	408
4. Австрия	306
5. Израиль	262
6. США	250*
7. НРБ	196,6
8. Италия	145
9. ВНР	144,8
10. Великобритания	113,4
11. ФРГ	113,6
12. ПНР	72,9
13. ГДР	71,7
14. ЧССР	59,7
15. Япония	17,7
16. СССР	5,5
с учетом бюллетеней, блокнотов агитаторов и т. п.	19,6
17. КНР	3

* В сравнении только с теми по типу издания, которые есть у нас. - 50

Иными словами, по степени развитости журнальной структуры, отражающей характер социального развития общества и его социальный и культурный потенциал, мы принадлежим к третьему миру, находясь среди развивающихся, модернизирующихся стран с тяжелым колониальным наследием - былой имперской периферии.

Таблица 8

Журналы, книги и газеты в ФРГ (1984 г.)

Число журналов - 6817. Газет - 1248. Выпуск книг - 51733 *.

Структура журналов	Число	Среднеразовый тираж (млн.) (на день выхода)	Годовой тираж
Политические еженедельники	109	2	7091,7
Конфессиональные и религиозные	313	9	93,7
Массовые и публичные журналы	1364	105	225,2
Из них - иллюстрированные журналы, "магазины", журналы программ ТВ и радио, модные и т.п.	176	40	3093,7
Научные	1268	8	145,9
Специализированные профессиональные журналы	1615	40	479,6
Коммерческие	87	38	468,0
Издания союзов, ассоциаций и обществ	1553	53	615,0

* Большая часть журналов имеет тираж менее 5 тысяч, причем 37,2% из них - ниже 2,5 тысяч. Не учитываются издания, выходящие реже, чем квартальники, а также периодические издания не-журнального типа. Тираж свыше 75 тыс. экз. имеют 501 издание, из них 95 - свыше 500 тыс. и более.

Таблица 9

Тематическая структура журнальных изданий ФРГ (1984г.)

Политические еженедельники, из них:	
- общего характера	8
- местного или регионального	101
Конфессиональные и религиозные	313
Массовые и публичные журналы	
Из них:	
Иллюстрированные "магазины" и т.д.	176
"Авто-мото", путешествия, хобби, досуг	221
Женские журналы, журналы мод, семья, дом и т.п.	70
Специализированные журналы преимущественно научного плана	
Из них:	
Культурология и языкознание	126
Социальные науки (право, экономика, социология и др.)	314
Математика и естествознание	179
Медицина	426
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, вопросы питания	57
Инженерные и технические науки	166
Др. специализированные журналы	1615
Коммерческие	87
Ведомственные издания	1099
Журналы рекламного, информационного плана и дающие объявления и сведения различного рода	732
Коммунальные ведомственные вестники и бюллетени, распространяемые бесплатно	46
Прочие журналы	184

2. Журналы как тип социальной коммуникации

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Из трех видов печатной продукции, обеспечивающей процессы общественного воспроизводства (СМК, журнальная периодика, книги), журналы могут характеризоваться преимущественно как устройство для воспроизводства институционально-групповых структур. СМК обеспечивают репродукцию ценностей и информации на уровне общества в целом, интеграцию социетального уровня, а книги - преимущественно групповую, ролевую или индивидуальную структуру социальных взаимосвязей.

При всей условности подобного разделения, не принимающего во внимание смешанных или переходных типов, оно дает основание для понимания основной специфики действия той или иной подсистемы печатной и письменной культуры. Соответственно, объем разового охвата и степень разнообразия той или иной формы печатной коммуникации обратно пропорциональны друг другу: избирательность индивидуально-групповой структуры коррелирует с максимально возможным объемом универалистских ценностей и значений научной и литературной культуры; передача же по ТВ или газетное сообщение несут в себе минимальную по разнообразию и временным характеристикам социальную информацию, т.е. имеют чисто оперативный характер (глубина памяти не превышает объема актуально происходящего). Взаимодействие между этими разными формами коммуникативных взаимосвязей должно обеспечить не только общую интегрированность общества, но и его динамику: взаимосвязь между самыми глубокими и фундаментальными ценностями, которые транслируются книжной культурой (соответственно, с характерными для нее пространственно-временными размерностями), и злободневностью, отражаемой функционированием СМК.

Если книга как тип издания представляет собой долговременную социальную память (особенно фундаментальные труды по науке, литературные памятники, энциклопедии и т.п.), то журналы в своей деятельности соединяют индивидуальный уровень достижения с групповым или институциональным, т.е. вводят в действие фундаментальные книжные пласты культуры, транслируемые через индивидуальное усвоение. Они, соответственно, обеспечивают в процессах социокультурной динамики реализацию следующих социальных функций: селекцию инновационных достижений, их оценку и цер-

вую интерпретацию (научные и толстые литературно-художественные журналы, характеризующиеся максимальным тематическим диапазоном).

В принципе в динамическом обществе они должны были быть окружены множеством небольших или узкоспециальных малотиражных изданий: авангардных литературно-художественных группировок и объединений, научных направлений и школ, философско-публицистических кругов, политических или дискуссионных клубов и т.п. У нас эти субструктуры фактически не развиты, из-за чего общество нашего типа испытывает значительные трудности с возможностями реализации инноваций и механизмами постоянного обновления и развития. Частично это компенсируется самодеятельными изданиями и самиздатом, результаты деятельности которого с большим трудом и фазовым запозданием, частичной адаптацией и неполным "усвоением" легализируются, как легализируется сейчас весь набор идей и ценностей нонконформистского, неофициального, диссидентского или оппозиционного самиздата 60-70-х годов. Социальное ускорение последнего времени в том, что в последние месяцы 1987 и 1988 года идет интенсивный процесс возникновения неформальных и неофициальных, независимых от ведомственно-бюрократической организации общества журналов: в марте выходили 48 подобных журналов (данные по 6 крупнейшим городам: Москва, Ленинград, Свердловск, Львов, Киев), в апреле - их было уже 56. К ним следует добавить многочисленные молодежные субкультурные издания, о которых, например, писал журнал "Аврора". По его данным за последние годы устойчиво выходили 23 издания, но возникли они, конечно, раньше, в начале 80-х годов. Данные заведомо неполны, поскольку по другим сведениям, только в Ленинграде выходило 29 изданий.

Таким образом, воспроизводство различных частей, структурных элементов литературной, научной и мировоззренческой культуры обеспечивается специфическими в функциональном отношении образованиями. Это различие заключается в том, что конституируемые ими отношения имеют свои особые социально-пространственные и социально-временные характеристики (срок появления, периодичность, объем информационного канала, серийность и т.п., размер аудитории, задаваемый тиражом, зоны социального и регионального распространения и т.п.). В этом смысле книга и газета представляют собой крайние точки как во временном, так и в пространственном измерении социальных процессов, а книга и журнал - полярные точки в процессах функционирования научной и литературной культуры.

Журнал, если рассматривать его в самом общем виде, берет на себя функции оперативного представления литературного, научного и культурного процесса, движение которого возможно только как групповая деятельность или межгрупповое взаимодействие. Этому соответствует и характер подачи самих материалов - научных и публицистических статей, беллетристических и литературно-критических публикаций современных авторов, активных участников текущего научного, литературного, культурного, а также политического процессов. Соответственно, аудиторию этих журналов составляет группа "первых" читателей, "первого прочтения", образуемая теми, кто в состоянии дать оценку и интерпретацию новому материалу, что в свою очередь, предполагает чрезвычайно высокий уровень квалификации, компетентности, длительности образования и активного участия в самом процессе. Иными словами, эти группы образуются из самих участников культурного и политического процесса, либо из групп и среды непосредственной поддержки участников. Поэтому огромную роль в деятельности журналов играет, типобразующим признаком этих изданий становится программа, реализуемая его редакцией. Поэтому журналу присуща ведущая роль в динамике развития культуры, событиями в журнальной периодике разного рода оно измеряется.

Последующая публикация текста в форме книги, в общем смысле, знаменует, расширение числа адресатов, увеличение аудитории и возможную ее дифференциацию. При этом все большее расширение и дифференциация аудитории сопровождается извлечением из потока журнальных публикаций, "избранного", но уже в иной форме, в виде книги, а далее - серии книг или библиотечки, либо же собрания сочинений. Эти различия в форме заслуживают всяческого внимания: в каждом случае перед нами иное целое, в рамках которого представлено и должно быть осмыслено то или иное конкретное произведение. Для социолога эта смена формы и контекста данной вещи есть изменение ее отправителя и получателя, сигнал подобного изменения, т.е. в конечном счете некое социальное движение. И если обычная журнальная публикация указывает движущуюся "точку современности", объединяя на этом различные контингенты единоверцев и, соответственно, разъединяя несогласных, то переход ее в книгу, а затем - книгу переиздающуюся, все больше отодвигает текст к иному. Произведение как бы становится знаком прошлого (пусть еще недавнего) в настоящем, знаком его присутствия в современности, тоже движущейся мерой глубины настоящего. Посто-

янно это присутствие до тех пор, пока произведение переиздается, т.е. отношение к нему как значимому для тех или иных контингентов "издателей" (инициаторов издания) и их публики воспроизводится, иначе говоря, пока воспроизводится само это отношение, диалог (как правило, заочный) *этих* издателей с *этой* публикой. Если представить себе, условно говоря, все на сегодняшний день книги данного типа издания (например, конкретного издательства или серии) как своего рода совокупный культурный фонд группы инициаторов этих изданий или обрисовать подобные же фонды различных групп читателей (скажем, их коллекции вырезок из журналов и газет, их домашнюю библиотеку), то можно судить о глубине и объемах актуального прошлого, проследивать историю идей прошлого, разнообразие представлений о наследии, памяти, хранении культуры. Актуальность этой проблематики сегодня очевидна, средства же ее исторического осмысления пока что отстают от пафоса злободневных выступлений.

Отметим, что своего рода переизданием является журнальная публикация "забытого" произведения: она становится культурным фактом, лишь сохраняя некую двойственность - сопряженность с настоящим (связь с контекстом всего публикуемого в данном журнале, с наполнением конкретного номера, с программой редакции) и отодвинутость от него, след прошлого. Этот зазор и есть временные рамки, в которых ведется осмысление всего существенного для данных издателей и поддерживающей их публики. Они могут быть более или менее широкими, но всякий раз важно это коллективное усилие воли к наделению смыслом именно этого текста вопреки обстоятельствам и инициаторам его забвения. Если этого волевого усилия и живого понимания контекста его творческой и печатной судьбы нет, перед нами обыкновенная редупликация, изготовление партии копий данного сочинения - деятельность, не лишенная смысла, но по функции своей иная, журналу внеположенная. Особенно если при этом используется в иных условиях и иными людьми, по иным поводам и с иным смыслом созданный неоспоримый авторитет сочинения, перепечатываемого ныне лишь в качестве самоподдержки и для самоодобрения. Таков, например, социологический казус с журналом "Москва", публикующим на протяжении 1988 г. "Историю" Карамзина.

Все множество журнальных изданий можно разделить на ряд типов, имеющих различное функциональное значение. Это - прежде всего толстые литературно-художественные, академические, ведомственные, массовые (семейного или воз-

растного плана) журналы, издания массовых общественных организаций, функционирующих как государственно-бюрократические учреждения, детские журналы, партийные издания. Специфика их аудитории обусловлена функциональным характером этих изданий: одни журналы лишь по видимости являются собственно журналами, приближаясь по особенностям конституирования аудитории к тому или иному каналу печатных СМК (это - массовые семейные издания, детские журналы, отчасти даже ведомственные), другие - конституируют сообщество, воплощая в программе своей деятельности те ценности, которые объединяют аудиторию журнала как самосознающее целое. В этом случае журнал выступает как орган группы или какого-либо иного социального образования, саморегулирующегося и самонастраивающегося (пример - издание научного общества, вроде "Математического сборника", выпускаемого Московским математическим обществом). Эти два случая полярны по отношению к друг другу. От них следует отличать ведомственно-институциональные издания, играющие роль органа, объявляющего официальную точку зрения того или иного социального института или по ряду текущих вопросов, во многих случаях в этом плане сближающегося с бюллетенем (близки к ним партийные издания). В каждом подобном случае описывать аудиторию и характер деятельности журнала следует через функцию, т.е. через особый характер конституирования аудитории, установления социальных связей и образований, обеспечиваемых деятельностью журнала.

Иными словами, характеристика журнала может строиться на структурно-функциональном анализе позиции журнала и его функции в системе социального воспроизводства общества, репродуктивной роли данного печатного издания. Понимание этих обстоятельств важно прежде всего для описания взаимоотношений издания данного вида с книжной культурой, в том числе - для практических задач руководства и оптимизации управления издательской системой.

Те издания, которые могут осуществлять инновационную роль в культуре или науке, соответственно, консолидировать творческие или репродуктивные группы, имеют преимущественное отношение к последующему воспроизводству части своего содержания в книжной форме. Этим они резко отличаются от журналов, функционирующих по образу СМК (передачи информации одновременно от коммуникатора всей аудитории, создаваемой актом передачи). Напротив, собственно журнал как вид издания или коммуникативного средства ра-

ботае с уже созданными или ранее возникшими социальными образованиями, опосредуя таким образом внутригрупповые и институциональные структуры.

3. Журнал в структуре социокультурного воспроизводства общества: типология изданий

Следовательно, для социологии появляется возможность связать объем, регулярность выхода журнала, характер его материалов (наличие фото- и другого материала, рекомендации, реклама), его тиража и т.п. с социальными функциями, которые журнал осуществляет в процессах социального воспроизводства. Шкала здесь задана от тонких еженедельников массового назначения^{*} до толстых ежеквартальников (предельный тип академического периодического издания), воспроизводящих цикл событий в научном мире. Более редкая периодичность (раз в четыре месяца или полугодовая регулярность) в большинстве стран уже не считается свойственной журналам - это скорее то, что идет у нас под названием трудов, продолжающихся изданий-сборников, ежегодников и проч.

Тонкие массовые журналы функционируют как каналы массовой информации, т.е. формируют свою собственную аудиторию самим фактом издания, самим обращением коммуникатора (так же образуется аудитория передач радио или ТВ). Напротив, толстые журналы, тем более ведомственные или академические, опираются на уже сложившиеся помимо них социальные структуры - ведомства и институты, либо - институты и поддерживающие их или связанные с ними социальные группы. Поэтому баланс их тиражей и видов подписки отражает характер социального признания редакционной программы.

Проиллюстрируем эти обстоятельства только на одном примере. До момента укрощения гуманитарных наук в начале 70-х годов, обозначившего начало периода застоя, большая часть академических журналов по общественным и гумани-

* В принципе им был - единственный у нас такого рода еженедельник - софроновский "Огонек", который сейчас резко сменил характер своей деятельности и, соответственно, за этим последовало изменение и аудитории. Фактически это другой журнал. У нас в стране отсутствуют политические еженедельники, одна из самых распространенных форм дискуссионно-аналитического издания, что, конечно, связано с недемократическим характером политических институтов, отсутствием парламентских форм политической жизни и т.п., предполагающих самое активное участие печати в общественной жизни. Наши же журналы имеют скорее агитационно-пропагандистский характер, а не аналитическо-информационный, отсюда и такое слабое их развитие.

тарным наукам имела восходящую траекторию роста тиражей. Пик приходился в разных дисциплинах на разные годы, но сам период апогея продолжался сравнительно недолго - два-три года: 1972/73 г. у журнала "Вопросы философии", 1975 г. - у "Вопросов литературы". Тираж "ВФ" в этот момент составлял 41 тысячу (то же примерно и у "ВЛ"). Профессионально же работающих в области философских наук (преподавателей общественных наук, работников академических институтов, социологов и т.п.) на этот момент было 12,5 тыс. человек. Иными словами, журнал обращался как междисциплинарный орган, значимый и интересный для представителей смежных дисциплин, наук и специальностей. Таким он и был в то время, до того, как разогнали его редакцию, устранив от руководства и ведения дел крупнейших и активно работающих специалистов. К 1987 г. тираж упал до 25 тыс. экз., хотя численность специалистов этого профиля увеличилась почти вдвое (22 тыс. чел.). Следовательно, сегодня журнал стал распространяться как узковедомственный, почти циркулярный вид издания среди профессионалов догматически скованной области знаний.

Такая же картина и с другими изданиями. Как журналы академического плана эти издания на сегодняшний день потеряли свой статус и значение. Не случайно среди философов или академических социологов из ИСИ почти нет имен, которые бы стали пользоваться тем же авторитетом лидеров перестройки, что и другие специалисты (скажем, экономисты или историки типа Ю.Н.Афанасьева). Та же картина с вузовским изданием по философии, например, "Философскими науками", или истории. Обратный пример расширения аудитории академического издания, точнее - академического лишь по принадлежности к ИСИ АН СССР, дает журнал "Социологические исследования". С момента образования у него устойчивый рост тиража. Однако, сам журнал ведется в профессиональном смысле крайне слабо. На его страницах чрезвычайно скупо обсуждаются внутридисциплинарные проблемы социологического знания, его истории, теории. Журнал имеет своими адресатами партийных пропагандистов (приближаясь в этом смысле к "Блокноту агитатора") либо приобрел функции элементарного пособия по социологии для начинающих социологов, преимущественно - заводских. Особенно показательными в этом смысле, указывающими на рост непрофессионализма, стали последние публикации П.Флоренского, М.Булгакова, выступления церковных деятелей и т.п., говорящие о стремлении к оживляжу, желании привлечь непро-

фессиональную публику (наряду с устойчивой ориентацией на методический ликбез среди начинающих социологов). И действительно, анализ данных по среде распространения свидетельствует о том, что волна интереса идет на периферии быстрее, чем в столицах и сверхкрупных городах. И это при том, что весьма велик удельный вес ведомственной подписки в тираже (в целом в 1988 г. - 29,3%, но в столицах - 34%, в 1986 г. было - 53%, на периферии в городах-миллионерах гораздо выше: 1986 г. - 58,5%, в городах с населением свыше 500 тысяч - 54,8%; в 1988 г. в связи с сокращением ведомственной подписки этот показатель несколько упал - соответственно, 41% и 36,6%). Иными словами, журнал идет в значительной степени через вузовские и заводские библиотеки, партабинеты и т.п.

Чтобы было яснее это обстоятельство, приведем данные по академическому журналу наиболее чистого типа - издание весьма профессиональное и высокого класса редакционной работы - "Вестник древней истории", который также увеличивает свой тираж, хотя ориентируется преимущественно на специалистов. Удельный вес ведомственной подписки в целом - 15,6%. В тех же регионах распространение имеет такой вид: 1986 г. - 18%, 22,3% и 22,1%; в 1988 г. - 14%, 11% и 14%. Иначе говоря, основные потребители этого научного журнала - индивидуальные подписчики. Доля научных библиотек относительно мала.

Массовые журналы, приближающиеся по типу функционирования к СМК, живут почти исключительно индивидуальной подпиской, рассчитанной на немедленное посемейное потребление. Фактически они не образуют сколько-нибудь значимого информационного потенциала, подлежащего накоплению и хранению (в отличие от толстых или академических журналов, домашние подшивки тонких журналов за прошлые годы - редкость, такая же как газет или ведомственных журналов по искусству или культуре). По этим же причинам они незначимы в отношении книжной культуры. Их функция - рутинизация, адаптированное распространение того, что выработано в других сферах общественной жизни. В этом смысле их потребителей и читателей можно рассматривать как нижний предел систематического распространения книжной или литературной культуры. Дополнительные исследования указывают на то, что вкусы и запросы читателей массовых тонких журналов наиболее рутинны, диапазон их невелик, они сближаются в этом отношении с базовым посетителем массовых библиотек и самым широким покупателем в магазинах. В

принципе это читатель того же типа, что и потребитель макулатурной серии и отличается от него только тем, что макулатурный эксперимент распространен не везде.

Крайне невелика поэтому у журналов такого рода ведомственная подписка, поскольку издания этого вида потребляются посемейно. Например, ведомственная подписка на такие издания как "Здоровье", "Крестьянка", "Работница" составляет менее одного процента (0,6-0,9%) и не меняется в зависимости от региона распространения. Столь же стабильна и велика доля этих журналов, идущих в село; несколько больше она, естественно, у "Крестьянки" - 38,8%, у других - от 24,6 до 27,3%, что в принципе отвечает социально-демографической структуре населения. Иными словами, структура аудитории здесь соответствует в общих чертах структуре населения. Поэтому социальная среда распространения этих изданий обладает превосходной диагностирующей силой и может служить основанием для прогностической оценки масштабов массового чтения, его тенденций и стандартов. Все три эти издания совершенно не идут в розницу, что само по себе важный фактор не только устойчивости аудитории, но и постоянного и равномерного ее роста (действует фактор лимитирования). В принципе, если бы сегодня были сняты лимиты на них и часть тиража была пущена в розничную продажу, они дали бы еще значительное увеличение - на 1-2 млн. экз. - и дальше бы не росли, поскольку наступило бы насыщение (колебания определялись бы лишь скоростью демографических процессов). Если же взять только два однотипных и различающихся частично лишь средой распространения ("Работница" в большей мере идет в города, а "Крестьянка" - в село и небольшие города), то в сумме они дадут практически больше половины всех семей (38,6 млн. экз. совокупного тиража при числе семей в 74 млн.), т.е. обеспечат почти полный охват русскоязычного населения.

Рост этих журналов идет пропорционально распространению в пределах русскоязычного региона общедоступного уровня городской культуры, степени интегрированности в общественные события. Фактически этими журналами создается единая урбано-государственная официальная цивилизация с примерно одними и теми же потребительскими и поведенческими, ценностными стандартами. Характерно, что и темпы их роста очень близки: с 1960 года их аудитория выросла почти одновременно: "Работница" - в 8,2 раза; "Крестьянка" - в 9,4 раза (несколько отличалась база 1960 г. - 2,4 млн. экз. и 2 млн. экз.). Сейчас они составляют почти одинаковый объем - 19.750

тыс. и 17.900 тыс. экз. Таким образом, это журналы тотального охвата, что соответствует их интегративной функции. К ним по характеру близок и журнал "Здоровье" (аудитория которого за этот же период выросла больше чем в 22 раза), но по стратегии распространения он несколько более высокий, им охвачена и часть интеллигенции, поскольку в его деятельности отражаются общие процессы рационализации быта, образа жизни, техники воспитания, сексуальных отношений и, главное, - повышение уровня требований к состоянию индивидуального здоровья, большая озабоченность и "технологичность" отношения к нему, связанные с городской, рациональной и технизированной, культурой. В принципе этот журнал несколько больше, чем два предыдущих, распространяется в средних и малых городах. Тираж его в 1988 г. - 16,8 млн. экз. (см. табл. 8)

Он репрезентирует в опосредованном виде рационально-технологический дух и утилитаризм отношения к здоровью, быту, обществу, характерный для позитивистской периферии культуры, носителем которой является провинциальная во всех смыслах интеллигенция и ориентирующиеся на нее или примыкающие к ней группы. В этом плане журнал - символ рациональной, нормативной упорядоченности нации, урбанной культуры центров, адресованный ее периферии и значимый для нее.

К журналам такого типа, развитие которых определяется общими факторами - повышением уровня образования населения и урбанизацией, примыкают и некоторые другие массовые издания, дающие такой же профиль распространения и траекторию роста. Это либо аморфные в социально-ролевом отношении журналы (типа "Крокодил"; под этим названием выходит 4 журнала, основной из которых имеет тираж 5,3 млн. экз.). В период застоя, как и вся сатирическая линия в культуре, он фактически стагнировал: после быстрого роста в 1960-70 гг. с 1,4 млн. экз. до 5,740, его тираж почти не менялся до 1980 г. - рост всего 60 тыс. экз., а к настоящему времени он потерял 8,5% тиража. Устойчиво растут тиражи массовых изданий, ориентированных на дом, быт, дачное хозяйство или досуг. Например, журнал "Приусадебное хозяйство" - приложение к журналу "Сельская новь", имеющему меньший тираж, - дает ежегодный прирост 8,4% (в 1988 г. тираж - 4 млн. 850 тысяч). Или, более яркий пример - судьба журнала "Рыболов", бывшего приложением к издаваемому Госагропромом СССР журналу "Рыбоводство" (тираж последнего до его закрытия в 1987 г. составлял 110-120 тысяч, тогда как "Рыболов"

рос очень бурными темпами - он начал выходить в 1985 г., а в 1986 г. уже имел 692 150 экз., 87 г. - 910 тыс., 88 г. - 1,1 млн. экз.). В данном случае очень наглядна социальная значимость факторов, обуславливающих траектории отчетно-ведомственного издания, с одной стороны, и журнала, опирающегося на интересы любителей, с другой.

Ценности семьи, дома, интимности, воспитания детей, любви и т.п., которые многие годы в нашей стране дискриминировались, не учитывались или подавлялись, сегодня в значительной степени определяют массовое поведение и соответствующий спрос, в чем бы он ни выражался - в спросе на нормы образа жизни, вещи, принадлежащие к этому кругу представлений, или издания. Заметим, что этих изданий крайне мало. В результате подобный спрос частично компенсируется потреблением иного типа литературы. Например, журнал "Общественное питание", в принципе предназначенный для освещения вопросов работы общепита, экономических и организационных аспектов их деятельности, получил гораздо большую популярность с момента, когда он, отвечая на неявные запросы такого рода, стал давать материал о быте, этикете, советы, как сервировать стол, публиковать домашние кулинарные рецепты, короче, заместил собой отсутствующие издания типа "Дом", что через довольно небольшое время обеспечило ему тираж свыше 1 млн. экз.

Массовые журналы важны для определения некоторых принципиальных параметров книгоиздательской политики. Они в динамике своих тиражей указывают направление спроса и его предельную величину (даже без учета данного уровня цен). Допустимо с очень высокой степенью уверенности говорить о том, что пределом роста безлимитных подписок может служить тираж (совокупный или ординарный) массовых журналов, которые всегда указывают *динамическую нижнюю границу книжной*, в буквальном смысле - литературной, культуры, порог письменной грамотности. Ибо границы эти, во-первых, будут определяться не социально-экономической, административной и т.п. структурой населения, а параметрами распространения книжной культуры в пределах языкового ареала, что при подготовке выборок для исследований должно учитываться прежде всего. Во-вторых, поскольку эта среда характеризуется в функциональном отношении воспроизводством давно отработанных, рутинных и потому общепринятых культурных стандартов, ценностей и авторитетов (получая значение исполнительской периферии социокультурного центра - научной, литературной и др. элиты), то степень разнооб-

разия проникающих на эту периферию образцов во всех отношениях минимальна. Здесь всегда будут тиражироваться значения культурного минимума (школьная программа, бывшие модными к настоящему моменту стертые образцы, бытовые справочники и календари, ограниченный набор классики, дешевое чтиво развлекательной и мелодраматической литературы, детектив, песенники). Иными словами, сюда входит все то, что требуется в сравнительно большом объеме, в том числе - литература, о которой мы говорили выше, - о доме, любви, воспитании, садоводстве и т.п. Важно, что здесь нет спроса на новое, сложное, оригинальное.

Таким образом, важнейшей характеристикой журнала в ряду других изданий этого типа является его социально-временные и социально-пространственные параметры - способность сохранять свои функции воспроизводства социальных отношений институциональных, групповых, ролевых и т.п. на длительных фазах общественного репродуктивного цикла. Если все виды СМК, включая тонкие журналы, практически не образуют средних глубин социальной памяти, ее носителей или устройств группового или личностного уровня, т.е. функционируют либо в оперативно-потребительском режиме, либо консервируются в качестве документов официального архива (это относится даже к ТВ, не говоря уже о газетах или журналах), документальных свидетельств эпохи, как история государства, то уже научно-популярные издания сравнительно часто, особенно в провинции (прежде всего - на социальной периферии, которая включает категории и группы, не связанные с ретрансляцией смысловых структур, с инновациями, чья деятельность носит чисто исполнительский, репродуктивный характер - преподавание в средних школах и техникумах, конструкторская работа, служба в армии и т.п.) весьма часто образуют подобие книжной культуры, давая кристаллизацию материалов имеющих больший цикл воспроизводства, чем собственно оперативно-журнальные публикации. Как правило, это либо публикации беллетристики с продолжением, либо документальные вещи, растянутые на несколько номеров, либо практические советы и рецепты, энциклопедические сведения, кроссворды и развлекательные тесты, т.е. все то, что оседает для досугового или домашнего пользования. Сюда в некоторых случаях могут входить и элементы учебных программ и курсов (т.н. "трудные задачи" из циклов "Занимательная наука"). Такого рода публикации поневоле компенсируют отсутствие переходных устройств от журнальных к книжным формам, ригидность и неповоротливость нашей издательской

системы. В принципе, эти материалы должны были бы ежегодно издаваться в качестве бесплатных или льготных приложений к журналу, но уже в форме конвертов или дайджестов. Но именно эти формы указывают на специфическую оруэлловскую "беспамятность" управляющей системы. Характерно, что журнальный дайджест "Спутник", выходящий на зарубежную аудиторию уже много лет, по-русски издается лишь с 1987 г.

Разумеется, эти книжные осадочные формы гораздо более значимы для толстых и академических журналов. И там, и здесь временные параметры циклов очень значительны и особенно (по идее) - у академических журналов. Так, по крайней мере, поставлено дело за рубежом, где можно приобрести и годовой комплект журнала (причем, с существенной скидкой) или же том статей и материалов дайджестного типа.

3.1 ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ФАЗЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Можно выделить три фазы существования толстого журнала. Первая - делящаяся для основной части аудитории толстого журнала не более 4-6 месяцев (а обычно и короче) - это фаза актуального прочтения журнала читательским ядром его аудитории. Поскольку постоянную аудиторию программных толстых журналов, особенно сегодня, привлекает не столько беллетристика, сколько публицистика и дискуссионные разделы журнала (мемуары, полемика, критика, документалистика, письма - т.е. те моменты программы журнала, которые работают на создание динамического образа современности, связаны с идеологическими вопросами, столкновением разных партий и позиций, с участием в борьбе за влияние), то временная размерность публикаций, и так, конечно, чрезвычайно затянутая, в сравнении с западными порядками *, не может быть слишком большой - она определяется размерностью "актуального времени", т.е. возможностями участия в настоящем. Бессмысленно во времена интенсивной социальной жизни говорить о настоящей полемике или дискуссии, если ответ на опубликованную ранее статью, возражение или мнение приходит почти через полгода или даже год. Поэтому первая фаза цикла "работы" журнала, реально и постоянно присутствующего в сфере интересов читателей, таких как "Огонек", "Новый мир", "Октябрь", "Знамя", "Дружба наро-

* Не случайно, что цикл издания полемических, дискуссионных и политических журналов там вдвое или вчетверо короче: еженедельники и двухнедельники; о длительности редподготовки говорить не приходится.

дов", не может быть больше 3-4 месяцев. Эта фаза - предоставление читателю инновационных материалов, идей, результатов научной работы, новых произведений, материалов исторического исследования. На этой фазе осуществляется селекция из всего представленного на суд общественности. Отбор осуществляется не одной инстанцией, а рядом их. В принципе, чем более развита система селекторов, тем более динамична и богата социальная и культурная жизнь общества. Напротив, когда значима лишь одна-две инстанции признания (ситуация, характерная для тоталитарных режимов не только периода 30-50-х годов, но и нашего общества эпохи застоя, а отчасти и сегодняшнего периода), тогда речь идет об обезоговорочном контроле над интеллектуальной, нравственной и культурной жизнью общества, о парализации общественной жизни бюрократией (принимающей вид хранительницы всеобщих интересов "партии-государства"), т.е. о стагнации или репрессивном идеологическом подавлении. Объем того, что отбирается сегодня из журналов потока "на будущее", не так уж велик. Если взять только "толстые" центральные журналы двух столиц Москвы и Ленинграда (и "Огонек", поскольку публикационная страничка стала частью новой политики его обновленной редакции), в которых, главным образом, и осуществляется селекция новаций, разметка литературного и интеллектуального процесса, действуют внутренние механизмы организации литературной и иной культуры, - то на страницах этих 15 изданий за полтора года (с января 1986 г. по июль 1987 г., т.е. с момента фактической перестройки) появилось всего 2025 новых литературно-художественных публикаций. Примерно таков объем "нового", "нормальный" для самых разных периодов общественной печати, колебания здесь крайне невелики и зависят от глубинных течений социокультурных процессов, от динамики ядра общества, структуры его авторитетов. Это та доля всего публикуемого в журналах, которая вводится примерно за такой временной промежуток (фактически это чуть больше, из-за публикационной тактики в "Огоньке").

За такой отрезок литературного процесса (предел того, что можно считать современностью, даже для эпохи медленного времени, какой был период застоя) из всего литературного потока значимым фактом стали лишь 178 публикаций, т.е. 8,8%. Это те произведения, которые отмечены читателями и обсуждаются критикой. Преимущественно они принадлежат авторам, уже получившим ранее известность, тем, за чьей работой следят и каждую вещь прочитывают, будь то новый

роман, маленький рассказ или даже отдельное стихотворение. Но есть и несколько новых, принципиально новых имен (таких как Т. Толстая, С. Каледин, В. Пьецух и др.) Вот ради этих 8-12% (величина год от года колеблется, отражая частоту дыхания литературной культуры), собственно, и существует литература. Через еще один период, т.е. через 5-7 лет, список имен такого рода сократится на 2-3, а еще через 20 лет - фазу литературного поколения - от него останется лишь несколько имен и произведений, которым предстоит войти уже в историю этого периода или историю отечественной литературы в целом.

Отдельный разговор в связи с "публикационным бумом" нужен о том, что, кем и с каким успехом вводилась в качестве "публикации", как и кем создавалась ее дальнейшая судьба. Для такого рода "оперативной истории" небезынтересно, что уже сейчас можно говорить о времени публикаций В. Ходасевича и Н. Гумилева, В. Набокова и М. Булгакова, А. Платонова и В. Гроссмана; это время отмечено, и довольно широкий круг в несколько миллионов современников именно так его оценит и оценку такую разделит и поймет. Вместе с тем для этой же аудитории едва ли столь же наполнено прозвучит, например, сообщение о публикации М. Пруста или Р. Музиля, Х.Л. Борхеса или Г. Броха, томов поэзии или эстетики немецких романтиков, двухтомника Ф.Г. Лорки и еще многих трудов, отмеченных несомненной удачей замысла и выполнения и составляющих открытие, новую страницу для отечественной культуры, ее литературных традиций, самого языка.

Стало быть, в этих случаях речь должна идти об иной группе инициаторов литературных новинок, о другом масштабе их значимости, об иной аудитории (а это, в свою очередь, возвращает к вопросу об инициаторах "пробойных" журнальных публикаций). Взаимоотношения между этими группами, подвижки в этих взаимоотношениях вполне могут быть показаны на материале печатных судеб нескольких десятков авторов и произведений, что составит интересную страницу истории отечественной литературы, истории общества. Пока же отметим несколько фактов, значимых для разговора о том, что есть публикация как литературное событие. Сколько бы мы еще не вспоминали блистательных изданий зарубежных авторов, мы, во-первых, почти не найдем их в журналах. Они, как правило, издаются сразу книгой - либо как "классика" (тогда лишь в определенных издательствах и видах издания, с комментарием и т.п.), либо как "чтение", "чтово" (так, скажем, зачастую выходят детективы, фантастика, приключения и

другая остросюжетная литература). Иными словами, более или менее устоявшиеся группы инициаторов литературной динамики при этом не затронуты. Редкие исключения относятся к публикациям зарубежных авторов журналами с программой (или, как называет их, вспоминая XIX век, Ю.Буртин - "с направлением"). Случаи такие крайне редки, тенденция же - превращать зарубежного автора и его произведение в героя и событие отечественной словесности при публикации в "неспециализированном" журнале - весьма устойчива. Напомним Э.М.Ремарка в "Новом мире" 60-х гг. Стало быть, первый вывод - мы имеем в данном случае дело с группой инициаторов, иной не только по своему составу, но и по функции в литературном сообществе и в обществе как таковом.

Вторая группа фактов - тиражи зарубежных новинок того уровня, о котором речь. Сто тысяч - предел (это издания М.Пруста, Ф.Г.Лорки, Х.Л.Борхеса), как правило - пятьдесят, а для поэзии и эстетики - 25-30. В целом это обычные тиражи первоизданий, но на этот раз - авторов и книг, уже ставших классикой, правда, в более широких историко-литературных, культурных, языковых и т.п. рамках. И отсюда второй вывод: у этих книг иные сроки и каналы поступления, другая, соответственно, и аудитория - во многом те, кто собирает книги (от "жучков" до специалистов и библиофилов). Отсюда - путь к разговору о группах читающих в подлиннике и т.д.

И, наконец, третье. Сколько-нибудь развернутые отклики хоть на одну из перечисленных книг в популярном литературно-художественном журнале - рецензия, обзор, полемика, статья-персоналия - практически отсутствуют. Нет их и по телевидению. Им не посвящают свое внимание известные критики и литераторы (вне круга специалистов-зарубежников). И, наконец, их не балует отзывами *единственный* русскоязычный журнал, отведенный *всему*, что связано с зарубежной культурой (от текущей информации и справок об авторах до зарубежного театра и кино, от современного детектива до древнекитайской лирики). Поэтому последний вывод: у данных произведений и авторов иные группы и формы поддержки, иные "условия литературного существования". Социологи литературы знают, каким четким дифференцирующим признаком является обращение читателей к иностранной литературе в целом, к переводной поэзии - в частности, что такое в социокультурном разрезе зарубежный детектив или фантастика. Встает задача проверить эти знания в нынешней меняющейся ситуации, уточнить и развить их.

Сегодня список значимого представлен прежде всего тем, что называется "публикационным бумом". Подобные феномены имеют очень важное значение, не только прямое, но и по их последствиям: введение нового, возвращение забытого и вычеркнутого или даже удаление из литературы дутых авторитетов, вторичных или второстепенных писателей, занимавших высокие посты (типа Фадеева, Федина, Симонова, не говоря уже о длинной гряде всяческих лауреатов - Бабаевского, Кочетова, Софронова и иже с ними). Но даже в этих исключительных случаях объем кандидатов или полноценных "классиков" не превышает 3%, что, опять-таки, повторим, является нормальным ежегодным "медосбором литературы". Главным образом, это сегодня произведения и авторы, которым был закрыт в литературу путь по идеологическим причинам.

По шесть публикаций за первые полтора года цензурных послаблений было только у четырех авторов - М.Булгакова, Н.Гумилева, В.Набокова и В.Ходасевича. Отметим также, что их стремительное возвращение в литературу было бы невозможно без длительного периода деятельности групп хранителей, публикаторов и интерпретаторов интеллектуальной культуры, действующих вне зависимости от того, какой климат стоит на идеологическом дворе, какого мнения придерживаются руководящие "товарищи". Сама полнота и нарастающая интенсивность публикаций авторов указывает на ценностный ранг, в который вводят подобные имена эти группы - подлинники создатели исторической шкалы ценностей, а не номенклатурной таблицы о рангах, которыми руководствуются чиновники в литературных, министерских и партийных инстанциях. Отметим, что публикации большей части сочинений всех названных, кроме Булгакова, все еще впереди. Пять публикаций за этот период было у И.Северянина (в т.ч. - "юбилейных"), 3 - у А.Ахматовой, по две - у Г.Белля, В.Высоцкого, О.Мандельштама, А.Платонова, М.Цветаевой, Б.Пастернака, В.Шаламова. Объем возвращаемого в литературу, при всем ощущении радикальности изменений, как видим, ничтожен и лишь в малой степени, через силу поддержан издательской системой. (Что еще раз говорит о ее коллективной бездарности - жалком уровне культуры, утрате реальной шкалы ценностей, консерватизме, склонности к рутинно-идеологическому и бюрократическому контролю и нажиму). Издательства по большей части выступают либо органами сопротивления инновации, либо культурными паразитами, существующими за счет творческих и инновационных групп.

На следующей фазе узкий круг прочтенного группой наиболее активных читателей и отобранных из "всех" журналов экспертами-профессионалами и знатоками - становится в качестве "бестселлера" или "бестридера" достоянием более широких читательских слоев. Здесь читают то, уже немногое, что читают сегодня "все": это аудитория одного романа (скажем "Детей Арбата"), одной статьи (допустим, "Авансы и долги"), даже одного письма (например, "Письмо исторического оптимиста"). Нередко этот отдельный снискавший сверхпопулярность журнальный материал на данной фазе меняет форму своего существования (поскольку меняет аудиторию) - воспроизводится средствами подручной репрографии и даже машинописи, собирается любителями в самостоятельные конволюты, включается издателями в тематические сборники, отдельные книги автора, серии и т.д. Эта фаза, на которой материал еще связан со всем контекстом данного журнала, длится максимум год-полтора. Затем комплект журнальных номеров функционирует уже как печатный памятник, своего рода "археологический слой" в истории общества и культуры (годовые подписки "Нового мира" времен Твардовского, "Иностранной литературы" 60-х гг. и т.п.). В таком качестве, на правах исторического первоисточника они уже входят в собрания специалистов-историков и внеинституциональных хранителей памяти, помнящих и поддерживающих иную - в сравнении с учебниками и хрестоматиями общепризнанного - историю общества, культуры, литературы.

Несколько отличными в сравнении с семейными или женскими журналами массового распространения являются "мужские" или "подростковые" популярные журналы, типа "За рулем", "Радио", как и некоторые другие "ролевые издания. Их рост - свидетельство стабильного расширения ценностей технической культуры, среда распространения - технически ориентированная молодежь (главным образом, молодые мужчины до 35 лет), дифференцированная лишь в соответствии с уровнем квалификации. Примечательно, что интерес к автомобилю как символу городского образа жизни сравнительно более широко представлена в сельской местности (туда идет почти половина тиража "За рулем" - 49,6%, что существенно выше, чем доля сельского населения в целом). Журнал лимитирован, что, как и в других случаях, оказывает отрицательное воздействие на все состояние автомобильного дела,

безопасность движения из-за слабой грамотности водителей, ремонтных служб и технического состояния дорог. В принципе журнал такого типа должен иметь при себе несколько приложений, для более адекватной дифференциации аудитории, адекватной в отношении силовых линий - структуры интересов и запросов. Крайне необходимым представляется сдвиг издания в сторону молодежной проблематики автодела и к сопутствующей этому субкультуре.

Следующим типом журналов, непосредственно примыкающим к профильным и ролевым, но сохраняющим молодежный, семейный или женский характер, являются научно-популярные журналы. До самого последнего времени наблюдался устойчивый рост, обусловленный рядом обстоятельств, о которых пойдет речь ниже. Здесь же отметим, что большая часть из них представляет собой естественно-научную популяризацию для не-научных, хотя и не-гуманитарных кругов (семей инженеров, учителей-естественников, техников и т.п.), т.е. фазовую передачу и трансляцию знания, адаптированных общетеоретических сведений и прикладных советов от специалистов-ученых к прикладникам и конструкторам; однако, вместе с тем, чрезвычайно большую долю площадей журналов занимают материалы общегуманитарного плана, следующие сразу после основных тематических разделов по степени важности для читателей и популярности. В годы застоя долгое время здесь проходила та информация, которой был перекрыт путь в общегуманитарных и литературных изданиях. Таковы журналы "Наука и жизнь", "Химия и жизнь" (печатающая фантастику, детективы, статьи по истории и методологии науки, истории культуры и т.п.), "Знание - сила" и др.

В некоторых отношениях эти журналы можно рассматривать как издания, альтернативные догматическому официозу и ведомственным журналам по соответствующей области знания. Например, устойчиво растущий журнал "Семья и школа" за 10 лет увеличил тираж в 2,4 раза (с 1,3 млн. экз. до 3,095 млн. экз.). В отличие от официального курса руководства школой, этот журнал не только поддерживал все это время эксперименты учителей-новаторов, но и захватывал гораздо более широкий круг проблем - в частности, вел постоянные, очень профессиональные и компетентные, психологические консультации ведущих детских психологов и психиатров (А.Добровича, В.Захарова и др.). Высокий уровень обсуждения проблем и специфическая значимость психологической проблематики и внутрисемейных напряжений (озабоченность,

характерная для лишь определенных слоев, прежде всего интеллигенции), обусловила среду распространения этого журнала. Несмотря на небольшие возможности этого рода, он компенсировал и отсутствующую психологическую службу семьи, и отсутствие соответствующей консультационной литературы для матерей. В принципе должен был бы выходить ряд профилированных изданий для семьи, прежде всего - матерей, по различным вопросам детского и подросткового воспитания и образования, по взаимоотношениям в семье.

Журналы этого плана отходят от собственно масскоммуникативного функционирования. Они переживают "свое" время, и весьма часто комплектуются в библиотечки, что вообще характерно для журнала как издания. Комплектуются не только годовые комплекты полностью, но и выдирки, обладатели которых часто обращают их в самодельные конволюты. В книгоиздательском отношении этот момент чрезвычайно важен - здесь начинается путь оседания материалов уже в книжной форме (ежегодников, энциклопедий, сборников психологических упражнений, тестов, советов, рецептов, полезных сведений, либо публикуемых с продолжением романов и повестей, документальных прозаических вещей различного жанра и формы).

Большая часть этих изданий росла пропорционально росту молодежных контингентов в структуре населения, ибо основное назначение этих изданий - опережающая или предшествующая социализация к ценностям и культуре технической рациональной цивилизации. Рост наблюдается почти у всех журналов, за исключением тех, кто "выбрал" свой контингент полностью, как это произошло с "Вокруг света" и близкими по читательским характеристикам и объему аудитории изданиями типа "Наука и жизнь", которая, имея в 1960 г. 206 тыс. экз., после снятия лимитов дала быстрый рост - к 1965 г. 1.750 тыс. экз., а еще через 5 лет вышла практически на свой сегодняшний устойчивый уровень - 3.106 тыс. экз. С некоторыми колебаниями (в 1986-87 гг. тираж составлял 3,4 - 3,45 млн. экз.) он держится и в настоящее время - 3,2 млн экз. "Вокруг света" в 1960 г. имел тираж 173 тыс., к 1970 - 2,7 млн., который и держится сегодня (1981 г. - 2,8 млн. экз., 1985 - 2,7 млн., 1986 г. - 2,8 млн. экз. 1988 г. - 2,9 млн. экз.). Можно говорить о пределе насыщения аудитории изданием такого типа. Дальнейшее развитие может идти только как расслоение аудитории - дифференциация издания, выпуск приложений и библиотечек. Характерно, что в 1940 г., журналы имели тираж, соответственно, 35 и 100 тыс. экз. Перелом, наступивший к

началу 60-х годов, отражает изменение в социальной структуре населения, резкий урбанизационный взлет, сказавшийся и на обращении к журналам такого типа.

Некоторое снижение интереса к научно-популярным изданиям произошло только в последние два года, но как тенденция это снижение можно было бы предсказать по отдельным видам и раньше. Так, общий зажим и идеологические разносы в начале 80-х годов, сказались и на некоторых перетрясках редакций журналов и изменении их политики. После этих событий они приостановили рост или даже теряли читателей, хотя ранее это были успешно действующие издания ("Химия и жизнь", "Знание - сила" и другие). Перелом для них, как и для толстых журналов, наметился в 1981-82 гг. То, что они пытались донести в полуоткрытой форме на своих страницах, сегодня гораздо более определенно говорится в широкой печати, неизбежно перехватывающей у этих журналов читателя. Поэтому даже успешно растущие и гораздо более умеренные по своим программным установкам научно-популярные журналы в последний год-два несколько снизили свой тираж. Это касается даже такого журнала, как "Изобретатель и рационализатор", впервые потерявшего за последний год 11%.

Собственно резкое расширение за двадцать пять лет аудитории научно-популярных журналов, имеющее скачкообразный характер, никак не отражено в книгоиздании: нет ни соответствующего роста числа названий, ни видов издаваемой литературы. Вся проблематика молодежи как социально-процессуального явления оказалась необеспеченной. Молодежь - это не столько возрастная, сколько социальная категория, т.е. контингент, испытывающий резкий сдвиг ролевых определений, задержку фиксированного принятия роли, контингент, культура которого охватывает проблематику и темы кризиса идентичности, переходности, постоянной, перманентной социализации. Отсюда резкое расширение и даже неопределенность возрастных рамок, понижающих сегодня (ранее они вполне обладали квалифицирующей и различающей силой) возможность жесткой социальной демаркации.

Неспособность административно-отраслевой системы управления общественной жизнью видеть глубинные трансформации и процессы предопределила и грядущий кризис общества. С этим же связана и невозможность социализировать и адаптировать значительные контингенты населения - отсюда не только рост социальной патологии (молодежной преступности, девиации всех видов - от наркомании до проституции и отказа от одобренных моделей жизненной карьеры, отказа от

идеологического и санкционированного всей системой поддержки и успеха), но и разрастание социального инфантилизма, кризис основных ценностей общества.

Следует отметить также острую чувствительность молодежной аудитории к демагогии и фальши, широко распространенной в период застоя. В принципе рост интереса молодежи в "своих" изданиях, к специфическим ценностям и информации, транслируемым этими журналами, вполне очевиден, но там, где сохраняются ложная патетика, консерватизм и т.п., там тиражи заметно начинают падать или стоят на одном уровне. Это наблюдается почти во всех республиканских изданиях, за исключением рижского "Родника" и армянского "Гарун". Но чуть контроль ослабевает, как в последние два года, чуть становится живее работа редакции, начинает захватывать, пусть даже частично, реальную жизнь молодежи, там сразу же начинается общий рост. Такова траектория "Ровесника", "Студенческого меридиана" и других.

4. СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ЖУРНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ, 1981-1987 гг.

Для выборочного обследования динамики читательской поддержки были взяты 130 журналов. Из них 5 оказались с фиксированным тиражом, не менявшимся на протяжении ряда лет ("Мода", "Модели сезона" и другие). Среди оставшихся 125 большую часть составляют литературно-художественные журналы (центральные, республиканские и областные). Кроме того, в выборку входят массовые, молодежные, научно-популярные, академические и ведомственные издания (журналы Министерства культуры, Министерства просвещения, Госкомиздата).

Лучше всего за исследуемый период дела обстояли у *массовых* и *молодежных* изданий. Все они существенно расширили круг своих читателей. Так, тираж "Работницы" вырос на 32%, "Крестьянки" - на 68%, у молодежных журналов - "Смена" - на 13,5%, "Студенческий меридиан" - на 32%, "Ровесник" - на 15,4%, "Сельская молодежь" - на 12%. Постоянный рост их авторитетности объясняется крупномасштабными и долговременными процессами в жизни страны - постоянным повышением уровня образования и общей культуры населения; распространением городского образа жизни и т.п.

Те же тенденции к росту аудитории характерны и для *научно-популярных* журналов. Рационализация и выравнивание условий повседневной жизни различных категорий на-

селения требует доступной широким кругам населения информации, постоянной консультативной помощи по таким комплексным проблемам, как воспитание детей, психологический климат в семье, семейное жилищное строительство, сложная бытовая техника, досуговые и любительские занятия и т.д., вплоть до психологических и медицинских советов. Так, аудитория журнала "Человек и закон" выросла на 103% (а за последние 10 лет - втрое), "Семья и школа" - на 26%, "За рулем" - на 38%, "Здоровье" - на 27% (а за 20 лет - почти в 7 раз), "Русская речь" - на 22% и т.д. Подчеркнем, что аудитория этих журналов не ограничивается в них материалами основного тематического профиля: читателей в немалой степени интересуют рубрики истории, культуры, общественных и гуманитарных наук, где соответствующие темы и проблематика обсуждаются оперативнее, свободнее и включаются в более широкий междисциплинарный и общекультурный контекст, чем в собственно академических или специализированных изданиях.

В сравнении с этими типами изданий состояние академических журналов по гуманитарным и общественным наукам чрезвычайно тяжелое. Именно на научных журналах этой категории ошутимее всего сказались механизмы торможения, годы рутинности и застоя, догматизм, отсутствие притока новых идей. В результате из 12 важнейших изданий 9 потеряли от 1/5 до половины своей аудитории:

Таблица 10

Вопросы истории естествознания и техники	- 56%
Вопросы литературы	- 40%
Философские науки	- 38%
Вопросы истории	- 27%
Вопросы философии	- 19%

В последнем случае снижение тиража, если отсчитывать от пика (1972-73 гг.), составляет 37%.

Из журналов этого ряда расширили свою аудиторию лишь "Вестник древней истории" (+31%) и "Социологические исследования" (+23%).

Столь же значительно снижение читательского интереса и к ряду ведомственных изданий, связанных с деятельностью учреждений науки и культуры. Журнал "В мире книг" потерял 43% тиража, "Детская литература" - 27%, "Искусство кино" - 11%, "Советский экран" - 10%. Журнал "Театр" терял до 15% своей аудитории, но сумел восстановить прежние позиции в 1987 г.

И без того невысокий прежде у читателя престиж литературной критики в годы насаждаемого единообразия снизился еще больше. Так, единственный журнал рецензий и актуальной критической оценки "Литературное обозрение" потерял четверть своего тиража, а обращенная к литературной молодежи "Литературная учеба" - одну пятую.

"Толстые" *литературно-художественные* журналы Москвы и Ленинграда, делающие литературную политику и задающие качественный уровень современной словесности, за исследуемые годы достаточно резко поляризовались по своим принципиальным установкам в отношении аудитории (см. Приложение). Расширили круг своих читателей журналы двух типов. Наиболее резкий рост своего тиража дала такая журнальная политика, при которой редколлегия стремилась ориентироваться на несколько разных, но в равной мере активных и важных читательских групп. Примером такого синтеза может быть журнал "Аврора", печатающий молодую городскую прозу, В.Высоцкого и В.Пикуля, В.Ходасевича и Ж.Сименона, материалы по молодежной музыкальной культуре и т.д. Это дало рост тиража более чем в три раза за один полный год. Другой тип увеличения аудитории представлен т.н. "журналами с направлениями". Обладая резко выраженной программой своей политики, они, соответственно, острее ставят актуальные проблемы, смелее обращаются к "трудным" авторам настоящего и прошлого, придают особое значение разделу публицистики, читательской почте, оперативной и целенаправленной литературной критике. Это и обеспечивает им успех у достаточно широких кругов научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Речь идет об активных группах населения прежде всего столиц и крупнейших городов: именно они составляют центр общественной и культурной жизни последнего времени и в этом смысле - базу перестройки, процессов демократизации. К таким программным изданиям относится прежде всего - "Новый мир" (рост на 40%, причем постоянный, на протяжении всего времени, начиная с 60-х годов) и "Знамя" (рост на 63%, падающий целиком на последние полтора года работы обновленной редакции). Ряд журналов по крайней мере сохранил престиж и круг своих читателей, например, "Юность", или даже несколько расширил ее ("Звезда" - рост тиража на 21%). Большая часть центральных литературных журналов год за годом теряла аудиторию. Особенно это касается "Молодой гвардии" (-27% тиража, что составляет 230 тыс. экз. - величина средней аудитории цент-

рального журнала) и "Нашего современника" (-34% тиража, падение на 113 тыс. экз.).

Потеря авторитетности журналов у наиболее активной и квалифицированной аудитории ошутима сейчас тем болезненнее, что важнейшие функции центральных журналов - задавать структуру литературного потока, отбирая среди наличных авторов в центре и на периферии (а также писателей прошлого) тех, кто заслуживает особого интереса. Именно через подобные журналы литература представляется суду экспертов и рецензентов с тем, чтобы впоследствии войти в литературную культуру на более или менее длительный срок и сохраняться; воспроизводясь уже в книжной форме, в составе различных библиотек, серий, собраний сочинений, вплоть до школьных программ и кандидатов в классики советской литературы. В принципе эта цифра не выходит за пределы 10-12%, что и составляет ежегодный объем значимых литературных событий. Доля же собственно "трудных" авторов составляет в общем потоке лишь 3% (т.е. 66 публикаций - от отдельного стихотворения О.Мандельштама до романа А.Рыбакова и т.п.).

Поскольку обращение к наиболее широкой и подготовленной аудитории обеспечивается центром, где сосредоточены и максимальное число журналов, и наиболее квалифицированный авторский состав, и наиболее взыскательная читательская аудитория, то именно центральные издания и издательства становятся решающими в организации литературной жизни страны. Этот процесс был особенно характерен для последних десятилетий, чем и объясняется сложное положение в этот период журналов, выходящих в республиках и областях. Подавляющее число журналов на национальных языках потеряло значительную часть аудитории (Приложение, табл. 2). К ним относятся все издания Украины, Белоруссии, Молдавии, Казахстана, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана. О существенном расширении аудитории можно говорить применительно лишь к нескольким республиканским изданиям на национальных языках: журналам Грузии, Армении, в несколько меньшей мере - Латвии, Киргизии, некоторым журналам автономных республик и отдельных национальностей, где рост журнальной аудитории отражает увеличение национальной интеллигенции (адыгейский "Закошныч": +19%, чувашский "Ялав": +17%, ташкентский журнал крымских татар "Йылдыз": +29%).

Среди журналов, издающихся в республиках на русском языке, тираж увеличился всего у трех изданий (табл. 3): риж-

ской "Даугавы" (на 119%), "Литературного Киргизстана" (на 53%), ташкентской "Звезды Востока" (на 51%). Не теряет своей аудитории "Таллин" и алма-атинский "Простор". Все остальные русскоязычные журналы потеряли значительную часть своей публики - от 19% в Армении до 37% в Грузии.

4.1. ИЗМЕНЕНИЕ ТИРАЖЕЙ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ, 1987-1988 Г.

Тиражная динамика газет и журналов на протяжении полтора-двух последних лет достаточно точно отразила ход перестройки в различных сферах общественной жизни. На протяжении 1986-87 гг. выявилась резкая дифференциация журналов в зависимости от их принципиальных программ, отношения к наиболее актуальным проблемам, историческому наследию и стратегиям развития страны. Выражению позиций способствовало и устранение жесткого цензурного контроля. В 1988 г. это привело к заметному взлету одних периодических изданий, сохранению аудитории других и ослаблению или падению интереса к третьим. Тенденции эти проявились с максимальной четкостью, поскольку в течение подписной компании 1987 г. были сняты искусственные ограничения на одни издания, равно как и специальные стимуляторы и "нагрузки", подымающие тиражи других.

Подчеркнем, что линия водораздела между изданиями с различной тиражной траекторией проходит даже не по тематическому наполнению или функциональному назначению журналов, а по последовательности выражения и проведения принципов перестройки их редакционными коллективами и кругами отбираемых авторов. Причем на сегодняшний день это относится прежде всего к изменению взглядов на широкий круг общественных вопросов - исторических, правовых, литературных, культурных в целом, т.е. проблем демократии во всех сферах жизни. Рассмотрим эти моменты более внимательно. Все данные приводятся на январь, хотя часть журналов продолжала расти, на некоторые в конце января и в феврале вернулся лимит и ограничения подписки ("Новый мир", "Дружба народов", "Москва" и др.). Почти все журналы, кроме части партийных и отраслевых, исчезли из розничной продажи. Большая часть журналов академии наук дали в новых условиях прирост подписчиков. Среди *академических* журналов наиболее резкий рост тиража у "Философских наук" (+45%), "Социологических исследований" (+42%), "Вопросов истории" (+20%). Остальные стабилизировались ("Вопросы экономики" - +4,7%; "Вопросы литературы" +4% и др.). В

"минусах" сравнительно небольших (от 3 до 7%) оказалось здесь лишь три журнала - "Русская литература", "ЭКО" и "ОЛЯ".

В условиях резкой дифференциации по принципиальным программам прежде устойчивая и равномерно растущая роль "популяризирующих", "ознакомительных" многотиражных журналов общего и естественно-научного профиля значительно ослабла. За исключением трех *общесемейных массовых* журналов ("Работница", "Крестьянка" и "Здоровье"), которые пока сохраняют прежний постепенный устойчивый рост тиража, все прочие, кроме молодежных, начали терять свою аудиторию. Застыли на "нуле" столь популярные недавно "За рулем", "Крокодил", "Мурзилка", "Природа", "Радио", "Человек и закон", "Вокруг света", "Юный натуралист" и др., а такие издания как "Знания - сила", "Наука и жизнь", "Химия и жизнь", "Техника - молодежи" и др. сократили тиражи до 1/5.

Потенции к устойчивому и даже значительному росту продемонстрировало большинство общесоюзных и республиканских *молодежных изданий* (за исключением "Сельской молодежи"). Это прежде всего - латвийский русскоязычный "Родник" (+66%), "Ровесник" (+60%), "Смена" (+54%), "Аврора" (+42%; следует учесть, что этот журнал в прошлом году уже дал рост на 204% и, видимо, выходит на свою собственную аудиторию, становясь просто литературно-художественным журналом для различных возрастов), рижский "Авотс" (+35%), украинский "Днипро" (+32%) и др. Эта тенденция к росту тем более заметна на фоне наиболее тиражного молодежного литературно-художественного журнала "Юность", который исчерпал свой социально-демографический контингент и сейчас устойчиво воспроизводит сложившуюся аудиторию.

Среди *партийно-пропагандистских изданий* более или менее сохраняет свою аудиторию "Новое время" и "Коммунист", потерявшие лишь 10 и 40 тыс. своих подписчиков (8% и 5% соответственно). Прочие утратили от 10 до 23% своего тиража. Эта же особенность характерна и для партийных газет ("Правда" - 3,6%). Также потеряли часть своей аудитории газеты "Сельская жизнь" (-1,1%), "Экономическая газета" (-10,4%), "За рубежом" (-1,1%). Стабильны "Комсомольская правда" (+3,5%) и "Труд" (+3,3%). Наиболее активно росли читательские аудитории "Советской культуры" (+12,8%), "Социалистической индустрии" (+16,1%), "Литературной газеты" (+22,6%), "Учительской газеты" (+42%), активно выступающей за проведение ряда реформ в системе.

Ситуация с *республиканскими* изданиями находится в общей связи с процессами активизации общественной жизни страны (отсюда - в целом стабилизация падения тиражей у большинства журналов и тиражный взлет у ряда изданий, находившихся в предыдущее семилетие в неблагоприятном положении), а потому на нее влияют прежде всего факторы центрального уровня - развитие условий демократизации, обстановка возрастающей гласности. Вероятно, именно поэтому заметнее всего изменение тиражей русскоязычных литературно-художественных журналов союзных республик, в меньшей степени - изданий этого типа на национальных языках (здесь заметно выделяются литературные журналы).

Из русскоязычных республиканских журналов фактически лишь белорусский "Неман" продолжает сокращать свой тираж (-9% при -21% за семь предыдущих лет). Ряд изданий стабилизировали как прежний рост ("Даугава", "Звезда Востока" - лидеры роста в предыдущее десятилетие - теперь замерли близко к нулю), так и затормозили прежнее падение ("Кодры", "Литературная Грузия" и "Литературный Азербайджан" - прежние лидеры снижения тиражей - даже пошли немного вверх). Очевидно, ситуация начала меняться на Украине. Несколько изданий, пребывающих в упадке, круто пошли вверх (украинская "Радуга", "Литва литературная", "Ашхабад", "Памир", "Таллин"). Лидирует же здесь один из прежних лидеров - "Литературный Киргизстан" (+217% при прежних +53% - рост, вполне сравнимый с лучшими из центральных изданий).

Среди *журналов союзных республик*, выходящих на национальных языках, перемены коснулись как головки лидеров (они фактически полностью сменились), так и "хвоста" остальных - темпы снижения их тиражей выглядят в большинстве случаев более ровно, чем в предыдущее семилетие. Лидируют по темпам роста тиражей теперь несколько регионов: прежде всего Украина (журналы "Жовтень", "Витчизна", "Всесвіт", к которым можно прибавить молодежный "Днипро"; напомним также рост русскоязычной "Радуги"), Белоруссия ("Польмя" - при упадке других журналов, включая молодежный), Прибалтика и Киргизия.

Журналы автономных республик за исключением органа крымских татар, выходящего в Ташкенте журнала "Йылдыз", чей тираж, как и в предыдущее семилетие, растет (+8% при прежних +29%), сокращают свою аудиторию, в лучшем случае сохраняя стабильность.

Областные же и краевые издания практически все замерли на нуле. Исключение - лишь якутская "Полярная звезда": ее тираж несколько увеличился и в предыдущее семилетие (+11%), теперь же за год вырос наполовину.

Коротко говоря, растущая социальная активность интеллигенции столичных центров влияет - хотя и в разной степени - на соответствующие слои населения других городов, национальных республик. Прежде всего это относится к нескольким наиболее динамичным регионам - Украине, Прибалтике, Киргизии, Туркмении, Таджикистану. При этом Прибалтика и Украина дают рост тиражей журналов как на русском, так и национальных языках, в среднеазиатских же республиках динамичными оказались только русскоязычные издания.

Посмотрим, какие читатели стали фактором роста журнальных тиражей. Отделим для этого индивидуальную подписку от ведомственной (организаций, учреждений, библиотек различного подчинения), с одной стороны, и городскую (и прежде всего - столичную и крупногородскую) от сельской. Тиражи лидерам подняли прежде всего индивидуальные подписчики, и более всего - в крупных городах. Скажем, подписка на "Дружбу народов" в союзных республиках выросла в сравнении с 1986 г. вровень с тиражом - на 485%, а в Москве и Ленинграде - в 17,3 раза. Ведомственная же подписка в центре сократилась с 38,5% всего объема подписки (очень большая доля, такая была тогда у "Огонька", а также у "Звезды" и "Октября") до 3%; в республиках же - с 26% до 8%. Если в 1986 г. в центре расходилось лишь 6,7% тиража "Дружбы народов", то в 1988 г. - уже 22,7%. Рост республиканской подписки на "Знамя" тоже сопоставим с общим ростом тиража (плюс 123% при росте тиража плюс 80%), а в Москве и Ленинграде подписка выросла в 4,6 раза, и теперь расходится среди подписчиков почти 22% тиража при прежних 9,4%. У "Нового мира" остается теперь в двух столицах 40,7% тиража. Вместе же с крупнейшими городами-миллионерами это составляет больше половины всех экземпляров выпуска. И это при резко (с 26% до 6,5%) уменьшившейся ведомственной подписке на "Знамя" в центре и с 19% до 11% - в республиках. А "Новый мир" в центре вообще идет целиком по индивидуальной подписке (меньше 2% в ведомства), упала ведомственная подписка и в республиках - с 11,5% до 6%.

Итак, основной поддержкой журнальной динамики стала возросшая активность жителей крупных и сверхкрупных городов - промышленных, научных и культурных центров страны. Но дело не только в этом. Если судить по траектории роста

подписки на журналы разного адреса, с различающейся программой, к обсуждаемым этими изданиями-лидерами проблемам, фактам и оценкам не то чтобы приобщаются новые круги и слои населения - нет, идет более полный, в принципе всеобщий, охват контингента "одного этажа". Именно поэтому преимущественными темпами процессы эти идут в центре, где концентрация данного контингента выше. Происходит сплочение сил прогрессивной, критически настроенной интеллигенции, части наиболее квалифицированных рабочих и техников, групп активной молодежи. Вполне понятно как стремление самих инициативных журналов опереться на эту достаточно подготовленную и весьма немалую по объему аудиторию (4-5 млн. ее только активной "головки", первых читателей журналов, их семей и самых близких друзей и знакомых, кооперирующихся на подписке), так и тяга этих читателей к прямому выражению ценностей и идей передовых культуротворческих групп в универсально-печатной форме - по возможности вне долгосрочного контроля, согласования и селекции всякого рода инстанций и ведомств.

Мы не хотим сказать, что процессы расширения гласности вовсе не выходят за означенный круг. Это не так. Во-первых, ими в разной мере охвачены практически все печатные органы, а во-вторых, очередь на эти журналы-лидеры движется и не иссякает и в библиотеках различных систем и ведомств, наиболее глубокие и острые публикации действительно становятся практически всеобщими, расходятся даже в кругах, пусть и далеких от очагов инициативы центра, но не вовсе же потерявших их из виду. И все-таки активизация социальной жизни и культурного поведения прежде всего и преимущественно охватила "нервные центры" общества.

И вот одно из доказательств. Если у лидирующих по темпам роста тиража столичных изданий ведомственная подписка в несколько раз сократилась и колеблется в центре на уровне 2-6% всего объема подписки (исключение - 13% у "Октября"), то, скажем, у "Звезды" эта доля достигает 20%, примерно так же обстоят дела у "Молодой гвардии" (21,5%), "Москвы" (18%), "Нашего современника" (18,8%). В республиках же соответствующий показатель, например, у "Звезды" (29,6%) и "Нашего современника" (19,7%) еще выше. Добавим, кроме того, что значительная доля подписки "Молодой гвардии" и "Москвы" идет в село - соответственно 16,7% и 22,2% всего объема подписки. При этом ведомственная подписка за последние 2 года увеличилась в республиках у тех же "Звезды", "Иностранной литературы", "Молодой гвардии",

"Москвы", "Нашего современника", в центре - у "Иностранной литературы". Доля сельской подписки несколько возросла у "Нашего современника", почти не изменилась у "Москвы", тогда как у других журналов понижалась, у лидеров - в несколько раз. Иными словами, социальная опора деятельности литературно-художественных журналов сегодня различна, а разная динамичность их контингентов определяет и разные траектории тиражной динамики, перемен в подписке.

Подчеркнем еще раз: речь именно о программных литературно-художественных журналах, изданиях мировоззренческих, органах самосознания интеллигенции. В иных типах периодики, с другими задачами, другой адресацией, картина совершенно иная. И резкого, в несколько раз за год, взлета тиража и подписки ни один из них - ведомственно-отраслевых, академических, массовых, семейных, научно-популярных и молодежных - не дал. И академические, и отраслевые (по ведомству культуры) издания в подавляющей степени опираются на подписку организаций - в том числе своего же ведомственного подчинения. Возьмем основной рупор Госкомиздата, журнал "В мире книг". За 80-е гг. под руководством ныне консультирующего руководство отраслью Ю.Идашкина он благополучно утратил более 40% тиража. Почти три четверти подписного объема в двух столицах уходило в 1986 г. через ведомственную подписку, в 1988 г. - несколько меньше, две трети. Но в союзных республиках доля ведомственной подписки на него возросла - с 53% до 62%, увеличилась с 27% до 31% и сельская подписка. Похожая ситуация у единственного в стране журнала актуальной критики "Литературное обозрение": он теперь более чем наполовину распространяется через ведомственную подписку, и доля ее, как и сельской, в общем подписном объеме растет. Журнал оперативного литературного реагирования во многом держится школой, массовой библиотекой, клубом или домом культуры - учреждениями, кампании проводящими аккуратно, а в остальном неспешными, работающими с материалом отстоявшимся. Если у резко поднявших популярность журналов ведомственную подписку приходится подрезать, сокращая, скажем, возможности доступа к ним библиотечных читателей, то журналам указанного типа анонимная официальная поддержка и страховка, напротив, гарантированы.

Такова же ситуация и в отечественной академической науке. Как шли "Вопросы философии" в центре более чем наполовину через ведомственную подписку (устойчиво теряя в последнее десятилетие тираж), так и теперь 44% расходится.

через этот канал. Еще показательнее пример "Вопросов экономики" - через ведомства расходуется от трех четвертей подписки до половины в союзных республиках. Но в принципе можно было провести и другие примеры "Вопросов", "Исследований" и "Наук". Лишь история древнего мира осталась единственной сферой, не удушенной контролем аппаратных чиновников от науки, опирающейся на индивидуальные достижения и профессиональный авторитет специалиста, на сумму значений, охватываемых словами "история" и "культура": тираж "Вестника древней истории" год за годом устойчиво растет и исключительно за счет индивидуальной подписки.

И, наконец, совершенно иная судьба у журналов массовой адресации. Их постоянно растущий тираж обеспечивается исключительно собственным выбором семьи или индивида: доля ведомственной подписки здесь не превышает нескольких процентов, а для многих изданий - нескольких десятых процента. Причем больше половины подписки на такие журналы, как "За рулем", "Крестьянка", "Сельская молодежь", "Человек и закон", "Работница", "Семья и школа" уходит в село. Напротив, молодежные издания - преимущественно столичные и крупногородские: почти девять десятых подписки на "Ровесник", "Смену" и особенно "Студенческий меридиан" идут в города. Приближаются к ним в этом и "Наука и жизнь", "Техника - молодежи", "Знание - сила".

Если обобщить, получается примерно такая картина. Явственно разделялись сферы влияния различных (по характеру и направленности) мировоззренческих групп, с одной стороны, и охранительно-контролирующих ведомств, с другой. Поддержка последних - исключительно они сами плюс те массы читателей, которые от них безысходно зависят - люди и семьи с суженным культурным, социальным, экономическим ресурсом. Опора первых - семья и индивид, разные их по стандартам, ориентациям, интересам и потенциальным типам. Например, в одном случае речь о широчайших слоях адаптирующихся к письменной культуре, о тех, кто обучается необходимым навыкам рационализации городской жизни и быта, досуга и техники. Это и есть аудитория массовых семейных журналов, молодежных и научно-популярных изданий, которые охватываются формулой: "Как сделать самому". А в другом случае перед нами - слои тех, кто поддерживает инициативы культуротворческих групп: читатели проблемных и программных литературно-художественных журналов, обращенные к современности во всей многосложности, противоречивости и динамике ее состава. А возьмем ведомственно-отчетные

издания по науке ли, культуре или искусству, и перед нами область стагнации и застоя: их тиражи и индивидуальная подписка сокращаются, аппаратная система контролируемого распространения без притока извне склерозирована. Другие социальные феномены и движения - за массовыми популяризирующими изданиями разного содержания и адресации. Круг их читателей наиболее широк и постоянен. Он, хотя и не резко, растет по мере "естественного обновления": в принципе это все, кто активно читает и регулярно связан с печатным словом, но обращается именно и только к изданиям этого типа или даже к одному конкретному изданию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Таким образом, можно по читательскому поведению относительно различного типа журналов восстановить современную и историческую общественную ситуацию - баланс и динамику взаимодействий социальных сил. Главное здесь на нынешний день - деятельность активизированных инициативных групп, ищущих более широкой опоры в слоях интеллигенции, квалифицированных рабочих, думающей молодежи. Иначе говоря, происходит смена действующих лиц на социальной сцене, новые группы идеологов разрабатывают и предлагают на обсуждение идеи преобразования социальной организации общества - экономической, политической, правовой. Поле действия этих групп, область их взаимоотношения со слоями поддержки - единая для всех современность, сколь бы "далекие" исторические реалии при этом не привлекались. Историческая ситуация складывается так, что возможность реализации выдвигаемых идей по-прежнему связана, как это чаще всего и бывало в истории страны, с апелляцией к кругам высшего руководства, с одной стороны, и к широким слоям населения (на сегодняшний день - "читающей публики"), с другой. Сближение этих разных инстанций и сил, различных по месту в обществе, культурным традициям, в точке "здесь и сейчас" - дне выхода газеты, прихода журнала, демонстрации телематериалов - и есть один из аспектов "ускорения" социальной жизни. Но это лишь одна сторона дела.

С другой - перед нами явное замедление, если даже не временное свертывание деятельности в сфере специализированной, профессиональной, собственно аналитической. Как бы предполагается, что сейчас - и в кратчайшее время - необходимо вынести на всеобщий суд и донести до максимально широкой кругов читателей все накопленное на протяжении

последних 15-20 лет, приобщить читающую публику к результатам мыслительной работы, к готовому, сложившемуся. Идет, можно сказать, проверка интеллектуалов на готовность к социальной активности. При этом, естественно, характер обсуждения применяется к общему уровню. Кроме того, он непременно актуализируется: зацепляется за насущные проблемы дня, узнаваемые реалии, языковые и стилевые ходы. В результате ведущими жанрами становится экономическая, правовая, отчасти политическая публицистика, ядром авторского состава - научные сотрудники, как правило, работающие за пределами своих собственно профессиональных интересов или на самой их границе. Специализированный анализ соответствующего круга проблем, их контекста, других вопросов остается фактически на прежнем уровне: новых научных публикаций, привлечших бы внимание специалистов и смежников, в общественных и гуманитарных науках что-то не видно. Не печатается и научный архив, в том числе - работы 60-80-х гг., хотя архив литературный более или менее регулярно и масштабно публикуется. Характерный пример - научные журналы. Перемены в них касаются публикаций литературного и эссеистического плана - типа Флоренского и Булгакова в "Социологических исследованиях": для поднятия престижа журнала используется символический авторитет философии и литературы.

Практически не затронуты идущей социальной подвижкой и те культурные группы, чей авторитет определяется оперативностью и полнотой освоения иных образцов и традиций, например, сфера публикаций иностранной словесности. Анализ нынешних журналов и книг, перспективных планов показывает, что образ зарубежной культуры, связка представляющих ее символических имен не меняется и не собирается меняться. Отметим, впрочем, что эта зона наиболее жестко и монопольно контролируется (один журнал - "Иностранная литература", одно издательство современной - "Радуга" и одно - классической иностранной словесности - "Художественная литература"). Видимо, контролирующая группа здесь сохраняет в целом свои доминирующие позиции, свой достаточно устойчивый авторитет и не собирается ими рисковать, выходя на новые семантические пласты и культурные зоны либо вовлекая в работу новые группы профессионалов с иными традициями, особенностями формирования, траекториями литературной судьбы.

Каков же, следовательно, характер идущих процессов? На наш взгляд, идет построение некоего "общего мира" на основе

комплекса идей, в целом выработанных интеллектуальными силами стран к 1960-м гг. и развитых, рафинированных, обсужденных вне печатной сферы на протяжении двадцатилетия между 2-й половиной 60-х и серединой 80-х гг. Вокруг этих идей и выдвигающих их фигур консолидируются достаточно широкие и разнообразные по социальному составу и интеллектуальной подготовке группы и слои общества, в целом совпадающие с аудиторией центральных программных журналов (как по отношению к этому ядру консолидируется и консервативная оппозиция "почвенных" журналов). Понятно, что аудитория эта тоже многослойна, включает более и менее активные сегменты, имеет свою "периферию" и т.д. Важны здесь, кроме перечисленных, три момента, друг с другом связанными.

Во-первых, описанные процессы носят, как можно видеть, почти исключительно характер выработки идейных позиций, идеологической деятельности - социальных механизмов, удерживающих, развивающих и передающих соответствующие идеи почти не создается (точнее, это дело идет бесконечно медленнее и трудней, следы его на печатной поверхности куда бледнее). Иначе говоря, сфера социального строительства (экономического, политического и др.) пока контролируется куда успешнее, чем общественное мнение. Доступ к позициям власти заблокирован жестче, нежели путь к средствам информации. Это, в частности, и есть противостояние инициативных групп и командной системы господства. Во-вторых, под усиленным контролем по-прежнему, как это было и в истории страны, находятся процессы создания и оформления автономных общественных образований - социальных и культурных институтов, групп, движений, течений. Это указывает на многодесятилетнюю деформацию структуры общества, ведущую и к существенной трансформации культурного наследия, процессов и механизмов его хранения, интерпретации, передачи, усвоения. Одно из выражений этой социальной аномалии - вытеснение обществоведческой проблематики в массовую периодику, хранения которой по существующим культурным нормам не предусматривается (кроме самых рафинированных или, напротив, периферийных групп). Переход же газетной и журнальной формы в книжную (скажем, сборники популярных произведений, актуальной публицистики и т.п.) жестко контролируется силами административной системы, работают плотные социальные "фильтры". Иначе говоря, гасятся потенции разнообразия наличных сил и традиций - сужается спектр групп, это разнообразие производящих, как культивирующих и саму идею разнообразия. Приглашение

этих процессов дифференциации в социальном и культурном плане сказывается я в отсутствии (или, по крайней мере, слабой развернутости) сегодня полемики по обсуждаемым вопросам. В печать если и проникает в считанном числе случаев, то в основном полемика противоположных лагерей - скажем, "Советской России" и "Московских новостей", собственно же "внутреннего" оппонирования почти не видно, оно вынесено в аудитории устного общения. Иначе говоря, центр тяжести идущей работы перенесен на консолидацию и как бы демонстрацию принадлежности к единомыслящим. Обострение продумывание, оттачивание позиций, немыслимое вне публичного обсуждения, отходит на второй план. А ведь именно оно является источником и выражением идейной, а в конечном счете и социальной динамики, механизмом выдвижения новых сил, их оформления и активизации. Пока, пожалуй, просматривается лишь единственная траектория движения, важность которой, разумеется, трудно переоценить, - это всеобщая, хотя и разными темпами идущая, радикализация взглядов и высказываний. Видимо, это одна из характеристик нынешнего этапа развития переходной ситуации.

Что же стоит за этой динамикой приведенных данных по тиражам и подписке? Если говорить в нескольких словах, идет размежевание интересов и сфер влияния охранительно-контролирующих ведомств и различных культурных групп, с одной стороны, и дифференциация позиций и мировоззренческих оснований внутри самих этих групп, с другой. Опора ведомств - по-прежнему исключительно они сами (вся инерция сложившегося социально-политического порядка) плюс те читатели, те контингенты, которые безнадежно от них зависят. Резкий рост переживают фактически только лишь издания, объединенные интересом к современности во всей ее сложности, противоречивости и динамизме (поэтому близкую к журналам-лидерам, но наиболее плавную траекторию роста имеют молодежные издания). Напротив, отчетно-циркулярная и установочная периодика ведомств по культуре, искусству, науке все в том же состоянии склероза: их тиражи не растут, подавляющая часть распространяется через учрежденческую подписку. В них почти нет новых проблем, ни свежих имен, отсутствуют фактически и архивные публикации - по крайней мере, из своих профессиональных архивов.

Руководство книгоиздательской отраслью и ее подразделениями, вся система управления книжным делом, построенная на жестком распределении лимитированных ресурсов, к взлету журнальной активности и активизации подписчиков и чи-

тателей оказалась совершенно не готова. Вторые номера журналов за 1988 год вышли с большими задержками (поиски бумаги и типографии, увеличившийся объем работы по упаковке, складированию и доставке). За это время, в январе текущего года, было принято решение о приостановке свободной подписки на наиболее популярные журналы - "Дружбу народов", "Новый мир", "Москву" (чей тираж вырос фактически лишь со второго номера, когда начал публиковаться Карамзин): по распоряжению Центрального Комитета, а вслед за ним - приказу по Союзпечати подписка на эти издания была прекращена без извещения общественности, чисто волевым порядком.

С точки зрения организаторов книгораспространения (руководства соответствующих издательств, отделов распространения и планово-финансовых отделов в них), этот шаг был вполне логичным, с нашей же точки зрения - напоминает фактический отказ кооперативным издательствам после радужных разговоров об их скором открытии. Издательские расходы (дополнительная закупка бумаги, незапланированная нагрузка для полиграфии, исчерпание лимитов почты и т.д.) растут, хлопоты работников отделов обслуживания увеличиваются, экономической же отдачи издательство от всего этого не видит: больше зарабатываешь, больше с тебя снимут в Госбюджет. До того же, что выигрывает читатель (то есть все мы с вами, культура страны, ее общественная жизнь) издательству дела нет, нет таких механизмов, чтобы связывали его с жизнью общества - если не считать обществом отделы министерств. Больше того, новая ситуация резко обострила отношения между издательствами, Союзпечатью и полиграфией (она, кстати, вообще готова забрать журналы себе, минуя издательства и получая весь доход).

Какой же выход? Договор между коллективом редакции журнала, издательства и полиграфией, но какой? Только на выделенные по твердым лимитам ресурсы - на половину нынешних тиражей: скажем, полмиллиона для "Нового мира", 400 тысяч для "Дружбы народов". Повысить редакциям плату за популярность журнала, отчисляя им, например, процент от прибыли, как бригаде, работающей по подряду? Как бы не так - за что, собственно? За публикации, которые читатели рвут на части? Так ведь у них авторы есть, им и плата. Редакционные же работники - на содержании у государства, зато на твердом - зарплата, гарантирующая какой-никакой уровень, но уж для всех. Кроме того, популярные произведения можно ведь и "вынуть" из журнала - скажем, не давать "Доктору

Живаго" миллион с лишним журнального тиража, а пустить половину через журнал, а пятьдесят тысяч параллельно с ним сразу книгой (реальными правами первоиздателя журнал не обладает). То, что при этом разрушается журнал - то есть система социальной коммуникации между группами, и издательство планирует себе дефицит, резервирует его как ресурс собственной власти, то, что деформируется порядок отбора и передачи культуры, формирование наследия и т.д. - во внимание, естественно, не берется. Запросы общества для командиров распределительного механизма - риторика, штамп для выступления с трибуны собраний. Желания менять положение дел - никакого, если только это не гарантирует руководству с еще большей жесткостью его командные позиции - через систему госзаказа, социальных нормативов, тематических и отраслевых программ (в которых фактически сводятся пункты издательских планов с твердыми объемами и тиражами, которые читателям предлагается одобрить).

Более того: эта стратегия рассматривается как защита авторов и спасение культуры от грозящей со стороны потребителя "коммерциализации". Руководители отрасли, находящейся в ее нынешнем состоянии (о котором они же говорят, что "существенных изменений в нем не произошло и положение даже еще хуже"), опять выдвигают сегодня в качестве основной задачи "жесткую необходимость повышать культуру народа". При этом в успехах нынешних журналов ведомство нимало не заинтересовано: закрепить и расширить их возможности и положение, права их редакций никак не планируется. Об экономической независимости нечего и говорить.

Однако, нельзя сказать, чтобы журналы-лидеры не могли окупать себя и приносить прибыль. Вот данные лишь по двум из них (для сравнения приводим цифры по журналу "Иностранная литература", безостановочно теряющему своих читателей).

Таблица 11

	"Дружба народов"		"Новый мир"		"Иностранная литература"	
	1987	1988	1987	1988	1987	1988
Среднеразовый тираж (тыс.)	150	800	490	1130	460	400
Доходы (тыс. руб.)						
План	1833,5	9133,7	6079,1	14058,3	8773,4	7434
Отчет	1839,1	-	6138,1	-	8830,2	-
Расходы (тыс. руб.)						
План	1207,6	4609,7	2338,8	5016,4	2779,6	2405
Отчет	1094,1	-	2132,5	-	2511,1	-
Прибыль (тыс. руб.)						
План	625,9	4254,0	3740,3	39041,9	5993,8	5029
Отчет	745,0	-	4005,6	-	6319,1	-

А вот структура расходов двух журналов-лидеров за 1987г.

Таблица 12

	"Новый мир"		"Дружба народов"	
	-	процент	-	процент
Доходы (тыс. руб.)	7082,7	-	2176,8	-
Выручка от реализации	7982,7	-	2176,8	-
Скидка за распространение	944,6	13,3	337,7	15,5
ИТОГО ДОХОДОВ	6138,1	86,6	1839,1	84,5
Редакционные расходы:				
Гонорар и отчисления	144,4	2,0	141,7	6,5
Собственные редакционные расходы	148,5	2,0	133,1	6,1
ИТОГО	292,9	4,0	275,8	12,6
Издательские расходы:				
Бумага	955,0	13,5	477,1	19,2
Типографские расходы	353,4	5,0	210,4	9,7
Общездательские расходы	38,4	0,5	37,2	1,7
ИТОГО	1346,8	19,0	669,7	30,8
Производственная себестоимость	1639,7	23,2	940,5	43,2
Расходы по доставке	492,8	6,9	152,1	7,0
Полная себестоимость	2132,5	30,1	1094,1	50,3
Прибыль	4005,6	56,6	745,0	34,2
Себестоимость одного экземпляра (коп.)	36,1	-	58,4	-

Однако, издательству эти доходы не нужны. Даже более того - от них только лишнее беспокойство: вступают в противоречие динамика читательских предпочтений (колебание журнальной подписки, а соответственно успех или неуспех работы редакции) и статика внутрииздательских взаимоотношений (и принципы работы отрасли в целом, начала директивно-распределительного планирования и обеспечения). Говоря короче, одна из редакций издательства (коллектив того или иного журнала) отчетливо выделяется своей работой - да еще не дай бог "работает с интересом", когда другие "тянут лямку", выпуская никому не нужное, обязательку, убыточные издания и т.д. Кроме того, это рискованно: за колебаниями читательских пристрастий можно не поспеть, а тогда летит выполнение плана, за ним же - прогрессивка, премии, благодарности и т.д. Большая (если не большая) часть коллектива издательства во главе с его руководством этого не хочет. И наконец - обычная удавка любой инициативы, планирование от достигнутого: сегодняшнее перевыполнение завтра спустят как план, и уж тогда не поздоровится всем, включая передовиков.

В нынешних условиях, когда 70% прибыли в обязательном порядке идет в Госбюджет, а 13-15% - на содержание Госкомиздата, никакой связи между эффективностью работы и ее финансовым обеспечением нет. Редакционные штаты настолько жестко заданы, что редакция не может взять себе технического сотрудника на обработку писем (а не они ли - сенсация нынешнего дня?), не в силах пригласить еще одну

машинистку и приобрести пишущую машинку. При всем при том, по заверениям председателя, "Госкомиздат очень богатая организация, ему деньги не нужны!" (И действительно, как он утверждал в одном из выступлений, при 800-900 млн. ежегодной прибыли на реконструкцию отрасли - именно сейчас! - затрачено меньше одного процента).

В этих условиях тактика бюрократии заключается в том, чтобы выиграть, а еще лучше - рассчитать время так, чтобы его хватило надолго, как можно дольше. Для растягивания времен и создаются, методичнейшим образом прорабатываются регламентирующие документы о развитии отрасли до 2005 года, комплекс экономических нормативов, многолетние программы по удовлетворению массового спроса и т.д. В целом - регламентация планируемого процесса до мельчайших деталей (формулировок, цифр и т.д.) и многоуровневая координация и согласование вырабатываемых решений. Примером здесь может быть решение (от 17 марта 1988 г., п. 6) коллегии Госкомиздата по журнальной периодике.

Вот как характеризуется ситуация в журнальной периодике в этом решении. "Министерства, ведомствам, общественным организациям и творческим союзам оказывается помощь в создании новых и реорганизации существующих журналов" (примером здесь служит "Журнал мод" и планирующийся совместный выпуск с Союзом журналистов ЧССР "Гид". - авторы)... ежегодно определяется тиражная политика выпуска журналов, проведена работа по прогнозированию тиражей до 1990 г., тем не менее рост тиражей, как показала подписная кампания 1987 г., застал полиграфию и службы материально-технического снабжения врасплох.

В развитии журнальной периодики все еще имеют место серьезные недостатки, продолжают действовать негативные тенденции, накопившиеся проблемы решаются очень медленно. Сложившаяся сеть журналов не в полной мере отвечает задачам социально-экономического, научно-технического и культурного развития. Материально-техническая база развивается крайне медленно и в отрыве от задач журналов, общие сроки подготовки и выпуска изданий достигают 4-5 месяцев, художественное оформление и полиграфическое исполнение журналов находится на уровне, не отвечающем современным требованиям. В соответствующих технологических циклах не учитывается в достаточной степени специфика журнала как типа издания. Редакционно-издательский процесс... носит архаичный характер".

А что же решает высокая коллегия после столь суровых констатаций: "1. Утвердить перспективный план проведения журнальных летучек на 1988-1989 гг. 2. Считать важнейшими направлениями работы Госкомиздата СССР по вопросам журнально-издательского дела развитие прогнозирования и моделирования журнальной периодики... улучшение координации деятельности редакций... проведение комплексных социологических исследований... 3. ...продолжить работу по созданию наиболее рациональной схемы деятельности ГИПО "Периодика" ... 4. Подготовить предложения по организации повышения квалификации работников журналов".

Требуется же - как становится все понятнее за прошедшие три года попыток и проб реформы - только одно: предоставить самостоятельность журналам и книгоиздательствам, снять любые ограничения на характер их редакционной и хозяйственной деятельности, устранить вмешательство и контроль комитета. Дело не в отказе от внутриредакционного рецензирования (считается, что это и есть процесс революционных преобразований в отрасли), а в отказе от фикции директивного планирования и возвращении реальных прав авторам и обеспечивающим их коммуникацию с читателями издательствам - именно обеспечивающим, а не затрудняющим, контролирующим, запрещающим...

Основное противоречие - между инициативами разнообразных групп, самоорганизующихся в форме общества, и претензиями на максимальный контроль над этими процессами со стороны аппарата ведомственного управления. И дело здесь не за авторами. И не за "незрелыми" читателями - их широчайшие и в большинстве своем достаточно квалифицированные слои проявляют свою волю многостраничными списками издательских долгов, отдачи которых с нетерпением ожидают. И даже не с бумагой и полиграфией трудности: они с введением второй-третьей смены и установлением договорных цен вполне отыщутся, да еще какого качества! Все упирается в политические структуры общества - их силу, дееспособность, возможности подчинить себе бюрократический аппарат ведомств. Сейчас аппарат управленцев фактически блокирует исполнение даже принятых решений, ставя тем самым под угрозу весь ход экономической реформы и развертывание процессов демократизации в стране. Бюрократия парализует политическую систему, ограничивая ее функции одной - запрещением. Тем самым политика трактуется не как выработка и проведение социальных программ в условиях их сопоставления, оценки, выбора и принятия ответственности за свои ре-

шения, а как механизм контроля за поддержанием порядка, рутинного воспроизводства существующего положения дел. Прямое следствие этого - рост некомпетентности и неэффективности самой бюрократии ведомств, переход ее к работе на самое себя, консервация всего общественного целого.

Слабым местом в работе журналов оказывается именно их связь с госкомиздатовской системой, прикреплением к тому или иному издательству через общие фонды бумаги, полиграфические мощности и лишение финансовой свободы. Выходом из кризиса на уровне всей отрасли как таковой должна быть сознательная политика децентрализации. Речь идет о необходимости своего рода "антимонополистической стратегии" и даже "антитрестовского законодательства". Цель этой работы - демократизация журнального дела, которая в организационном плане предполагает обеспечение любых форм существования журналов и возникновения новых, а в хозяйственном - экономическую самостоятельность и рыночное регулирование деятельности - установление связи между работой редакции и объемами и динамикой читательской поддержки. Новая журнальная политика потребует проведения системы организованных, хозяйственных, правовых и финансово-экономических мероприятий. Они должны обеспечить реализацию культурных программ уже имеющихся и вновь возникающих журналов. А это возможно лишь при максимальном разнообразии форм собственности и стоящих за ними хозяйственных и юридических субъектов (ведомство, творческий союз, общественная организация, кооператив). Журнал любого типа должен обладать правом вести все свои дела сам, включая кооперацию с другими журналами (образование разного рода объединений по идейным направлениям, материально-хозяйственной базе, финансовому обеспечению). Важно, что деятельность журнала или журнального объединения сама бы в этих случаях подчинялась экономическим механизмам, регулирующим характер заключения договоров с типографиями на выполнение полиграфических работ, установление цены номера, а соответственно, и штатное расписание, распределение прибыли и убытков. Все эти вопросы, включая и полную ответственность за ведение дел, должны лежать на самой редакции. Единственный регулятор отношений с этими самостоятельными журналами - не директивные задания и планово-отчетные показатели, а прогрессивный налог с оборота, устанавливаемый в соответствии с принципами мировой издательской практики. Только при таких сугубо экономических отношениях возможен нормальный ход технологической мо-

дернизации, заинтересованность редакции в рентабельности своего предприятия.

Финансовые основы независимости журналов могут быть в принципе самые разные (ведь обществу, в отличие от ведомства, не важно, где сделана та или иная книга либо журнал; важно лишь то, чтобы она была своевременной, информативной, культурно значимой, качественно изданной и недорогой в соответствии со своим предназначением). Кто-то предпочтет банковский кредит, кто-то станет опираться на выпуск и продажу населению (почему, в самом деле, "Новый мир" ли, "Дружба народов" не могут выпустить собственные акции? Чем уж это такая дикая идея? Или создать собственную полиграфбазу?). Кто-то обратится к зарубежным издательским концернам или фондам. В принципе выход на мировой рынок в любой форме - эффективнейшее средство оптимизации социально-экономических процессов, введение иных критериев оценки и стандартов качества работы. А почему бы журналам не организовать свой собственный кооперативный банк развития и реконструкции журнального дела? Он бы взял на себя и поддержку новых журналов, например, кооперативных или изданий обществ и союзов.

Понятно, что это предполагает и иные правовые основания и формы деятельности журналов, требующие развития и проработки. Сегодня ни деятельность авторов, ни работа редакции никак юридически не обеспечены. Если у журналов будет "копирайт" (юридически оформленное право собственности на работу редакции, правовая оценка ее смысла с значимости), то они смогут быть независимыми от издательств, продавая им право переиздания. Напомним, что журналы - это острое литературного процесса: они создают движение в литературе, отбирая авторов, темы, образцы. Кроме того, располагая "копирайтом", соответственно, собственными средствами, они в состоянии более гибко строить свои отношения с авторами: автор будет получать не разовый гонорар по установленной сетке, а процент с продажи каждого экземпляра.

Проделанный анализ приводит к нескольким выводам. Журнал - специфический тип издания. Он соединяет усилия творческих групп интеллигенция (научной, художественной и др.) и более широких слоев читателей. Тем самым он осуществляет обобщение, перевод идей, проблематики, актуальной информации, передавая их от собственно специалистов какой-то одной дисциплины, отрасли знания или сферы деятельности к наиболее квалифицированной межпрофессиональной аудитории, затем - к активной части широкой публики, лиде-

рам общественного мнения, стремящимся быть в курсе основных вопросов общественной и культурной жизни. Важнейшая социальная роль литературно-художественного журнала, определяющая его место в динамике общественной жизни, — быть мостом между творческими группами в науке, культуре, литературе (а также "группами первого прочтения", обладающими самым широким диапазоном интересов и потребностей и нуждающимися в максимально разнообразной журнальной информации) и последующими категориями публики, ориентированными уже на отобранный и признанный материал, ставший авторитетным набором всего лучшего из современной словесности, публицистики и т.п.

Тем самым журнал выступает в качестве предпосылки или основы той научной и художественной литературы, которая позднее будет воспроизводиться в книжной форме из поколения в поколение. Динамика тиражей журналов (их резкий рост или падение), а также лакуны в структуре журналов, трудности перехода произведений и авторов в книжную культуру указывают на точки напряжения или больные места общественной жизни, диагностируют возникающие сложности отношений между различными группами общества. Специальный анализ выявил отсутствие таких значимых форм или типов журналов, как, например, междисциплинарные дискуссионные научные журналы, журналы общественного мнения, острой публицистики и социальной аналитики; периодические издания по социальной и политической истории, истории культуры и образа жизни; журналы, рассчитанные на особые самостоятельные социальные образования, жизнь которых выходит за пределы воздействия или контроля какого-то одного учреждения или ведомства (прежде всего это относится к таким важнейшим социальным целым, как семья и молодежные группы). Отсутствие разветвленной системы взаимодополняющих изданий для общесемейного чтения, для отдельных поколений внутри семьи разрушает сложные внутрисемейные связи, искусственно разделяет взрослых и детей, препятствует нормальному порядку передачи книжной и литературной культуры от поколения к поколению, цивилизации молодежи. Существующая культура пропускает такую важную возрастную фазу развития, как подростковую, отроческую, что отрицательно сказывается в дальнейшем на социальном самочувствии и поведении взрослеющих членов общества, порождая проблемы трудных подростков, незаполненного досуга, социальной (включая семейную и профессиональную) дезадаптации.

Как представляется, сегодняшняя издательская практика недоучитывает значительного повышения образовательного и культурного уровня населения, идущего с начала 70-х годов (следствие принятия закона о всеобщем среднем образовании, повлекшего за собой опережающее формирование групп с наиболее квалифицированным и сложным трудом). Именно эти группы предъявляют сегодня особые требования к расширению и качеству ассортимента книжной и журнальной продукции, а за ними следуют и на них ориентируются гораздо более широкие, но несколько более пассивные читательские группы. Первые оказываются в положении тех, кто создает репутацию произведения, выступает лидером общественного мнения. Поэтому именно для этих активных групп особенно остро стоит проблема расширения существующей структуры журналов, дополнение имеющейся системы, построенной на ведомственно-организационном принципе, рядом изданий, ориентированных на вновь образующиеся контингенты читателей.

Можно количественно оценить контингенты читателей и покупателей по их месту в процессе книжного распространения. Из всей группы "первого прочтения", определяющей, "что следует читать в первую очередь" прочим группам (отбирающей и рецензирующей весь поток литературной продукции в журналах) ее ядро, т.е. наиболее компетентная и авторитетная часть составляет примерно 500 тыс. чел. (Это примерно 10% от журнальной аудитории, те, кто читает в журналах не только прозу, но и критику, публицистику и т.п. - люди, обладающие высоким уровнем литературной культуры, большими домашними библиотеками и разнообразными запросами). К мнению этой группы прислушивается и следует ее рекомендациям контингент с достаточно высоким уровнем образования и культуры, от которого зависит собственно динамика поддержки журналов: это ядро широкой читательской публики (4-5 млн. чел.). Предельная же сфера распространения журналов, совпадающая с основной частью постоянных читателей, может быть оценена в 18-20 млн. нерегулярных читателей журналов. Они составляют половину всех активных и регулярно читающих людей в стране (40-45 млн. максимум), подавляющая часть которых - люди, "занимающиеся преимущественно умственным трудом", которых, по данным ЦСУ, в стране насчитывается 42 млн. чел. В свою очередь, этот круг читателей определяет тип и характер чтения людей, только еще входящих в мир книжной культуры (людей преимущественно среднего образования и ниже, подростков, пенсионеров и др.). Интенсивность чтения и книгопокупки дан-

ных категорий, объем домашней библиотеки, а также частота посещения государственных библиотек сравнительно невысоки, но массив их весьма значителен (в пределе - до 150 млн. чел.).

Если проследить характер чтения в каждой из этих схематически намеченных категорий, то можно утверждать, что с переходом от группы к группе в этой "пирамиде" скачкообразно сужается диапазон чтения, а следовательно, и уровень запросов, спектр возможностей получения книги (каналов книгораспределения) и соответствующей информации, сокращается тематическое многообразие и качество запрашиваемой и необходимой литературы, при том что численно контингенты, напротив, растут. Вместе с тем, чем более широкими являются круги читателей, тем более значимы для них книги, давно ставшие известными и популярными, многократно переиздававшиеся и т.д.; напротив, современные и вообще новые авторы здесь все менее авторитетны. Этот момент необходимо учитывать в организации книжного дела, в оценке планируемых тиражей образцовых, пользующихся повышенным спросом книг, с одной стороны, и современных, новых литературных произведений, с другой.

Прямым практическим следствием этого вывода должна стать отладка оперативной системы издания в соответствии с культурной дифференциацией читателей "журнал - книга", построенной по образцу "Популярной библиотеки". Необходима разветвленная система особых книжных серий или периодических выпусков, распространяемых как по подписке, так и в розницу, но в любом случае выходящих в режиме экспресс-издания.

1988 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Изменение тиражей
центральных литературно-художественных журналов

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1987г. в процентах к 1981г.
		1981 г.	1987 г.	
1.	Аврора	160	350	+118
		(1986г.-	115)	(+204)
2.	Знамя	170	277	+ 63
3.	Новый мир	350	490	+ 40
4.	Звезда	116	140	+ 20,7
5.	Юность	3000	3100	+ 3,3
6.	Роман-газета	2540	2500	0
7.	Иностранная литература	525	480	- 9
8.	Москва	495	430	- 13
9.	Нева	334	290	- 13
10.	Октябрь	218	185	- 15
11.	Огонек	1790	1500	- 16
12.	Молодая гвардия	870	640	- 27
13.	Дружба народов	240	160	- 33
14.	Наш современник	333	220	- 34
15.	Литературное обозрение	30	22,3	- 25,6
16.	Литературная учеба	25	20	- 20
17.	Советская драматургия (1982 г.-	30)	(23)	(- 23)

Таблица 2

Изменение тиражей литературно-художественных журналов,
выходящих на языках народов СССР

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1987г. в процентах к 1981г.
		1981 г.	1987 г.	
1.	Мнатоби (Тбилиси)	24	32	+33
2.	Имддыз (Ташкент)	5,1	6,6	+29
3.	Закошныч (Майкоп)	2,6	3,1	+19
4.	Советакан Гракануптон (Ереван)	8,6	10,1	+17
5.	Ялав (Чебоксары)	47	55	+17
6.	Карогс (Рига) 41 46 +12			
7.	Ала-тоо (Фрунзе)	55	61	+11
8.	Байгалай-толон (Улан-Удэ)	3,3	3,5	+ 6
9.	Гирун (Ереван)	64	68	+ 6
10.	Лооминг (Таллин)	20	21	+ 5
11.	Улдуз (Баку)	59,1	61,5	+ 4
12.	Хотугу Сулус (Якутск)	32	33,2	+ 3
13.	Пяргале (Вильнюс)	22	22	0
14.	Алашара (Сухуми)	7,2	6,9	- 5
15.	Прапор (Харьков)	11,1	10,5	- 5,5
16.	Амударья (Нукус)	29,5	26,9	- 9
17.	Жовтень (Львов)	19	17,2	-10
18.	Донбасс (Донецк)	20,5	18,3	-11
19.	Нямунас (Каунас)	60	53	-12
20.	Гракан Адрбеджан (Баку)	8,7	7,7	-13
21.	Войвыв Кудзув	5,8	5	-14
22.	Ончыко (Йошкар-Ола)	12	10,2	-15
23.	Агидель (Уфа)	60	50	-17
24.	Азербайджан (Баку)	68	56,6	-18
25.	Шарк Юлдузи (Ташкент)	210	170	-20
26.	Жулдыз (Алма-Ата)	222	173	-23
27.	Маладосць (Минск)	16,7	12,5	-26
28.	Садон Шарк (Душанбе)	35	25,7	-27
29.	Витчизна (Киев)	25	18,1	-28
30.	Беларусь (Минск)	21	15	-29

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1987г. в процентах к 1981г.
		1981 г.	1987 г.	
31.	Совет Эдибияты (Ашхабад)	39	27,1	-31
32.	Полымя (Минск)	11	7,5	-32
33.	Кенеш (Ижевск)	15	11,4	-31
34.	Казан Утлары (Казань)	102	65	-37
35.	Киев (с 1983 г.)	30,1	19,1	-37
36.	Весвит (Киев)	63,5	40,1	-37
37.	Нистру (Кишинев)	6,5	1986г. 3,6	-40
38.	Днипро (Киев)	77	38	-51

Таблица 3

*Изменение тиражей республиканских, краевых и областных
литературно-художественных журналов на русском языке*

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1987г. в процентах к 1981г.
		1981 г.	1987 г.	
1.	Даугава (Рига)	16	35	+119
		(1986 г.-	16)	
2.	Литературный Киргизстан	10,1	15,5	+ 53
3.	Звезда Востока (Ташкент)	117	177	+ 51
4.	Дальний Восток (Хабаровск)	34	50	+ 47
5.	Полярная звезда (Якутск)	-	10	+ 11
		(1986г.-	9)	(за два года)
6.	Простор (Алма-Ата)	63	68,2	+ 8
7.	Таллин	8	8,6	+ 7,5
8.	Подъем (Воронеж)	10	10	0
9.	Дон (Ростов-на-дону)	77	75	- 3
10.	Памир (Душанбе)	8,4	8,1	- 3,6
11.	Север (Петрозаводск)	21	20	- 5
12.	Байкал (Улан-Удэ)	26,5	(1985г.) 23,8	- 10
13.	Радуга (Киев)	49	41	- 17
14.	Литературная Армения	7,7	6,25	- 19
15.	Неман	146	115	- 21
16.	Литва литературная	8,2	6,1	- 25
17.	Кодры (Кишинев)	18	13,2	- 27
18.	Сибирские огни (Новосибирск)	123	90	- 27
19.	Волга (Саратов)	35	25	- 28,5
20.	Литературный Азербайджан	6	4	- 33,3
21.	Урал (Свердловск)	121	76	- 37
22.	Литературная Грузия	7,9	5,7	- 37
23.	Ашхабад	1,9	(1,2 - 1986г.- отд. №№1 1987 4,5)	0

Таблица 4

*Динамика тиражей толстых литературно-художественных журналов
Москвы и Ленинграда за 1987/88гг.*

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Дружба народов	155	800	+416
2.	Новый мир	490	1550	+135
3.	Нева	290	550	+ 89
4.	Знамя	277	500	+ 80
5.	Аврора	350	500	+ 42
6.	Роман-газета	2500	3500	+ 40
7.	Октябрь	185	250	+ 35
8.	Огонек	1500	1780	+ 19
9.	Москва	430	490	+ 14
10.	Молодая гвардия	640	710	+ 11

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
11.	Звезда	140	135	+ 10
12.	Наш современник	220	240	+ 9
13.	Юность	3100	3100	0
14.	Иностранная литература	485	400	- 18

Таблица 5

Динамика тиража массовых журналов за 1987/88гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Рыболов	910	1100	+20,8
2.	Работница	17600	19750	+12,2
3.	Крестьянка	17400	18900	+ 8,6
4.	Приусадебное хозяйство (прил. к "Сельской нови")	4475	4850	+ 8,3
5.	Здоровье	15600	16800	+ 7,6
6.	Крокодил	5300	5300	0

Таблица 6

Динамика тиража научно-популярных журналов за 1987/89гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Наука и религия	400	480	+20
2.	Семья и школа	2125	2375	+11
3.	Вокруг света	2800	2900	+ 4
4.	Человек и закон	10165	10300	+ 1
5.	За рулем	4700	4720	+ 0,1
6.	Радио	1500	1500	-
7.	Природа	55	54	- 2
8.	Наука и жизнь	3450	3200	- 3
9.	Радиотехника	36,9	34 000	-8
10.	Изобретатель и рационализатор	497,1	443,92	-11
11.	Техника - молодежи	1800	1600 т	-11
12.	Трезвость и культура	965,51	798,28	-17
13.	Химия и жизнь	290	240	-17
14.	Знание - сила	490	400	-18
15.	Русская речь	67	49,5	-26

Таблица 7

Динамика тиражей ведомственных журналов за 1987/88гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Литературное обозрение	22,3	23,9	+ 7
2.	Искусство кино	50	53	+ 6
3.	В мире книг	39,6	40,4	+ 2
4.	Театр	40	40	0
5.	Литературная учеба	20	20	0
6.	Советский экран	1710	1700	- 0,6
7.	Советская драматургия	23,2	23	- 0,7
8.	Советское библиотековедение	14,88	14,54	- 2
9.	Литература в школе	292,8	285,0	- 3
10.	Детская литература	60	58	- 3
11.	Библиотекарь	210,46	201,63	- 4
12.	Советское фото	245	230	- 6
13.	Советская потребительская кооперация	210	178,6	-15

Таблица 8

Динамика тиража академических журналов за 1987/88гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Философские науки	5,47	7,92	+45
2.	Социологические исследования	10,3	14,6	+42
3.	Вопросы истории	16	19	+18,8
4.	Вопросы экономики	43	35	+ 4,7
5.	Вопросы литературы	15	15,6	+ 4
6.	Вестник древней истории	7,1	7,35	+ 3,5
7.	Вопросы истории естествознания и техники	1,8	1,86	+ 3,1
8.	Вопросы философии	26	26	0
9.	Филологические науки	2,9	2,8	- 3,5
10.	Русская литература	13,3	12,8	- 4
11.	ЭКО	155	146,6	- 6
12.	Известия АН СССР. Отделение литературы и языка	2,9	2,7	- 7

Таблица 9

Динамика тиражей молодежных и детских (II) журналов за 1987/88гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Родник (Латв.)	15	25	+66
2.	Ровесник	1500	2400	+60
3.	Смена	1300	2000	+53,8
4.	Авотс (Родник)	85	115	+35
5.	Днипро	38	50	+31,6
6.	Нямунас (лит.)	53	62	+17
7.	Студенческий меридиан	700	810	+15,7
8.	Улдуз (азерб.)	61,5	69,2	+12,6
9.	Гарун (арм.)	68	74	+ 8,8
10.	Сельская молодежь	1400	1450	+ 3,5
11.	Маладоць (бел.)	12,5	10,9	-13
II				
1.	Юный техник	2000	2100	+ 5
2.	Юный натуралист	3000	3050	+ 1,6
3.	Муравейка	5500	5400	- 1,8
4.	Пионер	1750	1630	- 7

Таблица 10

Динамика тиражей республиканских литературно-художественных журналов, выходящих на русском языке, за 1987/88гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Литературный Киргизстан	14,2	45	+217
2.	Таллин	8,6	13	+ 51
3.	Памир	8,1	11,52	+ 42
4.	Ашхабад	4,5	5,917	+ 32
5.	Литва литературная	6,1	7,385	+ 21
6.	Радуга	41,1	45,536	+ 11
(№5 - 65)				
7.	Кодры	13	13,444	+ 3
8.	Литературная Грузия	5	5,1	+ 2
9.	Литературный Азербайджан	3,88	3,954	+ 2
10.	Простор	68,2	68,4	+ 0,1
11.	Даугава	35	35	0
12.	Литературная Армения	6,25	6,15	- 2
13.	Звезда Востока	177	173,328	- 2
14.	Неман	115	105	- 9

Таблица 11

Динамика тиража литературно-художественных республиканских (союзных) журналов на национальных языках в 1987/88 гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Жовтень (укр.)	17,2	24,3	+41,6
2.	Польмя (бел.)	7,5	8,5	+13
3.	Витчизна (укр.)	18,1	20,1	+10,9
4.	Пяргале (лит.)	22	24,1	+ 9,6
5.	Лооминг (эст.)	21	23	+ 9,5
6.	Ала-тоо (кирг.)	61	66,5	+ 8
7.	Вессвит (укр.)	40,1	42,1	+ 5
8.	Жуддыз (каз.)	173	174	+ 0,6
9.	Советакан граканутюн (арм.)	10,1	10,1	0
10.	Азербайджан	56,6	56,2	- 0,6
11.	Нистру	3,5	3,4	- 1,1
12.	Хотугу сулус	33,2	32,5	- 2,1
13.	Карогс (латв.)	46	45	- 2,2
14.	Беларусь	15	14,7	- 2,1
15.	Шарк юлдузи	170	161,1	- 5,3

Таблица 12

Динамика тиража литературно-художественных республиканских (авт.) журналов на национальных языках в 1987/88 гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Йылдыз (кр. татары)	6,6	7,1	+ 8,1
2.	Ялав (чуваш.)	55	57	+29
3.	Казан Утлары (тат.)	65	67	+ 3
4.	Омычко (мар.)	10,2	10,0	- 2
5.	Аму-Дарья (каракалп.)	26,9	25,5	- 5,1
6.	Алашара (абхаз.)	6,9	6,5	- 5,1
7.	Войвыв кудзув (коми-зырян.)	5	4,7	- 6
8.	Байгалай толон (бурят.)	3,5	3,2	- 8
9.	Закошныч (адыг.)	3,1	2,8	- 8,4
10.	Лит. дагестан:			
	Авар.	9,7	8,7	-10,4
	Лак.	2,1	2,4	+14,3
11.	Агидель (башк.)	50	42	-16

Таблица 13

Динамика тиража литературно-художественных областных и краевых журналов в 1987/88 гг.

№№ п/п	Название	Тираж (в тыс. экз.)		Рост/падение тиража 1988г. в процентах к 1987г.
		1987г.	1988 г.	
1.	Полярная звезда (Якутск)	10	15	+50
2.	Дон (Ростов н/Д)	75	80	+ 6
3.	Урал (Свердловск)	76	77	+ 1,3
			(№5- 87,5) (№5-+15)	
4.	Волга	25	25	0
5.	Дальний Восток	50	50	0
6.	Подъем	10	10	0
7.	Север	20	20	0
8.	Сибирские огни	90	90	0
9.	Байкал	23800	23776	- 0,1

Таблица 14

Динамика подписки на литературно-художественные журналы в Москве и Ленинграде

Название	1986 г.			1988 г.			
	Всего	Процент от суммарного тиража	Процент ведомственной подписки	Всего	Процент к 1986 г	Процент от суммарного тиража	Процент ведомственной подписки
1. Аврора	37855	32,9	12,6	127011	+ 235,5	25,4	3,0
2. Дружба народов	10452	6,7	38,5	181263	+1634,2	22,7	3,3
3. Звезда	13693	11,4	41,0	26928	+ 96,6	17,4	20,0
4. Знамя	23505	9,4	26,5	109109	+ 364,2	21,8	6,5
5. Иностранная литература	83008	17,3	8,0	50686	- 39,0	12,1	11,6
6. Молодая гвардия	12843	2,0	-	17844	+ 38,9	2,5	21,5
7. Москва	28144	6,5	26,5	65265	+ 131,9	13,4	18,0
8. Наш современник	24100	11,0	25,3	33030	+ 37,0	13,8	18,8
9. Нева	23724	8,2	25,3	140129	+ 490,6	25,3	4,4
10. Новый мир	119069	28,1	-	467936	+ 292,9	40,7	1,9
11. Огонек	11813	1,2	34,0	226000	+1101,3	12,8	3,2
12. Октябрь	16147	0,5	38,0	54850	+ 240,1	22,0	12,8
13. Роман-газета	69823	3,7	3,8	245825	+ 253,0	7,0	1,9
14. Юность	288304	8,7	3,1	335290	+ 16,2	10,8	2,8

Таблица 15

Динамика подписки на массовые, научно-популярные и молодежные журналы в Москве и Ленинграде.

Название	1986 г.			1988 г.			
	Всего	Процент от суммарного тиража	Процент ведомственной подписки	Всего	Процент к 1986 г	Процент от суммарного тиража	Процент ведомственной подписки
1. Вокруг света	150553	5,3	3,7	153301	+ 1,8	5,2	3,2
2. Знание - сила	69743	11,9	1,2	57349	- 17,8	14,3	1,4
3. Наука и жизнь	327773	9,6	1,6	309746	- 5,2	9,7	1,4
4. Техника молодежи	113491	6,2	4,4	109201	- 3,4	6,8	5,2
5. За рулем	113244	4,6	3,1	114122	+ 0,7	2,9	1,7
6. Человек и закон	309810	3,0	2,75	304915	- 1,5	2,9	2,6
7. Семья и школа	184091	6,6	-	212836	+ 15,6	6,9	-
8. Здоровье	672999	4,2	0,9	702878	+ 4,4	4,2	0,75
9. Крестьянка	788252	4,8	0,35	835658	+ 6,0	4,4	0,4
10. Работница	1100193	6,9	0,35	1277903	+ 7,3	6,5	0,45
11. Смена	57184	4,9	10,0	-	-	-	-
12. Сельская молодежь	72307	4,8	3,35	82093	+ 13,5	5,6	2,4
13. Ровесник	85268	7,5	3,5	177758	+108,4	7,4	2,4
14. Студенческий меридиан	42582	6,0	4,4	54158	+ 27,1	6,7	4,2

Таблица 16

Динамика подписки на академические журналы в Москве и Ленинграде

Название	1986 г.			1988 г.			
	Всего	Процент от суммарного тиража	Процент ведомственной подписки	Всего	Процент к 1986 г	Процент от суммарного тиража	Процент ведомственной подписки
1. Вестник древней истории	689	10,4	18	761	+10,4	-	14
2. ВИАЕТ	347	8,2	60	363	+4,6	-	49,5
3. Вопросы истории	2052	9,8	43,5	2341	+23,8	13,4	33,3
4. Вопросы литературы	2338	12,8	35,3	2862	+19,8	19,0	28,3
5. Вопросы философии	4902	16,1	51	4956	+1,1	19,0	43,3
6. Вопросы экономики	6638	13,3	72,5	7049	+5,8	13,7	62,5
7. Социологич. исследования	1876	20,4	53	2688	+43,3	18,4	34,0

Таблица 17

Динамика подписки на ведомственные журналы в Москве и Ленинграде

Название	1986 г.			1988 г.			
	Всего	Процент от суммарного тиража	Процент ведомственной подписки	Всего	Процент к 1986 г	Процент от суммарного тиража	Процент ведомственной подписки
1. В мире книг	1908	4,5	72,5	2153	+12,8	5,3	36,0
2. Детская литература	1889	3,8	32,9	2275	+20,4	3,9	25,3
3. Искусство кино	2842	3,6	48,5	4414	+55,3	8,3	29,0
4. Литературное обозрение	1574	3,9	-	-	-	-	-
5. Литературная учеба	979	3,1	18,4	-	-	-	-
6. Советский экран	34847	2,0	11,0	31579	-9,4	-1,9	10,3
7. Современная драматургия	3772	17,9	13,7	4071	+7,9	17,7	14,5
8. Театр	4158	12,7	33,5	4543	+9,2	11,3	32,0

Таблица 18

Динамика подписки на академические журналы в 11 городах с населением свыше 1 млн. человек

Название	1986 г.				1988 г.				
	Всего	Процент от суммарного тиража	Процент подписки в селе	Процент ведомственной подписки	Всего	Процент к 1986 г	Процент от суммарного тиража	Процент подписки в селе	Процент ведомственной подписки
1. Вестник древней истории	656	10	7,4	22,3	631	-3,8	-	8	11
2. ВИАЕТ	209	11	2,3	52,1	178	-15	-	3	38
3. Вопросы истории	1238	8	14,7	44,8	1579	+23	8,3	12	29
4. Вопросы литературы	2320	15,7	10,6	51,5	1105	-52,4	7	10	39
5. Вопросы философии	2675	10,7	5	52,1	2627	-1,8	10,1	6	32
6. Вопросы экономики	5162	11,8	10,2	80,1	4431	-14,2	9,8	8	57
7. Социологич. исследования	1021	11,1	3,8	58,5	1655	+62,1	11,3	3	41